

ISSN 2618-849X

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

*History, Archeology and
Ethnography of the Caucasus*

**Т. 21
№ 3. 2025**

**Издание
Института
истории, археологии
и этнографии
Дагестанского
федерального
исследовательского
центра РАН**

ФГБУН ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ДАГЕСТАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE CAUCASUS

Т. 21

№ 3. 2025

Махачкала, 2025

ИСТОРИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ КАВКАЗА

Учредитель: ФГБУН Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
Издается по решению Ученого совета Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН с 2005 г.
(ранее Вестник Института истории, археологии и этнографии. Свид. о рег. ПИ № ФС77-49956).
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-72534 от 28 марта 2018 г.
Периодичность: 4 выпуска в год

Главный редактор

Амирханов Хизри Амирханович, Институт археологии РАН, Россия

Первый заместитель главного редактора

Далгат Эльмира Муртузалиевна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Заместитель главного редактора

Мусаева Майсарат Камиловна,

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Редакционный совет

Аликберов Аликбер Калабекович, Институт востоковедения РАН, Россия
Булатов Башир Булатович, Дагестанский государственный университет, Россия
Деревянко Анатолий Пантелеевич, Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Россия
Каймарзов Гани Шихвалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Кемпер Михаэль, Университет Амстердама, Нидерланды
Мацузато Кимитака, Токийский университет, Япония
Мусебли Наджаф Алескер оглу, Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Мустафаев Шаин Меджид оглы, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Наумкин Виталий Вячеславович, Институт востоковедения РАН, Россия
Рейнольдс Майкл, Принстонский университет, США

Редакционная коллегия

Абдулмажидов Рамазан Султанович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Абдулвахабов Бирлант Борз-Алиевна, Чеченский государственный университет, Россия
Alizadeh Karim S, Государственный Университет Гранд-Велли, Мичиган, США
Аникеева Татьяна Александровна, Институт востоковедения РАН, Россия
Анчабадзе Юрий Дмитриевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия
Аракелова Виктория Александровна, Российско-Армянский (Славянский) Университет, Армения
Бабаджанов Бахтияр Мирашмович, Институт востоковедения им. Абу Райхана Беруни Академии Наук Республики Узбекистан, Узбекистан
Барамидзе Цира Ревазовна, Институт кавказоведения Тбилисского государственного университета, Грузия
Бобровников Владимир Олегович, Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, Россия
Бустанов Альфريد Кашафович, Амстердамский университет, Нидерланды
Гаджиев Муртазали Серажутдинович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Гванцеладзе Теймураз Ионович, Сухумский государственный университет, Грузия
Гелашвили Нана Георгиевна, Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили
Зиливинская Эмма Давидовна, Институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Россия
Казанский Михаил Михайлович, French National Centre for Scientific Research, Франция
Капустина Екатерина Леонидовна, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия
Квициани Джони Джокиевич, Тбилисский государственный университет, Грузия
Кудаева Светлана Григорьевна, Майкопский государственный технологический университет, Россия
Магомедханов Магомедхан Магомедович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Максимчик Андрей Николаевич, Белорусский государственный университет, Белоруссия
Малашев Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН, Россия
Марзоев Ислам-бек Темурканович, Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН, Россия
Мастыкова Анна Владимировна, Институт археологии РАН, Россия
Муминов Аширбек Курбанович, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, Казахстан
Obrusanszky Borbala, Karoli Gaspar University, Венгрия
Осмаев Аббаз Догиевич, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Россия
Reinhold Sabine, Deutsches Archäologisches Institut, Германия
Rodrigue Barry H, Международный Университет Симбиоза, Индия
Сулейманова Севда Алиевна, Институт востоковедения им. академика З.М. Буниятова Национальной академии наук Азербайджана, Азербайджан
Табатабайи Сейед Хусейн, Восточноевропейский департамент Организации культурных и исламских связей Исламской Республики Иран, Иран
Таймазов Артур Исрапилович, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Тетуев Алим Инзрелович, Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН, Россия
Шихалиев Шамиль Шихалиевич, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия
Эрлих Владимир Роальдович, Государственный музей Востока, Россия
Ярлыкапов Ахмет Аминович, Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел РФ, Россия

Исполнительный директор

Мусаев Махач Абдулаевич

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Ответственный секретарь

Капланова Лейла Шамильевна

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

Переводчик

Сефербеков Магомедхабиб Русланович

Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, Россия

На обложке изображен элемент народного орнамента Дагестана
Ответственность за высказывания, точность цитат, фактов, названий и имен несут авторы
Мнение редакции может не всегда совпадать с точкой зрения авторов
При использовании материалов журнала ссылка обязательна

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2025
© Все авторы, Т. 21. №3. 2025

Адрес редакции: 367030, Махачкала, ул. М. Ярагского, 75
Тел.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

HISTORY, ARCHEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE CAUCASUS

Founder: Daghestan Federal Research Centre of RAS Issued by decision of the Academic Council
of the Institute of History, Archeology and Ethnography of DSC RAS since 2005
(formerly as Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography. Reg. cert. PI № FS77-49956)
The journal is registered with the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media (ROSKOMNADZOR)
Registration certificate PI № FS77-72534 of March 28, 2018
Periodicity: 4 issues per year

Editor-in-Chief

Khizri A. Amirkhanov The Institute of Archeology of RAS

Vice Editor-in-Chief

Elmira M. Dalgat Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Deputy Editor-in-Chief

Maysarat K. Musaeva Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS

Editorial council

<i>Alikber K. Alikberov</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation	<i>Kimitaka Matsuzato</i> , University of Tokyo, Graduate Schools for Law and Politics, Japan
<i>Bashir B. Bulatov</i> , Daghestan State University, Russian Federation	<i>Nadzha A. Museibli</i> , Azerbaijan National Academy of Science, Institute of Archaeology and Ethnography, Azerbaijan
<i>Anatoliy P. Derevyanko</i> , The Institute of archaeology and ethnography of the Siberian Branch of the RAS, Russian Federation	<i>Shain M. Mustafaev</i> , Z. Bunyatov Institute of Oriental Studies, Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Gani S. Kaymarazov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS	<i>Vitaliy V. Naumkin</i> , Institute of Oriental Studies of RAS, Russian Federation
<i>Michael Kemper</i> , University of Amsterdam, Netherlands, Netherlands	<i>Michael A. Reynolds</i> , The Princeton University, United States

Editorial board

<i>Ramazan S. Abdulmazhidov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Magomedkhan M. Magomedkhanov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Birlant B. Abdulvakhobova</i> , Chechen State University, Russian Federation	<i>Andrey N. Maksimchik</i> , Belarusian state University, Belarus
<i>Karim S. Alizadeh</i> , Grand Valley State University, Michigan, United States	<i>Vladimir Y. Malashev</i> , The Institute of Archeology Russian Academy of Science, Russian Federation
<i>Tat'yana A. Anikeeva</i> , Institute of Oriental studies, Russian Federation	<i>Islam-bek T. Marzoev</i> , V.I. Abaev North Osetian Institute of Humanitarian and Social Research of the Vladikavkaz Scientific Center of the RAS, Russian Federation
<i>Yuriy D. Anchabadze</i> , The N.N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Anna V. Mastykova</i> , The Institute of Archeology RAS, Russian Federation
<i>Viktoriya A. Arakelova</i> , Russian – Armenian University, Armenia	<i>Ashirbek K. Muminov</i> , L.N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan
<i>Bakhtiyar M. Babadjanov</i> , The Institute of Eastern studies of Academy of Science of the Republic of Uzbekistan, Uzbekistan	<i>Borbala Obrusanszky</i> , Karoli Gaspar University, Hungary
<i>Tsira R. Baramidze</i> , Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Abbas D. Osmayev</i> , The H.I. Ibrahimov Complex Scientific Research Institute of RAS, Russian Federation
<i>Vladimir O. Bobrovnikov</i> , The Institute of Eastern studies of RAS, Higher School of Economics, National Research University Saint Petersburg, Russian Federation	<i>Reinhold Sabine</i> , Deutsches Archäologisches Institut, Germany
<i>Alfrid K. Bustanov</i> , University of Amsterdam, Netherlands	<i>Rodrigue Barry H</i> , Symbiosis International University, India
<i>Murtazali S. Gadzhiev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation	<i>Sevda A. Suleymanova</i> , Bunyatov Z. Institute of Oriental Studies of the Azerbaijan National Academy of Science, Azerbaijan
<i>Teimuraz I. Gvantseladze</i> , Sukhumi State University, Georgia	<i>Seyed Hussein Tabatabayi</i> , Eastern European Department Of the organization of cultural and Islamic relations of the Islamic Republic of Iran, Iran
<i>Nana G. Gelashvili</i> , Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Artur I. Taymazov</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Emma D. Zilivinskaya</i> , N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Russian Federation	<i>Alim I. Tetuev</i> , Institute of Humanitarian Studies of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the RAS, Russian Federation
<i>Michel M. Kazanski</i> , French National Centre for Scientific Research, France	<i>Shamil' S. Shikhaliev</i> , Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation
<i>Ekaterina L. Kapustina</i> , Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of RAS, Russian Federation	<i>Vladimir R. Erlikh</i> , State Museum of Oriental Art, Russian Federation
<i>Jony J. Kvitsiany</i> , Institute of Caucasology at Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia	<i>Akhmet A. Yarlykapov</i> , MGIMO University, Russian Federation
<i>Svetlana G. Kudaeva</i> , Maikop State Technological University, Russian Federation	

Managing Director

Makhach A. Musaev
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Responsible Secretary

Leyla S. Kaplanova
Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Federal Research Centre of RAS, Russian Federation

Translator

Magomedkhabib R. Seferbekov
The Institute of History, Archeology and Ethnography of the
Daghestan Scientific Centre of Russian Academy of Sciences,
Russian Federation

The cover image depicts an element from Daghestan's folk art tradition
Responsibility for statements, accuracy of citations, titles and names
rests with the authors
The opinion of publishing authors may not always coincide with the
opinion of the editorial staff
If using materials from this journal, an electronic link is required

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025
© All authors, V. 21. № 3, 2025

Address of the editorial office: 367030, Makhachkala,
M. Yarakskogo St., 75
Tel.: 89285845554, E-mail: caucasushistory@yandex.ru

В этом номере:

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ

ИСТОРИЯ

Горбаннежад П.	ИЗУЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ АРМЕНИИ И АРРАНА В X ВЕКЕ	416
Казарян Р.П.	ПЕРВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ АРМЯНСКИМ НАГОРЬЕМ И ЕГИПТОМ	429
Бабаджанов Б.М., Медерова Д.Е.	«В МИР ИНОЙ СО СВОИМИ ПРИПАСАМИ». ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ НА НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ МУСУЛЬМАНСКИХ СВЯТЫНЬ ЕВРАЗИИ И КАВКАЗА	438
Баразбиев М.И., Богатырев А.А.	ЭПИГРАФИКА МОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ БАЛКАРСКИХ АРИСТОКРАТОВ С КЛАДБИЩА С. ВЕРХНИЙ ЧЕГЕМ И ИХ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ	455
Абдусаламов М.-П.Б.	ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ШАМХАЛОВ И ЗАСУЛАКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ С РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА	471
Бухарин М.Д.	АКАДЕМИК В.В. БАРТОЛЬД И КАВКАЗОВЕДЕНИЕ	483
Маньшиев С.Б.	«...БОРОЛСЯ... ЗА УСПЕШНОЕ ПРОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЧЕЧНИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ»: АБДУРАХМАН АВТОРХАНОВ И РАННЯЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ	491

АРХЕОЛОГИЯ

Атаев Г.Д.	ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ЭТАПА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ	502
Абрамова А.Н.	СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЧЕРКЕСЫ ПО ДАННЫМ КРАНИОМЕТРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ «ГОС. №258» И «ГОСТАГАЕВСКАЯ-1»)	522
Маммаев М.М.	ДЕКОРАТИВНО ОТДЕЛАННЫЕ НАДМОГИЛЬНЫЕ СТЕЛЫ XV В. ИЗ С. КУБАЧИ С ИМЕНАМИ АЛЛАХА, ПОСЛАННИКА МУХАММАДА И ХАЛИФА АЛИ ИБН АБИ ТАЛИБА	533
Сеидов А.Г., Мамедова А.М., Рустамова Л.М.	ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ	542
Зиливинская Э.Д., Мягкова Ю.Я.	АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ВЕРХНЕНОЙБЕРСКОЕ 1	559

ЭТНОГРАФИЯ

Куринских П.А.	ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ НА ПРИМЕРЕ ШАПСУГОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА	588
Лакунова Д.Р.	ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАБАРДИНЦЕВ В 20-Х ГОДАХ XXI в.: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ПСЕВДООРТОДОКСИЕЙ	600
Чолакян А.М., Галстян А.А.	ШВОТ И ИШВУТ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (ПО АРМЯНСКИМ НИЗШИМ МИФОЛОГИЧЕСКИМ ПЕРСОНАЖАМ)	608

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Сиражудинова С.В.	Рецензия на монографию О.С. Мутиевой «Повседневная жизнь дагестанской женщины. Кавказская война и социокультурные перемены XIX века». М.: Литературное обозрение, 2024. ISBN 978-5-4448-2423-8	618
-------------------	--	-----

Contents:

MATERIALS AND RESEARCHES

HISTORY

<i>P.Ghorbannejad</i>	STUDY OF THE ECONOMIC SITUATION DURING THE 10th CENTURY AD	416
<i>R. Ghazaryan</i>	THE FIRST EVIDENCE OF INTERACTION BETWEEN THE ARMENIAN HIGHLAND AND EGYPT	429
<i>B.M. Babajanov, D.E. Mederova</i>	“TO THE OTHER WORLD WITH OWN SUPPLIES”: VISUAL SYMBOLS ON MUSLIM FUNERARY MONUMENTS IN EURASIA AND THE CAUCASUS	438
<i>M.I. Barazbiev, A.A. Bogatyrev,</i>	EPIGRAPHY OF THE GRAVE MONUMENTS OF THE BALKARIAN ARISTOCRATS FROM THE CEMETERY OF VERKHNY CHEGEM VILLAGE AND THEIR BIOGRAPHICAL DATA	455
<i>Abdusalamov M.-P. B.</i>	ECONOMIC RELATIONS BETWEEN SHAMKHALS AND ZASULAK RULERS AND THE RUSSIAN ADMINISTRATION IN THE CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY	471
<i>M.D. Bukharin</i>	ACADEMICIAN V.V. BARTOLD AND CAUCASIAN STUDIES	483
<i>S.B. Manyshv</i>	“...FOUGHT... FOR THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE PARTY’S GENERAL LINE IN THE CONDITIONS OF CHECHNYA”: ABDURAKHMAN AVTORKHANOV AND EARLY SOVIET HISTORIOGRAPHY OF RUSSIAN-CAUCASIAN RELATIONS	491

ARCHEOLOGY

<i>G. D. Ataev</i>	ARCHEOLOGY BURIAL SITES OF THE LATE KAYAKENT-KHOROCHOY CULTURE: CHRONOLOGY AND CULTURAL SIGNIFICANCE	502
<i>A.N. Abramova</i>	CRANIOMETRIC STUDY OF MEDIEVAL CIRCASSIANS: EVIDENCE FROM GOSUDARSTVENNIY NO. 258 AND GOSTAGAEVSKAYA-1 BURIAL GROUNDS	522
<i>Mammaev M.M.</i>	FIFTEENTH-CENTURY DECORATED TOMBSTONES FROM KUBACHI BEARING THE NAMES OF ALLAH, THE PROPHET MUHAMMAD AND CALIPH ALI IBN ABI TALIB	533
<i>A.G. Seyidov, A.M. Mammadova, L.M. Rustamova</i>	UNDERWATER ARCHEOLOGY IN AZERBAIJAN: CURRENT STATE AND PROSPECTS	542
<i>E.D. Zilivinskaya, Yu.Ya. Myagkova</i>	ARCHEOZOOLOGICAL STUDIES OF VERKHNENYBERSKOYE 1 SETTLEMENT	559

ETHNOGRAPHY

<i>P.A. Kurinskikh</i>	CYBERETHNOGRAPHY AND ETHNIC IDENTITY: A CASE STUDY OF THE SHAPSUGS OF THE WESTERN CAUCASUS	588
<i>D.R. Lakunova</i>	FUNERAL AND COMMEMORATIVE RITES AMONG THE KABARDIANS IN THE 1920S: BETWEEN TRADITION AND ISLAMIC PSEUDO-ORTHODOXY	600
<i>H.M. Tcholakian, H.H. Galstyan</i>	SHVOT AND ISHVUT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF ARMENIAN LOWER MYTHOLOGICAL CHARACTERS	608

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>S.V. Sirazhudinova</i>	Review of O.S. Mutieva’s monograph “The Everyday Life of a Dagestan Woman. The Caucasian War and Sociocultural Changes in the 19th Century.” Moscow: Literaturnoe Obozrenie, 2024. ISBN 978-5-4448-2423-8	618
---------------------------	---	-----

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213416-428>

Research paper

Parisa Ghorbannejad

Associate Professor

Department of The History of Islamic Culture and Civilization, Theology Faculty

Alzahra University, Tehran, Iran

Ghorbannejad@alzahra.ac.ir

STUDY OF THE ECONOMIC SITUATION OF ARMENIA AND ARRAN DURING THE 10th CENTURY AD

Abstract. The study of medieval Islamic lands' social and economic conditions is central to understanding the history of Islamic civilization. Arran and Armenia, as frontier regions of the Islamic world, retained significant political and economic importance during the 10th century. This study examines the economic conditions of Arran and Armenia in the 10th century, focusing on their production and trade. Analysis of written sources reveals that economic activity flourished under the rule of the Sajid (889–930 CE), Sallarid (941–980 CE), and Rawwadid (981–1071 CE) dynasties, which controlled much of Arran and Armenia. Policies such as minting coins, reducing taxes and tributes, and fostering relations with local rulers led to increased agricultural, livestock, and industrial production, driving economic growth in these regions. Furthermore, the establishment of international markets and the availability of diverse goods facilitated exports to other regions and the importation of essential commodities for Islamic lands. Through trade expansion, Arran – and particularly Armenia – emerged as a vital commercial hub within the Islamic world. Consequently, the strategic use of abundant natural resources and favorable trade conditions enabled local populations to meet their daily needs and sustain economic activities, despite the disruptions caused by warfare.

Keywords: Arran; Armenia; economy; products; trade; Sajid dynasty; Sallarid dynasty; Rawwadid dynasty

For citation: P. Ghorbannejad. Study of the economic situation of Armenia and Arran during the 10th century ad. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 416-428. doi.org/10.32653/CH213416-428

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213416-428>

Исследовательская статья

Горбаннежад Париса
профессор

Кафедра истории исламской культуры и цивилизации теологического факультета
Университета Аль-Захра, Тегеран, Иран
Ghorbannejad@alzahra.ac.ir

ИЗУЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ АРМЕНИИ И АРРАНА В X ВЕКЕ

Аннотация. Изучение социально-экономического положения в средневековых исламских странах является одной из актуальных проблем в исследовании истории исламской цивилизации. Арран и Армения, как границы исламского мира, продолжали сохранять свою политическую и экономическую важность в X веке. Данное исследование рассматривает экономическую ситуацию Аррана и Армении в X в. с точки зрения их производства и торговли. На основе анализа полученных данных письменных источников становится ясным, что экономическая деятельность населения в этих странах была облегчена, когда правители династий Саджидов (889–930 гг.), Салларидов (941–980 гг.) и Раввадидов (981–1071 гг.) владели большей частью земель Аррана и Армении. Чеканка монет, снижение налогов, дани и взаимодействие с местными правителями, увеличение сельскохозяйственного, скотоводческого и промышленного производства способствовали экономическому росту этих регионов. В конечном итоге создание международных рынков и поставка различных товаров облегчали экспорт товаров в другие страны, а импорт товаров обеспечивал потребности исламских стран. С расширением торговли Арран и особенно Армения стали важными коммерческими центрами исламского мира. Таким образом, усилия людей по использованию обильных природных ресурсов и торгового положения позволили им удовлетворять свои повседневные нужды и заниматься экономической деятельностью, несмотря на разрушения, вызванные войной.

Ключевые слова: Арран; Армения; Экономика; Продукты; Торговля; Династия Салларидов; Династия Саджидов; Династия Раввадидов

Для цитирования: Горбаннежад П. Изучение экономической ситуации Армении и Аррана в X веке // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 3. С. 16-428. doi: [org/10.32653/CH213416-428](https://doi.org/10.32653/CH213416-428)

Introduction

In the 10th century, Islamic lands experienced economic growth driven by increased production and commercial exchange. However, political disturbances and wars made it challenging to accurately assess the economic conditions of Arran and Armenia. Semi-independent rulers, preoccupied with military preparations, largely refrained from intervening in economic activities. Despite these conflicts, the regions maintained prosperous economies, largely due to their favorable geographical features and agricultural wealth. This study adopts a descriptive-analytical approach, drawing on primary sources such as the works of 9th- to 11th-century travelers and geographers, as well as texts like *Futūḥ* and *Kharāj*, which provide valuable information on the taxation system and related economic data.

1. The geography

The historians and geographers of the early Islamic centuries mentioned the two countries of Arran and Armenia as frontiers of the Islamic land [Fig. 1], that had access to the west-east and south-north communication routes through Azerbaijan, the western shores of the Caspian Sea [1, p. 159], and the eastern shores of the Black Sea [2, p. 91]. Geographers defined the boundaries of Arran and Armenia based on their observations and reports. In the 10th century, the political governance of Azerbaijan, Arran, and Armenia was unified to some extent. However, the boundaries of short-lived dynasties and local rulers frequently shifted due to military conflicts. Additionally, the economic, cultural, and ethnic ties among Arran, Armenia, and Azerbaijan blurred the distinctions between their cities, complicating efforts to separate them. Consequently, geographers held differing opinions regarding the classification of cities in these regions [3, p. 87].

The name “Caucasian Albania” or “Arran”¹ and its geographical area are documented in various forms across the works of Roman, Byzantine, Armenian, Iranian, and Arab historians and geographers [4, pp. 18–19, 22].² As a result, studying this region presents significant challenges. Islamic geographers did not recognize Arran as an independent entity until the first half of the 10th century. Instead, they considered it a part of Armenia, encompassing the cities of Shīrwān (Ervin), Baylaqān, Qabala, Shakkī (Šakkī), and Shamkūr [9, p. 121; 10, pp. 122–123; 11, p. 145; 12, p. 286–287].³ However, the geographers of the late 10th century mentioned Arran as an independent country alongside Azerbaijan and Armenia and stated that it encompassed more cities such as Bāb al-Abwāb, Shīrwān, Tbilisi, Abkhāz, Baku, Bardij, and Khūnān⁴ among other, and determined its boundaries [16, pp. 154–159; 1, p. 155–156; 17, p. 91].⁵ Soviet and Russian scholars have conducted numerous studies to clarify this issue.⁶ In this article, we delineate the boundaries of Arran based on Ibn Ḥawqal’s book. Ibn Ḥawqal, who traveled to this region in the late 10th century, documented his observations by conducting research and gathering data from reliable sources.

Ibn Ḥawqal (367 AH) limited the border of Arran to the Aras River from the south and to the Caucasus Mountains from the north. Furthermore, he limited it to the Caspian Sea from the east and to Tbilisi and the continuation of the Caucasus Mountains from the west [2, pp. 81, 91, 129].

1. Greek and Byzantine historians and geographers called this land “Albania”. Albania is mentioned in Armenian works as *Aghvan* (Aghvank) or *Aluan* (Aluank) [4, p. 21]. Iranians were their southern neighbor and referred to this region as *Ardān* (اردان) or *Ārān* (اران). Finally, the Islamic geographers, especially Arabs, called it *al-Rān* (الران) or *Arrān* (اران). Kasravi and Barthold have similar views on the names that were used by the Islamic geographers [5, pp. 242–4; 6, p. 554]. Another important point is that the identification of Allan with Arran is confusing since they were two separate areas [7, p. 2/775].

2. The ancient and post-Christian geographers have focused on this geographical area. Strabo considered Albania bounded on the north by the Ceraunian mountains, an extension of the Caucasus, on the east – by the Caspian Sea, and on the south – by the lower course of the Araxes (Aras); on the west its frontiers were unstable: the frontier along the Kura [8, p. 453 (11.14.5)].

3. Mentioning the name of Arran as a region alongside the other regions could indicate the small size of its land. As a result, Arran was not mentioned as an independent country in the governmental divisions. “This issue is in accordance to some extent with the data that were provided by pre-Islamic geographers and Russian and Soviet researchers. Arran in the narrow sense of the word was understood to include the area between the Araxes and the Kur [13, p. 227; 14, p. 21].

4. Perhaps Khūnān (Jūbānt), half-way between Tiflis and Janza [1, p. 189], it stood on a large mound and was also called Qal’at al-turab [15, p. 25].

5. “Arran is a land that looks like an island. It is located between the Caspian Sea and the Aras River and is bisected by the Nahr al-Molk (King River refer to Kura River)” [18, p. 2/554].

6. Yanovski mentions the ancient geographers’ works and states that “ancient Albania was located in the plains of Alazonius (Alazan), Shakkī, and Shīrwān [19, pp. 97–136, 161–203]. Likewise, Marquart pointed out that Albania included the lands of Shīrwān, Shakkī, Qabala, and Mūqān (Mūgān) that were located between Kura River and Aras River. Similarly, Barthold noted that ancient Albania was later called Arran. According to him, Albania was located between Derbent, Tbilisi, and Aras River [20, p. 118]. Therefore, it can be concluded that the border of Albania (Arran) has been limited to the plains between the Aras and Kura rivers.

Moreover, the other geographers have determined the boundaries of Arran in an independent way. Nonetheless, there are differences between the mentioned cities [18, 2/554; 21, p. 307].

Fig. Ibn Ḥawqal's map of Armenia and Arran in *Kitāb ṣūrat al-arḍ*

Рис. Карта Армении и Аррана Ибн Хаукаля в «Китаб сурат ал-ард»

Most geographers have recognized Armenia as an independent country and defined its boundaries.⁷ However, their opinions on its boundaries and divisions vary. Some have divided it into four parts [10, p. 122–123] or three parts [11, p. 145]. Ibn Ḥawqal, however, divided it into two parts: the internal and external parts. As Ibn Ḥawqal noted, the boundaries of external Armenia were “from the east limited to Barḍa‘a, from the west limited to Jazīrah, from the south limited to Azerbaijan and Jazīrah, and from the north limited to the Roman that are located near Qālīqalā”. Nonetheless, internal Armenia included the northern cities such as Dabīl, Nakjavān, and Qālīqalā [2, p. 307]. There were a number of conflicts between the local rulers and the rulers of Azerbaijan. Moreover, Armenia which was the border of the Islamic world against Rome was involved in the wars and was affected by the changes in territorial boundaries. Other geographers of the 10th century have determined its boundaries [1, p. 158; 12, p. 129].

Geographers have defined the boundaries of Arran and Armenia, but distinguishing their cities remains challenging due to territorial changes, shifts in ruling dynasties, and strong economic ties between them [3,

7. “The boundary of Armenia extends from Barḍa‘a to Bāb al-Abwāb. Moreover, it extends to the boundary of Rome on this side, and to Mount Qabkh, the kingdom of Sarīr (arḍ al-Sarīr), and the kingdom of Lakz (Lezgi)” [12, p. 129].

p. 79]. This study compares cities identified in geographical sources as belonging to either Arran or Armenia with those listed in *Ṣūrat al-Arḍ*. The selected cities were then analyzed. In total, this article examines 19 cities in Arran and 22 cities in Armenia. Notably, sufficient information is available regarding the economic status of all selected cities in these regions.

2. Political Situation

In the late 9th century and early 10th century, the countries of Azarbaijan, Arran, and Armenia were under the rule of Yusuf ibn Abī'l Sajj (901–927 AD), the founder of the Sajid dynasty. The Abbasid caliphs, in line with their policies and response to the requests of the local population, decided to grant the Emirate of these areas to the local rulers [22, p. 6/95; 23, p. 8/349]. Subsequently, the Sallarid families asserted control over many parts of Georgia, Shīrwān, Shakkī, Abkhāz, and imposed tribute payments on the inhabitants [2, p. 100]. Then the Rawwadid dynasty annexed Arran and Armenia to their land in addition to Azerbaijan.

These dynasties ruled most of the cities of Azerbaijan and had less control over the of Arran and Armenia. Therefore, some parts were governed by local rulers who accepted the taxation of Marzban and had an agreement [2, p. 95] with Abu al-Qasim Ja'far vizier of Sallarids [2, p. 99-100; 5, p. 109]. These rulers involved Shīrwānshāh,⁸ Vashqan bin Musa ruler of Jurzān,⁹ Abu al-Hija son of Rawad, Abu al-Qasim Khizāni,¹⁰ the Deirani¹¹ sons, the Sanbat sons, and Sankhārīb the King lord of Asūr [2, p. 95].¹² However, the Armenian chronicles do not mention those local Armenian rulers who paid tribute to these dynasties [5, pp. 108–109].

The ethnic groups in this area, including Azeris, Kurds, Arabs, Armenians, Iranians, indigenous Caucasian peoples,¹³ and followers of religions such as Islam, Zoroastrianism, and Christianity, often had good and peaceful social and economic relations with each other [29, p. 48]. At the same time, these areas were considered the fortress of Islam against Rome and were the gathering places of many people from other countries of the Islamic world for war purposes [30, p. 2/554; 31, p. 41; 12, p. 25]. The substitution of these dynasties often took place with few wars in important cities and by accepting the continued rule of local rulers in the other cities keeping relative peace and resulting in the continuation of people's economic activities. The people had a role in accepting or rejecting local rulers, and their opinions moderated the rulers' decisions.¹⁴ To gain a deeper understanding of the economic conditions of Arran and Armenia, we analyze their production, trade, taxation, and export.

3. Production

Geographers noted that the populations of Arran, Armenia, and their cities had access to abundant resources essential for their livelihoods. This wealth of resources and products bolstered the economic strength of the people. The fertile lands were well-suited for producing agricultural goods, livestock, textiles, and carpets. Additionally, there were reports of mining and industrial activities in the region.

3.1. Agriculture

The economy and livelihood of the people of Arran and Armenia have historically been heavily reliant on agriculture. Some cities in Armenia were influenced by the Roman civil system and the agricultural lands had

8. Shīrwānshāh dominated the cities of Shīrwān, Khursān, Lizān, Shamākhi, and Kurdivān [16, p. 16]. Neighboring on the kingdom of Shīrwān is another kingdom in the mountain of Qabkh, which is called Lāyzān (spelt: Lāyrān) and its king is called Lāyzānshāh [15, pp. 144–5]. The three regions of Shīrwān, Khursān, and Lāyzā were ruled by one king who was called Shīrwānshāh, Khursānshāh, and Lāyzāshāh [24, p. 163]. Apparently Kurdivan which 12 km south of Lahīj (ancient Lāyzā) [3, p. 28].

9. "Jurzān" refers to Georgia, taxpayers of Marzbān [25, pp. 82–3].

10. Located in the south of Vān.

11. Derenik-Ashot, ruler of Vaspurgan [26, p. 2/78].

12. Ashot II from the Bagratuni dynasty [26, pp. 2/3–5].

13. The Caucasus region is notable for its rich linguistic and ethnic diversity. The people of Mount Qabkh speak three hundred languages and numerous tribes live there [27, p. 94]. Arab geographers called the Caucasus Jabal al-Alsun, the Mountain of Languages. People from these ethnic groups speak their own languages, such as Lakzanī [Lezgī], Tabalanī, Filanī, Zakalanī, Haidak, Gumik, Sarir, Alanian, Assi, Zarihgarānī [Kubačī], Turkish, Arabic, and Persian [28, p. 26].

14. The kingdom of Ashot Bagratid was recognized by the caliph in 858 AD [23, p. 106].

different grades for calculating taxes [32, pp. 212–220]. Tha'alibi provides information on the method of irrigating 1000 Jeribs¹⁵ [43, p. 131]. Muslim geographers often noted the climate, rainfall, fertile soil, springs and rivers, prosperous villages, and the hard work of the residents as contributors to the high-quality crop harvest [16, p. 164; 18, p. 2/553].

The investigations suggest that the people met their food and living needs by producing an abundance of inexpensive agricultural and livestock products in fertile lands with favorable weather conditions. These products played a significant role in the economic prosperity of the cities and villages through trade. For example, the large city of Barda'a, known for its abundant cultivation, and the fertile plains of Balāshgān¹⁶ and Andarāb [2, p. 86], located nearby, were considered the agricultural center of Arran. In general, agricultural products of Arran and Armenia can be categorized into three groups: fruits, rare fruits and spices, and cereals and legumes.

Fruits were a primary source of nutrition due to their affordability and abundance. People dried fruits for consumption and for export. In most countries and cities, including Barda'a, there were a variety of fruits [18, p. 2/554]. Fruits were wasted and offered for free [2, p. 85]. Various types of grapes were cultivated throughout the region [34, p. 9], especially on the banks of the Aras River [2, p. 84; 18, p. 2/553]. High-quality pomegranates and figs were produced in Barda'a [1, p. 156; 31, p. 47]. Additionally, white mulberries were grown for both consumption and silkworm rearing in most cities, especially Barda'a [16, p. 161].

Rare fruits and spices such as hazelnuts, chestnuts, and blueberries [2, p. 85], and Caraway a special fruit that was sweeter than honey was used in Shamshāt and Shīrwān [10, p. 123]. Walnuts, almonds, and olives were cultivated in large quantities on the mountain slopes [32, p. 211]. The mass production of various fruits had led geographers to name these areas as fruit centers. Nonetheless, there are more reports about the cities of Arran, especially Barda'a.

Cereals and legumes, including wheat, barley, lentils, peas, and beans, were cultivated across most regions [2, p. 87]. Rice was grown in Davin, while grains were produced in Andarāb, west of the Caspian Sea, and in mountainous areas [2, p. 95]. As grain was a staple food for most people, its cultivation on plains and mountain slopes, as well as its storage in cities and villages, was more extensive than documented in the sources, as geographers paid limited attention to it.

Industrial and Medicinal Plants. The climatic conditions of the region supported the cultivation of both industrial and medicinal plants. Madder was widely used as a red dye for wool, silk, and cloth [16, p. 158] and was cultivated in different areas including the banks of the Aras River [2, p. 94]. Moreover, the expansion of the weaving industry spurred cotton cultivation, especially on the banks of Aras, Dvin [Dabīl], and Qabbān¹⁷ [2, p. 86; 16, p. 161]. Given the production of linen fabrics and similar climatic conditions, cotton was likely cultivated in other cities as well.

Medicinal plants were also cultivated, including lilies, which grew in most places [18, p. 2/554]. Jasmine and marigold (*Shieh*) grew near Terrīkh (Van). Furthermore, excellent common wormwood, good epithymum, lavender, useful herbs, and Roman hyacinth grew in Armenia [31, p. 51], while abundant saffron was cultivated in Derbent [2, p. 85]. Tetraclinis was also obtained in large quantities from Armenia's mountains [35, p. 4/122].

The region relied on diverse agricultural products like fruits, grains, legumes, and medicinal plants, along with industrial plants such as cotton, linen, and rose madder, which were vital for the textile industry.

3.2. Livestock Products

In the 10th century, farmers kept livestock and poultry in addition to engaging in agriculture. Herding and nomadic life, especially among the Kurdish tribes, played an important role in the development of animal husbandry [36, p. 4/310]. The watery plains and abundant pastures, including those in Abkhāz and Shīrwān, as well as the southwestern banks of the Caspian Sea, were suitable for raising all kinds of grazing animals, such as cows, sheep, goats, and rare steeds [33, p. 2/780; 16, p. 159; 2, p. 92]. The price of a single lamb was two dirhams, and it was known as the center of the cheapest meat in the Islamic world [18, p. 2/553]. In these areas, sheep were raised for their wool, milk, and meat [30, pp. 386–387]. People also used dairy products from cows [12, p. 140].

15. Equal to 0.4 hectares.

16. This plain included more than 5000 villages [18, p. 2/523].

17. Located between Tabriz and Baylaqān [33, p. 2/304].

Most of the plains and slopes were suitable for breeding horses and cattle. In Zozan¹⁸ “good, strong, and clever horses and mules” [37, p. 321; 12 p. 581–582], in Barda’a [38, p. 32], Shīrwān, the western shores of the Caspian Sea, the Shariyye (a type of Tartar horse) [2, p. 94; 39, p. 531, 538], were world-famous.

Raising horses for riding and carrying loads was necessary in mountainous areas, and they were often given as gifts and cash tributes [39, p. 531, 538]. These horses were also used to supply the cavalry armies of caliphs and local rulers. The breeding of hunting animals – dogs, greyhounds, jackals, and birds of prey – was common in the mountains and natural pastures, and these animals were used for hunting by caliphs, princes, and rulers [37, p. 52–54]. The white hawk was one of the famous birds of prey sent to the royal court as a tribute [40, p. 1/186-8; 39, p. 538].

Several useful insects, such as bees and Coccus, were raised for their therapeutic and commercial uses. Abundant and cheap honey was produced on the slopes and in the mountains of most cities [18, p. 2/553; 16, p. 143]. The Coccus obtained in Dabīl [18, p. 2/567; 16, p. 159], which was used for dyeing carpet thread and woolen fabrics, was renowned [24, pp. 421–422; 16, p. 164].

Fishing was a popular activity along the riverbanks of Aras and Kura and seashore, particularly for a delightful and tasty fish from the Aras River [16, pp. 158, 161], which was often gifted by merchants [18, p. 2/565; 2, p. 87]. A tasty fish named Terrīkh was exported to other places after salting [2, p. 93]. In addition, salt fish [12, p. 139] and a very fatty fish known as sturgeon, and the delicious Qashūbah fish were caught from the Kura and Aras rivers [38, p. 156; 33, p. 1/487].

Breeding cattle, sheep, and bees, along with fishing aquatic animals in the rivers, provided a major part of the people’s cheap food. Additionally, cow and sheep leather were used in the shoe and leather industries, while sheep’s wool and silk were used to manufacture textiles and carpets.

3.3. Handicraft Production

Most of the handicrafts in the 10th century included the production of agricultural equipment, textile and weaving, mining, construction of windmills, shipbuilding, war equipment, and accessories. People gained worldwide fame in the Islamic world by producing carpets and all kinds of textiles whose red color was their characteristic.

3.3.1. Textile production

In the 10th century, the textile and clothing industry was highly advanced. People showcased their prosperity by adorning their homes with colorful curtains, and different types of carpets, and wearing high-quality clothing [41, p. 497]. Armenia served as a significant hub for textile and clothing production, with people involved in various stages of the production process in most cities. Additionally, a wide range of top-quality raw materials, finishing equipment, and labor force services were available in most cities. The raw materials produced, including linen, cotton, wool, silk, and high-quality natural dyes, were world-famous and met the needs of the industry. Derbent was known as the second center of linen in the Islamic world after Tabaristan [1, p. 184].

In addition to the cities on the banks of the Aras River, cotton planting was also common in Yerevan, Dvin (Dabīl), and Qabbān¹⁹ [16, p. 161]. The wool that was produced in different from a special breed of sheep was world-famous [39, p. 544]. Moreover, excellent silk was produced in large quantities in Domānes²⁰ and Barda’a. It was used in fabric production and was sold as fibers [18, pp. 2/564–566]. Dyeing was a special industry throughout the Islamic world due to the production of the renowned “Armenian red” dye, which was obtained from madder and Coccus [2, p. 94; 41, pp. 134, 496].

Dabīl was considered the textile center of Armenia due to the production of all kinds of fabrics, linen, pashmina [18, p. 2/564], and silk [18, p. 2/554; 33, pp. 53-4; 16, p. 163]. Furthermore, the production of Baziyoun [fine silk] fabrics [1, p. 158], cotton, fluffy, *mar’azi*²¹, canvas, red work fabrics, glamour embroidered motifs [2, p. 90], *sabniyyah* [2, p. 90-2]²², and *zari* caused the prosperity of this industry and the production of many kinds of clothes, fabrics, and knitwear.

18. It is between Azerbaijan and Armenia [12, p. 2/640].

19. Located between Tabriz and Baylagān [33, p. 2/640].

20. A city near Tbilisi in Armenia [39, p. 1/389].

21. Wool made of fine goat hair.

22. Black chador for women.

The various fabrics and excellent clothing in the cities of Arran [2, p. 95], involved scarves [38, p. 34], burka in Baylagān [16, p. 161], and trouser straps in Dabīl (Dvin), Barkarī, Arjīš, Akhlāt, and Badlīs [38, pp. 92; 16, p. 159-60]. All kinds of handkerchiefs, soft furs, soft handkerchiefs, and pashmina clothes were produced in Janza (Ganja), Shamkūr, and Khursān²³ [16, p. 161-3]. The coverings for quadrupeds included styles of saddles and horse head coverings, as well as sleeping accessories like mattresses, pillows, and types of *zilo* rugs [42, p. 6/412], *namat* [felt], and luxurious products such as bedspread, silk curtains, and pieces of *Zari* [16, p. 161]. The useful knitwear, *javāl* [saddlebag] was made for transportation, and *palās* [rug] for high-traffic places such as caravanserais [16, p. 159].

3.3.2. Carpet production

During the 10th century, the textile industry was prevalent in various regions, particularly in Armenia. Carpets²⁴ woven in Armenia and Arran were commonly referred to as “Armenian carpets” and were distinguished by their red background color [20–30, p. 389]. These carpets were crafted using soft sheep wool and dyed with high-quality red dyes derived from insects and industrial plants [38, p. 34, 111–112]. They were highly favored over other types of carpets [43, p. 132].

The tradition of gifting red carpets to caliphs, ministers, generals, and courtiers, as well as presenting them as offerings, or sending them as part of the annual cash tribute, was common in previous centuries. These carpets held great value in the courts and homes of rulers and merchants [44, p. 172].²⁵ Eighteen thousand medium and large Armenian carpets are reported to be used in carpet warehouses [43, p. 72]. Armenian carpets were also used in the reception ceremonies of Dar al-Khilafah and the Caliph’s throne was furnished with these carpets [12, p. 1/87]. In addition to the cities of the Islamic world [11, p. 158, 170], these carpets were also known in other countries. For instance, the tent of the king of the Slavs [with a capacity of nine thousand people] was covered with Armenian carpets [40, p. 1/87]. In addition to the usual red carpets, *mar’azi* [Cashmere] carpets, and *labbūd* [38, p. 18, 34],²⁶ different types of *zilo* with designs that were similar to carpets, prayer mats [16, p. 159], and various types of coverings, and *ankhakh* [2, p. 90], were produced in the cities of Barkarī, Arjīš, Akhlāt, Nakjavān, and Badlīs [46, pp. 147–148].

In some sources, *maḥfurīyāt* – a type of wide and expensive carpet – was woven in cities such as Khursān, Derbent (Bāb al-Abwāb), and Shīrwān [16, p. 163]. Moreover, purple carpets were woven and sold in Dabīl and Shīrwān. In the 10th century, carpets were woven in other cities and areas such as Ahwaz, Asyut [11, pp. 158, 170], Ashmun of Egypt [47, p. 1/647], and Ghandjān of Fars [2, pp. 24, 66] imitated Armenian carpets, trousers, and other textile products.

Skilled craftsmen used raw materials from these areas to create high-quality textiles and carpets. The red carpets gained fame and became popular in Dar al-Khilafa. The ruling and wealthy classes’ use of these products increased their value and exports. Additionally, the carpets were accepted as part of the non-cash tribute from the districts.

3.3.3. Metalworking

There is no adequate information about metal production. The reports have focused on the production of gold and silver tools, saddles, metal tools and equipment, excellent and heavy metal containers in the areas of Arran [2, p. 94; 46, p. 31], and copper tallow lamps in the Arzenjān city of Armenia. Furthermore, the use of plows for agricultural lands and horse breeding were the reasons behind the use of steel for manufacturing agricultural tools and horse saddles. However, it is not possible to give an expert opinion about the status of the steel industry. Ajnān was known as a copper factory due to its abundance of copper [48, p. 137], and cobalt was obtained in large quantities from Armenia’s mountains [35, p. 4/122, 2/81].

3.3.4. Woodworking

Wood was used not only for heating but also as a raw material for many products. For example, wooden chests, containers, plates, pans, and cups were made from winter heath,²⁷ grapevine, and walnut trees in the

23. One of the three territories of Arrān [16, p. 163]. Khursān reads Khersan but the Armenian geography suggests Khorsan [15, pp. 25, 81].

24. Pope believes that this word comes from the name of the Armenian city Qālīqālā [carpet castle].

25. Ghazi Rashid mentions the Armenian carpet more than twenty times [45, pp. 16, 61, 63-308].

26. It refers to wool that felted or matted.

27. A type of tree used for making arrows, bows, bowls, and mugs.

mountains of Abkhāz and Shīrwān [2, p. 93]. The construction and maintenance of large mills on streams and rivers in cities such as Tbilisi, Akhlāt, Badlīs (Bitlis), Našawā (Naḵjavān), and Barkarī contributed to the prosperity of this industry. Additionally, the presence of lakes, navigable rivers,²⁸ and large commercial ports such as Bāb al-Abwāb, Baku, and Trabzon could have helped develop the shipbuilding industry in these areas since wood was the main material used for shipbuilding [16, p. 48; 2, pp. 97, 98].

3.3.5. Leatherworking

Extensive animal husbandry and large hunting grounds could provide leather for various products such as shoes, clothes, saddles, and military equipment among others. However, Ibn al-Faqīh only mentions the production of leather clothes from the skin of an animal which was called *ashagh*²⁹ and Ibn Ḥawqal mentioned the leather saddles that were worked with silver and gold in these cities and were world-famous [2, p. 90].

3.3.6 Other crafts

In the areas under study, a variety of significant products were manufactured, including striped metal containers, decorative metal containers made of gold, silver, and jewels with original and artistic shapes, strong glass containers and accessories, and precious conical crystals with gems of *Hobb* and ruby [2, p. 95] as well as fine glass crystals. The materials for these products were extracted from mines in Armenian cities [27, p. 105]. Additionally, the decorations used on riding and war horses, war equipment, armor, and wooden dishes such as plates and trays were produced from briarwood and chestnut. Carvings were also created by artists in these areas [33, p. 1/182].

4. Trade

Geographers have unanimously agreed that trade was one of the pillars of economic prosperity. The strategic locations of Arran and Armenia, along with mass production of goods, diverse commercial products [2, p. 92], efficient transportation routes, urban development, and established monetary systems, all contributed to the economic success of these countries. This facilitated trade with neighboring states and the wider Islamic world, particularly with Rome and other foreign countries. Trade mainly involved livestock products, agricultural produce, minerals, textiles, and handicrafts. The multicultural and multilingual social structure of these tribes played a significant role in expanding trade.

The cities of Barḍaʿa, Dvin (Dabīl), Barkarī, Arjīš, Akhlāt, Naḵjavān, and Badlīs were home to many merchants from other countries, creating prosperous markets [16, p. 158-9]. These areas were important centers for supplying goods, including cotton clothes, due to their proximity to the tribes of the North Caucasus [18, p. 1/195]. The people, along with merchants from Islamic countries, gathered in Trabzon and traded with Rome and Ferang, supplying goods needed by the Islamic countries. Trabzon became a trade center for various fabrics [2, p. 96], clothes, and carpets, importing brocade fabrics, Golābaton embroidery, Roman linen, woolen fabrics, Roman clothes, and exporting manufactured textiles to other areas. Arran played a significant role in trade from South to North and vice versa, while Armenia facilitated trade from East to West and vice versa. The key factors in trade included markets and taxes.

4.1. Markets

In the 9th century, the market played an important role in the prosperity of domestic and foreign trade due to the rapid development of commerce. In the 10th century, diverse and profitable markets were in Arran and Armenia [1, p. 160]. The supply of agricultural, livestock, and industrial products, all kinds of textiles, the exchange of money and goods between different ethnic groups, and the use of gold and silver coins in transactions led to the prosperity of the markets and attracted many merchants.

The cities According to their size, had one or more main markets and several local and regional markets. Markets, Caravanserai, inns, and public facilities of the cities provided the merchants with welfare [40, pp. 186-188]. The markets can be divided into two categories:

28. Shipping was common in the Aras and Kura rivers [2, p. 92; 21, p. 570].

29. It was a cat-like animal.

Permanent markets. In most important cities like Shīrwān, Baku, Shakkī, Malāzgird, and Akhlāt, there were permanent markets located in the middle of the city [18, pp. 2/556-60]. Bardā'a had flourishing bazaars, caravanserais, and hot springs, and was considered the Khore [Bakhsh] bazaar of Arran [2, p. 86]. Barzand was recognized as the market and port of Khore in Armenia [18, p. 2/561]. Dabīl, known for textiles, had many markets, with its main market being in the shape of a cross [18, p. 2/556-557].

Temporary markets. Many markets were established in Armenia every year due to the production of live-stock, carpets, and textiles. Various goods such as horses, silk fabrics, and Zari fabrics were sold in these markets [49, pp. 53-54]. There was a weekly market called "Korakī Bazaar",³⁰ held on Sundays outside Derbent gate in Bardā'a. This market was so significant that the people of Arran used to refer to Sunday as "Korakī" when counting the days of the week. The dimensions of this market were one parasang by one parasang [1, p. 156]. It was the largest market for silk, fabric, and textiles in Arran, attracting people from Iraq and Khuzestan who made substantial profits there [18, p. 2/505].

4.2. Tax

During the time of the Islamic governments, collecting taxes from the states was a crucial way of earning income. The taxes from Arran, Armenia, and Azerbaijan constituted a significant amount of money until the end of the 9th century and were collected by the governors of the Abbasid caliphs. However, the people were unhappy with this situation. After the establishment of the semi-independent Sajid dynasty, the rulers reduced taxes to appease the people. For example, the ruler canceled the exclusive tax imposed by the Umayyads on fishing from Lake Van. They delegated the task of collecting taxes in the cities under their rule to local rulers and peasants. The caliphs were content with the lower taxes as they maintained their sovereignty.

During the Sallarid dynasty, "all the local rulers accepted his authority and agreed to pay tribute" [4, p. 74]. The tax courts were established in these areas.³¹

Table. Tax collection reports of these areas in different years

Таблица. Отчеты о сборе налогов по этим территориям в разные годы

Row	State	Year AD	Tribute Durhams	Governor	Source
1	A, R, M	680	30,000,000	Caliph Governor	[50, p. 2/277]
2	A, R, M	786	4,000,000	Caliph Governor	[51, p. 1/226]
3	A, R, M	800	4,000,000	Caliph Governor	[17, p. 362]
4	A, R	846	4,000,000	Caliph Governor	[52, p. 101]
5	A, R, M	891	4,000,000	Sajids	[50, p. 2/272]
6	A, R	928	4,000,000	Sajids	[53, p. 149]
7	A, R, M	955	16,000,000	Sallarid	[32, p. 100]

Note: A – Azerbaijan; R – Arran; M – Armenia

The comparison of the amount of taxes from the 6th century to the 10th century indicates the size of the economy of these countries³² and the leniency of the rulers regarding tax collection. This issue could result in the relative satisfaction of the people and the prosperity of production and trade.

Collecting taxes based on economic power and paying non-cash tribute through agriculture and livestock benefited farmers and artisans. Cash tribute forced people to sell products at low prices. The non-cash tribute also provided food and necessities for the army and enabled the government to store food for times of scarcity and famine.

30. The geographers described the Sunday market of "Korakī". It is derived from the Greek word "kuriakos" or "Kyriaki" [the Lord's Day]. Sunday is called "Kiraki" in Armenia and "kvira" in Georgian [2, pp. 98-10; 45, pp. 74-5].

31. Ibn Ḥawqal mentions the total fairest tributes was 16 million dirhams [2, p. 100].

32. Ibn al-Amīd was asked to take control of these areas of 50 million dirhams [37, p. 2/350]; the region ranked fifth in tax revenue out of 25 regions [30, p. 475-9].

5. Export

The rulers aimed to increase trade and exports by enhancing trade routes and ports, leading to more business trips from Arran and Armenia to various northern and western destinations. Products were initially sent to warehouses and commercial centers before being distributed. The main export destinations were the commercial centers of Rey and Mosul in Iraq. Exports of products can be categorized into five groups:

Quadrupeds and aquatic animals. The horses that were found in most regions, especially in Zuzan, were world-famous and were exported to Iraq, Syria, and Khorasan. Likewise, livestock was exported to Mosul, Jazīrah, and other countries [2, pp. 85, 98; 32, p. 25]. All kinds of delicious fish, including Terrīkh salt fish, were exported to Mesopotamia, Khorasan, and all over the world [1, p. 159], as Salt fish to Basrah [12, p. 139], and two fish called *daragan* and *qashobeh* to the regions of Ray and Iraq [2, p. 87].

Fruits and grains. Despite the abundance of fruit and cereal, there are not many reports on the export of these products. Grapes were among the main products and were specially exported. In this regard, Ibn al-Faḳīh says: “People used to bring large old vine trunks from the mountains of Armenia and Azerbaijan, whose circumference reached twenty hand spans” [12, p. 171]. Additionally, groceries and grains were sent to Baghdad and Wasit [18, p. 2/589].

Raw materials. Silk and wool were high-quality and world-renowned products that were exported (in simple and processed form), especially from Domānes and Bardā‘a, to places like Khuzestan, Iraq, and Rey [18, p. 2/389; 1, p. 156]. Honey and beeswax, produced in large quantities for making candles and lighting, were also exported to other areas [16, p. 158; 18, p. 2/554].

Carpets and textiles. Arguably, the most significant exports were the carpets, rugs, and textiles, which were renowned across the Islamic world and highly sought after [54, p. 36]. Red dyes [54, 128; 1, p. 158] which were obtained from *Rubia tinctorum* and *Coccus* were exported to Gorgan, India, and other places for dyeing clothes [41, pp. 134, 496; 2, p. 94]. The Red fabrics and woolen clothes from Khursān, Derbent, and Shīrwān, great rugs [18, p. 2/555], and linen fabrics [for doors and windows] from Armenia were exported to the whole world [2, p. 88].

Industrial and mineral products. Borate from Lake Van, originally red and yellow orpiment was sent to the other areas [2, p. 93]. In addition, red bieberite was sent to Yemen and Wasit for dyeing wool [31, pp. 39, 46, 48]. Unusual things and wooden utensils such as plates and trays, which were made of Khalanj (*Erica arborea*) and chestnut wood [33, p. 2/182], Shīrwān benchmark stone, Baku oil, and glass stone were exported from Badlīs.

Conclusion

The study demonstrates that despite political turmoil and the displacement of people, the economies of Arran and Armenia prospered. Residents endured harsh conditions caused by internal and external conflicts, rebuilding cities and villages through diligent efforts and the strategic use of natural resources to produce agricultural and livestock goods. Additionally, a rich tradition of textile production inspired the continued creation of renowned fabrics, clothing, carpets, curtains, floor coverings, and wall accessories. Local rulers repaired damaged economic infrastructure in Arran and Armenia, revitalizing markets, docks, commercial and residential centers, and caravanserais. Furthermore, commercial caravans from other regions facilitated increased exports to Rome and other foreign markets, while goods were distributed across the Islamic world to meet diverse demands. The agricultural products of Arran, particularly silk, and Armenia’s textiles, notably carpets and cramoisy fabric, complemented each other, establishing these regions as vital trade hubs between the Islamic world and other nations. Moreover, urbanization and the thriving metal, wood, weaving, carpet, textile, and precious metal industries significantly contributed to the economic and commercial development of Arran and Armenia.

Examining the commercial infrastructure of 10th-century Arran and Armenia, including roads, markets, docks, trading houses, and merchants’ residences that facilitated east-west and south-north trade, provides valuable insights into their commercial landscape. Additionally, researchers interested in this field can explore the influence of the Silk Road on the economic development of these regions.

REFERENCES

1. Abu Ishaq Iṣṭakhrī. *Masālik al-Mamālik*, ed. by Iraj Afshar. Tehran: B.T.N.K, 1961.
2. Muḥammad Abū 'l-Qāsim Ibn-Ḥawqal. *Ṣūrat al-'Arḍ*, transl. by Jafar Shoar. Tehran: Amir Kabir, 1987.
3. Rahim Raisnia. *Azərbaycan [in the history of Iran: From the beginning up to the rise of Islam]*. Tabriz: Nima Publ., 1989.
4. Reza Enayatollah. *Azerbaijan and Arran (Caucasian Albania)*. Tehran: Iran Zamin Publ., 1981.
5. Kasravi Ahmad. *Šahriyārān-e Gomnām [The Forgotten Kings]*. Tehran: World Book, 2005.
6. Kasravi Ahmad. *Karvand Kasravi*, Tehran: Sherkat Sahami Ketabhaie Jibi (Pocket books joint stock company), 1977.
7. Bartold V. V. *Sochineniia*. Vol. II, Moscow: Vost. Lit., 1963.
8. Strabo, Strabonis Geographica, tr. C. Müller, Paris: Institutua France Typographo, 1853.
9. Aḥmad Ibn-Rustah. *Kitāb Al-A'Lāk An-Nafāsa*. Liden: Brill, 1892.
10. 'Ubaydallah Ibn-Ḳhurdādbēh. *Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik*, Liden: Brill, 1989.
11. Aḥmad Ibn-Ishaq Ya'qubi. *Al-Buldān*, Ed. by Mohammad Zanabi, Beirut, 2001.
12. Al-Hamadhānī Ibn-Faqīh. *Mukhtaṣar Kitāb al-Buldān*. Ed. by Yousef Hadi. Beirut: Alam al-Kotob, 1996.
13. Barthold V.V. *An Historical Geography of Iran*. USA: Princeton University Press, 1984.
14. Āliev I. *Questions on the history of the Caucasian Albania*. Acad. of Azer. SSR, 1962.
15. Minorsky V. *A history of Sharvān and Darband in the 10th–11th centuries*. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1958.
16. Ḥudūd al-'Ālam. Ed. by Manochehr Sotodeh. Tehran, 1983.
17. Abū 'Abdallāh Jayhānī. *Ashkal al-'alam*. Transl. by Abdul-salam Kateb. Mashhad: Astan Quds Razavi Publ., 1989.
18. Muḥammad ibn Aḥmad Maqdisī. *Aḥsan al-taqāsīm fi ma'rifat al-aqālīm*. Transl. by A. Monzavi. Tehran: Iranian Authors and Translators Co., 1982.
19. Ianovski A. On Ancient Caucasian Albania. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia*. 1846; 52(2): 1–53.
20. Marquart J. *Eranshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xoranač'i*. Berlin: Abh. Gessellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1901.
21. Zakariyy ā Qazwīnī. *Āṭār al-Bilād wa-aḥbār al-'Ibād*, Beirut: Dar Sader, 1998.
22. Muhammad Ṭabarī. *Tārīkh al-Rusul wa'l-Mulūk*, Beirut: 'Izz al-Din Institute, 1993.
23. 'Ali ibn Muḥammad Ibn-Athīr. *Al-Kāmil fi al-tārīkh*, Beirut: Dar al-Sar, 2009.
24. Mazaheri Ali. *The life of Muslims in the Middle Ages: 10th to 12th centuries*. Transl. by Mortaza Ravandi. Teharan: Seprhr Publ., 1969.
25. Aḥmad Ali Saleh. *Arabic textiles and clothing in the early Islamic eras*, Beirut: All Prints Distribution Publ., 2003.
26. Chamchian M. *History of Armenia*, Vol. 2. Transl. by John Baron Avtaliantz. Canada, n.d.
27. Shams al-Dīn Al-Dimashqī. *Nokhbato al-Dahr fi 'Ajāyebo al-Bare va al-Bahr*. Transl. by Ḥamid Ṭabībīyān. Tehran: Asatir, 2003. 42.
28. Bolshakov O.G., Mongait A.L. (eds.). *The journey of Abū Ḥamid Ḡarnāṭī to eastern Europe*. Moscow: Nauka, 1971.
29. Choksy K.J. *Conflict and Cooperation: Zoroastrian Subalterns and Muslim Elites in Medieval Iranian Society*. Transl. by Nader Saeedy. Tehran: Gognoos, 2014.
30. Spuler B. *Iran in the Early Islamic Period*. Ed. by R. G. Hoyland, Liden: Brill, 2015.
31. Abū Dulaf, Mes'ar Ibn-Mohalhal. *Safarnāmeḥ*. Ed. by Vladimir Minorsky, transl. by Abolfazl Tabatabaei. Tehran: Zavar Publ., 1966.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abu Ishaq Iṣṭakhrī. *Masālik al-Mamālik*, ed. by Iraj Afshar. Tehran: B.T.N.K, 1961. (In Persian)
2. Muḥammad Abū 'l-Qāsim Ibn-Ḥawqal. *Ṣūrat al-'Arḍ*, transl. by Jafar Shoar. Tehran: Amir Kabir, 1987. (In Persian)
3. Rahim Raisnia. *Azərbaycan [in the history of Iran: From the beginning up to the rise of Islam]*. Tabriz: Nima Publ., 1989. (In Persian)
4. Reza Enayatollah. *Azerbaijan and Arran (Caucasian Albania)*. Tehran: Iran Zamin Publ., 1981. (In Persian)
5. Kasravi Ahmad. *Šahriyārān-e Gomnām [The Forgotten Kings]*. Tehran: World Book, 2005. (In Persian)
6. Kasravi Ahmad. *Karvand Kasravi*, Tehran: Sherkat Sahami Ketabhaie Jibi (Pocket books joint stock company), 1977. (In Persian)
7. Бартольд В.В. *Сочинения*. Т. II. М.: Вост. Лит., 1963.
8. Strabo, Strabonis Geographica, tr. C. Müller, Paris: Institutua France Typographo, 1853 (In Greek)
9. Aḥmad Ibn-Rustah. *Kitāb Al-A'Lāk An-Nafāsa*. Liden: Brill, 1892. (In Arab)
10. 'Ubaydallah Ibn-Ḳhurdādbēh. *Kitāb al-Masālik wa'l-Mamālik*, Liden: Brill, 1989. (In Arab)
11. Aḥmad Ibn-Ishaq Ya'qubi. *Al-Buldān*, Ed. by Mohammad Zanabi, Beirut, 2001.
12. Al-Hamadhānī Ibn-Faqīh. *Mukhtaṣar Kitāb al-Buldān*. Ed. by Yousef Hadi. Beirut: Alam al-Kotob, 1996. (In Arab)
13. Barthold V.V. *An Historical Geography of Iran*. USA: Princeton University Press, 1984.
14. Алиев И. Вопросы истории Кавказской Албании: сборник статей. Баку: Изд-во Акад. наук АзССР, 1962. – 194 с.
15. Minorsky V. *A history of Sharvān and Darband in the 10th–11th centuries*. Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd., 1958.
16. Ḥudūd al-'Ālam. Ed. by Manochehr Sotodeh. Tehran, 1983. (In Arab)
17. Abū 'Abdallāh Jayhānī. *Ashkal al-'alam*. Transl. by Abdul-salam Kateb. Mashhad: Astan Quds Razavi Publ., 1989. (In Persian)
18. Muḥammad ibn Aḥmad Maqdisī. *Aḥsan al-taqāsīm fi ma'rifat al-aqālīm*. Transl. by A. Monzavi. Tehran: Iranian Authors and Translators Co., 1982. (In Persian)
19. Яновский А. О древней кавказской Албании // Журнал Министерства народного просвещения. 1846; 52(2): 1–53.
20. Marquart J. *Eranshahr nach der Geographie des Ps. Moses Xoranač'i*. Berlin: Abh. Gessellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, 1901.
21. Zakariyy ā Qazwīnī. *Āṭār al-Bilād wa-aḥbār al-'Ibād*, Beirut: Dar Sader, 1998. (In Arab)
22. Muhammad Ṭabarī. *Tārīkh al-Rusul wa'l-Mulūk*, Beirut: 'Izz al-Din Institute, 1993. (In Arab)
23. 'Ali ibn Muḥammad Ibn-Athīr. *Al-Kāmil fi al-tārīkh*, Beirut: Dar al-Sar, 2009. (In Arab)
24. Mazaheri Ali. *The life of Muslims in the Middle Ages: 10th to 12th centuries*. Transl. by Mortaza Ravandi. Teharan: Seprhr Publ., 1969. (In Persian)
25. Aḥmad Ali Saleh. *Arabic textiles and clothing in the early Islamic eras*, Beirut: All Prints Distribution Publ., 2003.
26. Chamchian M. *History of Armenia*, Vol. 2. Transl. by John Baron Avtaliantz. Canada, n.d.
27. Shams al-Dīn Al-Dimashqī. *Nokhbato al-Dahr fi 'Ajāyebo al-Bare va al-Bahr*. Transl. by Ḥamid Ṭabībīyān. Tehran: Asatir, 2003. 42. (In Persian)
28. ал-Гарнати, Абу Хамид Мухаммад. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу. (1131-1153 гг.). Пер. с араб. / Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М.: Наука, 1971. – 133 с.
29. Choksy K.J. *Conflict and Cooperation: Zoroastrian Subalterns and Muslim Elites in Medieval Iranian Society*. Transl. by Nader Saeedy. Tehran: Gognoos, 2014. (In Persian)

32. Maḥmūd Shit Khattab. *Qadat al-fath al-Islami fi Armini-yah*, Beyrou: Dar Maktabah al-Hayah, 1998. 28
33. Ibn-'Abdullāh Yāqūt al-Hamawī. *Kitāb Mu'jam al-Buldān*. Transl. by A. Manzavi. Tehran: Organization of Cultural Heritage, 2004.
34. Nāser Khosrow. *Safarnama*. Ed. by Mahmud Ghanizadeh, Tehran: Mahmudi Pub., 1962.
35. Rasāel Ikhwān aṣ-Ṣafā' wa Khullān al-Wafā. Beirut: Al-Dār al-Islamieh, 1992.
36. Cahen Claude. *The Cambridge History of Iran "Tribes, Cities and Social Organization"*. Ed. by R. N. Frye. Vol.4. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
37. Ahmad Ibn-Yahyā Balādhurī. *Futūh al-Buldān*. Beirut: Dar Maktab al-Hilal, 1988.
38. Abū 'Uthman Jāhiz. *Kitāb al-Tabaṣṣur be al-Tijārah*. Cairo: Maktabat al-Khanji, 1994.
39. 'Abd al-Malik Tha'alibi. *Thimār al-qulūb fi-l-mudāf wa-l-mansūb*. Cairo: Dar al-Ma'arif, 1965.
40. 'Alī ibn al-Ḥusayn Mas'udi. *Murūj ad-Dahab wa-Ma'ādin al-Jawhar*. Qom: Dar al-Hijrat, 1989.
41. Metz A. *The Renaissance of Islam: History, Culture and Society in the 10th Century Muslim World*. Transl. by S. Khuda Bakhsh. India: Jubilee Printing and Publ., 1973.
42. Abū al-Faraj Isfahānī. *Kitāb al-Aḡānī*, Beirut: dar al-ehya el-torah al-Arabi, 1994.
43. 'Abd al-Malik Tha'alibi. *Kitāb Lata'if al-ma'arif*. Ed. by P. D. Jong. Liden: Brill, 1867.
44. Muḥammad al-Wisha. *Al-Moushi*. Egypt: Matabeh al-kanji, 1953.
45. Ahmad Ibn-Rashid Ghazi. *Al-Dakh'r wa al-Tūhaf*. Kuwait: Kuwait Government, 1984.
46. Pope A. *The myth of the Armenian dragon carpets*. Jahar-buch: der Asistatischen Kunst, 1925.
47. Ahmad Ibn Faḍlān. *Rihlatihi Ibn-Faḍlān ilā bilād al-turk wa ar-rus wa al-Ṣiqāliyah*. Abu Dhabi: Al-Suwaidi Publ., 2003.
48. Ḥamdallāh Mustawfī. *Nuzhat al-Qulub*. Qazvin: Ḥadīth Emroz, 2002.
49. Ahmad Ibn Miskawayh. *The Tajārib al-umam wa Ta'geb al-hemam*. Beirut, 2003.
50. Ahmad Ibn-Ishaq Ya'qubi. *Tārīkh al-Ya'qūbī*. Beirut: Dar Sader, n.d.
51. Ibn Khaldun. *History of Ibn Khaldun*, Edit by Soheil Zokar. Beirut, 1998.
52. Frye R. *The Golden Age of Persia*. Transl. by Masoud Rajabnia. Tehran: Soroush, 1984.
53. Qudāma Kātib al-Baghdādī. *Kitāb al-Kharaj*. Transl. by Hosein Gharechanlou. Tehran: Alborz Publ., 1991.
54. Muḥammad Muṭahhar al-Azdī. *Hikāyat Abī al-Qāsim al-Baghdādī*. Heidelberg: Carl Winter University, 1906.
30. Spuler B. Iran in the Early Islamic Period. Ed. by R. G. Hoyland, Liden: Brill, 2015.
31. Abū Dulaf, Mes'ar Ibn-Mohalhal. *Safarnāmeḥ*. Ed. by Vladimir Minorsky, transl. by Abolfazl Tababtabaei. Tehran: Zavar Publ., 1966. (In Persian)
32. Maḥmūd Shit Khattab. *Qadat al-fath al-Islami fi Armini-yah*, Beyrou: Dar Maktabah al-Hayah, 1998. (In Arab)
33. Ibn-'Abdullāh Yāqūt al-Hamawī. *Kitāb Mu'jam al-Buldān*. Transl. by A. Manzavi. Tehran: Organization of Cultural Heritage, 2004. (In Persian)
34. Nāser Khosrow. *Safarnama*. Ed. by Mahmud Ghanizadeh, Tehran: Mahmudi Pub., 1962. (In Persian)
35. Rasāel Ikhwān aṣ-Ṣafā' wa Khullān al-Wafā. Beirut: Al-Dār al-Islamieh, 1992. (In Persian)
36. Cahen Claude. *The Cambridge History of Iran "Tribes, Cities and Social Organization"*. Ed. by R. N. Frye. Vol.4. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
37. Ahmad Ibn-Yahyā Balādhurī. *Futūh al-Buldān*. Beirut: Dar Maktab al-Hilal, 1988. (In Arab)
38. Abū 'Uthman Jāhiz. *Kitāb al-Tabaṣṣur be al-Tijārah*. Cairo: Maktabat al-Khanji, 1994. (In Arab)
39. 'Abd al-Malik Tha'alibi. *Thimār al-qulūb fi-l-mudāf wa-l-mansūb*. Cairo: Dar al-Ma'arif, 1965. (In Arab)
40. 'Alī ibn al-Ḥusayn Mas'udi. *Murūj ad-Dahab wa-Ma'ādin al-Jawhar*. Qom: Dar al-Hijrat, 1989. (In Arab)
41. Metz A. *The Renaissance of Islam: History, Culture and Society in the 10th Century Muslim World*. Transl. by S. Khuda Bakhsh. India: Jubilee Printing and Publ., 1973.
42. Abū al-Faraj Isfahānī. *Kitāb al-Aḡānī*, Beirut: dar al-ehya el-torah al-Arabi, 1994. (In Arab)
43. 'Abd al-Malik Tha'alibi. *Kitāb Lata'if al-ma'arif*. Ed. by P. D. Jong. Liden: Brill, 1867. (In Arab)
44. Muḥammad al-Wisha. *Al-Moushi*. Egypt: Matabeh al-kanji, 1953.
45. Ahmad Ibn-Rashid Ghazi. *Al-Dakh'r wa al-Tūhaf*. Kuwait: Kuwait Government, 1984. (In Arab)
46. Pope A. *The myth of the Armenian dragon carpets*. Jahar-buch: der Asistatischen Kunst, 1925.
47. Ahmad Ibn Faḍlān. *Rihlatihi Ibn-Faḍlān ilā bilād al-turk wa ar-rus wa al-Ṣiqāliyah*. Abu Dhabi: Al-Suwaidi Publ., 2003. (In Arab)
48. Ḥamdallāh Mustawfī. *Nuzhat al-Qulub*. Qazvin: Ḥadīth Emroz, 2002. (In Arab)
49. Ahmad Ibn Miskawayh. *The Tajārib al-umam wa Ta'geb al-hemam*. Beirut, 2003. (In Arab)
50. Ahmad Ibn-Ishaq Ya'qubi. *Tārīkh al-Ya'qūbī*. Beirut: Dar Sader, n.d. (In Arab)
51. Ibn Khaldun. *History of Ibn Khaldun*, Edit by Soheil Zokar. Beirut, 1998.
52. Frye R. *The Golden Age of Persia*. Transl. by Masoud Rajabnia. Tehran: Soroush, 1984. (In Persian)
53. Qudāma Kātib al-Baghdādī. *Kitāb al-Kharaj*. Transl. by Hosein Gharechanlou. Tehran: Alborz Publ., 1991. (In Persian)
54. Muḥammad Muṭahhar al-Azdī. *Hikāyat Abī al-Qāsim al-Baghdādī*. Heidelberg: Carl Winter University, 1906. (In Arab)

Received 24.07.2024

Accepted 04.02.2025

Published 15.09.2025

Поступила в редакцию 24.07.2024 г.

Принята в печать 04.02.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213429-437>

Research paper

Robert Ghazaryan
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of Oriental Studies
National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Yerevan, Armenia
rghazaryan@orient.sci.am

THE FIRST EVIDENCE OF INTERACTION BETWEEN THE ARMENIAN HIGHLAND AND EGYPT

Abstract. This article examines the possible interaction between Ancient Egypt and Išuwa, one of the states of the Armenian Highland. The interactions between the Armenian Highland and Egypt have a deep and intricate history, primarily documented since the Hellenistic period. However, a recently discovered inscription at the archaeological site known as the Kom el-Hettân, may provide new insights into the relationship between the Armenian Highland and Egypt. On the pedestal of one of the colossal statues of Amenhotep III, located within the temple complex, inscriptions identify various foreign nations through engravings of their representatives depicted as bound captives. The three captured figures represent the lands of “Ḫatti, Isyw, and Irṭw (Arzawa).” The land of Isyw may correlate with one of the ancient states of the Armenian Highland – Išuwa. This unique depiction prompts intriguing questions regarding the inclusion of an Išuwan figure in Egyptian iconography. The article is used general historical and comparative-historical analysis as the main research methods. The conducted research shows that there is no evidence that Egyptian expeditions ever reached the territory of the Armenian Highland or that they took captives from this region. This image may have a metaphorical, symbolic or propagandistic meaning, since the Egyptian pharaoh sought to emphasize the northern borders of his influence. An alternative explanation for the presence of the Išuwa country may lie in the context of repeated clashes between Mitanni and Ḫatti. It is possible that Hittite and Išuwan prisoners of war were sent by Mitanni to Egypt as diplomatic gifts and later depicted on the above-mentioned monument.

Keywords: Išuwa; Ḫatti; Arzawa; Egypt; Armenian Highland; interaction; Mitanni

For citation: R. Ghazaryan. The first evidence of interaction between the Armenian highland and Egypt. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 429-437. doi. org/10.32653/CH213429-437

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213429-437>

Исследовательская статья

Казарян Роберт Петросович,
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения
Национальная академия наук Республики Армения, Ереван, Армения
rghazaryan@orient.sci.am

ПЕРВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ МЕЖДУ АРМЯНСКИМ НАГОРЬЕМ И ЕГИПТОМ

Аннотация. В данной статье рассматривается возможное взаимодействие между Древним Египтом и одним из государств Армянского нагорья. Взаимодействия между Армянским нагорьем и Египтом имеют глубокую и сложную историю, задокументированную с эллинистического периода. Однако недавно обнаруженная надпись на археологическом объекте, известном как «Колоссы Мемнона» или Ком эль-Хеттан, недалеко от египетского города Луксор, может предложить новые сведения о взаимоотношениях между Армянским нагорьем и Египтом. На постаменте одной из колоссальных статуй Аменхотепа III, расположенной в храмовом комплексе, надписи идентифицируют различные иностранные народы через гравюры их представителей, изображенных как связанные пленники. Три захваченные фигуры представляют земли «Ḫatti, Isyw и Irṯw (Арцава)». Страна Isyw, возможно, соотносится с Исувой, одной из ранних государств Армянского нагорья. Это уникальное изображение поднимает интригующие вопросы относительно появления фигуры исувийца в египетской иконографии, представляя, возможно, первого жителя Армянского нагорья в этом контексте. В статье применены общеисторический и сравнительно-исторический анализ в качестве основных методов исследования. Проведенное исследование показывает, что нет никаких доказательств того, что египетские походы когда-либо достигали территории Армянского нагорья или что они брали пленников из этого региона. Это изображение может иметь метафорическое, символическое или пропагандистское значение, поскольку египетский фараон стремился подчеркнуть северные границы своего влияния. Альтернативное объяснение присутствия страны Исува может заключаться в контексте повторяющихся столкновений между Митанни и Хатти. Возможно, что хеттские и исувские военнопленные были отправлены митаннийцами в Египет в качестве дипломатических даров и позже изображены на вышеупомянутом памятнике.

Ключевые слова: Исува; Хатти; Арцава; Египет; Армянское нагорье; взаимодействие; Митанни

Для цитирования: Казарян Р.П. Первое свидетельство о взаимодействии между Армянским нагорьем и Египтом // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 429-437. doi.org/10.32653/CH213429-437

Introduction

The archaeological site Kom el-Hettân is being excavated by an expedition led by renowned Egyptologist Dr. Hourig Sourouzian, as part of “The Colossi of Memnon and Amenhotep III Temple Conservation Project”. Dr. Sourouzian and her team have undertaken a mission focused on the conservation and restoration of the site. This monument, constructed during the reign of Amenhotep III (1391-1353 BC), one of the most formidable rulers of Egypt’s New Kingdom (XVIII Dynasty), includes a mortuary temple referred to by ancient Egyptians as the “House for Millions of Years.”¹

On the pedestal of one of the colossal statues of Amenhotep III, situated within the temple complex, inscriptions identify various foreign nations through engravings of their representatives depicted as bound captives – a motif commonly found in Egyptian art. The three captured figures represent “Ḫatti (Hittite state), *Isyw*, and *Irtw* (Arzawa).”

The personification of foreign peoples, accompanied by their place names inscribed in crenellated cartouches, reached its peak during the XVIII Dynasty and became one of the defining characteristics of statuary and temple decoration under the reign of Amenhotep III.

Ḫatti, Arzawa

Two of these three states, Ḫatti and Arzawa, are also referenced in other Egyptian inscriptions. The earliest references to Ḫatti and Arzawa in Egyptian records emerge during the reign of Thutmose III (1444-1412 BC). The name Ḫatti appears five times in Egyptian monuments dating to the reign of Amenhotep III, specifically within four geographical lists: at Kom el-Hettân (twice), Soleb, and Karnak (twice) [3, pp. 241].

The countries of Ḫatti and Arzawa are also referenced in the inscriptions on the pillars of the Temple of Amon, built by Amenhotep III in Soleb, Nubia [3, pp. 240]. The name Arzawa appears in two letters from the Amarna correspondence [4, pp. 101-103]², which reference Amenhotep III’s marriage to the daughter of Tarḫundaradu, the King of Arzawa [5, pp. 184]. In one of the Amarna letters [4, pp. 114-115]³ addressed to Pharaoh Akhenaten (1353-1336 BC) by King Suppiluliuma I of Ḫatti (1344-1322 BC), the correspondence highlights Hittite-Egyptian interactions during the reign of Amenhotep III [3, p. 243].

However, these relations were not characterized by amicable ties, as Egypt regarded Ḫatti as a potential adversary in the north.

Historical evidence suggests that the Hittite state maintained close military and political relations with Egypt from the time of Tudḫaliya I/II in the first half of the 14th century BC.⁴ During the reigns of Hittite kings Tudḫaliya I/II and Arnuwanda I, the Hittite state experienced a brief period of military and political upheaval, which resulted in significant territorial conquests. This expansion extended westward to the Aegean Sea, northward to the Eastern Pontic Mountains, eastward into the western regions of the Armenian Highland, and southward, where a decisive blow was dealt to Mitanni. This may explain why, during the reign of Hittite King Arnuwanda I, relations between the former adversaries Mitanni and Egypt began to improve. Mitannian King Artatama I (the first half of the 14th century BC) and Pharaoh Thutmose IV (circa 1400-1390 BC) established amicable relations that were further solidified through a dynastic marriage. Consequently, in northern Syria, the Hittites would now need to consider not only Mitanni’s interests but also those of Egypt.

Arzawa, primarily known through Hittite sources, was situated in the western regions of Asia Minor. At its zenith, Arzawa was regarded as one of the most powerful states in the area and maintained diplomatic relations with Egypt. The Arzawan political entity, often described as a “union” or “confederation,” included Arzawa itself – later recognized as the central part of Lydia – along with several other political units, such as Mira-Kuwaliya, Seḫa River Land, Ḫapalla, Zipasla-Ḫariyati, and Wilusa, among others [7, p. 52].

1. For more information on this inscription and excavations at the site, see: [1, 2].

2. EA 31-32

3. EA 41:7-28

4. The Hittite text KBo XXXI 40 is a fragment of correspondence between the Egyptian and Hittite courts. The letter was sent by the king of Ḫatti to the Egyptian Pharaoh. This segment of text is dated to the reign of Tudḫaliya I/II [6, p. 292].

*Išuwa*⁵

Additional information regarding the aforementioned two countries can be found in other Egyptian inscriptions; however, the representative of Išuwa⁶ depicted in the inscription between the two countries (Ḫatti and Arzawa) stands as the sole example we possess from ancient Egypt.

Historical records indicate that during their northern campaigns, the ancestors of Amenhotep III – Thutmose I (1484-1472 BC) and Thutmose III (1444-1412 BC) – extended their reach to Mitanni, near the Mitannian city of Kargamiš (modern-day Jarabulus/Cerablus, situated near the Syria-Turkey border). However, there is no evidence indicating that Egyptian troops penetrated Išuwa, despite its proximity to Mitanni. Interestingly, in spite of these military operations against Mitanni during that period, the Egyptians later established an alliance with Mitanni to counter the threat posed by Ḫatti.

To solidify the anti-Hittite alliance, during the tenth year of his reign Amenhotep III married Giluk(ḫ)epa, the daughter of Šuttarna I, the king of Mitanni. Subsequently, another king of Mitanni, Tušratta, communicated with the Egyptian king through a letter [4, pp. 41-42]⁷, in which he reaffirmed the treaty between their empires and presented gifts to the pharaoh. Following his successful defense against a Hittite attack, Tušratta not only sent the customary gifts of greeting to Amenhotep III and Giluk(ḫ)epa but also included artifacts from his Hittite conquest, such as chariots and horses. In a later correspondence, it is written that he presented a magnificent goblet, two gold necklaces adorned with rich blue lapis lazuli, ten chariots complete with horse teams, and thirty slaves. Additionally, the king of Mitanni arranged for his daughter, Taduḫepa, to marry Amenhotep III [4, pp. 51-61, 72-84]⁸.

The primary sources of information about Išuwa, located in the southwestern region of the Armenian Highland, are the Hittite texts. Situated near Mesopotamia, Asia Minor, and Syria, Išuwa had established economic, cultural, and military-political connections with the states and peoples of these regions from ancient times. Its territory served as a crucial crossroads, facilitating access to these areas and further into the Armenian Highland. Išuwa is recognized as the earliest state to emerge in the south-western part of the Armenian Highland, with references found in Hittite texts dating primarily to the second half of the 2nd millennium BC.

Išuwa played a significant role in several geopolitical conflicts, initially between Ḫatti and Mitanni, followed by tensions between Ḫatti and Assyria, and more recently, between Assyria and Urartu. The territory of the Išuwa state predominantly corresponds to present-day Elazığ Province in Turkey.⁹ The boundaries of Išuwa extended to the Aratsani River (modern Murat Su) in the north and the Euphrates River in the west. Identifying the southeastern corner of Išuwa presents greater challenges; it is potentially located near the Upper Mesopotamian Plain, close to the upper reaches of the Tigris River [12, p. 212], adjacent to the Taurus Mountains and the land of Mitanni beyond. It is therefore not surprising that the Išuwans, defeated by the Hittite Great King Tudḫaliya I/II, fled to the land of Mitanni. Similarly, after his victory over Išuwa, Hittite king Suppiluliuma I advanced into Mitanni [13, pp. 13-22, 50; 12: pp. 212]. To the east, the borders of Išuwa extended to the Byurakn Mountains (Bingöl Dağları), likely identified in Hittite texts as the Laḫa Mountains [14, pp. 83-84]. In this region, Išuwa bordered Hayasa (Azzi), another significant state within the Armenian Highland [15]. To the south, Išuwa was bordered by the Armenian Highland state of Alzi, situated in the upper basin of the Tigris River within the historical region of Aghdznik in historical Armenia [16, p. 272]. To the north, Išuwa was adjacent to Paḫḫuwa Land (present-day Tunceli region in Turkey, historically known as Dersim) [17, p. 387, 18], as referenced in the Hittite text KUB XXIII 72¹⁰. To the west, across the Euphrates River, Išuwa was bordered by Tegarama¹¹ and the Hittite city of Malitia (modern archaeological site Arslantepe in Turkey) [21].

One of the earliest Hittite references to Išuwa can be found in the texts of King Tudḫaliya I/II of Ḫatti. One such text details Išuwa's aggressive actions toward Ḫatti, as well as Tudḫaliya's subsequent invasion

5. For the history of the Išuan Kingdom, archaeological excavations in the Malatya-Elazığ area, and Hittite-Mittanian relations, see: [5].

6. The word *Išyw* is sometimes compared to the Asia Minor toponym Assuwa or its connection with Išuwa is generally rejected. One of the main reasons given is that Išuwa as a state did not have much influence in the region and is unlikely to have been mentioned in Egyptian inscriptions. In addition, connections between Išuwa and Egypt are considered unlikely. For more details, see: [8].

7. EA 17

8. EA 22, 25

9. About the history and location of Išuwa: See: [9, pp. 154-156; 10, p. 283; 11, pp. 61-63; 12, pp. 212-215].

10. Keilschrifturkunden aus Boğazköi (Berlin, 1921ff.) – KUB.

11. The city was in the vicinity of modern town Gürün: See: [19, pp. 130-133; 20].

and conquest of the region.¹² This event is also documented in a significantly damaged text¹³ associated with the subsequent Hittite king Arnuwanda I, who reigned in the first half of the 14th century BC. The two texts provide evidence of Tudḫaliya I/II's conquest of Išuwa; however, it remains uncertain whether this region was previously beyond the influence of Ḫatti prior to the campaign, as there are currently no sources available to clarify this issue. The accounts detailing Tudḫaliya I/II's invasion of Išuwa suggest that the Hittite king launched an incursion due to the support the king of Išuwa had provided to the king of Mitanni, a rival of Ḫatti. Additionally, significant information regarding Tudḫaliya I/II's raid on Išuwa is found in the "historical introduction" of the treaty [13, p. 13ff.] signed between him and Sanussara, the King of Kizzuwatna (in the south-eastern part of the Asia Minor).

Išuwa was once under Hittite control; however, during a subsequent advance of the Hittite army, a portion of the population rebelled and sought refuge in Ḫurri Land (Mitanni). The king of Mitanni, Sauštatar, refused to return these refugees, and Mitannian troops subsequently invaded Išuwa, raiding its cities. This evidence may lend support to the hypothesis that prior to the Hittite conquest, Išuwa maintained an alliance with its southern neighbor, Mitanni, or at the very least, exhibited pro-Mitannian sentiments.¹⁴ If the events described in the treaty are accurate, the following sequence of events can be reconstructed: initially, as noted by Sauštatar, during the reign of his grandfather in the first half of the 15th century BC, a segment of the population from Išuwa, likely consisting of noblemen, migrated to Mitanni before returning to their homeland. Simultaneously, Išuwa became subject to the dominance of Ḫatti. Subsequently, Išuwa was liberated from Hittite rule with assistance from Mitanni, which prompted a portion of its population to flee to Mitanni. It is highly probable that these events, occurring during the reign of Tudḫaliya I/II, ultimately resulted in Išuwa succumbing to Hittite control.

A key source regarding the history of Išuwa is the "Text of Mita" [23, pp. 10-44]¹⁵ which describes the rebellion of Land of Paḫḫuwa (in the western part of the Armenian Highland), along with its allies against Arnuwanda I, the King of Ḫatti. It examines the punitive measures enacted by the Hittite king in response to the uprising and the subsequent renewal of an earlier treaty between the conflicting parties. Mita, the leader of the rebellion, provided refuge to those fleeing from Hittite territory and conducted raids on neighboring states, including Išuwa, Kumaḫa, and Timmiya.

In the previously discussed text, Išuwa is referenced in three distinct forms: 1) KUR^{URU}Išuwa, meaning "Land of the City of Išuwa"; 2) KUR^{KUR}Išuwa, translating to "Land of Išuwa"; and 3) URU^{URU}Išuwa, which denotes "City of Išuwa." Among the 13 cities mentioned in the text's third section, three are definitely located within the territory of Išuwa: Ḫinzuta, Sullamma, and Watarusna. These cities are also well-documented in Hittite texts from a later period [23, pp. 111-112].

The land of Išuwa is referenced in the Hittite text KUB XXXI 103, which details a treaty between the Hittite king Arnuwanda I and several regions along the Upper Euphrates. This text is directly connected to [23, pp. 44-50]¹⁶. The Hittite tablet KBo XVI 42 provides a description of the Upper Euphrates region, mentioning several geographical names, including Išuwa, Malitiya/Melid, Manzana, and [Ḫi]nzuta. Information about Išuwa is also present in the instructions provided to the Hittite border commanders, likely dating to the reign of Arnuwanda I¹⁷. These instructions enumerate soldiers originating from the regions of Kassiya, Ḫimuwa, Tegarama, and Išuwa.¹⁸ This suggests that during this period, Išuwa was under Hittite control and was required to supply troops to the Hittite military.

During the reign of Hittite King Tudḫaliya III (1360-1344 BC), the Hittite State faced prolonged conflict against multiple external threats, including incursions from Išuwa,¹⁹ indicating that Išuwa was no longer under Hittite control at this time. This period was marked by assaults from nearly all neighboring states, leading to the temporary loss of significant portions of the Hittite territory, including the capital, Ḫattusa, which fell into enemy hands. It was only through considerable effort that Tudḫaliya III, followed by his son Suppiluliuma I, managed to restore the state's territorial integrity.

12. KUB XXIII 11 Rs. III. The restoration of the damaged parts of the text and their translation was made by O. Carruba. See: [22, pp. 162-163; 23, pp. 51-54].

13. KUB XXIII 14 Vs. II. See: [23, pp. 55-56].

14. KBo I 5+ See: [10, p. 284; 23, pp. 57-62].

15. KUB XXIII 72.

16. KUB XXIII 72.

17. Keilschrifttexte aus Boğhazköi (Leipzig/Berlin, 1923ff.) (KBo).

18. KUB XIII 2 III [24, p. 69; 25, p. 67, 70].

19. See: KBo VI 28.

The agreement signed between Suppiluliuma I and Prince Šattiwaza of Mitanni²⁰ also contains references to Išuwa. The treaty was established following the conquest of Mitanni by the Hittite king Suppiluliuma I and the subsequent appointment of Šattiwaza as the king of Mitanni. The document also provides vital information about an event that took place during the reign of Suppiluliuma's father, Tudḫaliya III, likely at an early stage of his rule. Notably, it references the flight of populations from the eastern regions of Ḫatti to Išuwa. In some scholarly works, this segment of the treaty is informally referred to as the "Išuwān List." This list details the influx of individuals from various areas of the Hittite realm, which faced significant internal and external political challenges at the time. Additionally, this period is corroborated by a text from the era of Ḫattusili III (1267-1237 BC), which notes that Išuwa had launched an attack on the territory of Tegarama.²¹ The Hittites successfully reestablished their control over Tegarama and its neighboring regions; however, a segment of the rebel population escaped to Išuwa [13, pp. 38-39]. The Hittites invaded and subsequently conquered Išuwa. Following this, Suppiluliuma I returned the displaced inhabitants of Išuwa. Similar events are recounted by Muṣili II (1321-1295 BC) in his account, "The Deeds of Suppiluliuma" [14, p. 83f.]. Finally, the "Nuḫašše Treaty" of Suppiluliuma briefly alludes to his conquest of Išuwa.²² This indicates that during the initial years of Suppiluliuma I's reign, Išuwa was a hostile territory for the Hittites. However, over time, the King of Ḫatti managed to conquer the Išuwāns, regaining control of this strategically significant region.

Following these events, Išuwa temporarily ceased to be a focal point of great-power conflict. Its secure position within the Hittite sphere of influence is suggested by the absence of any mention in the records of Muṣili II, even in relation to his war against Hayasa. In the sources pertaining to Muwattalli II (1295-1272 BC), Išuwa is referenced solely in connection with its deities in his grand prayer to the piḫaššašši Storm-God [27, p. 18, 38].

In a cult edict, the Hittite king Tudḫaliya IV (1237-1209 BC) enumerates several Išuwān cities along with the deities venerated in each [28, p. 90].

In the inscriptions of Hittite kings Ḫattusili III (circa 1267-1237 BC) and Tudḫaliya IV, two rulers from Išuwa are mentioned: Arišarruma (also known as Ališarruma [29]) and Eḫlišarruma. Additionally, several hieroglyphic seal impressions unearthed at the renowned archaeological site of Korucutepe in the Elaziğ (historically Kharberd) region in Turkey between 1968 and 1970 contribute valuable information to our understanding of the cuneiform sources [30, pp. 135-147].

Comparison of these two groups of sources suggests the existence of kinship ties between the Išuwān and Hittite dynasties [30, p. 140; 31, p. 178]²³. The identification of Kilišhepa, the Queen of Išuwa, in the seal of Korucutepe has enabled H.G. Güterbock to associate her with Kilišhepa mentioned in two Hittite cuneiform texts [30, pp. 139-141]²⁴. In these texts, the Hittite queen Puduḫepa, the wife of Ḫattusili III, pledges to bestow numerous gifts upon the deity in gratitude for the recovery of the son of the king of Išuwa. This oath suggests a close kinship between the prince of Išuwa and Puduḫepa, indicating that the dynasties of Ḫattusa and Išuwa maintained strong familial ties, at least during the 13th century BC.

Conclusion

In concluding this article, it is important to highlight that the reign of Amenhotep III represented a pinnacle of Egyptian diplomacy. During his rule, Egypt expanded its influence over foreign lands and peoples predominantly through diplomatic means rather than military conquest. The list found at Kom el-Hettān should not be interpreted as evidence that these territories were explicitly under Egyptian control during Amenhotep III's reign. Instead, the placement of the aforementioned toponyms depicted like bound captives in beneath the

20. Suppiluliuma welcomed the Mitannian prince and installed him as a vassal king on the throne of Mitanni. In the preamble of the agreement, Suppiluliuma provides a historical overview of events dating back to the reign of the new king's father, Tušratta, whose conduct had been antagonistic towards the Hittites. See: Laroche E. Catalogue des textes hittites. Paris: Éditions Klincksieck, 1971: XII+273 (CTH): 51 [26, pp. 40-41; 13, pp. 38-44; 23, pp. 79-89].

21. It provides insights into the events that transpired in Ḫatti prior to and during the reign of Tudḫaliya III. See: CTH 88; KBo VI 28 obv. 12.

22. CTH 53; KBo I, 4 I 14-17.

23. In the agreement signed between Ḫattusili III and Ulmitešub, the king of Tarḫuntassa, Arišarruma, king of Išuwa [32] is referred to as one of the witnesses of the agreement. Arišarruma is also mentioned in four seal impressions discovered from Korucutepe, one of the Išuwān archaeological sites [30, p. 135ff.; 31, p. 178]. In the agreement signed between Tudḫaliya IV and Kurunta (king of Tarḫuntassa) [33] and in the letter of the king of Ḫanigalbat to the king Tudḫaliya IV (IBoT I 34; 34, p. 28off.) Eḫlišarruma is mentioned as a prince (DUMU. LUGAL). Probably he was one of the parties of the agreement between Tudḫaliya IV and Išuwa (CTH 123 = KBo IV 14) [35, p. 39ff.].

24. KUB XV 1 III 48-55 and KUB XV 3 IV 5-12.

statue of Amenhotep III underscores the subjective and propagandistic nature of this representation. This is particularly significant given that the use of captive ovals to illustrate foreign lands is a well-established convention in Egyptian art.

The depiction of a toponym within a cartouche or a fortified oval, accompanied by the image of a bound prisoner, constitutes a standard iconographic convention of the New Kingdom used to represent foreigners. Notably, some countries mentioned in these lists were never subjugated by Egypt, and their rulers were perceived as equals by the Egyptian pharaoh. Nevertheless, these names also appear on the statue-base lists at Kom el-Hettân, enclosed in fortified ovals topped by representations of bound prisoners. Similar lists have been found at other Egyptian archaeological sites, such as the topographical lists on the front pylon of Ramses III's grand temple at Medinat Habu and in various other locations. This pattern is particularly observable in the "Aegean list".²⁵ Certainly, several countries on this list were never under Egyptian control. These names are also presented in cartouches, each surmounted by bound prisoners. Consequently, the "Aegean list" cannot be interpreted as an assertion that the Aegean region was under Egyptian control during the reign of Amenhotep III [37, pp. 2-6].

For ancient Egyptians, history was conceived as a ceremonial event in which each pharaoh triumphed over chaos to restore stability, adhering to a canonically established ritual. Central to kingship was the maintenance of cosmic order. The king's primary duties involved establishing and safeguarding this order while averting chaos. This principle extended to the standard military engagements against Egypt's adversaries, portrayed as foreign chieftains who submitted to the king's authority. The destruction of these enemies was celebrated as a ritualistic hunt, often depicted through the imagery of their overthrow. Notably, these political foes lacked distinct identities; their roles were defined solely as opposers of order. The political conquest ensured the maintenance of divine order both in the cosmos and in the afterlife. The king was viewed as the supreme ruler over Egypt and its surrounding territories, embodying authority over the entire world. Thus, both Egypt and its foreign lands were integral to this historical ritual [38].

The reign of Amenhotep III was marked by relative peace, as the Egyptians did not engage in military conflict with Hatti. Furthermore, there is no evidence suggesting that Egyptian campaigns ever reached the territory of the Armenian Highland or that they took captives from this region. This depiction may also carry metaphorical, symbolic, or propagandistic significance, as the Egyptian Pharaoh sought to highlight the northern boundaries of his influence, which extended from the southwest of the Armenian Highland (Išuwa) to the west of Asia Minor (Arzawa).

An alternative explanation for the presence of the Išuwan figure in the stone carving may lie in the context of recurring confrontations between Mitanni and Hatti. It is possible that Hittite and Išuwan prisoners of war were sent to Egypt as diplomatic gifts and later depicted on the aforementioned monument. This event likely occurred during the reign of Hittite King Arnuwanda I, a time when Išuwa was under Hittite control and Mitanni sought to reclaim it. In the final years of Arnuwanda I's reign or the early years of his successor, Tudḫaliya III, Išuwa may have experienced an Mitannian incursion as a result of which the Hittites lost their control over it. Notably, Išuwa was among the regions that rebelled against the Hittite State during Tudḫaliya III's reign (KBo VI 28). During this period, it is likely that the Mitannians sent the captured Išuwans as a gift to the Egyptian Pharaoh. This practice is corroborated by letter EA 17 in the Amarna archive. In lines 28-38 of the letter, Mitannian King Tušratta informs Amenhotep III of his victory over the Hittite forces and details the spoils taken from the Hittites, as well as the gifts he is sending to the Pharaoh along with the correspondence [39, p. 351, 4, pp. 41-42]. While no Išuwan captives were explicitly mentioned, the practice of presenting such gifts was common in Egyptian-Mitannian relations.

It is very interesting that artifacts of Egyptian origin, such as scarab seals, pendants, and luxury items, were discovered at archaeological sites throughout various regions of the Armenian Highland during this period. These findings further attest to the interactions between the Armenian Highland and Egypt during that time [40].

An analysis of historical information regarding the ancient country of Išuwa suggests that the Egyptians were likely aware of Išuwa or may have encountered the Išuwans during their diplomatic missions to Mitanni. Given the established trade relations between Egypt and Mitanni, it is plausible that these interactions extended to Išuwa as well. This could indicate that Egyptians ventured into the Armenian Highland to foster trade or diplomatic ties with the region.

25. The "Aegean List" was uncovered in the 1960s, inscribed on one of five statue bases located in the northern section of the West Portico of the grand Peristyle Court at Kom el-Hettân. Each statue base features a distinct series of toponyms, enclosed within "fortified" or "crenellated" ovals, and superimposed upon depictions of bound captives – an established Egyptian convention for representing foreign lands. See: [3, 36].

REFERENCES

1. Sourouzzian H., Stadelmann R., Madden B., Gayer-Anderson Th., Dorner J., Hampikian N., Seco Alvarez M., Nouredine I., López Marcos M.A., Perzlmeier Ch., Elesawy M., Becker H., Herbich T., Vlasov D., Zolotarev A. Three Seasons of work at the Temple of Amenhotep III at Kom El Hettan. Part I, II, III, IV. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 2006; 80: 323-520.
2. Sourouzzian H., Stadelmann R., Karakhanyan A., Avagyan A., Dorner J., Kamimura E., Mora Ruedas E., López Marcos M.A., Perzlmeier Ch., Nouredine I., Seco Alvarez M., López Roa C., Hampikian N. Fifth Report on excavation and conservation work at Kôm El-Hettan from 9th to 12th seasons (2007–2010) by the Colossi of Memnon and Amenhotep III Temple conservation project. Part I, II, III. *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 2011; 85: 273-552.
3. Cline E. Amenhotep III, the Aegean, and Anatolia. *Amenhotep III. Perspectives on His Reign*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998: 236–270.
4. Moran W. *The Amarna Letters*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1992.
5. Şerifoğlu T.M. Between the Hittites and the Mittanians: The Malatya-Elazığ Area During the Late Bronze Age. *Ancient Near Eastern Studies*. 2011; 48: 126-163.
6. De Martino S. Hittite Letters from the Time of Tuthaliya I/II, Arnuwanda I and Tuthaliya III. *Altorientalische Forschungen*. 2005; 32(2): 291–321. DOI: 10.1524/afo.2005.32.2.291.
7. Bryce T. *The Kingdom of the Hittites (New Edition)*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
8. Gander M. Asia, Ionia, Maeonia und Luwiya? Bemerkungen zu den neuen Toponymen aus Kom el-Hettan (Theben-West) mit Exkursen zu Westkleinasien in der Spätbronzezeit. *Klio*. 2015; 97(2): 443–502. DOI: 10.1515/klio-2015-0034.
9. Del Monte G., Tischler J. *Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes. VI. Die Orts-und Gewässernamen der hethitischen Texte*. Wiesbaden: L. Reichert, 1978.
10. Hawkins J.D. The Land of Išūwa: The Hieroglyphic Evidence. *Acts of the III International Congress of Hittitology, Çorum, September 16–22, 1996*. Ankara: Uyum Ajans, 1998: 283–295.
11. Kosyan A. *The Toponyms of the Armenian Highland (According to the Hittite Cuneiform Sources) [Haykakan lernash-kharhi texanunnery: Yst khetakan sepagir aghbyurneri]*. Yerevan: Zangak Publ., 2004 (in Armenian).
12. Alparslan M. The East: Upper Land: Išūwa-Malitiya, Azzi-Hayaša Philology. *Hittite Landscape and Geography; Handbook of Oriental Studies. Section One. Near and Middle East*. Leiden: Brill, 2017: 121; 209-218. DOI: 10.1163/9789004349391_020.
13. Beckman G. *Hittite Diplomatic Texts*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 1996.
14. Güterbock H.G. The Deeds of Suppiluliuma as told by his Son, Mursili II. *Journal of Cuneiform Studies*. 1956; 10(2–4): 41–68, 75–98, 107–130.
15. Ghazaryan R. *Hayasa (Azzi): Military and political, cultural history and issues of toponymy*. Yerevan: Hovsepyan Publ., 2023 (in Russ).
16. Kosyan A. Between the Euphrates and Lake Van (On the Location of Hayasa and Azzi). *International Symposium on East Anatolia – South Caucasus Cultures. Proceedings I*. Cambridge Scholars Publishing, 2015: 271–276.
17. Torri G. Militärische Feldzüge nach Ostanatolien in der mittelhethitischen Zeit. *Altorientalische Forschungen*. 2005; 32(2): 386–400. DOI: 10.1524/afo.2005.32.2.386.
18. Ghazaryan R. Some issues on the history and location of land of Pahhuwa. *The American Historical Review*. 2017; 122(5): 1962–1967.
19. Barjamovic G.A. *Historical Geography of Anatolia in the Old Assyrian Colony Period*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2011.
20. Ghazaryan R. The South-Eastern Border Region of the Hit-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sourouzzian H., Stadelmann R., Madden B., Gayer-Anderson Th., Dorner J., Hampikian N., Seco Alvarez M., Nouredine I., López Marcos M.A., Perzlmeier Ch., Elesawy M., Becker H., Herbich T., Vlasov D., Zolotarev A. Three Seasons of work at the Temple of Amenhotep III at Kom El Hettan. Part I, II, III, IV // *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 2006. № 80. Pp. 323-520.
2. Sourouzzian H., Stadelmann R., Karakhanyan A., Avagyan A., Dorner J., Kamimura E., Mora Ruedas E., López Marcos M.A., Perzlmeier Ch., Nouredine I., Seco Alvarez M., López Roa C., Hampikian N. Fifth Report on excavation and conservation work at Kôm El-Hettan from 9th to 12th seasons (2007–2010) by the Colossi of Memnon and Amenhotep III Temple conservation project. Part I, II, III // *Annales du service des antiquités de l'Égypte*. 2011. №85. Pp. 273-552.
3. Cline E. Amenhotep III, the Aegean, and Anatolia // *Amenhotep III. Perspectives on His Reign*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. Pp. 236-270.
4. Moran W. *The Amarna Letters*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1992: 393.
5. Şerifoğlu T.M. Between the Hittites and the Mittanians: The Malatya-Elazığ Area During the Late Bronze Age // *Ancient Near Eastern Studies*. 2011; 48: 126-163.
6. De Martino S. Hittite Letters from the Time of Tuthaliya I/II, Arnuwanda I and Tuthaliya III // *Altorientalische Forschungen*. 2005. № 32(2). Pp. 291-321. DOI: 10.1524/afo.2005.32.2.291
7. Bryce T. *The Kingdom of the Hittites (New Edition)*. Oxford: Oxford University Press, 2005: 554.
8. Gander M. Asia, Ionia, Maeonia und Luwiya? Bemerkungen zu den neuen Toponymen aus Kom el-Hettan (Theben-West) mit Exkursen zu Westkleinasien in der Spätbronzezeit // *Klio*. 2015. №97(2). Pp. 443-502. DOI: 10.1515/klio-2015-0034
9. Del Monte G., Tischler J. *Répertoire Géographique des Textes Cunéiformes. VI. Die Orts-und Gewässernamen der hethitischen Texte*. Wiesbaden: L. Reichert, 1978: VI, XVII+596.
10. Hawkins J.D. The Land of Išūwa: The Hieroglyphic Evidence // *Acts of the III International Congress of Hittitology, Çorum, September 16-22, 1996*. Ankara. Uyum Ajans; 1998. Pp. 283-295.
11. Косян А. Топонимы Армянского нагорья (по данным хеттским клинописных источников). Ереван: Издательский дом Зангак, 2004. – 168 с. (На арм.).
12. Alparslan M. The East: Upper Land: Išūwa-Malitiya, Azzi-Hayaša Philology // *Hittite Landscape and Geography; Handbook of Oriental Studies. Section One. Near and Middle East*. Leiden: Brill; 2017: 121; 209-218. DOI: org/10.1163/9789004349391_020
13. Beckman G. *Hittite Diplomatic Texts*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 1996. 244 p.
14. Güterbock H.G. The Deeds of Suppiluliuma as told by his Son, Mursili II // *Journal of Cuneiform Studies*. 1956; №10, 2-4. Pp. 41-68, 75-98, 107-130.
15. Казарян Р. Хайаса (Аззи): Военно-политическая, культурная история и вопросы топонимики. Ереван: Издательский дом Овсепян, 2023. – 146 с.
16. Kosyan A. Between the Euphrates and Lake Van (On the Location of Hayasa and Azzi) // *International Symposium on East Anatolia – South Caucasus Cultures. Proceedings I*. Cambridge Scholars Publishing; 2015. Pp. 271-276.
17. Torri G. Militärische Feldzüge nach Ostanatolien in der mittelhethitischen Zeit // *Altorientalische Forschungen*. 2005. №32/2. Pp. 386-400. DOI: 10.1524/afo.2005.32.2.386
18. Ghazaryan R. Some issues on the history and location of land of Pahhuwa // *The American Historical Review*. 2017. №122(5). Pp. 1962-1967.
19. Barjamovic G.A. *Historical Geography of Anatolia in the Old Assyrian Colony Period*. Copenhagen: Museum Tusculanum Press, 2011: XVIII+519.

- tite State [Khetakan petutyun harav-arevelyan sahmanayin shrja-ny]. *The Countries and Peoples of the Near and Middle East*. 2016; XXX: 19–30 (in Armenian).
21. De Martino S. Malatya and Išua in Hittite Texts: New Elements of Discussion. *Origini*. 2012; XXXIV: 375–383.
22. Carruba O. Beiträge zur mittelhethithischen Geschichte I-II. *Studi Micenei ed Egeo-Anatolici*. 1977; 18: 137–195.
23. Kosyan A., Ghazaryan R., Khanzadyan M., Martirosyan S. *The XV Century Hittite Cuneiform Sources about the Armenian Highland. Cuneiform Hittite Sources about Armenian Highland II* [M.t.a. XV dari khetakan sepagrakan aghbyurnery Haykakan lernashkharhi masin]. Yerevan: Gitutyun publishing house, 2018 (in Armenian).
24. Goetze A. An Old Babylonian Itinerary. *Journal of Cuneiform Studies*. 1953; 7(2): 51–72.
25. Houwink Ten Cate Ph. H.J. *The Records of the Early Hittite Empire (c. 1450–1380 B.C.)*. Leiden: Publications de l'Institut historique et archéologique néerlandais de Stamboul, 1970.
26. Garstang J., Gurney O.R. *The Geography of the Hittite Empire*. London: British Institute of Archaeology in Ankara, 1959.
27. Singer I. *Muwatalli's Prayer to the Assembly of Gods through the Storm-God of Lightning (Laroche E. Catalogue des textes hittites. Paris: Éditions Klincksick, 1971: XII: 381)*. Atlanta: Scholars Press, 1996.
28. Singer I. *Hittite Prayers*. Writings from the Ancient World. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2002.
29. Singer I. The title "Great Princess" in the Hittite Empire. *Ugarit-Forschungen*. 1991; 23: 327–338.
30. Güterbock H.G. Hittite Hieroglyphic Seal Impressions from Korucutepe. *Journal of Near Eastern Studies*. 1973; 32(1–2): 135–147.
31. Kosyan A. Isuwa (Tsop'k) in the XIII–XII cc. B.C. [Isuvan (Tsopq) m.t.a. XIII–XII dd.]. *Historical-Philological Journal*. 1997; 1: 177–192 (in Armenian).
32. Van den Hout T.P.J. *Der Ulmitešub-Vertrag. Eine prosopographische Untersuchung*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995.
33. Otten H. *Die Bronzetafel aus Boğazköy. Ein Staatsvertrag Tuthalijas IV*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1998.
34. Klengel H. Zum Brief eines Königs von Haniğabat (Istanbul Arkeoloji Müzelerinda Bulunan Boğazköy Tabletleri (nden Seçme Metinler) (Istanbul/Ankara, 1948ff). I 34). *Orientalia*. 1963; 32(3): 280–291.
35. Stefanini R. KBo IV 14 = VAT 13049. Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Rendiconti. *Classe di Scienze morali, storiche e filologiche*. 1965; VIII(XX): 39–79.
36. Cline E., Stannish S. Sailing the Great Green Sea? Amenhotep III's "Aegean List" from Kom el-Hetan, Once More. *Journal of Ancient Egyptian Interconnections*. 2011; 3(2): 6–16. DOI: 10.2458/azu_jaei_v03i2_cline.
37. Cline E. Amenhotep III and the Aegean. A Reassessment of Egypto-Aegean Relations in the 14th Century B.C. *Orientalia*. 1987; 56: 2–35.
38. Bontty M. The Haunebu. Göttinger Miszellen. *Beiträge zur ägyptologischen Diskussion*. 1995; 145: 45–58.
39. Altman A. The Mittanian Raid on Amurru. Reconsidered. *Altorientalische Forschungen*. 2003; 30: 345–371. DOI: 10.1524/afo.2003.30.2.345.
40. Piliposyan A., Hayrapetyan A. The New Kingdom of Egypt and the early state organizations of the Armenian Highland in the Second half of the II Millennium BC (based on historical sources and archaeological evidence). *Bulletin of the Institute of Oriental Studies*. 2021; I(1): 23–67. DOI: 10.52837/27382702-2021-34.1-22.
20. Казарян Р. Юго-восточные приграничные регионы Хеттского государства // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. 2016. XXX. С. 19–30. (На арм.)
21. De Martino S. Malatya and Išua in Hittite Texts: New Elements of Discussion // Origini. 2012. № XXXIV. Pp. 375–383.
22. Carruba O. Beiträge zur mittelhethithischen Geschichte I-II. // Studi Micenei ed Egeo-Anatolici. 1977. № 18. Pp. 137–195.
23. Косян А., Казарян Р., Ханзадян М., Мартиросян С. Хеттские клинописные источники XV века до н.э. об Армянском нагорье. Хеттские клинописные источники об Армянском нагорье II. Ереван: Издательский дом Гитутюн, 2018. – 182 с. (На арм.)
24. Goetze A. An Old Babylonian Itinerary // Journal of Cuneiform Studies. 1953. № 7(2). Pp. 51–72.
25. Houwink Ten Cate Ph. H.J. The Records of the Early Hittite Empire (c. 1450–1380 B.C.). Leiden: Publications de l'Institut historique et archéologique néerlandais de Stamboul, 1970. 87 p.
26. Garstang J. Gurney O.R. The Geography of the Hittite Empire. London: British Institute of Archaeology in Ankara, 1959: IX+152.
27. Singer I. Muwatalli's Prayer to the Assembly of Gods through the Storm-God of Lightning (Laroche E. Catalogue des textes hittites. Paris: Éditions Klincksick, 1971: XII+273.). Atlanta: Scholars Press, 1996: 193.
28. Singer I. Hittite Prayers. Writings from the Ancient World, Atlanta: Society of Biblical Literature, 2002: XV+141.
29. Singer I. The title "Great Princess" in the Hittite Empire // Ugarit-Forschungen. 1991. № 23. Pp. 327–338.
30. Güterbock H.G. Hittite Hieroglyphic Seal Impressions from Korucutepe // Journal of Near Eastern Studies. 1973. № 32 (1–2). Pp. 135–147.
31. Косян А. Иссува (Тцопк) в XIII–XII вв. до н.э. // Историко-филологический журнал. 1997. №1. С. 177–192. (На арм.)
32. Van den Hout T.P.J. Der Ulmitešub-Vertrag. Eine prosopographische Untersuchung. Wiesbaden: Harrassowitz, 1995, xx + 326.
33. Otten H. Die Bronzetafel aus Boğazköy. Ein Staatsvertrag Tuthalijas IV. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1998: 94.
34. Klengel H. Zum Brief eines Königs von Haniğabat (Istanbul Arkeoloji Müzelerinda Bulunan Boğazköy Tabletleri (nden Seçme Metinler) (Istanbul/Ankara, 1948ff). I 34) // Orientalia. 1963. №32(3). Pp. 280–291.
35. Stefanini R. KBo IV 14 = VAT 13049. Atti della Accademia Nazionale dei Lincei, Rendiconti // Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. 1965. № VIII(XX). Pp. 39–79.
36. Cline E., Stannish S. Sailing the Great Green Sea? Amenhotep III's "Aegean List" from Kom el-Hetan, Once More // Journal of Ancient Egyptian Interconnections. 2011. № 3(2). Pp. 6–16. DOI: 10.2458/azu_jaei_v03i2_cline
37. Cline E. Amenhotep III and the Aegean. A Reassessment of Egypto-Aegean Relations in the 14th Century B.C. // Orientalia. 1987. № 56. Pp. 2–35.
38. Bontty M. The Haunebu // Göttinger Miszellen. Beiträge zur ägyptologischen Diskussion. 1995. № 145. Pp. 45–58.
39. Altman A. The Mittanian Raid on Amurru. Reconsidered, *Altorientalische Forschungen*. 2003; 30: 345–371. DOI: 10.1524/afo.2003.30.2.345
40. Piliposyan A., Hayrapetyan A. The New Kingdom of Egypt and the early state organizations of the Armenian Highland in the Second half of the II Millennium BC (based on historical sources and archaeological evidence) // Bulletin of the Institute of Oriental Studies. 2021. № I (1). Pp. 23–67. DOI: 10.52837/27382702-2021-34.1-22

Поступила в редакцию 02.04.2025 г.

Принята в печать 29.05.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

Received 02.04.2025

Accepted 29.05.2025

Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213438-454>

Исследовательская статья

Бабаджанов Бахтияр Мираимович
д.и.н., главный научный сотрудник
Национальный центр археологии АН РУз, Ташкент, Узбекистан;
приглашенный специалист в должности главного научного сотрудника
Институт востоковедения имени Р. Сулейменова Комитета науки МНВО РК, Алматы, Казахстан
bbmir58@gmail.com

Медерова Дина Есиркеповна
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт востоковедения имени Р. Сулейменова Комитета науки МНВО РК, Алматы, Казахстан
mederovadina@gmail.com

«В МИР ИНОЙ СО СВОИМИ ПРИПАСАМИ». ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ НА НАМОГИЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ МУСУЛЬМАНСКИХ СВЯТЫНЬ ЕВРАЗИИ И КАВКАЗА

Аннотация. Одна из показательных особенностей намогильных памятников на мусульманских святынях Евразии и Кавказа – обилие изображений оружия, орудий труда и предметов быта на памятных стелах и внутри мавзолеев. Нередко в декорации этих сооружений появлялись зооморфные (в т.ч. тотемные животные) и реже антропоморфные изображения. Примерно такими же изображениями украшались интерьеры казахских мавзолеев. Исследователи в большей степени фокусируются на формальных, в лучшем случае – более подробных описаниях иконографии зафиксированных изображений, избегая более обширных обсуждений в контексте социальной антропологии в исследованиях артефактов и исламской материальной культуры. Толкования же этих изображений как отражение профессии умершего, или априорные заключения о «древних корнях традиции» с поиском исторических и этнографических аналогов не восполняют всей картины и сохраняют статус очередного академического вызова. В этой статье мы описали некоторые артефакты (в том числе и неопубликованные), предложив свою интерпретацию изображений на намогильных сооружениях, рассматривая их как объекты материальной культуры, которые отражают воображение и представления того общества, которое их создало и которое не видело религиозных препятствий в подобных декорациях намогильных памятников своих предков. Здесь предложен взгляд на изображения не только как на этнографический предмет, но как на способ «неписанного прочтения» идеологии тех, кто создал их, имея в виду обширные контексты антропологии артефактов, в том числе, в качестве объектов религиозных практик и представлений.

Ключевые слова: намогильные памятники; мавзолеи; изображения; росписи мавзолеев; семантика изображений; символические коммуникации

Для цитирования: Бабаджанов Б.М., Медерова Д.Е. «В мир иной со своими припасами». Визуальные символы на намогильных сооружениях мусульманских святынь Евразии и Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 438-454. doi.org/10.32653/CH213438-454

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213438-454>

Research paper

Bakhtiyar M. Babajanov
Dr. Sci., Chief Researcher
National Center of Archeology of the AS RU, Tashkent, Uzbekistan;
Invited Expert as Chief Researcher
R. Suleimanov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan
bbmir58@gmail.com

Dina E. Mederova
Cand. Sci., Leading Researcher
R. Suleimanov Institute of Oriental Studies, Almaty, Kazakhstan
mederovadina@gmail.com

“TO THE OTHER WORLD WITH OWN SUPPLIES”: VISUAL SYMBOLS ON MUSLIM FUNERARY MONUMENTS IN EURASIA AND THE CAUCASUS

Abstract. A distinctive feature of funerary monuments at Muslim shrines in Eurasia and the Caucasus is the prevalence of imagery depicting weapons, tools, and household items on tombstones and within mausoleums. Zoomorphic motifs, including totem animals, and, less frequently, anthropomorphic images, often appear in the decoration of these structures. The interiors of Kazakh mausoleums are adorned with similar iconography. Existing scholarship often limits analysis to formal descriptions of these images or cursory interpretations linking them to the deceased's profession or invoking their “ancient roots” through historical and ethnographic comparisons. Such approaches are narrowly focused and leave broader anthropological questions underexplored. This study examines a selection of artifacts, including previously unpublished examples, and proposes a reinterpretation of the imagery on these grave structures. We view them as expressions of material culture that embody the societal imagination and ideological frameworks of their creators, who evidently perceived no religious prohibitions against such decorations. By adopting a broader anthropological perspective, this article considers these images not merely as ethnographic artifacts but as a form of “non-written reading” that reveals the religious practices, beliefs, and cultural ideologies of the communities that produced them.

Keywords: tombstones; gravestones; mausoleums; imagery; mausoleum paintings; semantics of images; symbolic communications

For citation: B.M. Babajanov, D.E. Mederova. “To the other world with own supplies”: visual symbols on Muslim funerary monuments in Eurasia and the Caucasus. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 438-454. doi.org/10.32653/CH213438-454

Введение

Мемориальные артефакты как ассоциативные архетипы (в контексте понимания и интерпретаций архетипов К. Юнга [1, с. 25–26, 88 и далее]), остаются наиболее зримыми символами мусульманских святынь. Функциональная вариативность надгробных сооружений на них довольно ограничена: мавзолеи разных типов, надгробные памятники малых форм (стелы, призматические надгробия, саркофаги) и сооружения, связанные с практиками паломничества. Напротив, их декоративное или конструктивное оформление, равно как и вариации строительных материалов, в разные эпохи являют собой примеры эволюции технологий, целую палитру художественных стилей «народного искусства», вариации культурных, этнических и иных традиций и заимствований.

Основная часть материала, взятого в этой статье за основу анализа, сохранилась на некрополе Дауд-ата (Республика Каракалпакстан. Google Earth Pro – 43°02′03.48″ С 58°43′51.96″. Дата съемки: 6.10.2023). Этот материал не изучен и не публиковался. В процессе исследования материала (эпиграфики, архитектуры, граффити и др.) некрополя, наше внимание привлекли изображения на стелах и в интерьерах мавзолеев. Обращение к аналогам обнаружило сходство изображений на мусульманских надгробных памятниках некрополей, разбросанных на значительной территории Евразии и Кавказа. Именно поэтому мы сознательно расширили не только круг аналогов в нашем библиографическом обзоре. Мы постараемся сосредоточиться на сходстве традиций, которые выходят за пределы современных политических карт и, скорее всего, имеют единый историко-культурный контекст.

Краткий библиографический анализ публикаций (см. ниже) подтвердил справедливость такого подхода, а заодно выявил, что заключения ряда исследователей, изучающих мусульманские некрополи Евразии и Кавказа, часто перегружены идеологическими штампами эпох, либо на них явно отбрасывают тень современные поиски идентичности и сопутствующие идеологемы. Если кому-то из исследователей удастся преодолеть эти ограничения, то плохое знание теоретических работ в разных сферах антропологии также ограничивает как язык описания, так и способы анализа авторов. Иначе говоря, исследования оказываются в «параллельных тоннелях», а формальные сноски на работы друг друга почти не работают, будучи скованными названными ограничениями.

Мы полагаем, что выход из этого состояния «параллельных тоннелей» кроется в исследованиях с более обширным использованием интегративных методов, включая все те направления, которые сегодня существуют изолированно. Мы не претендуем на полную комплексность в рамках этой статьи, однако считаем важным помещать исследованные объекты в контексты, созданные специалистами разных направлений наук в рамках антропологии.

В этом смысле мы опираемся на идею М. МакГвайра, который удачно заметил, что предпочтительней рассматривать взаимодействие между людьми и религиозными артефактами, архитектурой и окружающей средой, имея в виду, что «практика одной религии представляет собой тонкую смесь традиционных верований и личных импровизаций» [2, с. 88].

Исходя из этого посыла, мы постараемся, с одной стороны, истолковать изображения на упомянутых памятниках, как способ символической коммуникации в контексте «рисунок-зритель» (не упуская из виду, что изображение оставлено на мемориалах). С другой – мы помещаем наши описания и анализы в контексты антропологии артефактов, их смысловой семантики и их историчности. Наша основная цель – рассмотреть символическую роль этих артефактов и изображений на них, стараясь не отходить от смыслов, вложенных в них тем обществом, которое их создало.

В силу ограниченности рамок статьи мы преимущественно обращаемся к материалам казахских некрополей. Кроме того, мы вынуждены оставить за пределами статьи такие важные вопросы как соотнесение рассматриваемых изображений с предписаниями т.н. «книжного/догматического ислама»¹, а также более подробный разбор их эстетики и символической семантики, как предметов религиозного (народного по сути) искусства с точки зрения методов антропологии.

1. Этот вопрос будет разобран в другой статье, которую готовит к публикации один из авторов настоящего сборника.

Библиография. Краткий анализ

Изображения на надмогильных сооружениях (в т.ч. и мавзолеях) мусульманских святынь Евразии и Кавказа остаются предметом публикаций на протяжении более одного века. Появление новых работ в последние десять лет (преимущественно связанных с исследованиями архитектуры и эпиграфики некрополей) доказывает, что процесс «накопления материала» еще далек от завершения.

Что касается описания и анализа декора каменных надмогильных памятников на Кавказе, одной из первых к их научному анализу обратилась Н.С. Аскерова, которая, будучи специалистом архитектурного орнамента, лишь констатировала «наличие изображений» на некоторых стелах, сосредоточившись в основном на анализе иных форм их декорации [3, с. 122–129]. Такой подход с доминированием анализов геометрических и растительных узоров, а также с попытками «расшифровать» их семантику и эволюцию, технологию изготовления изделий из камня (в т.ч. стел) и т.п. продолжил дагестанский ученый П.М. Дебиров. О зооморфных и редких антропоморфных изображениях на надмогильных памятниках и рисунках оружия с предметами утвари исследователь упоминает лишь вскользь [4, с. 7, 8, 56, 60, 71]. Одновременно, в его работе приведен солидный список публикаций предшественников (в том числе и имперского периода), оставивших беглые описания мусульманских некрополей Кавказа [4, с. 9–13, 28–31]. В список его иллюстраций попали несколько камней с изображениями холодного и огнестрельного оружия, предметов быта [4, илл. 140, 207]. В целом вывод П. Дебирова по поводу изображений на надмогильных памятниках укладывается в идеологические лекала того времени: «Нет сомнения, что декор таких надгробий имеет своей целью возвеличить погребенного», либо изображения служат «освящению власти господствующих классов» [4, с. 71].

Исследования П. Дебирова продолжил А. Голан, работа которого посвящена подробному разбору эволюции и семантики графических символов (культовой символики, как он ее обозначает) за длительный период (от эпохи палеолита и до современности). За основу взяты материалы Кавказа (в основном Дагестана), однако, обогащенные аналогами разных регионов, исторических эпох и мировых культур. Неграфические символы (изображения утвари, оружия и т.п.) в работе специально не разбираются, хотя приведена обширная библиография [5, с. 81–86].

Позже появились работы, в которых специально анализировались формы стел мусульманских некрополей Кавказа. Например, в работе А.Ф. Гольдштейна впервые приведена общая, однако, во многом формальная, классификация изображений на надмогильных стелах Дагестана с отсылкой на аналоги других регионов Кавказа [6, с. 135]. Автор приходит к заключению, что изображенные предметы – это те, «с которыми покойники имели дело при жизни: на мужских – сапоги, оружие, инструменты и т.п.; на женских – кувшины, украшения» [6, с. 135, 136]. Более широкого осмысления изображений в работе не наблюдается. Такую же попытку интерпретации предельно стилизованных форм узоров, в том числе «под антропоморфные фигуры» (на примере сел. Дарваг Табасаранского района и др.) предпринял Ю.Ю. Карпов [7, с. 99–118].

Попыткой соединить разные направления изучения некрополей и их надмогильных памятников следует признать работу коллектива авторов, посвященную ногайским надгробиям (*сынтасам*), каталог которых (с чтениями текстов и иллюстрациями) приложен к исследованию [8]². Авторы упоминают рисунки на *сынтасах*, «относящиеся к сферам мусульманской обрядности, мусульманских обычаев и мусульманской эмблематики». Одновременно приведена функциональная типологизация изображений этих предметов надмогильных памятников – кувшины, утварь, одежда и пр. Авторы, также как их предшественники, в своей классификации предпочли «гендерное разделение» изображений, хотя одновременно указывают на различия и сходства рисунков на женских и мужских надмогильных памятниках, сводят их в сравнительные таблицы, выявляя различия и сходства, признаки модернизации (появление рисунков новых видов оружия или швейной машинки «Зингер») и др. [8, с. 44–50, 61, 62; илл. 140, 212 и др.]. Таким образом, авторы сосредоточились на классификации изображений в качестве гендерных показателей или как на маркерах профессиональных занятий покойных. Более обширных анализов или интерпретаций не сделано. Тем не менее классификации авторов (форм стел,

2. О достоинствах и упущениях этой работы см.: [9, с. 623–634].

тамг, текстов и др.) следует признать самыми подробными на сегодняшний день и поэтому полезными для других исследователей.

В последнее время появляются новые публикации, где более подробно описаны изображения на стелах, найденных в разных районах Кавказа. Типы погребений и надгробий у адыгов (с обширными аналогами) разобраны в статье М.А. Текуевой и Е.А. Нальчиковой [10, с. 69–92]. Что касается изображений на надмогильных памятниках, авторы, как их предшественники, считают их исключительно маркировками гендерных различий и профессий покойных. Например, на женских надмогильных памятниках изображались нитки, иголки, ножницы. На мужских – черкески, папахи, холодное оружие, наборы инструментов и т.п. В XIX в. на «мужских надгробиях» появляется огнестрельное оружие. Авторы также выделили «общие элементы», связанные с «мусульманской атрибутикой» – полумесяц со звездой, кувшин (*кубган*) и тазик для омовений, иногда четки [10, с. 83–84].

Одно из самых подробных описаний изображений на трех надмогильных памятниках опубликовано коллективом авторов [11, с. 259–281]. Речь идет о рельефных рисунках трех всадников, выгравированных на стелах XVI и начала XVIII вв. Головы всадников, в силу религиозных ограничений, предельно стилизованы и изображены в виде трилистников [11, с. 264–66; рис. 15, 17, 18]. Подобная стилизация почему-то побудила авторов назвать (не вполне удачно, как мы полагаем) эти фигуры «псевдо» или «ложными» всадниками [11, с. 266]. Авторы ограничились указанием аналогов на некрополях в Дагестане и в Азербайджане [11, с. 267]. Попыток этнографического или иного анализа (например, с точки зрения антропологии артефактов) в работе нет, видимо, в силу ограниченного объема статьи.

Похожая статья опубликована П.И. Тахнаевой, которая, помимо текстов, опубликовала с десяток изображений наградных знаков, высеченных на надмогильных памятниках шахидов времен Имамата и которые удалось атрибутировать по музейным каталогам [12, с. 22–28]. Статья краткая (чуть более двух стр. текста) и ставит ограниченную цель – по изображениям «получить дополнительную информацию о погребенных, определить их место в военной иерархии имамата».

Намогильные памятники с изображениями встречаются и на некрополях, расположенных на территории современного Азербайджана. Они упоминаются в разных работах, в том числе в посвященных погребальной эпиграфике [13, с. 66, 271, рис. 451 и др.].

Похожий путь накопления и публикации материала прошла и казахстанская наука. Наиболее ранние исследования с описаниями изображений на стелах и мавзолеях сделаны историком архитектуры, академиком М.М. Мендикуловым. Больше всего примеров с упоминанием изображений на надмогильных памятниках исследователь привел в своей ранней работе с описанием памятников Мангышлака и Западного Устюрта [14]. Автор ограничился перечислением и кратким описанием этих предметов. Это оружие (сабли, кинжалы, пики, предметы одежды и повседневного быта [14, с. 19, 27 и далее; 25, с. 76, 92 и далее]. В иллюстрациях он приводит зарисовки этих предметов (рис. 1).

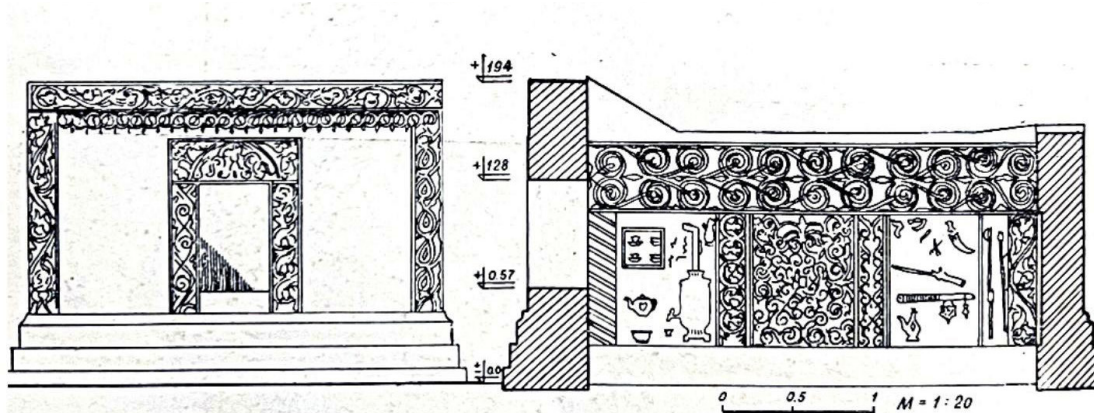

Рис. 1. Мавзолей Айтмана (1897–98 гг.). Фото М. Мендикулова [14, с. 91]

Fig. 1. Aitman Mausoleum (1897–98). Photo by M. Mendykulov [14, p. 91]

М. Мендикулов замечает, что «предметы хорошо нарисованы ... и активно участвуют в создании художественного образа надгробия» (14, с. 17). Как положительную модернизацию рисунков, М. Мендикулов воспринимает тот факт, что на стелах и мавзолеях появляются новые «эмблемы», связанные с визуальными символами советской власти – серп, молот, пятиконечная звезда [14, с. 19]. Сегодня можно дополнить эту точку зрения, например, толковать советскую символику, нанесённую на экстерьеры мавзолеев (рис. 2), как проявление лояльности к властям в ожидании ответного нейтралитета властей к приверженности простых людей к своим былым традициям.

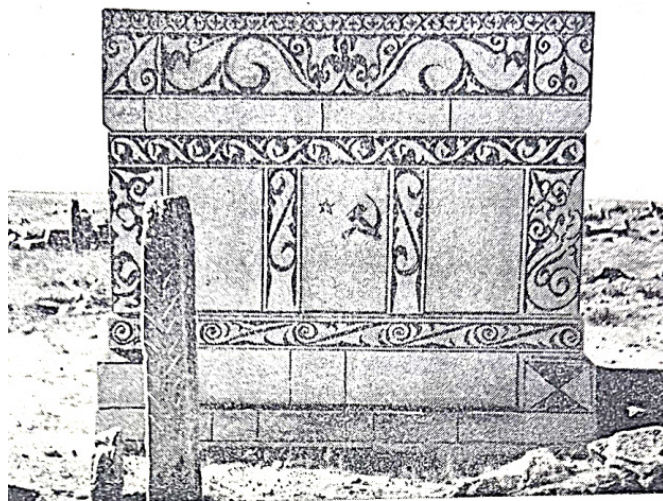

Рис. 2. Мавзолей Жамиры (1948г.).
Фото М. Мендикулова [14, рис. 101]

Fig. 2. Zhamiry Mausoleum (1948).
Photo by M. Mendykulov [14, Fig. 101]

Более подробно исследователь останавливается на описании интерьера мавзолеев, в которых в изобилии встречаются рисунки расширенного набора: оружие, украшения, предметы быта и домашней утвари (включая русские самовары, комплекты чайных сервизов с чашечками и блюдцами, уложенными на полочки), одежда (особенно обувь), рисунки ковриков и сюзаны (рис. 3).

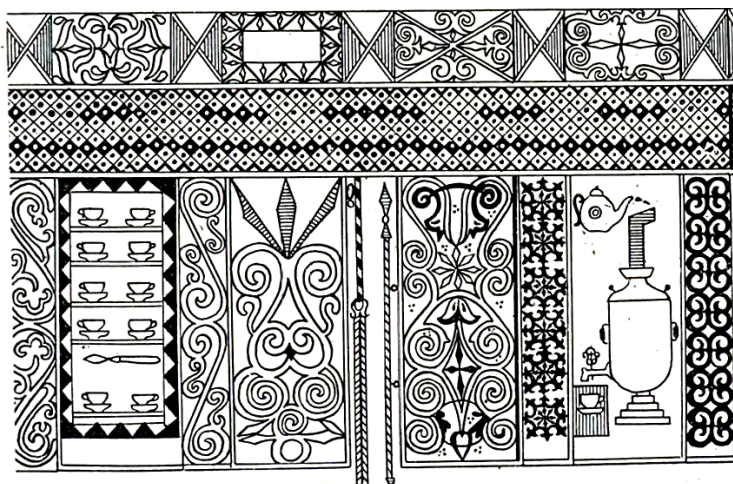

Рис. 3. Мавзолей Айтмана (1897–98 гг.).
Фото М. Мендикулова [25, с. 76]

Fig. 3. Aitman Mausoleum (1897–98).
Photo by M. Mendykulov [25, p. 76]

Автор резюмирует, что в декоративном оформлении зданий «еще сильнее заметно сохранение древних традиций ... а изображения предметов быта, нанесенные на внутренних стенах (мавзолеев), генетически связаны с древним погребальным обычаем и в позднее время введены взамен реальных дорогостоящих предметов. Этот обычай был характерным почти для всех кочевых народов...» [14, с. 39]. Другой тезис М. Мендикулова нам кажется особенно важным: «высокохудожественное оформление интерьера как по построению композиции, так и разработке отдельных деталей, и цветового решения, имеет жизнеутверждающий характер. Здесь нет и намека на мрачную обстановку гробницы. Это поэтизированное изображение ... новой кибитки» [14, с. 30]. Современное состояние этого же мавзолея (рис. 4) подтверждает эту мысль ученого.

Рис. 4. Мавзолей Айтмана (состояние после реставрации). Фото Д. Медеровой

Fig. 4. Aitman Mausoleum (after restoration). Photo by D. Mederova

В другом месте автор вновь повторяет это наблюдение о сходстве интерьеров хижин и мавзолеев, прибегая к таким метафорам и сравнениям, вроде «*жизнерадостное цветное решение интерьера [мавзолея]*», напоминающее украшение внутри юрт [14, с. 31]. Из включенных в книгу иллюстраций особенно интересны фотоснимки надгробных стел с изображением прямо стоящего человека (с не установленным предметом в руке) и охотника, поразившего степного сайгака. Оба рисунка вполне реалистичны [14, рис. 9, 10] и, в отличие от приведенных выше примеров с антропоморфными изображениями на Кавказе, без стилизации лиц.

Более беглые описания изображений на надгробных памятниках оставили другие исследователи Казахстана, в первую очередь Медоев А.Г. (1934–1980) [15, с. 51–57]. Автор констатирует обилие зооморфных изображений на надгробных стелах (конь, гепард и др.). Интересна ремарка автора о том, что, несмотря на прямоугольные очертания интерьера мавзолеев, они явно имитируют интерьеры жилых юрт [15, с. 55]. Специального анализа этих рисунков А. Медоев в этой работе не предпринял. Однако в другой работе [16, с. 267–363], опубликованной уже после его смерти, А. Медоев попытался осмыслить монументальное искусство кочевников Мангышлака и семантику надгробных стел «*кулып-тас*» (в написании автора). Оставив в стороне множество приведенных исторических, региональных аналогов и ряд идей автора (в частности, перегруженные современными коннотациями³), обратим внимание на следующие его наблюдения. Во-первых, А. Медоев проводит прямые параллели между декоративными стилями плоских (призматических) надгробных памятников Устюрта, Мангышлака и Кавказа [16, с. 250–251]. Во-вторых, автор напоминает об устойчивости культа изображений зверей и вещей на стелах и в мавзолеех тех же регионов [16, с. 262].

Более поздние казахские исследователи также бегло отмечали наличие изображений на надгробных памятниках или мавзолеех. 1980-е годы были отмечены поисками древнейших корней «казахской культуры», осмысление которой происходило (и до сих пор происходит) в поисках глубоких историко-философских корней и смыслов в архитектуре (особенно декоре), в артефактах погребальной культуры, в музыке и т.п. [см., например, 17, с. 40–44; 18, с. 32–35].

3. Например, эстетические и философские рассуждения автора об «искусстве казахов» предстают, скорее, в контексте европейских подходов и понимания искусства вообще.

Такой подход особенно расцвел в годы независимости, когда серьезно оживился интерес к архитектурно-мемориальному наследию как одному из самых показательных проявлений казахской культуры, на фоне социальной и политической реанимации «капитала памяти» и в рамках тех же поисков новых форм национальной идентичности. Однако и в этих работах изображения на памятниках казахских некрополей упоминаются вскользь, иногда с отвлеченными и не вполне понятными пассажами⁴, либо в рамках искусствоведческого и историко-философского осмысления мемориальной культуры прошлого, однако, используя язык описания современного искусства, либо прибегая к шаблонам, сформированным в работах исследователей артефактов западной культуры [например: 20; 21; 22].

Наш краткий библиографический обзор показал, что процесс накопления материала о святых местах названных регионов и его осмысление начались давно и продолжают до сих пор. Наряду с очевидными достижениями (как результат масштабных полевых работ) в подходах и анализах сохраняются некоторые проблемы. Чаще всего – это оторванность от этнографического (в первую очередь фольклорного) материала⁵.

Очевидно также незнакомство (или слабое знакомство) с теоретическими работами зарубежных коллег. Это обстоятельство становится причиной того, что, по сути, все обсуждения упомянутых и аналогичных вопросов остаются продолжением дебатов советского времени и почти не вписаны в современные мировые дискурсы историко-антропологических ландшафтов святых мест и их артефактов в рамках исламской культуры.

Больше всего проблем заметно в попытках современных исследователей артефактов святых мест Евразии и Кавказа толковать (анализировать) декор намогильных памятников или мавзолеев как предметы «космогонического искусства», вместо того чтобы «опуститься на Землю» и, используя методы антропологии культуры, рассматривать их, скажем, как формы (или средства) социальных коммуникаций. В большинстве таких работ толкования и анализы онтологических контекстов узоров изрядно осовременены, либо перегружены современными же интеллектуальными конструкциями философского порядка с попытками интерпретировать «космогонические представления предков», но которые стараются «реконструировать» нынешние исследователи, особенно те из них, кто склонен к абстракциям и неординарному мышлению⁶. Однако возникает ощущение, что так мыслит автор идеи и публикации, потерявший чувство меры, заведомо усложняя или изрядно «осовременивая» анализируемые им формы декора. Это вносит серьезный диссонанс в смыслы, язык описания и заключения авторов, особенно если иметь в виду заимствованные (европейские!) стили обзоров, оценок. Тем более, если иметь в виду сложность и неоднозначность определения термина «искусство» вообще. По удачному замечанию Педрама Хосронежада, описания «восточной» (условно) живописи чаще используется в контексте западного определения «нормативного искусства» и не всегда приложимо к реалиям исламского художественного творчества [23, с. 2–6]. Или как удачно заметил Роберт Лейтон: *«классификация произведений искусства (других) западным миром искусства не является релевантным критерием для определения категории не-западного искусства, даже если есть совпадения в работах ... Критерии, используемые для включения произведений из не-западных обществ в европейскую рубрику искусства, имеют больше отношение к истории западного искусства, чем к пониманию значимости этих объектов (в другой цивилизации)»* [24, с. 4].

Кроме того, устоявшиеся на сегодняшний день подходы в исследованиях святых мест Кавказа и Евразии (в том числе и в Казахстане) далеко не свободны от структурализма и былых стереотипов. Иными словами, специалисты разных направлений, используя свои (часто устаревшие) наборы аналитических инструментов и подходов, обращаются к разного рода контекстам истории святынь с точки зрения

4. Например, С. Аджигали(ев) предлагает немного загадочное определение: «В западноказахстанском камнерезательном искусстве отразились характерные черты синкретизма народного изобразительного искусства вообще: многоплановая общественная детерминированность, глубокий традиционализм, коллективная форма выражения» [19, с. 496].

5. Некоторым исключением могут быть работы ранних советских исследователей, которые успели пообщаться с мастерами камнетесами и застали памятники в еще не совсем разрушенном состоянии. Однако и в их случае, без погружения в фольклорный материал, реконструкция смыслов того или иного символа (образа, детали декора и т.п.) останется лишь «красивым» космогоническим рассуждением, по сути, отчужденным от самого материала. В противоположность, в исследованиях артефактов, например, связанных с намогильными памятниками в форме «*койтас*», есть смысл обратиться к устному и зафиксированному (письменному) фольклору, в котором обыгрываются все положительные качества барана, ставшие, очевидно, символом и прообразом этого типа памятников.

6. Самые показательные публикации в этом плане – упомянутые статьи Л. Турганбаевой и К. Ибраевой.

феноменологии собственных направлений науки, мало обращая внимание на результаты исследований коллег, работающих в смежных сферах и с теми же артефактами или ландшафтами.

В результате наблюдаются очевидные разрывы в заключениях исследователей, теряется единая оптика на святыни, как на феномен концентрации не только архитектурно-мемориальных традиций или религиозных практик, но как средоточия исторического и этнографического опыта и более обширного явления культуры погребальных комплексов, исследование которых еще далеко от полноценного осмысления.

Изображения на надгробных памятниках и в интерьерах мавзолеев некрополя Дауд-ата

Основным поводом к написанию этой статьи стали рисунки на стелах и в интерьерах мавзолеев упомянутого некрополя Дауд-ата⁷. Здесь наше внимание привлекли несколько надгробных памятников с изображениями и особенно рисунки интерьера мавзолеев. Ниже предлагаются краткие описания этих артефактов, близких к описанным выше аналогам.

В первую очередь представим рисунки, высеченные на нескольких стелах. Первый тип памятников — это прямоугольные в разрезе стелы с навершиями в виде куполов, покоящихся на рельефных ярусах (подробное описание см.: 14, с. 17–19; 25, с. 94–100). Второй тип артефакта в виде вытянутых призм (*сандык/сундук*), установленных на крытых саркофагах. Все надгробные памятники датируются второй половиной XIX и началом XX вв. Они изготовлены из ракушечника или песчаника светло-желтых и бежевых тонов.

1

2

Рис. 5 (1, 2). Стелы № 7 и № 15 некрополя Дауд-ата.
Фото Д. Медерова

Fig. 5 (1, 2). Tombstones 7–15 of the Daud-ata necropolis.
Photo by D. Mederova

Некоторые из этих мемориалов украшены рельефными изображениями, на которых сохранились следы подкраски черного или красного цветов. Например, на стеле № 7 (по принятой нами условной классификации) высечен пояс с застёжками и с притороченной к нему саблей, нож и плетень. Изображения очень реалистичны. На них сохранились следы черной краски (рис. 5,1).

На другой стеле (№ 15) в виде плоской стелы с округлым навершием изображены сережки (рисунок крупный). Под ними сохранилось изображение нагрудной подвески (рис. 5,2). На восточной плоскости еще одного надгробного памятника (№ 77) высечены изображения воинского пояса, сабли, ружья, пики и кувшина для омовений (*афтаба/антаба*) (рис. 6).

Боковые поверхности одного из надгробных памятников (№ 90) второго типа украшены детально и весьма реалистично переданными изображениями: нарядный пояс с накладными металлическими пластинами (южная плоскость) и рисунками ружья, боевого кинжала, бытового ножа, опасной бритвы и патронташа (рис. 7, 1, 7, 2).

7. Исследован экспедицией по обследованию священных мест в Республике Каракалпакстан (27.04 – 11.05 2024). Участники: Б.М. Бабджанов, М.А. Карлыбаев, А. Ш. Нурманова, Д. Е. Медерова, Б. Д. Усейнов.

Рис. 6. Намогильный памятник № 77 некрополя Дауд-ата. Фото Д. Медеровой

Fig. 6. Tombstone 77 of the Daud-ata necropolis. Photo by D. Mederova

Похожий намогильный памятник (№ 34) установлен рядом. На его торцевой части высечено изображение сосуда с коротким носиком (*куман/кумган*) для омовения. Южная (боковая) плоскость украшена нарядным женским поясом с подвесками и застежками.

Другая группа памятников, которые привлекли наше внимание на некрополе – это несколько мавзолеев, в интерьерах которых сохранились рисунки. Входные проемы в них небольшие, сильно приподняты над уровнем цоколя, очень небольшого размера (45–50×60–65 см). Поэтому пробраться внутрь очень сложно. Первый из этих мавзолеев (№ 32) представляет собой погребальную камеру без перекрытия. В центре погребальной камеры выставлен скромный намогильный памятник в виде прямоугольной вытянутой призмы (*сандык*) без узоров и надписей. Пилон портала заполнен рядом рельефных и углубленных прямоугольников, которые опоясаны геометрическим узором, выполненным охрой красного, черного, желтого, белого и синего цветов. На фризе интерьера высечен детальный рисунок парадного женского пояса с фигурными накладками и подвесками (рис. 8, 1, 8, 2).

Внутри мавзолея в расписных прямоугольных нишах сохранились рисунки в виде узоров и изображений самовара и подноса с четырьмя чашками на блюдцах (рис. 9, 1, 9, 2).

Рисунки непрофессиональные и, скорее, схематические. Интересно, что на полу перед входом обнаружен череп лошади и тряпичная кукла в виде маленького ребенка. Рядом полуистлевшие остатки еды в целлофановом пакете (рис. 10).

Появление черепа лошади внутри мавзолея очевидно не случайно и так же отсылает к многочисленным погребениям кочевников, где рядом с покойниками хоронились боевые кони. Конечно, говорить о прямом продолжении традиции пока рано, однако сходство смыслов тоже может стать поводом говорить об устойчивости, либо реанимации культов тотемных животных, значимых в жизни и экономике социума.

Что касается появления тряпичных кукол на некрополях, то

хранитель мазара объяснил, что их изготавливают и оставляют

на кладбище и в мавзолеех две группы молодых женщин (по

определению нашего интервьюера – «неразумные невестки»). Это те женщины, у которых забо-

левали маленькие дети (или внуки). Другая группа – те молодые женщины, которые страдают от

бесплодия, испрашивая себе таким образом ребенка у духов святых. И те, и другие группы женщин,

обычно, относили на мазары святых собственноручно изготовленные и раскрашенные куклы вме-

сте с «едой для духов», в надежде на исцеление детей либо преодоления проблем с бесплодием.

Похожие обычаи среди народов Центральной Азии описывали этнологи [28, с. 87, прим. 1; там же

библиография].

Другой мавзолей (№ 47) купольный, перекрытый остроконечным куполом, увенчанным шарообразным навершием. Возведен, судя по надписи на стене, в 1294/1877 г. мастером Утали, сыном Ажибека. Форма мавзолея напоминает особый вид жилища кочевников: углы мазара приподняты, в подражании колям с оградами-занавесями, опоясывающими юрту. Отсюда – название этих видов мавзолеев – «*уйтам, сагана-там, торткулакты там*» [25, с. 85–87; 22, с. 154–155]. Входная (портальная) часть мавзолея украшена фризом в виде геометрического узора, нанесенного черной краской. Входное отверстие приподнято и оформлено в виде остроконечной арки, которую опоясывают резные узоры в виде бутонов и витых стеблей (рис. 11).

Рис. 7 (1, 2). Намогильный памятник № 90 некрополя Дауд-ата. Фото Д.Медеровой

Fig. 7 (1, 2). Tombstone 90 of the Daud-ata necropolis. Photo by D. Mederova

Похожие по мотивам и композиции узоры нанесены на двух картушах, высеченных справа и слева от входа. На всех декоративных элементах портала сохранились остатки темной краски. Интерьер мавзолея украшен большими прямоугольными картушами с остrokонечными навершиями, напоминающими настенные коврики или сюзаны (рис. 12).

Из этого краткого описания видно, что изображения на намогильных памятниках и в интерьерах мавзолеев некрополя Даут-ата вполне созвучны похожим рисункам на мемориалах остальных регионов современного Казахстана. Известные параллели (а иногда и прямые аналоги) им обнаруживаются на намогильных мавзолеях и изваяниях разных районов Кавказа и Предкавказских степей. Правда, как показано выше, исследователи кавказского материала склонны полагать, что изображения на намогильных памятниках преимущественно оставались маркерами гендерного и профессионального различия покойных. Эта идея вполне может приложена и к казахстанским намогильным памятникам, в той или иной мере она согласуется с предварительными толкованиями изображений на намогильных памятниках и мавзолеях в качестве гендерных или профессиональных маркеров покойных.

1

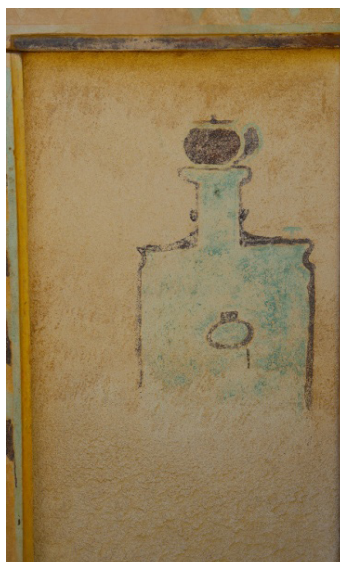

2

Рис. 8 (1, 2). Экстерьер и интерьер мавзолея № 32 некрополя Дауд-ата. Фото Усейнова Б.

Fig. 8 (1, 2). Exterior and interior of Mausoleum 32 of the Daud-ata necropolis. Photo by B. Useinov

Однако такой подход к интерпретации изображений несколько упрощает и серьезно ограничивает наше понимание смыслов визуальной презентации этих религиозных (!) артефактов. Другими словами, мемориальный артефакт с надписью или изображением становится чем-то большим, чем предмет искусства или предмет обычного этнографического опыта. В представленных случаях мы можем воспринимать эти изображения как один из способов символической коммуникации, либо как визуализированную часть паломничества к могилам (*зийара/зийерет*). Скажем, изображение сосуда для омовения (независимо от гендерной принадлежности надмогильного памятника) несет в себе очевидный религиозный смысл, скорее всего, связанный с хорошо прописанным в правовых сочинениях всех мазхабов предписанием «последнего омовения» покойного, дабы «предстать перед Всевышним» в ритуально очищенном виде. В то же время набор изображений оружия и сопутствующих предметов на стенах вызывает ассоциации личных качеств погребенного – его доблести, воинской отваги и т.п. Значит подобные рельефы на надмогильных памятниках (помимо ряда других функций) становятся способом напоминания о религиозной и шире – общественной – этике покойного, как примеров, достойных для подражания, а, следовательно, могут толковаться как визуализированный способ поддержания социальной этики и исторической памяти. Таким образом, рисунки на надмогильных памятниках были не только визуальной «презентацией» гендерной либо профессиональной «презентацией» статуса покойных.

1

2

Рис. 9 (1, 2). Рисунки в интерьере мавзолея № 32 некрополя Дауд-ата. Фото Усейнова Б.

Fig. 9 (1, 2). Paintings in the interior of Mausoleum 32 of the Daud-ata necropolis. Photo by B. Useinov

Наше осмысление описанных явлений должно быть расширено, и не только в качестве явления «религиозной тематики», и должно быть помещено в контексты социальных практик и взаимодействий. Например, мы можем говорить о прямом «участии» погребальных артефактов в исполнении религиозных практик (как социального и религиозного действия одновременно), поскольку во время паломничества изображения на надмогильных памятниках буквально предстают перед взором условного «зрителя», который совершает обряд *зийарата*. Очевидно, стоит более детально сосредоточиться на смысловых взаимодействиях, которые возникают между наблюдателем изображения и теми, кто оставил эти символы (совершенно простые по облику и семантике). Однако они содержат в себе не просто некие «застывшие» или трансформированные изображения. Перефразируя замечания Элизабет Эдвардс и Дженис Харт, можно сказать, что любые изображения (в том числе и на надмогильных памятниках) следует рассматривать «как социальных акторов, поскольку важны не их смыслы, а их социальные эффекты», так как они действуют в поле социальных и ритуальных действий [26, с. 4]. Поэтому стремление украсить могилы можно воспринимать как обычай не столько для мертвых, сколько для живых, в том числе как желание потомков покойных визуально подтвердить социальный статус семьи, рода, либо просто и понятно презентовать символы экономического благополучия семьи, благочестивости их предков, как достойных почитания персон.

Рис. 10. Череп лошади и тряпичная кукла в интерьере мавзолея № 32. Фото Усейнова Б.

Fig. 10. Horse skull and a rag doll in the interior of Mausoleum 32. Photo by B. Useinov

Рис. 11. Фасад мавзолея № 47 некрополя Дауд-ата. Фото Усейнова Б.

Fig. 11. Facade of Mausoleum 47 of the Daud-ata necropolis. Photo by B. Usienov

В то же время изображения на надгробных памятниках и особенно в мавзолеях оставляют впечатление знакомой традиции более древних погребальных обрядов, начало которых, как полагает большинство названных ученых, уходит еще в доисламские времена и которые сохранялись в том или ином виде долгие века. Так, например, недавние исследования показывают, что в захоронениях XIII–XIV вв. преимущественно аристократии и среднего класса кочевников Евразии (Кипчакский степей, Предкавказья) обязательно укладывался инвентарь: оружие, украшения, котлы, иные предметы [27, с. 183–187]. Напомним приведенное выше заключение М. Мендикулова, о том, что изображения предметов быта на внутренних стенах (мавзолеев) генетически связаны с обычаями захоронений кочевников с оружием, украшениями и инвентарем, каковой обычай в более позднее время трансформировался в визуальное воплощение этих предметов в интерьерах мавзолеев. Следовательно, мы можем говорить о продолженных традициях, вопреки предписаниям книжных вариантов религиозных догм, восприятие и понимание которых в разных социумах было неодинаковым.

Рис. 12. Интерьер мавзолея № 47 некрополя Дауд-ата. Фото Усейнова Б.

Fig. 12. Interior of Mausoleum 47 of the Daud-ata necropolis. Photo by B. Useinov

Заключение

Таким образом, выделяются два вида представленных выше изображений: рельефные «петроглифы» предметов быта или оружия на каменных надгробных памятниках с узорами, а также росписи в экстерьерах мавзолеев со схожими «визуальными единицами». Первый вид доступен обзору, более того, буквально бросается в глаза. Следовательно, эта группа изображений вполне может толковаться как вид эстетической и символической коммуникации в контексте «изображение – зритель», особенно во время коллективных посещений мазаров (*зийарат*), несмотря на то что темы и сюжеты рисунков тоже достаточно просты и понятны.

Второй вид изображений – росписи и рельефные проекции внутри мавзолеев, в которые вход очень затруднен. Эти изображения буквально спрятаны от взглядов посторонних, практически недоступны

и потому едва ли могут интерпретироваться в значениях и смыслах социальной коммуникации (как на надмогильных памятниках), хотя очевидно тоже должны оставаться в поле интерпретаций антропологии народного искусства. Недоступность публичным обозрениям (скрытость от взглядов посторонних) вновь воскрешает в памяти доисламские погребения с оружием, инвентарем и др., в которых предметы, которыми был «одарен» покойный, тоже скрытых от глаз (закопаны / замурованы вместе с покойником). Следовательно, этот обычай буквально погружен в древние представления о «припасах в мир иной», то есть к тем предметам, к которым он привык в этой жизни.

В этом смысле изображения в интерьерах закрытых мазаров предназначены, условно говоря, не живым, а покойникам, и значит могут рассматриваться как консервативные и символические атавизмы, незримая нить которых тянется к древности. Либо мы должны говорить о естественной реанимации (наследственности?) традиций давнего прошлого – предоставить усопшему минимум комфорта в ином мире.

С другой стороны, не стоит исключать еще одного контекста понимания этих красочных изображений, покрытых полумраком интерьера мавзолеев. Речь идет о статусе внутренних покоев жилищ, куда посторонним вход запрещен. Не случайно, что у большинства тюркских народов (особенно кочевых) как жилище, так и место погребения (вместе с надмогильным сооружением) называется одним и тем же термином «*жай/джай/жой*», вновь заставляя воспринимать «*внутренние покои последнего жилища*» как запретные взглядам посторонних, однако также благоустроенные как в смысле бытовых удобств, так и в смысле минимальной, но яркой эстетики. Уместно вновь напомнить ремарки М. Мендикулова о «жизнерадостном и ярком» интерьере мавзолеев, декорированных в полном согласии с эталонами интерьеров жилищ.

Другими словами, можно говорить об известной утилитарности смысла этих изображений. Нам представляется, что такое толкование не будет нас отчуждать от тех контекстов и смыслов, какие вкладывали авторы (мастера, зодчие) и их условные заказчики, провожая в «другой мир» своих покойных. Например, если принять тривиальную и повседневную версию – желание снабдить своего предка в «потусторонней комнате» предметами комфорта (самовары, чаши с блюдами), одежды, изделиями интерьерной эстетики (ковры, сюзаны) и даже украшениями, то остается признавать скорее вполне земные (а значит социальные) мотивации авторов и «заказчиков» изображений внутри мавзолеев. При этом важно учитывать, что эти артефакты повторяются из раза в раз в течение сотен лет, что, по крайней мере, очевидно на сохранившихся объектах XIX – начала XX в.

Эпоха советизации изменила многое в культуре погребения (несмотря на её относительную консервативность), в т.ч. в традициях изготовления надмогильных памятников, когда, например, на стелах рядом с родовыми тамгами высекались пятиконечные звезды. Кроме того, в 1930-х и 1940-х годах мастера уже не получали заказов на установку надмогильных памятников и, тем более, на строительство мавзолеев. Погребения предельно упростились, ибо насаждаемая новая идеология социального равенства исключала строительство пышных мавзолеев и красочных надмогильных памятников.

Совсем другие процессы происходят на старинных мазарах в постсоветскую эпоху. Былой облик святых мест и их оригинальные ландшафты буквально разрывают новые мавзолеи, заказчики которых стараются построить (или перестроить) места упокоения своих предков «лучше и побольше». В результате оригинальному ландшафту святынь наносится непоправимый ущерб. Былые изображения на стелах чаще заменяются гравированными портретами «в камне», сделанными по фотографиям усопших. Мраморные и железные ограды и навесы буквально капитализируют пространство семьи покойного, явно демонстрируя не столько почтение к усопшим, сколько экономический достаток и социальный статус их потомков, которые уже следуют ментальной доминанте новых символов, согласно которым можно символически «застолбить» себе «участки» в мире ином. В результате нетрадиционные и эклектические формы мавзолеев «новых типов» в буквальном смысле упраздняют былые ландшафты и визуальные символы. На нынешних строителях новых сооружений на старинных некрополях больше влияют современные технологии, пожелания заказчиков, в той или иной мере выходящих за пределы традиций в создании облика и декора мест упокоения.

По этой и подобным причинам ландшафты старинных некрополей буквально раскалываются на «рафинированную» (современную) и историческую (традиционную) части, в которой былая панорама мазаров явно трансформируется и буквально уступает агрессивному натиску современной «урбанизации» традиционных кладбищ.

Больше повезло (в смысле сохранения своего ландшафтного облика) отдалённым от городских центров некрополям. Визуально их былой облик, как «городов мёртвых» в той или иной мере сохраняется, хотя новые погребения и особенно пышно отстроенные новые мавзолеи также серьёзно «ломают» их старинный и оригинальный ландшафт, привнося новые детали в поминальные сооружения, которые строятся вопреки законам об охране памятников и неприкосновенности охранных зон.

Благодарность. Искренне благодарим В.О. Бобровникова и А.Ш. Нурманову за помощь в подборе материала к этой статье.

Acknowledgments: We express our sincere gratitude to V. O. Bobrovnikov and A. Sh. Nurmanova for their invaluable assistance in selecting materials for this article.

Финансирование. Статья написана в рамках проекта ИРН: AP26198545. «Значение культурных памятников в исследовании интеллектуальной истории (на материалах эпиграфики некрополей Акмолинского региона)».

Funding. This research was conducted as part of the project “The Significance of Cultural Monuments in the Study of Intellectual History: Epigraphic Materials of the Akmola Region Necropolises.” (IRN: AP26198545)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Юнг К. Архетип и символ. Москва: Наука, 1991.
2. McGuire, Meredith B. *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
3. Аскерова Н.С. Орнамент надмогильных камней г. Нухи XIX в. // Известия АН АзССР. 1958, №2. С. 122–129.
4. Дебиров П.М. Резьба по камню в Дагестане. Москва: Наука, ГВЛ, 1966.
5. Голан А. Миф и символ. Москва: Руслит, 1993.
6. Гольдштейн А.Ф. Намогильные стелы Дагестана // Дагестанское искусствознание (сб. научн. сообщений). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, 1976. С. 134–152.
7. Карпов Ю.Ю. К интерпретации одного изобразительного сюжета на надмогильных памятниках Дагестана // Кунц-камера. Этнографические тетради. 1994. Вып. 5–6. С. 99–118.
8. Сынтастар. Намогильные стелы Ногайской степи. Составители и редакторы: В.А. Коренько и В.О. Бобровников, К.С. Балгишиев. Москва: Изд. дом Марджани, 2016.
9. Бабаджанов Б.М., Курумбаев А.Ш. Эпитафии постмонгольской эпохи. Опыт сравнительного исследования // История, археология и этнография Кавказа. Т. 20. № 3. 2024. С. 623–634.
10. Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Надмогильные памятные знаки у народов Северо-Западного и Центрального Кавказа // Кавказология. № 3, 2018. С. 69–92.
11. Мусаев М.А., Шихалиев Ш.Ш., Шехмагомедов М.Г. Эпиграфические диски и рельефы всадников с надмогильных стел фамильного кладбища Кайтагских правителей // История, археология и этнография Кавказа. Т. 15. № 2. 2019. С. 259–281.
12. Тахнаева П. И. Атрибуция и эпиграфика шахидов Кавказской войны кладбища с. Дышни–Ведено (1845–1857) // Эпиграфика Востока, XXXVI, 2021. С. 22–28.
13. Неймат М.С. Корпус эпиграфических памятников Азербайджана. Т. II: арабо-персо-тюркоязычные надписи Шехи-Закатальской зоны (XIV – начало XX века). Баку, 2001.
14. Мендикулов М.М. Памятники архитектуры полуострова Мангышлак и Западного Устьурта. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1956.
15. Медоев А. Подземная архитектура кочевников полуострова Мангышлак // Простор, 1969. № 6. С. 51–57.
16. Медоев А. Камень и эстетика номадов // Кочевники. Эстетика (познание мира традиционным казахским искусством). Алматы: Гылым. 1993. С. 237–263.

REFERENCES

1. Jung K. *Archetype and Symbol*. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ)
2. McGuire, Meredith B. *Lived Religion: Faith and Practice in Everyday Life*. Oxford: Oxford University Press, 2005.
3. Askerova N.S. Tombstone Ornamentation in the Town of Nukha in the 19th Century. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR*. 1958; 2: 122-129. (In Russ)
4. Debirov PM. *Stone Carving in Dagestan*. Moscow: Nauka, GVL, 1966. (In Russ)
5. Golan A. *Myth and Symbol*. Moscow: Ruslit, 1993. (In Russ)
6. Goldshtein AF. Grave Steles of Dagestan. In: *Dagestan Art Studies (collection of scientific reports)*. Makhachkala: Dagestan branch of the USSR AS, 1976: 134-152. (In Russ)
7. Karpov YuYu. On the interpretation of one pictorial plot on the tombstones of Dagestan. In: *Kuntskamera. Ethnographic notebooks*. 1994; 5-6: 99-118. (In Russ)
8. Korenyako VA., Bobrovnikov VO., Balgishiev KS. (comps., eds.). *Syntaslar. Tombstone steles of the Nogai steppe*. Moscow: Mardzhani, 2016. (In Russ)
9. Babajanov BM., Kurumbaev AS. Epitaphs of the post-Mongol era. An attempt at a comparative study. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2024; 20(3): 623-634. (In Russ)
10. Tekueva MA., Nalchikova EA. Tombstone memorial signs among the peoples of the Northwestern and Central Caucasus. *Kavkazologiya*. 2018; 3: 69-92. (In Russ)
11. Musaev MA., Shikhaliev ShSh., Shekhmagomedov MG. Epigraphic disks and horsemen reliefs from the family cemetery of Kaitag rulers. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2019; 15(2): 259-281. (In Russ)
12. Takhnaeva PI. Attribution and epigraphy of the shahids of the Caucasian War, cemetery of the village Dyshni-Vedeno (1845–1857). *Epigraphy of the East*. 2021; 36: 22-28. (In Russ)
13. Neymat MS. *Corpus of epigraphic monuments of Azerbaijan. Vol. II: Arabian Persian-Turkic inscriptions of the Sheki Zakatala area (XIV – early XX century)*. Baku, 2001. (In Russ)
14. Mendikulov MM. *Architectural monuments of the Mangyshlak Peninsula and Western Ustyurt*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1956. (In Russ)
15. Medoev A. Underground architecture of nomads of the Mangyshlak Peninsula. *Prostor*. 1969; 6: 51-57. (In Russ)
16. Medoev A. *Stone and aesthetics of nomads. Nomads. Aesthetics (knowledge of the world through traditional Kazakh art)*. Almaty: Gylm, 1993: 237-263. (In Russ)

17. Ибраев Б.А. Космогонические представления наших предков // Декоративное искусство, № 8, М., 1980. С. 40–44.
18. Ибраева Н. Памятники Мангышлака // Декоративное искусство СССР, № 8. М., 1980. С.32–35.
19. Ажигали С.Е. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). Алматы: НИЦ «Гылым», 2002.
20. Ибраева К. Казахский орнамент. Алматы: Онер, 1994.
21. Турганбаева Л.Р. К вопросу о декоре казахских кулпытасов // Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: материалы Международной научной конференции Ч. 1. Актобе: «Принта», 2006. С. 149–159.
22. Ажигали С. Генезис традиционной погребально-культурной архитектуры Западного Казахстана (на основе исследования малых форм). Алматы: Гылым, 1994.
23. Khosronejad, Pedram. Introduction to “The Art and Material Culture of Iranian Shi’ism. Iconography and Religious Devotion in Shi’i Islam” // Ed. Pedram Khosronejad. London: Tauris & Co Ltd. 2012.
24. Layton, Robert. The Anthropology of Art. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
25. Мендикулов М.М. Памятники народного зодчества Западного Казахстана. Алма-Ата: Онер, 1987.
26. Edwards, Elizabeth & Hart, Janice. ‘Introduction’ // Elizabeth Edwards and Janice Hart (eds.) «Photographs, Objects, Histories: On the Materiality of Images». London: Routledge, 2004.
27. Губриенко П. С. Проблема социальной и имущественной стратификации кочевников IX–XIV вв. По археологическим источникам: историографический аспект // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 1 (21). С. 182–188.
28. Пешерова Е.М. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков (по материалам 1924 – 1935 гг.) // Сборник музея антропологии и этнографии. Том XVII. Москва-Ленинград, 1957. С. 22–94.
17. Ibraev BA. Cosmogonic ideas of our ancestors. *Dekorativnoe Iskusstvo*. 1980; 8: 40-44. (In Russ)
18. Ibraeva N. Monuments of Mangyshlak. *Dekorativnoe Iskusstvo SSSR*. 1980; 8: 32-35. (In Russ)
19. Azhigali S. *Nomadic architecture – a phenomenon of Eurasian history and culture (monuments of the Aral-Caspian region)*. Almaty: Ghylym, 2002. (In Russ)
20. Ibraeva K. *Kazakh ornament*. Almaty: Oner, 1994. (In Russ)
21. Turganbaeva LR. On the issue of the decor of Kazakh kulpytases. *Aral-Caspian region in the history and culture of Eurasia: Proceedings of the International scientific conference*. Aktobe: PrintA. 2006; 1: 149-159. (In Russ)
22. Azhigali S. *Genesis of traditional burial and cult architecture of Western Kazakhstan (based on studies of small forms)*. Almaty: Gylym, 1994. (In Russ)
23. Khosronejad P. (intro, ed). *The Art and Material Culture of Iranian Shi’ism. Iconography and Religious Devotion in Shi’i Islam*. London: Tauris & Co Ltd, 2012.
24. Layton R. *The Anthropology of Art*. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
25. Mendikulov M.M. *Monuments of Folk Architecture of Western Kazakhstan*. Alma-Ata: Oner, 1987.
26. Edwards E., Hart J. (intro, eds). *Photographs, Objects, Histories: On the Materiality of Images*. London: Routledge, 2004.
27. Gubrienko PS. The Problem of Social and Property Stratification of Nomads in the 9th–14th Centuries. Based on Archaeological Sources: Historiographic Aspect. *Bulletin of Omsk University. Series “Historical Sciences”*. 2019; 1(21): 182-188. (In Russ)
28. Pesherova EM. Toys and children’s games among Tajiks and Uzbeks (based on materials collected in 1924-1935). *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. Moscow-Leningrad, 1957; 17: 22-94. (In Russ)

Поступила в редакцию 23.01.2025 г.

Принята в печать 17.02.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

Received 23.01.2025

Accepted 17.02.2025

Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213455-470>

Исследовательская статья

Баразбиев Муслим Исмаилович

к.и.н., доцент кафедры организации работы с молодежью

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

muslim1971@yandex.ru

Богатырев Аслан Алиевич

специалист центра археологических и этнографических исследований

Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия

qartdgurt@gmail.com

ЭПИГРАФИКА МОГИЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ БАЛКАРСКИХ АРИСТОКРАТОВ С КЛАДБИЩА С. ВЕРХНИЙ ЧЕГЕМ И ИХ БИОГРАФИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Аннотация. Старинное балкарское селение Эльтубю, также называемое Верхний Чегем, располагается в верховьях реки Чегем на юго-западе Чегемского района Кабардино-Балкарской Республики. В дооктябрьский период Верхний Чегем являлся центральным селением Чегемского общества Балкарии, где проживали представители всех княжеских родов этого общества. В статье представлены результаты изучения арабоязычных надмогильных памятников балкарских аристократов с кладбища селения Эльтубю (Верхний Чегем) и их биографические данные. Актуальность обозначенной темы заключается в том, что она не являлась предметом специального исследования и позволяет выявить новые данные по социальной истории и этнографии балкарского народа. Сохранившиеся до наших дней эпитафии могильных памятников представляют научный интерес как дополнительный исторический источник, особенно с учетом трагических событий, затронувших судьбы балкарской аристократии в XX столетии. Цель настоящего исследования состоит в переводе арабоязычных текстов, имеющих на надмогильных памятниках чегемских князей, и освещении их кратких биографических данных. В ходе исследования применялся междисциплинарный подход, были использованы такие методы, как нарративный, историко-генеалогический, контекстуальный. Переводы эпитафий десяти могильных стел, выявленных авторами, впервые вводятся в научный оборот. Несомненный интерес представляет и тот факт, что на некоторых могильных памятниках выявлены имена мастеров – резчиков по камню. Изученные могильные памятники принадлежат представителям основных аристократических родов Чегемского общества Балкарии (Балкаруковых, Барасбиевых, Келеметовых), за исключением Кучуковых (на данный момент не выявлены). Содержание эпитафий балкарских аристократов, захороненных на кладбище с. Эльтубю (Верхний Чегем), расширяет наши представления как по генеалогии аристократии, так и в целом исторические знания по истории и культуре балкарского народа.

Ключевые слова: Балкария; Чегемское общество; кладбище; эпитафия; стела; биография; аристократия; документ

Для цитирования: Баразбиев М.И., Богатырев А.А. Эпиграфика могильных памятников балкарских аристократов с кладбища с. Верхний Чегем и их биографические данные // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 455-470. doi.org/10.32653/CH213455-470

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213455-470>

Research paper

Muslim I. Barazbiev,
Cand. Sci., Assoc. Prof. at the Dep. of Youth Work,
Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia
muslim1971@yandex.ru

Aslan A. Bogatyrev,
Specialist at the Center for Archaeological and Ethnographic Research,
Karachay-Cherkess State University, Karachayevsk, Russia
qartdgurt@gmail.com

EPIGRAPHIC ANALYSIS OF TOMBSTONES OF BALKAR ARISTOCRATS IN VERKHNY CHEGEM CEMETERY AND THEIR BIOGRAPHICAL DETAILS

Abstract. The ancient Balkar village of Eltyubyu, also known as Verkhny Chegem, is situated in the upper reaches of the Chegem River in the southwestern part of the Chegem District, Kabardino-Balkarian Republic. Prior to the October Revolution, Verkhny Chegem served as the central settlement of the Chegem Society of Balkaria, hosting members of all its princely families. This study examines Arabic-language tombstones of Balkar aristocrats located in the cemetery of Eltyubyu (Verkhny Chegem) and provides biographical data on the individuals commemorated. The significance of this research stems from its novelty, as the topic has not been the subject of dedicated academic research, offering new insights into the social history and ethnography of the Balkar people. The surviving epitaphs on these tombstones represent a valuable historical source, particularly in light of the tragic events that impacted the Balkar aristocracy in the 20th century. The objective of this study is to translate the Arabic inscriptions on the tombstones of the Chegem princes and to provide concise biographical details about them. An interdisciplinary approach was adopted, incorporating narrative, historical-genealogical, and contextual methodologies. The translations of epitaphs from ten tombstones, identified by the authors, are introduced into academic discourse for the first time. Notably, the names of stone carvers were identified on some of the tombstones, adding to their scholarly value. The tombstones belong to members of the principal aristocratic families of the Chegem Society of Balkaria, namely the Balkarukovs, Barasbievs, and Kelemetovs, with the exception of the Kuchukovs, who remain unidentified at this stage. The content of the epitaphs from the Eltyubyu (Verkhny Chegem) cemetery enhances our understanding of the genealogy of the Balkar aristocracy and contributes significantly to the broader historical and cultural knowledge of the Balkar people.

Keywords: Balkaria; Chegem society; cemetery; epitaph; stele; biography; aristocracy; document

For citation: M.I. Barazbiev, A.A. Bogatyrev. Epigraphic Analysis of Tombstones of Balkar Aristocrats in Verkhny Chegem Cemetery and Their Biographical Details. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 455-470. doi.org/10.32653/CH213455-470

Старинное балкарское селение Эльтютю, также называемое Верхний Чегем, располагается в верховьях реки Чегем на юго-западе Чегемского района Кабардино-Балкарской Республики. В дооктябрьский период Верхний Чегем являлся центральным селением Чегемского общества Балкарии, где проживали представители всех княжеских родов этого общества [1, с. 145].

До первой половины XVIII столетия чегемских аристократов хоронили в наземных усыпальницах (балк. – *кешене*), расположенных около селения, в местности Фардык. На одной из эпитафий некрополя Фардык исследователи выявили арабоязычную надпись с именем «Мусса» и датой 1140 год хиджры (соответствует 1719 году григорианского летоисчисления) [2, с. 46–50].

С дальнейшим укреплением позиций ислама в местной этнической среде от традиции захоронения в наземных усыпальницах отказались и умерших стали предавать земле на ближайшем кладбище. Над могилой устанавливалась стела (балк. – *сынташ*) с арабоязычной надписью. В 2023 г. на Верхне-Чегемском кладбище нами было выявлено некоторое количество подобных стел. Цель настоящего исследования состоит в переводе арабоязычных текстов, имеющих на надмогильных памятниках чегемских князей, и освещении, по возможности, их кратких биографических данных. Рассмотрение могильных памятников мы начинаем по принципу их расположения с севера на юг.

Вертикальная стела №1.

Стела (180×34×23, здесь и далее будут указаны размеры стел: высота×ширина×ширина торца стелы) с арабской эпитафией, содержащей 12 строк, нанесенной почерком *наسخ* (Рис. 1).

المرحوم المغفور
ملجأ المساكين والفقراء
مُبنى المساجد والمدارس
مُعمّر القناتر والطرائق
*واق الضيوف والمظلوم
أب الطلاب والفقراء
اسحاق بن ارسلان بك
بن اسماعيل بن علي بن بلقروق
غفرالله لهم امين
رجب ٢١ ١٢٩٩
صانع اينال بن
كاتب انالوق

Перевод:

«Покойный – прощённый,
дающий прибежище бедным и обездоленным,
строитель мечетей и медресе,
прокладывающий дороги и мосты,
защитник гостей и притеснённого¹,
отец² учащимся и беднякам
Исхак, сын Арслан-бека,
сына Исмаила, сына Алиа, сына Балкарука,
да простит их Аллах. Амин.
21 раджаба 1299 г. [8 июня 1882 г.]
Мастер [изготовивший камень] Инал, сын
писаря Иналука».

Из эпитафии становится понятным, что стела установлена над могилой известного представителя балкарской аристократии XIX столетия Исхака Асланбековича Балкарукова. В статье «Балкарские

Рис. 1.

1. Правильно المظلومين – притеснённых.

2. В арабской традиции попечителя могут называть отцом.

аристократы – участники депутации 1852–1853 гг. в Санкт-Петербург» приводятся краткие биографические данные князя Балкарукова, которые мы посчитали возможным использовать в данном исследовании [3, с. 62]. В письменных источниках Исхак впервые отмечается в документе 1832 г. в качестве свидетеля продажи покосного участка «Хасты» кабардинцем Мисостом Каншаовым жителю Чегемского общества Темирбулату Кучукову. Также Балкаруков присутствует в списке феодальных правителей Балкарии, составленном в 1846 г. В 1850 г. он был в числе почетных лиц балкарских обществ, представленных «Его Высочеству Наследнику Цесаревичу Александру Николаевичу».

За участие в депутации в Санкт-Петербург Исхаку Балкарукову был присвоен чин прапорщика с производством жалованья в 75 рублей в год.

И. Балкаруков активно занимался общественной деятельностью, был судьей Чегемского общества и Кабардинского народного суда, а также был избран депутатом для работы в Комиссии по личным и поземельным правам туземного населения Терской области.

Во время освобождения крестьян от крепостной зависимости отпустил на волю одиннадцать человек бесплатно. Исхак придавал важное значение образованию своих детей. Так, в 1873 г. он подал прошение начальнику Георгиевского округа, в котором изложил просьбу на беспрепятственное увольнение в Турцию его сына Али-Мурзу Балкарукова с целью изучения арабской грамоты в сопровождении родственника Магомета Мырзакуловича Урусбиева.

Рис. 2.

Прапорщик Балкаруков скончался 27 мая 1882 г. Выдающиеся нравственные качества Балкарукова описываются в одном из документов, составленном после его смерти, сказано: «недавно умер уважаемый всеми человек Исхак Балкароков»³. Был женат на дочери таубия Урусбиевского общества Мырзакула Урусбиева Дигорхан. Сыновья: Али, Бекмурза, Али-Мурза, Малкарук, Кайсын. Дочери: Нашхо, Бийче, Ханий.

Вертикальная стела №2.

Стела (141×33×23) с арабской эпитафией в семи строках (Рис. 2). Надпись высокорельефная, почерком *наسخ*. На тимпане высечен крупный полумесяц с пятиконечной звездой.

المرحومة المرحومة المغفورة
حلياة⁴ اسحاق
دكرخان بنت
مرزقل عرسبي ذاده
عقر الله
لهم امين
في ٧ ذي الحجه ١٢٩٩

Перевод:

«Покойная, прощённая,
жена Исхакъа
Дугер-хан, дочь
Мырзакула Урусби-заде,
да простит Аллах
их всех. Амин.

Зуль-хиджа 1299 [19 октября 1882 г.]».

3. Дело о ранении жителя сел. Бабукова Индриса Диданова жителем сел. Урусбиева Канаматом Джаппуевым Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (далее УЦГА АС КБР). Ф. 22. Оп. 1. Д. 886. Л. 6.

4. Здесь ошибка в написании слова. Должно быть *حلياة* – жена, супруга.

Эпитафия свидетельствует о том, что памятник установлен на могиле Дигорхан Урусбиевой, дочери влиятельного феодала из Баксанского ущелья Балкарии – Мырзакула Исмаиловича. После смерти отца Мырзакул стал *олием* (старшим князем. – прим. М.Б., А.Б.) Урусбиевского общества [4, с. 21]. Пользовался большим почетом и влиянием в Балкарии, Карачае и у соседних народов. Еще до официального присоединения Балкарии к России Мырзакул Исмаилович стремился к установлению взаимоотношений с российской администрацией на Кавказе. Так, в 1826 г. он предпринимает попытки наладить торговые контакты, обращаясь с просьбами о разрешении приобретения хлеба на российской территории⁵.

11 января 1827 г. Мырзакул Урусбиев, совместно с представителями других обществ Балкарии и Дигории, в г. Ставрополе подал прошение командующему российскими войсками на Кавказской линии генерал-лейтенанту Э.Г. Эмануэлю с просьбой о защите и покровительстве императора Николая I. Прошение было благосклонно принято, и балкарские представители принесли присягу на вступление в российское подданство [5, с. 18, 19]. В этом же году в «Описании Кабарды» А.Я. Купфера отмечалось, что Мырзакул Урусбиев является одним из преданнейших российскому правительству людей [6, с. 159].

Обладая открытым и доброжелательным характером, Мырзакул привлекал к себе внимание иностранных ученых. Венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс, занимавшийся проблемой этногенеза и древней истории венгров, в 1829 г. записал у Мырзакула интересное предание, обозначенное им как «Легендарная история мадьярского князя». Бесс отмечает, что речь Мырзакула сопровождалась исключительно умелой жестикуляцией, а сам рассказ велся с легкостью и живостью, очаровавшей слушателей [7, с. 831–833].

Известно, что Мырзакул Исмаилович был женат на дочери балкарского князя из Хуламского общества Султана Шакманова Татлыхан, в браке с которой родились сыновья: Исмаил, Хамзат, Асланбек (Александр) и Магомет, а также дочери: Аминат, Айша, Джаннет (Джюзек), Гошayah и Дигорхан.

К сожалению, документальные материалы слабо освещают жизнь княгини Дигорхан, что во многом объясняется положением, традиционно занимаемым женщинами в общественной жизни карачаево-балкарского общества. Так, известные российские кавказоведы В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский, посетившие в июне 1883 г. дом наследников Исхака и Дигорхан Балкаруковых, вместе с родным племянником Дигорхан Сафар-Али Урусбиевым, отмечали: «Чем выше общественное положение человека, тем в большей замкнутости живут у него женщины. Девушки вообще не выходят никуда одни, и часто по целым месяцам сидят взаперти в сакле... Но и замужние отличаются нередко крайним равнодушием ко всему, что за пределами не только их сакли, но даже комнаты» [8, с. 55].

Непосредственно же про Дигорхан они со слов ее племянника написали следующее: «Сафар в один их приездов с трудом уговорил свою, уже престарелую тетку выйти из ворот. Она дожила до старости, не видав даже своего аула» [8, с. 56].

Впрочем, нам удалось выявить документальные материалы, из которых видно, что после смерти мужа Дигорхан была вынуждена проявить более активное участие в жизни семейства. Так, она включилась в судебный процесс о принадлежности земельного участка «Терен-Кол», начавшийся при жизни ее супруга, который считал этот участок своей собственностью.

После того, как Нальчикский Горский словесный суд распорядился передать участок претендовавшим на него бывшим крепостным крестьянам Исхака Балкарукова, Дигорхан отказалась выполнить это распоряжение. Как сообщал об этом приставу 2-го участка Нальчикского округа ее сын Али-Мурза: «...мать моя не сочла нужным собственность свою как неправильно присвоенную передавать в другие посторонние какие-либо руки, а потому волю матери, я, не в состоянии переломить, о чем мною Горскому Суду будет отдельно донесено». Дигорхан также обратилась с просьбой к почетным лицам Чегемского общества на общественном сходе рассмотреть вопрос о том, чтобы отложить передачу земельного участка «Терен-Кол» в другие руки до окончательного выяснения его законных владельцев. На эту просьбу почетные жители Чегемского общества ответили согласием и провели сход, на котором приняли решение обратиться с просьбой к начальству округа об отсрочке решения Нальчикского Горского словесного суда впредь до окончательного решения принадлежности участка «Терен-Кол»⁶.

5. Предписания начальника кордонной линии о вырубке леса для хозяйственных нужд // УЦГА АС КБР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
6. Дело о разрешении спора из-за участка земли между Балкаруковым и Тоттаевым // УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 946. Л. 170б, 33, 33 об.

Рис. 3

Вертикальная стела №3.

Стела (160×36×18). Арабская эпитафия в восьми строках (Рис. 3). На тимпане в две строки нанесена формула шахады: لا اله الا الله و محمد رسول الله «Нет Бога кроме Аллаха. Мухаммад посланник Аллаха».

ذو الحجة ١٣١٠ ١٥
ضريح المرحوم
المغفور باخسانق
بن انلق ابنو
بلقروق غفر الله
ذنوبهم و جعل الجنة
مثواهم

Перевод:

«15 зульхиджа 1310 [29 июня 1893 г.]
Усыпальница покойного,
прощённого Басханука,
сына Иналука, сына
Балкарука. Да простит Аллах
его грехи, и он в раю
да пребудет».

На торце с восточной стороны памятника, снизу-вверх, одной строкой на северокавказском тюрки нанесено:

مسلمن لر دعا امانت در

Транслитерация: «Муслиманлар дуа аманат др».

Перевод: «Мусульмане, дуа (мольба за этого умершего) вверяется (вам) в обязанность» (Рис. 3).

Из текста эпитафии следует, что она посвящена Басхануку Балкарукову. В соответствии со сведениями, приводимыми в посемейном списке Чегемского общества за 1886 г., Басханук родился в 1872 г.⁷ Отцом Басханука (Баксанука) был Иналук Джарахматович, мать – Татлыхан Адиль-Гиреевна, которая происходила из рода Урусбиевых. Басханук был старшим

сыном в семье, у него было три брата: Ибрагим (он же Бийнегер. – прим. М.Б., А.Б.), Паша, Исмаил и четыре сестры: Фатимат, Бийче, Кесамхан и Клычхан. По обычаю аталычества Басханук воспитывался в семье жителей Чегемского общества Бауаевых⁸. Уже упоминавшийся посемейный список свидетельствует, что Басханук получил образование в Нальчикской горской школе, где выучил русский язык и грамоту. По окончании школы Басханук стал работать писарем Чегемского общества⁹. По сведениям старшины Чегемского общества Басханук заболел 4 июня 1894 г., а уже 8 июня того же года скончался. Внезапная смерть в двадцать два года, а также жалобы Басханука на тошноту и желудочную боль перед смертью, вызвали у семьи предположение, что он был отравлен. Было проведено расследование, в котором принимали участие старшина селения, его заместители, исполняющий дела начальника 2-го участка Нальчикского округа поручик Бекмурзаев. Окружным врачом Грамматиковым была проведена даже процедура эксгумации тела покойного. Следственные действия показали, что Басханук

7. Посемейный список общества Чегемского (2 участок Нальчикского округа) // УЦГА АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 34. Л. 80б.

8. Переписка с начальниками участков о скоропостижно умерших и случаях неестественной смерти // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 317. Л. 50.

9. Дело по принятию мер по взысканию долгов, взятых из Кабардинской общественной суммы // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 232. Л. 90–900б.

не был отравлен, и его смерть наступила вследствие естественных причин¹⁰. Басханук был женат на кабардинской княжне Тотайхан Карамурзиной. Детей у них не было.

Вертикальная стела №4.

Стела (155×30×12) с арабской эпитафией в семь строк, нанесенной почерком *наسخ* (Рис. 4). На тимпане указан день смерти: (11 раджаба). Ниже, в отдельном поле, высечен год смерти: 1341 г.х., что соответствует 27 февраля 1923 г. Надпись высоко-рельефная.

ضريح المرحوم
المغفور
حاج ابراهيم
بن ائلق بن
بلقروق
غفر الله¹¹ ذنوبه
وجعل الجنة¹²
مساوهم

Перевод:

«Гробница покойного,
прощённого
Ибрахима-хаджи,
сына Иналукъа, сына
Балкарука.
Да простит Аллах его грехи
и да сделает рай местом
его пребывания».

Текст эпитафии свидетельствует, что она посвящена родному брату Басханука Ибрагиму (он же Бийнегер. – прим. М.Б., А.Б.) Иналуковичу Балкарукову. Из информации в посемейном списке Чегемского общества следует, что он родился в 1875 г., получил домашнее мусульманское образование, знал арабский язык¹³. В эпитафии к имени Ибрагима добавлена приставка хаджи, означающая, что он выполнил одну из главных обязанностей мусульманина и совершил паломничество (хадж) в Мекку. В книге Х.Л. Османова «Балкария сквозь века» опубликована групповая фотография, напечатанная в Константинополе (Стамбуле), на которой запечатлен Балкаруков на обратном пути из Мекки на родину [9, с. 115]. Автор отмечает, что фотография датируется концом XIX в. Если эта информация соответствует действительности, то Ибрагим-хаджи совершил паломничество неоднократно, так как имеются документальные свидетельства, что в марте 1904 г. он, совместно с другими паломниками, прибывшими в Россию на турецком пароходе «Бассора» и неделю находился в карантине Феодосии¹⁴.

Ибрагим-хаджи довольно активно занимался общественной деятельностью и избирался старшиной Чегемского общества. В 1913 г. старшина Балкаруков приказом начальника Терской области

Рис. 4

10. Переписка с начальниками участков о скоропостижно умерших и случаях неестественной смерти // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 317. Л. 78об.

11. Правильно ذنوبه

12. Правильно مساوهم

13. Посемейный список общества Чегемского (2 участок Нальчикского округа) // УЦГА АС КБР. Ф. 9. Оп. 1. Д. 34. Л. 8 об.

14. Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусoid». Электронный ресурс. Доступно по ссылке: URI: <http://www.elbrusoid.org/m/forum/forum7/topic11990> Дата обращения: 25.08.2024г.

генерал-лейтенанта С.Н. Флейшера был награжден медалью «В память 300-летия Царствования Дома Романовых» [10, с. 125]. После революционных событий 1917 г. Ибрагим-хаджи подвергался различным преследованиям. Сохранилось его заявление в «Комиссию при правительстве Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками 1919 г.», в котором Балкаруков сообщал о реквизированном у него имуществе на сумму в 55260 руб. [11, с. 309, 310].

Ибрагим-хаджи был женат на дочери таубия из Чегемского общества Барасбиевой Таужан Кубадиевне. Их дети: сын Магомет и три дочери Софьят, Зулейха, Зубайда.

Рис. 5

Вертикальная стела №5.

Стела (103×28×20) (Рис. 5) с крупным геометрическим орнаментом в круглой розетке на тимпане.

Арабская эпитафия нанесена в высоком рельефе, почерком *nash*, в семи строках. Надпись частично повреждена.

المرحوم المقتول
شهيداً في معركة
الكفار نغي
بن كوجك
بن كلمة
غفر.....
سنة ١٢٨٨

Перевод:

«Покойный, убитый
шахид в войне
с неверными, Ногай,
сын Кучука (Годжука),
сына Келемета.
Да простит .....
1288 год [1871–72 г.]».

В нижней части северной стороны памятника автограф мастера:

صانعه
ينال بن
مشتق

«Сделал
Инал, сын
Мштк (Маштака)¹⁵».

Из эпитафии можно понять, что она посвящена таубию Ногаю Гожуковичу Келеметову. Из документальных материалов известно, что Гожук Келеметов был женат на дочери таубия из Урусбиевского общества Али Урусбиева – Кирмахан¹⁶. У Ногая было пять братьев: Исса, Кертыйбий, Клычбий, Махмуд, Хили и три сестры: Даумхан, Чилле и Н. Братья Ногая были известны физической силой, отвагой и удалью. Так, Исса был известным абреком и скрывался от преследований царской администрации на Кубани в адыгских

15. Или مشتق Мстк.

16. Дело о выделении части имени матери Басията Эбуева от сыновей Урусбия Урусбиева // УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 249. Л. 11.

и карачаевских селениях. В июне 1843 г. Исса был окружен в Карачае и ему предложено было сдаться. На это требование Исса ответил отказом и предпочел сдаче в плен погибнуть с оружием в руках¹⁷.

Известный дагестанский просветитель, общественный деятель, этнограф и юрист Башир Далгат в работе 1896 г. «Поездка к Чегемским ледникам» оставил описание одного из братьев Ногая, к сожалению, не упомянув его имени. В частности, он привел пример его ловкости и смелости: «... Келеметов полетел на покатый лед, к нашему удивлению, стал на ноги и, благодаря своей ловкости, успел сохранить равновесие, на что способны только альпийские охотники, представителем которых, несомненно, был и он (достаточно сказать, что Келеметов один неустрашимо ходил на медведей и кабанов и охотился за турами под снежной линией, для того чтобы признать его образцовым и неустрашимым охотником; раз как-то он сел верхом на огромного кабана и скакал на нем до тех пор, пока зверь не упал, лишившись сил)» [12, с. 51, 52].

В этой же работе Далгат приводит рассказ, записанный со слов жителей Чегемского общества, о подвиге Ногая Келеметова, имя которого он записал в форме «Нухай». Далгат сообщает, что до 80-х годов XIX столетия между чегемцами и их соседями грузинами-сванами имели место пограничные столкновения. Во время одного из таких столкновений сваны напали на Чегемское общество и угнали скот с пастбища, находящегося на расстоянии от Чегема около перевала в Сванетию. Извещенные о похищении жители Чегема прибыли к месту событий, когда сваны и похищенный ими скот находился уже на пути в Сванетию. В этой связи чегемцы посчитали, что уже не смогут догнать похитителей и отбить свое имущество и решили вернуться домой. Только князь Келеметов посчитал невозможным для себя отказаться от погони и единолично отправился в Сванетию.

Оказавшись в Сванетии, он встретил своего кунака, которому объявил о своем желании вернуть в Чегем, похищенный сванами скот. Кунак пытался убедить Ногая отказаться от своего намерения, отмечая, что он и так продемонстрировал свою отвагу, явившись к похитителям в одиночку. В противном случае, объяснял он, Ногай погибнет напрасно, не добившись поставленной цели. Не послушав подобных доводов, Ногай бросился на похитителей с обнаженной шашкой, уничтожив двенадцать человек, прежде чем его убили [12, с. 42, 43].

Следует отметить, что данные Б. Далгата дополняются и корректируются архивными материалами. Так, описываемый им набег сванов на чегемские коши произошел в 1873 г. Жители сел. Мулах, так называемой Вольной Сванетии, в количестве 300–400 человек, под предводительством старшины селения Каспулата и его сына Бейбу, напали на коши Исмаила Акаева и Кокая Тудуева, захватили большое количество скота и взяли в плен четырех мальчиков. Из бросившихся в погоню тридцати чегемцев только шестеро (Чолур Атаев, Ногай Келеметов, Кучук Коджашев, Заурбек Тоттаев, Кокай и Мисост Тудуевы) сумели настичь похитителей на перевале в пределах Сванетии. В завязавшейся перестрелке чегемцы Мисост Тудуев и Ногай Келеметов были убиты, а Чолур Атаев ранен. Сваны потеряли убитыми трех человек и столько же ранеными.

За телом Ногая в Сванетию через несколько дней отправился его родственник Чепе Келеметов и Карамурза Аппаев. С помощью старшины сванского селения Мести тело Ногая, на котором оказалось семь ран, получилось доставить в Верхний Чегем¹⁸.

Приведенные документальные материалы позволяют сделать вывод о героизме как Ногая Келеметова, так и его пятерых соратников, не испугавшихся вступить на чужой территории в смертельное сражение с похитителями, многократно превышавшими их по численности. При этом, в описываемом событии князь Ногай Келеметов сыграл выдающуюся роль. Подвиг Келеметова был увековечен в поэме на карачаево-балкарском языке «Кереметланы Мухайны тауруху» известным религиозным и общественным деятелем Балкарии Даут-Хаджи Шаваевым (1800–1892) [13, с. 235–237].

17. Рапорта командиров полков об усилении надзора за лицами, находящимися под наблюдением // УЦГА АС КБР, ф. 16, оп - 1, д - 231, л.170.

18. Рапорты о нападении сванов на чегемцев // УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 183. Л. 1-16.

Рис. 6

Вертикальная стела №6.

Стела с арабской эпитафией, нанесенной в девять строк. Надпись высокорельефная, плоская, выполнена почерком *наسخ*. Вверху стелы крупный полумесяц с пятиконечной звездой. (Рис. 6).

١٣٤١
ضريح المرحوم
المغفور يا الله
بك مُرزا حاج
بن كوجق حاج
ابنو باری سبی
غفر الله ذنوبهم
وجعل الجنة
مثواهم

Перевод:

«1341 [1922–23 г.]

Усыпальница покойного,

Прощенного. О, Аллах!

Бек-мурзы хаджи,

сына Куджук-хаджи

сына Барисбия.

Да простит Аллах его грехи

и да сделает рай местом

его пребывания».

В нижней части южной стороны тамга (фамильный знак. – прим. М.Б., А.Б.) князей Барасбиевых.

Эпитафия посвящена Бекмурзе (он же Исмаил) Кучуковичу Барасбиеву. В архивных документах его часто называют Хаджи, так как он совершил паломничество в Мекку, а также Гитче, что в переводе с балкарского языка означает «младший». Исмаил (Бекмурза) был младшим сыном известного балкарского общественного деятеля XIX в. подпоручика Кучука Барасбиева, краткие биографические данные о нем рассматривались нами в упомянутой выше статье «Балкарские аристократы – участники депутации 1852–1853 гг. в Санкт-Петербург»

[3, с. 62, 63]. Можно отметить, что в эпитафии приводятся неизвестные для нас ранее сведения об отце Исмаила, который именуется с приставкой «хаджи», следовательно, он совершил паломничество в Мекку. Мать Бекмурзы была дочерью чегемского князя Бийнегера Келеметова.

Семья Бекмурзы пользовалась авторитетом в обществе и у царской администрации. После введения в Кабарде и Балкарии правил самоуправления в 1860 г., его отец был назначен первым старшиной Чегемского общества. На этом посту Кучука сменил старший брат Бекмурзы Кубади¹⁹. Старшиной Чегемского общества был и другой брат Исмаила – Али [14, с. 441]. Выявленные документальные материалы свидетельствуют, что Исмаил также пользовался уважением своих земляков. Так, в 1892 г. его и трех других сельчан избрали доверенными лицами от с. Верхний Чегем для участия в выборах судей и народного кадия в Нальчикский Горский словесный суд²⁰. В этом же году Бекмурза был назначен

19. Документы о работе комиссии (Чегемского общества Нальчикского округа) // Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (далее ЦГА РСО-А). Ф. 270. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

20. Дело по принятию мер по взысканию долгов, взятых из Кабардинской общественной суммы // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 232. Л. 20 об.

опекуном над тяжело больным ветераном русско-турецкой войны 1877–1878 гг. прапорщиком Хан-Гиреем Келеметовым, его семейством и имуществом²¹. Бекмурза-хаджи был женат на дочери таубия Безенгиевского общества Балкарии Муссы Суюнчева Балдан. У них родились сын и две дочери: Даумхан и Тышох.

Вертикальная стела №7.

Стела (100×26×15) с арабской эпитафией, нанесенной в шесть строк, разделённых бордюрам. Надпись высокорельефная, плоская, выполнена почерком *наسخ*. В верхней части стелы изображены две розетки и каплевидный знак²². (Рис. 7).

دومخان
بنت حاج اسماعيل
بن حاج كوچك
بن برسبي
سنه ٨
في سنة ١٣١٥

Перевод:

«Даум-хан,
дочь Хаджи-Исмаила,
сына Хаджи-Кучука²³,
сына Барасбия
ее возраст 8 [лет]
в 1315 году [1897/98 г.]» .

Рис. 7, 8.

Текст эпитафии свидетельствует, что она посвящена дочери Исмаила (Бекмурзы) Хаджи Кучуковича Барасбиева. Из эпитафии следует, что девочка умерла в раннем детстве. К сожалению, на данный момент мы не смогли выявить каких-либо биографических данных о Даумхан.

Вертикальная стела №8.

Эпитафия на арабском языке нанесена в одиннадцать строк (Рис. 8). Надпись высокорельефная, размытая. Частично утрачена.

المرحومة
المغفورة
صاحبة هذ
المنصب²⁴
سأملت زوجت
عمر بن برسبي
غفرالله ذنوبها
صانعت لا
زاهرت
عمل اينال
١٣١١

21. Дело о спорном участке между жителями Чегемского общества Иналуко Балкароковым и Кучуком Барасбиевым // ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 681. Л. 5.

22. Интересно, что в Дагестане подобный орнамент встречается на надмогильных памятниках представителей шамхальского дома. В данном случае наличие подобного орнамента пока необъяснимо.

23. Вариант прочтения: Годжук.

24. Должно быть ошибочное написание арабского слова المنصوب что значит «установленный».

Перевод:
 «Покойная
 прощёная
 хозяйка этого установленного
 камня
 Салимат, жена
 Умара, сына Барасбия.
 Да простит Аллах её грехи.
 мастер...(?)
 сделал Ийнал
 1311 [1893 – 94 г.]».

В связи с тем, что в роду Барасбиевых был только один Умар, мы считаем, что эпитафия посвящена жене Барасбиева Умара Батырбиевича, скончавшегося 10 декабря 1886 г.²⁵ Предполагаемая девичья фамилия Салимат устанавливается из документов наследственного дела 1908–1909 гг. таубиев из Малкарского общества Балкарии Амирхановых, в которых отмечено, что матерью сына Умара Барасбиева Каншау была дочь Алибека Амирханова²⁶. Других сведений о Салимат на данный момент нам выявить не удалось.

Рис. 9

Вертикальная стела №9.

Стела (70×21×19) с арабской эпита 1893 – 94 г. фией, нанесенной в семь строк. Надпись высокорельефная, плоская, выполнена почерком *наسخ* (Рис. 9).

المرحوم
 صونية
 بنت پاش
 بن برسبي
 فاعله احمد
 بن رمضان
 ١٣٤٥

Перевод:
 «Покойная
 Суният,
 дочь Паши,
 сына Барасбия.
 Сделал [камень] Ахмад,
 сын Рамазана
 1345 [1926–27 г.]».

Из текста эпитафии следует, что она посвящена дочери Паши Кубадиевича Барасбиева. Нам известно, что Паша был дважды женат. Первая его супруга, Шамкыз, была дочерью таубия Урусбиевского общества Хамзата Урусбиева, а вторая – Фатима, дочерью таубия из общества Малкар Аслан-Гирея Заниюкова.

25. Прошения жителей Терской области в канцелярию начальника Терской области по разным вопросам // ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 3. Д. 38. Л. 70б.

26. Журнал регистрации судебных дел и решений по ним // УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 5991. Т. 2. Л. 453об. - 459 об.

27. Правильно المرحومة – покойная. Мастера, которые наносили эпитафии, не всегда владели арабским языком и могли допускать ошибки.

К сожалению, мы не знаем какая из жен была матерью Саният. У Саният было два брата: Жунус (мать Урусбиева), Мухарбек (мать Заниюкова) и сестра Лейла (мать Урусбиева). Можно отметить, что Жунус – первый профессиональный актер из карачаево-балкарцев. В 1930 г. он завершил учебу в Дагестанском техникуме драматического искусства и стал служить в Кумыкском национальном театре в г. Махачкала [15, с. 184, 185].

Вертикальная стела №10. (Рис. 10).

Стела (201×55×30) с арабской эпитафией. Текст эпитафии вписан в восемь полей.

Надпись высокорельефная, плоская, выполнена почерком *наسخ*.

Нижние поля подверглись эрозии.

المغفور
الحاج (?) موسى برسبي زاده
وهو وان كان في شبابه من الغافلين في الدين
لكن بعد سن الشيوخة...²⁸ ينتبه... واطلب الجمعة والجماعة
على الدفكان ذو رحمة واحسان على كل محتاج
وضعیف انسانا وحيوانا وقد اعان في عمارة المسجد
... [القعدة] ²⁹ ١٣٣٢
³⁰ ....

Перевод:

«Покойный прощенный паломник Муса Барасбий заде ...

он несмотря на то, что был в своей молодости в числе беспечных к религии

однако после [достижения] возраста старости ...

он проявил внимание к джум'а и джама'ат

... он был милостивым, благотельным по отношению к каждому нуждающемуся,

будь это человек или животное, и он помог в постройке мечети.

5. ...

6. ...

1332 ал-ка'[ада] [18 ноября 1914 г.]».

Рис. 10

В виду особой сложности в чтении этой эпитафии мы приводим схему, по которой, по нашему мнению, должен читаться текст в полях.

2	1
3	4
5	6
7	8

Данная стела расположена в стороне и несколько выше по склону холма от основной группы рассматриваемых в статье памятников. Текст эпитафии свидетельствует, что она посвящена Барасбиеву Муссе Келеметовичу. В документах Мусса называется также Басиатовым – по имени деда Басиата. Отец Муссы от имени Чегемского общества принимал участие в балкаро-дигорском посольстве 1827 г. к командующему российскими войсками на Кавказе генерал-лейтенанту Эмануэлю в г. Ставрополь, в результате которого Балкария добровольно вошла в состав Российской империи [3, с. 62]. Год рожде-

28. Не оговоренные многоточия являются словами, которые нам не удалось прочесть.

29. Камень подвергся эрозии в нижней части, вследствие чего текст невозможно прочесть.

30. Камень подвергся эрозии в нижней части, вследствие чего текст невозможно прочесть.

ния Муссы устанавливается из одного документа, в котором отмечено, что в 1868 г. ему было 36 лет³¹. Исходя из этого, можно считать, что он родился в 1832 г. У Муссы была одна родная сестра – Даумхан, вышедшая замуж за таубия из общества Малкар Кучука Абаева. Племянник Муссы Мисост Абаев считается выдающимся представителем балкарского народа, первым историком из числа балкарцев.

После смерти отца Мусса проживал некоторое время совместно со своим дядей Кучуком Басиатовичем, младшим братом отца. Этот факт стал известен благодаря зафиксированному в мае 1871 г. прошению Кучука и Муссы Барасбиевых приставу 2-го участка Георгиевского округа, в состав которого входила тогда Балкария, о том, что за 5 или 6 лет до этого они продали пахотный участок земли под названием «Кокай-сабан» за 350 руб. серебром односельчанину Исмаилу Мамашеву. Из этой суммы они получили только 50 рублей. Оставшуюся часть долга Мамашев не отдал им, так как они в скором времени после продажи перестали жить одним хозяйством и разделили свое имущество³².

Мусса Келеметович был одним из известных общественных деятелей не только Чегемского общества, но и всей Балкарии второй половины XIX столетия. С 1855 г. он состоял на службе в горской милиции³³. В «Наградном списке лицам, представляемым к наградам» по Нальчикскому округу Терской области, составленному 20 декабря 1891 г., приводится краткая характеристика его служебной деятельности. В частности, сообщается, что он имел звание урядника и «в течение шестнадцати лет добросовестно и честно исполнял должность старшины Чегемского общества». Также отмечается, что Барасбиев был награжден двумя медалями: в 1869 г. – серебряной, с надписью: «За усердие», для ношения в петлице, на Станиславской ленте, и в 1875 г. – золотой, с аналогичной надписью, и на такой же ленте. Составители документа представляли Барасбиева к награждению званием юнкера милиции³⁴. Звание юнкера Муссе присвоено не было, что видно из письма канцелярии начальника Терской области от 3 сентября 1893 г. за №9539 начальнику Нальчикского округа, в котором сообщалось о награждении урядника Муссы Барасбиева золотой медалью для ношения на груди³⁵.

Особо можно отметить, что должность старшины Чегемского общества Барасбиев занимал до 1898 г., установив своеобразный рекорд по продолжительности нахождения в должности старшины (23 года) среди балкарцев [16, с. 476].

Подпись Муссы стоит под важными документами в истории Кабарды и Балкарии. В частности, совместно с кабардинскими аристократами он подписал докладную записку на имя начальника Терской области М.Т. Лорис-Меликова, поданную 8 августа 1866 г., в которой предлагались условия освобождения крестьян от крепостной зависимости. Документ подписали представители 49 кабардинских знатных родов. Помимо Барасбиева этот документ подписали только два балкарца – Кайсын Суншев (Суюнчев. – прим. М.Б., А.Б.) и Измаил Мамышев (Мамашев. – прим. М.Б., А.Б.) [17, с. 101–104]. 10 октября 1873 г. совместно с тринадцатью доверенными от населения Большой и Малой Кабарды, а также обществ Балкарии, он подписал условие с предпринимателями З. Фрахтманом и И. Лиевым о предоставлении им права добывать каменный уголь на общественных землях Кабарды и Балкарии с уплатой в так называемую Кабардинскую общественную сумму трети полученного дохода³⁶. Совместно с шестью аристократами, представлявшими все пять обществ Балкарии, Мусса 7 декабря 1887 г. подписал «Записку о Горских Тау-Биях», поданную на имя начальника Терской области и призванную наделить балкарских феодалов соответствующими их происхождению правами [18, с. 53–61].

После прекращения деятельности в качестве старшины Чегемского общества Мусса Келеметович сосредоточил свое внимание на занятии домашним хозяйством. Начальник межевого управления Терской области М.З. Кипиани в 1884 г. указывал Барасбиева среди наиболее крупных землевладельцев своего общества [19, с. 65]. Следует отметить, что земли Муссы располагались не только в горах Балкарии, но и на равнинах Кабарды. Так, у представительницы кабардинского дворянского рода

31. Дело о разделе участка земли между братьями Сайдумовыми // УЦГА АС КБР. Ф. 24. Оп. 1. Д. 350. Л. 17.

32. Дело о взыскании денег с Мамашева в пользу прапорщика Барасбиева с таубия Муссы Барасбиева за участок земли // УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 135. Л. 1, 10б.

33. Материалы о награждении горцев (предписания начальника Терской области, рапорты, наградные листы, послужные списки и др.) // УЦГА АС КБР. Ф. 2. Оп. 3. Д. 21. Л. 70.

34. Переписка с начальником Терской области о представлении к наградам чиновников округа // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 215. Л. 15.

35. Список военнослужащих, представленных к награде за усердие в военной службе // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 267. Л. 25, 250б.

36. Рапорты о выдаче свидетельств на право разработки рудных и минеральных месторождений // УЦГА АС КБР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 190. Л. 24, 240б.

Кошеровых Кайсур он в 80-х гг. XIX в. купил довольно крупный участок в 280 десятин³⁷. В списке балкарских коневонов за 1903 г. отмечено, что у Муссы имелось 89 лошадей. По количеству лошадей в Чегемском обществе он уступал только князю Дадашу (Исламу) Балкарукову, у которого было 102 лошади³⁸.

Мусса Келеметович был неоднократно женат. Нам известно о пяти его женах: грузинская (сванская) княжна Дадешкелиани NN; чегемская княжна Кучукова Нальмесхан Эдиковна; чегемская княжна Кучукова Татлыхан Темирбулатовна; осетинская (дигорская) княжна Карабугаева Черкес Мажидовна; карачаевская княжна Дудова Гогуш Нануевна. У Муссы было пять сыновей: Исмаил, Келемет, Магомет (Махай), Мырзакул, Темрюк и три дочери: Дигорхан, Радим и Фатимат.

Завершая данное исследование, можно прийти к выводу, что содержание эпитафий балкарских аристократов, похороненных на кладбище с. Эльтубю (Верхний Чегем), расширяет наши представления в генеалогии аристократии и углубляет в целом исторические знания по истории и культуре балкарского народа.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор №12)

Funding. This research was conducted with financial support from an internal grant provided by Kabardino-Balkarian State University (KBSU) (Agreement No. 12).

37. Списки частных владельцев и данные о количестве обмениваемой ими земли // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 127. Л. 72об, 73.
38. Переписка с областным правлением о состоянии скотоводства. Списки коневонов Большой Кабарды и Горских обществ // УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 608. Л. 11, 110б.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Текеев К.М. Карачаевцы и балкарцы. Традиционная система жизнеобеспечения. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. - 448 с.
2. Батчаев В.М. Балкария в XV – начале XIX вв. М.: ООО «ТАС-ИЗДАТ», 2006. – 190 с.
3. Баразбиев М.И. Балкарские аристократы – участники депутатии 1852–1853 гг. в Санкт-Петербург // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. Т. III. №3. Нальчик, 2013. С. 60–68.
4. Карачаево-балкарские деятели культуры XIX – начала XX вв. Т. 1 / Составление, вводная статья, научный комментарий Т.Ш. Биттировой. Нальчик: «Эльбрус», 1993. – 265 с.
5. Живая старина. № 2. Нальчик, 1992.
6. Битова Е.Г. Социальная история Балкарии XIX века: (Сельская община). Нальчик: «Эльбрус», 1997.- 173 с.
7. Ж.-Ш. де Бесс. Путешествие в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. Нальчик, 1974.
8. Миллер В., Ковалевский М. В Горских обществах Кабарды // Балкария: Страницы прошлого. Вып. 4. Нальчик, 2007. С. 11–60.
9. Османов Х.Л. Балкария сквозь века. Владикавказ: «ИПО СОИГСИ», 2009. – 259 с.
10. Опрышко О.И. Приказ о награждении сельских старшин Нальчикского округа как исторический источник. 1913 год // Генеалогия Северного Кавказа. Нальчик, 2006, №16. С. 123–126.
11. Материалы "Комиссии" при правительстве Кабарды по выяснению и удовлетворению убытков лиц, ограбленных и разоренных большевиками 1919 г. Составитель Яхтанигов Х.Х. Нальчик: «Принт-Центр», 2013. – 370 с.

REFERENCES

1. Tekeev KM. *Karachais and Balkars. Traditional life support system*. Moscow: Nauka Publ., Vost. Lit., 1989. (In Russ)
2. Batchaev VM. *Balkaria in the 15th–early 19th centuries*. Moscow: TAS-IZDAT LLC, 2006. (In Russ)
3. Barazbiev MI. *Balkar aristocrats – participants in the dep-utation of 1852–1853 to Sainte-Petersburg. News of the Kabardino-Balkarian State University*. Nalchik, 2013; 3(3): 60-68. (In Russ)
4. *Karachay-Balkarian cultural figures of the 19th–early 20th centuries. Vol. 1. Comp., introd., and scientific comm. by T.Sh. Bit-tirova*. Nalchik: Elbrus, 1993. (In Russ)
5. Zhivaya Starina. Nalchik, 1992; 2. (In Russ)
6. Bitova EG. *Social History of Balkaria in the 19th Century: (Rural Community)*. Nalchik: Elbrus, 1997. (In Russ)
7. de Besse J.-C. *Journey to the Crimea, the Caucasus, Georgia, Armenia, Asia Minor and Constantinople. Adyghe, Balkars and Karachais in the Accounts of European Authors of the 13th–19th Centuries*. Nalchik, 1974. (In Russ)
8. Miller V., Kovalevsky M. *In the Mountain Societies of Ka-barda. Balkaria: Pages of the Past*. Nalchik, 2007; 4: 11-60. (In Russ)
9. Osmanov KhL. *Balkaria through the centuries*. Vladika-vkaz: IPO SOIGSI, 2009. (In Russ)
10. Opryshko OI. *Order on rewarding village elders of the Nal-chik district as a historical source. 1913. Genealogy of the North Caucasus*. Nalchik, 2006; 16: 123-126. (In Russ)
11. *Materials of the "Commission" under the government of Kabarda for the clarification and satisfaction of losses of persons robbed and ruined by the Bolsheviks in 1919. Comp. by Yakhtani-gov H.Kh*. Nalchik: Print-Center, 2013. (In Russ)
12. Dalgat B. *Trip to the Chegem glaciers. Karachay and Balkaria: Pages of the past*. Nalchik, 2009; 9(14): 35-53. (In Russ)
13. *Reflections on Life. The Original Poetry of Daut-Khadzhi*

12. Далгат Б. Поездка к Чегемским ледникам // Карачай и Балкария: Страницы прошлого. Нальчик, 2009, Вып. 9 (14). С. 35–53.

13. Раздумья о жизни. Авторская поэзия Даут-Хаджи Шаваева (Абайханова) (поэмы, зикиры, стихи), 1800–1892. Составители: Малкондиев Х.Х., Абаева С.К., Берберов Б.А. Нальчик: «Принт-Центр», 2018. – 407 с.

14. Опрышко О.Л. Коневодство в Нальчикском округе в период Первой мировой войны (1914–1917) // Исторический вестник: VIII выпуск. К 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик, 2009. С. 345–460.

15. Абдуллатипов А.-К.Ю. Темирболат Бейболатов. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995 – 287 с.

16. Темукеев Б.Б. Балкарская общественная колесная дорога. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2008 – 672 с.

17. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: «Эльбрус», 1991. – 190 с.

18. Башиев А.М. «Записка о Горских Тау-Биях»: новый источник по сословной структуре балкарцев // Кавказоведение: опыт, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 100-летию известного ученого-кавказоведа, профессора В.П. Невской. Карачаевск, 18-19 октября 2019 г. С. 53–61.

19. Кипиани М.З. Пять Горских обществ Большой Кабарды, или таули // Балкария: Страницы прошлого. Вып. 1. Нальчик, 2005. С. 57–68.

Shavaev (Abaikhanov) (poems, zikirs, verses), 1800–1892. Comp. by Malkonduev Kh.Kh., Abaeva S.K., Berberov B.A. Nalchik: Print-Center, 2018. (In Russ)

14. Opryshko O.L. Horse Breeding in the Nalchik District During the First World War (1914–1917). *Historical Bulletin: Issue VIII. To the 60th Anniversary of V.Kh. Kazharov*. Nalchik, 2009: 345–460. (In Russ)

15. Abdullatipov A-KYu. *Temirbolat Beybolatov*. Makhachkala: Dagbook Publ., 1995. (In Russ)

16. Temukuev BB. *Balkarian Public Wheeled Road*. Nalchik: M. and V. Kotlyarovs' Publ., 2008. (In Russ)

17. Kudashev VN. *Historical Information about the Kabardian People*. Nalchik: Elbrus, 1991. (In Russ)

18. Bashiev AM. “Note on the Mountain Tau-Biyas”: A New Source on the Class Structure of the Balkars. *Caucasian Studies: Experience, Problems, and Prospects. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation Dedicated to the 100th Anniversary of the Renowned Caucasian Scholar, Professor V.P. Nevskaya*. Karachayevsk, October 18-19, 2019: 53–61. (In Russ)

19. Kipiani MZ. Five Mountain Societies of Greater Kabarda, or Tauli. *Balkaria: Pages of the Past*. Nalchik, 2005; 1: 57–68. (In Russ)

Поступила в редакцию 22.01.2025 г.

Принята в печать 11.02.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

Received 22.01.2025

Accepted 11.02.2025

Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213471-482>

Исследовательская статья

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович
д.и.н., профессор кафедры гуманитарных дисциплин
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия
vikingpasha@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ШАМХАЛОВ И ЗАСУЛАКСКИХ ПРАВИТЕЛЕЙ С РОССИЙСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ НА КАВКАЗЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. Цель статьи — реконструировать картину торговых взаимоотношений кумыкских земель с Россией второй половины XVIII столетия на основании архивных материалов Центрального государственного архива Республики Дагестан, фонда №379 «Кизлярский комендант». Исследование истории торгово-экономических связей Российской империи с северокавказскими народами была и остается одним из приоритетных направлений в отечественном кавказоведении. Частично освещены торговые взаимоотношения России с отдельными народами, так как акцент отечественных кавказоведов направлен в основном на исследование российско-торговых экономических связей в целом. В представленной статье автором предпринята попытка восполнить данный пробел. Статья подготовлена с опорой на исторический и логический методы исследования. Исторический метод позволил объективно и достоверно исследовать российско-кумыкские торговые отношения в их развитии. Логический метод позволил прийти к выводам и обобщениям о том, что ко второй половине XVIII в. торговые связи кумыков с Россией приобрели качественно новый этап в своем развитии, явились своего рода прологом к инкорпорации в состав Российской империи. Автор приходит к выводам: во-первых, интеграция кумыкских государственных образований в состав Российской империи была во многом обусловлена тесными русско-кумыкскими торговыми связями, сближением их экономических интересов; во-вторых, инкорпорация кумыкских земель в российское экономическое пространство дала большой импульс хозяйственной жизни региона, подняла на новый уровень развития; в-третьих, через кумыкские государственные образования Россия, гибко и прагматично используя хозяйственные рычаги, усилила не только свое экономическое присутствие в регионе, но и инициировала политическое проникновение, в конечном счете, завершившееся полным вхождением Дагестана в состав России. Тесные торговые контакты кумыкских государственных образований с Россией сыграли роль важного фактора, детерминировавшего тенденцию к бесповоротному формированию идеи интеграции не только в экономическое, но и политическое и культурное российское пространство.

Ключевые слова: Россия; Кавказ; Кизляр; комендант; кумыкские государственные образования; экономика; торговля; пророссийская ориентация; инкорпорация

Для цитирования: Абдусаламов М.-П.Б. Экономические взаимоотношения шамхалов и засулакских правителей с российской администрацией на Кавказе во второй половине XVIII века // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 3. С. 471-482. doi: [org/10.32653/CH213471-482](https://doi.org/10.32653/CH213471-482)

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213471-482>

Research paper

Magomed-Pasha B. Abdusalamov
Dr. Sci., Prof. at the Dep. of Humanities
Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
vikingpasha@mail.ru

ECONOMIC RELATIONS BETWEEN SHAMKHALS AND ZASULAK RULERS AND THE RUSSIAN ADMINISTRATION IN THE CAUCASUS IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY

Abstract. This study reconstructs the trade relations between the Kumyk territories and the Russian Empire during the second half of the eighteenth century, utilizing archival materials from the Central State Archives of the Republic of Dagestan, specifically Collection No. 379, “Kizlyar Commandant.” The exploration of trade and economic interactions between the Russian Empire and the peoples of the North Caucasus remains a central focus within Russian Caucasus studies. Although existing scholarship has primarily addressed Russian trade and economic relations with the region in broad terms, detailed analyses of interactions with specific ethnic groups, such as the Kumyks, remain limited. This article seeks to address this scholarly gap. Employing both historical and logical research methodologies, the study ensures an objective and rigorous examination of Russian-Kumyk trade relations in their historical development. The historical method facilitates a reliable reconstruction of these relations, while the logical method enables the formulation of conclusions and generalizations. The analysis reveals that, by the second half of the eighteenth century, Russian-Kumyk trade relations had evolved to a qualitatively new stage, laying the groundwork for the Kumyk territories’ incorporation into the Russian Empire. The study concludes that: first, the integration of Kumyk polities into the Russian Empire was significantly driven by robust Russian-Kumyk trade ties and the alignment of their economic interests; second, the incorporation of the Kumyk territories into the Russian economic sphere substantially enhanced the region’s economic vitality, elevating it to a new developmental level; and third, through strategic and pragmatic economic engagement with the Kumyk polities, Russia not only solidified its economic influence in the region but also initiated political penetration, ultimately leading to Dagestan’s complete integration into the Russian Empire. Close trade connections between the Kumyk polities and Russia played a pivotal role in fostering the irreversible trend toward integration into Russia’s economic, political, and cultural spheres.

Keywords: Russia; Caucasus; Kizlyar; commandant; Kumyk polities; economy; trade; pro-Russian orientation; incorporation

For citation: Abdusalamov M.-P. B. Economic Relations Between Shamkhals and Zasulak Rulers and the Russian Administration in the Caucasus in the Second Half of the 18th Century. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 471-482. doi.org/10.32653/CH213471-482

Введение

В современной отечественной историографии с учетом новейших достижений в кавказоведении обозначилась тенденция в осмыслении кавказского вектора внешней политики России XVIII в., в особенности российско-кавказских торговых отношений в новом ракурсе, ревизии и в панорамном исследовании отдельных тематических сюжетов, относящихся к истории российско-кумыкских торговых связей, имевших многовековую историю. В XXI в. появились новые работы не только по военно-политическим взаимоотношениям Российской империи с кавказскими народами, но и торгово-экономическим. Это труды современных ученых: Иноземцевой Е.И. [1; 2], Абдусаламова М.-П.Б. [3–8], Магарамова Ш.А. и Магомедова Н.А. [10–12], Джахиевой Э.Г. [13], Даутова И.Н., Чекулаева Н.Д., Великой Н.Н., Кидирниязова Д.С., Богатырёва Э.Д., Раджабова А.Х. [14–20]. Вместе с тем отметим, что в работах указанных авторов, в которых затронута проблема российско-кавказских торгово-экономических связей, раскрыты отдельные тематические сюжеты, зачастую исследования носят фрагментарный характер, частично освещены торговые взаимоотношения России с отдельными народами. Представленная статья принципиально отличается от научных изысканий предыдущих авторов, прежде всего, иным подходом с опорой на новые архивные материалы фонда «Кизлярский комендант», интерпретация которых позволила выявить особенности российско-кумыкских торговых связей.

Методы и материалы. Исторический метод позволил провести исследование динамики российско-кумыкских торгово-экономических связей второй половины XVIII века и выявить при этом их особенности и изменения, произошедшие за этот период. Логический метод позволил не только обосновать тезис о том, что во второй половине XVIII в. торговые связи кумыкских государственных образований с Россией претерпели заметные качественные изменения в своем развитии, но и прийти к заключению, что они формировали предпосылки к сравнительно мирной интеграции Кумыкии в состав Российской империи.

Источниковедческой основой данной статьи послужили архивные материалы фонда №379 «Кизлярский комендант». Это, прежде всего, письма кумыкских правителей комендантам Кизлярской крепости, и, наоборот, которые дают нам информацию о содержании этих взаимоотношений, как первоисточники позволяют реконструировать реальную картину состояния торговли в регионе второй половины XVIII в., и показывают ту роль, которую играли кумыкские государственные образования в экономической политике России и т.д.

Выбор хронологических рамок автором обоснован, прежде всего, тем, что во второй половине XVIII в., в сравнении с предыдущим периодом происходят заметные изменения в торговых отношениях кумыков с Россией. С одной стороны, торговые связи приобретают более оживленный характер, значительно расширяется их диапазон, с другой, экономическая политика России в регионе становится значительно более гибкой, прагматичной и последовательной. Россия уверенно утверждается на Кавказе, становится доминирующей силой. Важную роль в этом процессе сыграли торгово-экономические рычаги как важный инструмент кавказской политики России.

Торговая переписка кумыкских правителей с комендантами Кизлярской крепости во второй половине XVIII в.

Основание Кизляра в 1735 г. дало мощный импульс развитию российско-кумыкских торгово-экономических связей [12, с. 165].

Следует отметить, что уникальные материалы Центрального государственного архива Республики Дагестан фонда № 379 «Кизлярский комендант» позволили нам реконструировать картину торговых связей кумыкских государственных образований с Россией. Объем этих ценных документов масштаб, нами рассмотрены лишь некоторые из них. На основании анализа выбранных источников мы пришли к определенным выводам.

Документы показывают, что кумыкские савдагары, т.е. торговцы часто ввозили в Кумыкию изделия из железа, а также само железо, что было дефицитным для того времени. Железа, добываемого в Кумыкии, критически не хватало для интенсивно развивавшегося здесь кузнечного и оружейного дела. Так, в письме от 8 июля 1751 г. шамхал Хасбулат Тарковский обратился с просьбой к коменданту Кизлярской крепости ген.-лейтенанту А.П. Девицу о приобретении для домашних нужд железных товаров: «Вашему высокопревосходительству сим моим дружеским письмом объявляю при сем отправлен человек мой именем Юсуп нарочно в Кизляр для купечества прошу... по соседственной дружбе для моей домашней нужды... скоб железных, деланные железа и прочего товару купить дозволить...»¹.

В ответных письмах кизлярские коменданты уведомляли кумыкских владетелей, что их прошения не останутся без удовлетворения. В плане сказанного, обратимся к документу – письму тарковскому шамхалу Хасбулату от 28 сентября 1751 г. кизлярского коменданта Л.И. Дебеаугобрия. В ней комендант информирует тарковского правителя о том, что его уздень, савдагар Акай Исмаилов с его разрешения благополучно приобрел в Кизляре необходимые вещи, в частности 200 сальных свеч, 1 пуд бараньего сала, 4 фунта укладу, 2000 аршин холста, 1 пуд смолы, 200 железных скоб². Часто в письмах кизлярским комендантам содержатся просьбы о покупке железа от засулакских биев. Так в 1765 г. коменданту Н.А. Потапову Темир Хамзин писал, что его кузнечный мастер отправлен им в Кизляр с целью приобретения железа. В связи с этим эндириевский князь просил дозволения коменданта на совершение этой покупки³. В свете рассматриваемой проблемы вызывает интерес следующий документ – письмо от 8 февраля 1767 г. аксаевской владелицы Джаны Эльмурзиной коменданту Кизлярской крепости Н.А. Потапову. В ней княгиня просила разрешить отправленному от нее человеку в Кизляр приобрести 1 пуд железа, 5000 железных гвоздей, необходимых для оковы сундуков⁴.

Как следует из документов, кумыкские савдагары фигурируют в письмах местных владетелей, адресованным к кизлярским комендантам под словом «мои люди», «мой человек». Здесь невозможно не согласиться со справедливым мнением А.С. Акбиева, что при этом сам товар не всегда мог принадлежать правителям [21, с. 241]. Правители давали своим торговым людям специальные сопроводительные письма с указанием их имен для предоставления комендантам в Кизляре. Содержание этих сопроводительных писем в принципе было идентичным. Здесь речь шла о создании условий для беспрепятственной и свободной торговли [6, с. 165].

В государственных образованиях кумыков имелся серьезный недостаток в железе. Свидетельством тому служат архивные материалы.

В плане исследуемой проблемы определенный интерес вызывают письма эндириевского правителя Темира Хамзина, адресованные коменданту Кизлярской крепости. В письме Темира Хамзина от 24 февраля 1769 г. эндириевский владетель извещал коменданта Н.А. Потапова об отправке от него в Кизляр мастера кузнечных дел для приобретения 4-х пуд железа. В связи с этим Темир Хамзин, по установленному правилу, просил позволить коменданту совершить данную покупку⁵.

Привлекает внимание и письмо от 30 января 1772 г. шамхала Муртазали: «Вашему высокородию приятелю моему через сие объявляю, – писал Муртазали кизлярскому коменданту Федору Ивановичу Паркеру, – что податель сего письма ближний мой человек Баба с несколькими товарищами для своих нужд, при сем отправился до вас чего ради прошу по прибытии их к вам оказать всякое благодеяние, да для не обходительных моих собственных нужд дозволить ему купить пятнадцать пуд железа, которых потребно мне для подков лошадиных и воротных петель и крючков...»⁶. Не отличается содержанием и другое письмо шамхала Муртазали коменданту А.М. Куроедову от 5 апреля 1782 г.⁷

1. 1751 г. июля 8. Письмо Тарковского шамхала Хасбулата генерал-лейтенанту Андрею Петровичу Девицу с просьбой позволить его человеку купить в Кизляре все необходимое // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 225. Л. 30 и об.

2. 1751 г. сентября 28. Письмо кизлярского коменданта Леопольда Исааковича Дебеаугобрия Тарковскому шамхалу Хасбулату о позволении вашему узденю купить необходимые вещи // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 65.

3. 1765 г. мая 26. Письмо Эндириевского владетеля Темира Хамзина кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой позволить его кузнецу купить в Кизляре железо // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 595. Л. 6.

4. 1767 г. февраля 8. Письмо Аксаевской владелицы Джаны Эльмурзиной кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой позволить купить гвозди и железо // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 651. Л. 83.

5. 1769 г. февраля 24. Письмо Эндириевского владетеля Темира Хамзина кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой позволить купить моему кузнецу железо // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 729. Л. 95.

6. 1772 г. января 30. Письмо Тарковского шамхала Муртазали кизлярскому коменданту Федору Ивановичу Паркеру с просьбой дозволить купить пятнадцать пуд железа // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 852. Л. 21.

7. 1782 г. апреля 5. Письмо Тарковского шамхала Муртазали кизлярскому коменданту Алексею Матвеевичу Куроедову с просьбой позволить его человеку купить железо // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 115.

Документы свидетельствуют об аналогичных обращениях и засулакских правителей, среди которых особенно выделяется корреспонденция Темира Хамзина Эндиреевского с кизлярским комендантом И.И. Штендером. Просьбы идентичные и здесь мы не видим ничего нового в их обращениях⁸.

В целом коменданты г. Кизляр удовлетворяли прошения кумыкских правителей, за исключением некоторых случаев. Так, комендант И.И. Штендер в своем письме от 23 августа 1776 г. писал шамхалу Муртазали, что отпустить железо не может, так как в настоящее время в Кизлярскую крепость ее не завезли из Астрахани⁹.

Следует отметить, что в период с 1722 по 1735 гг., когда Западный Прикаспий, в том числе кумыкские владения, были включены в состав Российской империи, железо было «заповедным товаром». Усиление российско-османских и российско-иранских противоречий в регионе, способствовало введению определенных ограничений в продаже железа местному населению со стороны российских властей. К тому же, в тот период, был запрет российского правительства на провоз железа в Иран. Еще более ужесточилась политика российских властей в этом вопросе после захватнической политики Надир-шаха в регионе.

Однако ко второй половине XVIII в. обстановка на Кавказе несколько меняется. Россия все более уверенно расширяла здесь свое влияние, в том числе экономическими методами. Прагматичная экономическая политика российских властей в регионе была куда более эффективной. Для еще большей интеграции кумыкских государственных образований в экономическое пространство Российской империи, уже снимались ограничения по поводу отпуска железа. Однако для его приобретения, требуется, требовалось разрешение кизлярских комендантов.

Российские власти понимали значение железа для нужд экономики региона. Поэтому, когда проблема ввоза железа была решена, позволялся ее беспошлинный провоз в кумыкские владения. Думается, в качестве подтверждения, не будет лишним привести документ – Рапорт Директора Кизлярской таможни в Кизлярскую комендантскую канцелярию от 23 сентября 1790 г. о беспошлинном пропуске железа в Дагестан: «Сего сентября 18 числа господин советник таможенных дел предложением предписал сей таможне пропустить без пошлинно тысячу пуда железа в Дагестан поверенному комиссионера князя Хожемикасова дворянину Аванжану Мищвелеву, о чем благоволит Кизлярская комендантская канцелярия быть извесной...»¹⁰.

Общеизвестно, что такой важный консервант как соль играл в хозяйстве населения региона жизненно важную роль. Несмотря на туралинские соляные промыслы шамхальства Тарковского, видимо, северокумыкские владения испытывали в соли недостаток [18, с. 248]. Документы показывают, что в перечне товаров, ввозимых в засулакские владения, значилась и соль. Так эндиреевский владетель Темир Хамзин в своем письме от 7 июня 1776 г. обратился коменданту И.И. Штендеру, чтобы тот позволил его савдагару Джанмурзе приобрести одну арбу соли¹¹.

Судя по документам, в перечне товаров, доставляемых торговыми людьми из Кизляра кумыкским владетелям, было и вино. Обратимся к следующему документу – письму костековского владельца князя Алиша Хамзина от 3 августа 1751 г. кизлярскому коменданту Л.И. Дебеаугобрии. В ней костековский правитель информирует коменданта об отправке в Кизляр своего человека для закупки нескольких ведер вина, в связи с наступающим праздником. Далее в письме содержалась просьба коменданту дать на это разрешение¹². Комендант Л.И. Дебеаугобрий в письме от 4 августа 1751 г. ответил Алишу Хамзину Костековскому о невозможности отпустить вино без уплаты за него денег: «Вашего почтенства дружеское письмо через человека вашего, которым требовали о даче для вас в покупке вина позволения я получил, то оному человеку вашему в покупке сколько для вас надобно, того вина от меня позволение учинено было, токмо он мне объявил, якобы на покупку вина денег у него не имеется, и от вас не дано, а просит об отпуске без денежно, коему поверить не можно, да к тому ж как здесь при Кизляре

8. 1776 г. февраля 20. Письмо Эндиреевского владельца Темира Хамзина кизлярскому коменданту Ивану Ивановичу Штендеру с просьбой разрешить купить четыре пуда железа // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 979. Л. 15.

9. 1776 г. августа 23. Письмо кизлярского коменданта Ивана Ивановича Штендера Тарковскому шамхалу Муртазали уведомляет, что в связи с отсутствием в Кизляре железа выполнить вашу просьбу не могу // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 979. Л. 8 об.

10. 1790 г. сентября 23. Рапорт Директора Кизлярской таможни в Кизлярскую комендантскую канцелярию о беспошлинном пропуске в Дагестан железа // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 82. Л. 30.

11. 1776 г. июня 7. Письмо Эндиреевского владельца Темира Хамзина кизлярскому коменданту Ивану Ивановичу Штендеру с просьбой дать дозволение Джамурзе купить соль // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 979. Л. 64.

12. 1751 г. августа 3. Письмо Костековского владельца князя Алиша Хамзина кизлярскому коменданту Леопольду Исааковичу Дебеаугобрии с просьбой позволить моему человеку в Кизляре купить вино // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 225. Л. 91.

одно, токмо казенное вино, коего без денег отпустить, ни как невозможно и затем присланной от вас человек обратно отпущен, и ежели вам к празднику вина потребно, то прислать, почему по указной цене, сколько потребно будет в отпуске позволение учинено быть имеет буде вышеписанному человеку вашему...»¹³. Не отличается большой разницей в плане содержания и другой документ – ордер от 11 января 1763 г. Кизлярской комендантской канцелярии в Кизлярскую гражданскую канцелярию, в котором говорится об отпуске с Кизлярского кружечного двора для подарка тарковскому шамхалу Тишсиз Баммату двух ведер простого вина¹⁴.

Идентичным по содержанию является письмо от 1 июля 1786 г. тарковского шамхала Баммата II коменданту Кизлярской крепости И.С. Вешнякову с просьбой прислать на случай праздника шесть ведер вина и два ведра водки¹⁵.

Ввозили в кумыкские государственные образования и дефицитные в то время чай и сахар. Так, в письме от 8 апреля 1764 г. костековский правитель и воевода Алиш Хамзин обратился к кизлярскому коменданту Н.А. Потапову с просьбой отправить ему с его человеком «много чаю»¹⁶. В аналогичном письме сына костековского правителя, бригадира Алиша Хамзина – капитана Хамзы Алишева коменданту Кизлярской крепости Н.А. Потапову содержится просьба об отправке с его савдагаром Мауханом «...двух голов сахару и одного фунта чая»¹⁷. Идентичным по содержанию является письмо эндириевского правителя Темира Темирова, который просил коменданта Кизлярской крепости И.С. Вешнякова прислать к нему чай и сахар¹⁸.

Среди документов фонда №379 «Кизлярский комендант» есть свидетельства о покупке в Кизляре лекарств. Так, эндириевский бий Темир Хамзин писал коменданту Н.А. Потапову: «Подателя сего письма человека своего отправил я в Кизляр для покупки к излечению болезни лекарства. Того ради прошу в том ему дать дозволение и о пропуске дать билет»¹⁹. Аналогичное прошение Темира Хамзина было повторено в письме от 11 ноября 1764 г.: «Пред сим я к вам Эмчеку моему писал за лекарство для лечения болезни дочери моего Пачая, ...что за болезнью её извольте купить лекарства курай дарман, за что с подателем сего письма человеком моим посылаются два рубли денег, и справитесь от мастеров, как его надлежит варить и, как пить и сколько в день купить в том обо всем обстоятельно извольте ко мне писать...»²⁰. Письмом от 23 января 1772 г. Темир Хамзин уведомлял исполняющего обязанности кизлярского коменданта Ф.И. Паркера: «Вашему высокородию при сем объявляя, прошу сего подателей людей моих Кулая с двумя товарищами на одной арбе следующих в Кизляр от меня; для покупки лекарств, по прибытии в Каргин, не удерживая приказать в Кизляр пропустить»²¹.

Документы показывают о широком ассортименте товаров, доставляемых из Кизляра в кумыкские владения торговыми людьми: рыба и рыбопродукты, сало баранье, холст, свечи сальные, котлы медные и т.д.²². Кумыкскими савдагарами в Кизляре покупался и хлеб. Однако здесь надо понимать, что закупка хлеба происходила в случае неурожая²³.

Необходимо отметить, что своим торговым людям кумыкские владельцы создавали благоприятные условия для свободной и беспрепятственной торговли, совершения выгодных приобретений. В плане

13. 1751 г. августа 4. Письмо кизлярского коменданта Леопольда Исааковича Дебеаугобрия костековскому владельцу князю Алишу Хамзину о невозможности отпустить вино без уплаты за него денег // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 69 об.

14. 1763 г. января 11. Ордер Кизлярской комендантской канцелярии в Кизлярскую гражданскую канцелярию об отпуске с Кизлярского кружечного двора для подарка Тарковскому шамхалу два ведра простого вина // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 556. Л. 13.

15. 1786 г. июля 1. Письмо Тарковского шамхала Бамата кизлярскому коменданту Ивану Силычу Вешнякову с просьбой прислать несколько ведер вина и водки // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 21. Л. 21 и об.

16. 1764 г. апреля 8. Письмо бригадира и кумыцкого воеводы князя Алиша Хамзина кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой позволить моему человеку купить пять лошадей, и беспошлинно пропустить из Кизляра // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 566. Л. 88.

17. 1764 г. января 5. Письмо сына кумыцкого бригадира Алиша Хамзина – владельца и капитана Хамзы Алишева кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой отправить ко мне сахар и фунт чая // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 564. Л. 12 и об.

18. 1786 г. июня 30. Письмо Темира Темирова кизлярскому коменданту Ивану Силычу Вешнякову с просьбой прислать к нему чай и сахар // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 20. Л. 134 и об.

19. 1764 г. июня 10. Письмо Эндириевского владельца Темира Хамзина кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой разрешить его человеку в Кизляре купить лекарства // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 567. Л. 137.

20. 1764 г. ноября 11. Письмо Эндириевского владельца Темира Хамзина тезике мурзе Каракозову с просьбой позволить купить лекарство для дочери // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 565. Л. 10, 10 об.

21. 1772 г. января 23. Письмо Эндириевского владельца Темира Хамзина исполняющему обязанности кизлярского коменданта Федору Ивановичу Паркеру с просьбой позволить купить лекарства // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 854. Л. 4.

22. 1751 г. сентября 28. Письмо кизлярского коменданта Леопольда Исааковича Дебеаугобрия Тарковскому шамхалу Хасбулату о позволении вашему узденю купить необходимые вещи // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 65.

23. 1785 г. января 5. Письмо Тарковского шамхала Бамата кизлярскому коменданту Ивану Силычу Вешнякову с просьбой разрешить его человеку купить пшеницу // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 13. Л. 42.

рассматриваемой проблемы вызывает интерес письмо шамхала Хасбулата к коменданту Кизлярской крепости И.Л. фон Фрауендорфу от 27 апреля 1753 г. В нем содержалась просьба Хасбулата Тарковского дать разрешение тарковскому савдагару Юсуфу, отправленному в Кизлярскую крепость «для покупки его надобности ... четырех лошадей, четырех пудов железа и четырех пудов масла... и в пропуске показанных лошадей дать позволение...»²⁴. Идентичным по содержанию является письмо Хасбулата Тарковского от 8 мая 1755 г., в котором он извещал коменданта И.Л. фон Фрауендорфа, что в Кизляр отправлен его человек «...Укю для покупки надобностей наших, и притом холсту до двухсот аршин...»²⁵.

Документы свидетельствуют о периодических поездках в Кизляр кумыкских торговых людей. Вышеприведенные архивные материалы показывают, что поездки торговых людей из кумыкских владений в Кизляр носили систематический характер [4, с. 12].

Анализ переписки российских властей и кумыкских правителей показал, что спрос на лошадей усиливался в период активных военных действий российских войск. Кизлярские коменданты нередко обращались к местным правителям за содействием в приобретении лошадей²⁶.

Следует отметить, что покупка лошадей кумыкскими правителями нередко осуществлялась у туркмен-тезиков, отправлявшихся на Северный Кавказ в целях продажи своих породистых лошадей и калмыков. Подтверждением сказанному служит письмо от 10 апреля 1782 г. Тарковского шамхала Муртазали кизлярскому коменданту А.М. Куроедову с просьбой купить лошадей: «Податель сего письма Эмчек мой Умар с тремя товарищами отправился от меня в калмыцкие улусы и к трухменцам для покупки лошадей, которым покорнейше прошу в покупке, и о пропуске сюда снабдить повелением...»²⁷.

Документы свидетельствуют о частых просьбах кумыкских князей, которые содержатся в письмах, адресованных к российским военным властям в регионе. В частности, это прошения об обеспечении беспрепятственного пропуска их торговых людей с приобретенным товаром обратно. Так, в письме от 8 марта 1764 г. костековский правитель и воевода Алиш Хамзин просил коменданта Кизлярской крепости Н.А. Потапова дать разрешение его торговому человеку на покупку двух калмыцких лошадей²⁸. С аналогичной просьбой обратился в своем письме от 9 июля 1765 г. коменданту Н.А. Потапову эндириевский правитель Баммат Айдемиров: «...покорно прошу вашего превосходительства потребно мне ныне для топтания хлеба двух лошадей; для покупки оных лошадей дать дозволите подателю сего письма человеку моему и учинить свободной пропуск»²⁹. Письмо идентичного содержания коменданту Н.А. Потапову от 20 февраля 1769 г. эндириевского князя Темира Хамзина включало следующую просьбу: «...подвластный мой человек называемой Аку с тремя товарищами отправились в Кизляр для покупки лошадей, для чего вашего превосходительства покорно прошу приказать им и дозволить и о пропуске дать билет...»³⁰.

Как свидетельствуют документы, с просьбами о покупке лошадей обращались к комендантам Кизлярской крепости наряду с засулакскими князьями и тарковские правители. Содержание этих писем идентичны. Поэтому думается, не имеет смысла их приводить³¹.

Важно подчеркнуть, что было недостаточно удовлетворения просьб кумыкских правителей о покупке лошадей. Здесь требовалось и официальное разрешение российских властей в лице кизлярских

24. 1753 г. апреля 27. Письмо Тарковского шамхала Хасбулата кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу с просьбой позволить купить необходимые вещи и продукты // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 290. Л. 59.

25. 1755 г. мая 8. Письмо Тарковского шамхала Хасбулата кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу с просьбой разрешить его человеку купить в Кизляре холст // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 336. Л. 62.

26. 1751 г. октября 8. – Письмо кизлярского коменданта Леопольда Исааковича Дебеаугобрия костековскому воеводе князю Алишу Хамзину о позволении вашему человеку купить одну лошадь // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 66об.-67; 1751 г. июля 18. Письмо кизлярского коменданта Леопольда Исааковича Дебеаугобрия аксайскому владельцу Каплан-Гирею Ахмадханову с просьбой по прибытии в Аксай Ивана Григорьева помочь ему купить лошадь и при возвращении в Кизляр дать проводника // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 226. Л. 50 об; 1762 г. июня 21. Письмо кизлярского коменданта Алексея Алексеевича Ступишина бригадиру и кумыцкому воеводе князю Алишу Хамзину с просьбой его людям помочь купить для Его Императорского Величества лошадей // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 524. Л. 163, 163 об.

27. 1782 г. апреля 10. Письмо Тарковского шамхала Муртазали кизлярскому коменданту Алексею Матвеевичу Куроедову с просьбой купить лошадей // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 124 и об.

28. 1764 г. марта 8. Письмо бригадира и кумыцкого воеводы князя Алиша Хамзина кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой позволить купить в Кизляре две калмыцкие лошади // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 566. Л. 15.

29. 1765 г. июля 9. Письмо Эндириевского владельца Бамата Айдемирова кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой дозволить купить в Кизляре лошадь // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 597. Л. 46.

30. 1769 г. февраля 20. Письмо Эндириевского владельца Темира Хамзина кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой позволить купить в Кизляре лошадей // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 729. Л. 69.

31. 1782 г. апреля 10. Письмо Тарковского шамхала Муртазали кизлярскому коменданту Алексею Матвеевичу Куроедову с просьбой купить лошадей // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1169. Л. 124 и об.

комендантов. В частности, в письме от 11 апреля 1782 г. к костековской бике Басау комендант А.М. Куроедов уведомлял, что отправленному от неё Эмчеку Умару дано им, комендантом разрешение на покупку и пропуск лошадей «калмыцких»³².

Таким образом, анализ вышеуказанных документов – писем кумыкских правителей, адресованных к комендантам Кизлярской крепости, ярко иллюстрирует, что их просьбы о разрешении приобретения продукции сельскохозяйственного производства, товаров промышленности, а также скота, лошадей удовлетворялись российской военной администрацией в регионе. Содержание переписки позволяет сделать вывод об укреплении торгово-экономических связей российских властей с кумыкскими правителями во второй половине XVIII в.

Торгово-фискальная политика российской военной администрации на Кавказе во второй половине XVIII в.

Укрепление российского присутствия в регионе требовало разворачивание здесь торгово-фискальной системы. В целях обеспечения фискальных сборов в царскую казну были организованы казачьи разъезды вдоль Терека. Они же должны были направлять население на рынки Кизляра [6, с. 886]. Неизбежное столкновение интересов местной и новой российской политических элит отразилось в их переписке. Кумыкские правители не всегда соглашались платить требуемые налоги и пошлины³³.

В свете сказанного вызывает неподдельный интерес следующий документ – письмо аксаевской бике Джаны от 6 февраля 1763 г. коменданту А.А. Ступишину, в котором она просила его отпустить парчу без пошлины. В частности, в письме говорилось, что от нее был отправлен «уздень в Новогладковской городок для продажи ее парчовых товаров: полушелковых красных мовей 2 шт., желтых мовей 12 шт., красных мовей 12 шт., пестрядей 3 шт., кутней 3 шт.; итого всех парчовых товаров 32 штук». Из письма выясняется, что уздень княгини Джаны не пожелал продавать товар в Новогладковском городке, а намерен был выехать обратно. Тогда досмотрщик отнял весь товар и отправил к кизлярскому коменданту. В связи с этим аксаевская княгиня Джана просила А.А. Ступишину «парчовый товар без пошлины отпустить», так как продать свой товар там не желала³⁴.

Идентичным по содержанию является письмо от 8 апреля 1764 г., князя Алиша Хамзина, адресованное коменданту Н.А. Потапову с просьбой позволить его человеку Махвану купить пять лошадей и беспошлинно пропустить из Кизляра³⁵.

Документы фонда №379 «Кизлярский комендант» демонстрируют нам сложную картину налаживания отношений местных правителей и новых властей.

Правительство Екатерины Великой упразднило уплачиваемую кабардинцами и кумыками пошлину, при реализации скота и изделий кустарного производства, а также покупке товаров [22, с. 85–86]. Это инициировало российско-кавказские торгово-экономические связи, в том числе с кумыкскими владениями. В Кизляр стали в больших объемах ввозиться ремесленные изделия кумыкскими савдагарами. В то же время коллегия иностранных дел сделала указание кизлярской таможне не препятствовать вольной торговле с Кабардой и кумыками и продаже беспошлинно их продуктов [22, с. 86–87].

Необходимо отметить, что российские власти были заинтересованы в создании благоприятных условий для развития торговли в регионе. Желание установить контроль над перемещением по Прикаспийской торговой магистрали купцов занимало особое внимание комендантов Кизлярской крепости,

32. 1782 г. апреля 11. Письмо кизлярского коменданта Алексея Матвеевича Куроедова костековской княгине Басау об удовлетворении просьбы в покупке лошадей // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1183. Л. 19 об.

33. 1755 г. мая 12. Письмо Тарковского шамхала Хасбулата кизлярскому коменданту Ивану Львовичу фон Фрауендорфу с просьбой вернуть купленный для него в Крыму и задержанный в Кизляре свинец // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 33. Л. 76; 1762 г. ноября 27. Доношение бригадира и кумыкского воеводы князя Алиша Хамзина кизлярскому коменданту Алексею Алексеевичу Ступишину с просьбой не брать пошлин с них за купленные в Кизляре вещи // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 525. Л. 127.; 1762 г. ноября 27. Доношение бригадира и кумыкского воеводы князя Алиша Хамзина кизлярскому коменданту Алексею Алексеевичу Ступишину с просьбой не брать пошлин с них за купленные в Кизляре вещи // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 525. Л. 127.

34. 1763 г. февраля 6. Письмо Аксайской княгини Джана кизлярскому коменданту Алексею Алексеевичу Ступишину с просьбой отпустить парчу без пошлины // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 542. Л. 113.

35. 1764 г. апреля 8. Письмо бригадира и кумыцкого воеводы князя Алиша Хамзина кизлярскому коменданту Николаю Алексеевичу Потапову с просьбой позволить моему человеку купить пять лошадей, и беспошлинно пропустить из Кизляра // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 566. Л. 88.

ими же пресекался провоз контрабандного товара. В письме кизлярского коменданта Н.А. Потапова тарковскому шамхалу Муртазали от 7 сентября 1767 г. он обращается к шамхалу с требованием, чтобы никто из его подвластных людей не промышлял тайными прогонами лошадей и провозом товаров: «... понеже вашим людям в границы моей всепресветлейшей и всеавгустейшей государыни императрицы выезжать для воровских дел совсем не надлежит, то я вашему почтению объясняю, дабы вы со своей стороны подвластным вашим подтверждали, чтоб они, так воровских сюда для подкупов к тайному и не дозволительному прогону лошадей не ездили, а ежели и за сим кто-либо здесь пойман будет, у таковых не только все тайно прогоняемые ими лошади и провозимые товары конфискованы в казну, но и оной за такой поступок нещадно сечены будут...»³⁶.

Российское правительство ввело запрет на вывоз российской монеты за границу, так как это противоречило интересам государства, проводившего политику меркантилизма. В свете сказанного представляет интерес письмо от 3 сентября 1767 г. коменданта Н.А. Потапова, адресованное эндириевским князьям Темиру Хамзину, Баммату Айдемирову, Аджи Муртазали Чопанову и Алисултану Канбулатову, в котором содержится требование, чтобы никто из местных жителей российской монету в Иран не возил. «Известился я, – писал Н.А. Потапов, – что андреевской деревни жители, купцы и армяны и прочих наций золотую и серебряную монету из той андреевской деревни отвозить в Персию, а как сие с высокими Ея Императорского Величества интересами весьма несовместуется, к вам владельцам вследствие верноподданнической должности до такого отвоза той монеты допускать, не надлежит, в чем вы здесь подпискою обязались. Того ради имеете при народном всех андреевских жителей собрании, сие объявить, дабы никто из тамошних жителей той монеты и в Персию возить не отваживались...»³⁷.

Однако запреты российского правительства на вывоз отечественных денег не останавливали торговых людей, которые шли окольными путями, прибегая к всякого рода уловкам. В большинстве случаев, их все же разоблачали досмотрщики. Подтверждением сказанному может служить рапорт от 12 ноября 1777 г. в Кизлярскую комендантскую канцелярию с Каргинского форпоста о конфискации запрещенных к вывозу за границу российских денег у костековского торгового человека Аджи Атаева, у которого досмотрщики обнаружили в монетах два российских серебряных рубля, которые контрабандно вез за границу³⁸. Или рапорт от 1 марта 1790 г. коменданту Кизляра Д.А. Грызлову с Каргинского форпоста от прапорщика Михаила Устимова, где говорилось, что при проходе через форпост у тарковского торгового человека Аджи Даутова было обнаружено в носках девять рублей серебряными монетами³⁹. Все конфискованные средства направлялись в государственную казну.

Таким образом, мы видим, что торгово-фискальная политика российского правительства в регионе во второй половине XVIII столетия была одновременно и гибкой, и жесткой. Торговля была строго регламентирована российскими властями в регионе. Документы показывают, что порой российские военные власти создавали кумыкским савдагарам определенные препоны, к примеру, введением пошлин на товары и учреждением на Тереке форпостов, досмотрщики которых нередко злоупотребляли своими функциями.

Важно отметить, что жесткая регламентация торговли российскими властями в регионе была естественной реакцией на оживление торговых отношений в регионе. Она была призвана отрегулировать эти отношения в рамках государственных интересов России и в интересах ее дальнейшего укрепления в регионе. Так императрица Елизаветы Петровны 23 декабря 1760 г. своим указом дала дозволение для ввоза из России в регион промышленных товаров, которых ранее ограничили в связи с временным запретом на экспорт в Персию. Все это показывает, что препоны, которые имели место в политике российских властей в регионе, как правило, носили временный характер и барьеры, чинимые местной торговле, при изменении обстоятельств устранялись правительством. Так в 1765 г. правительством

36. 1767 г. сентября 7. Письмо кизлярского коменданта Николая Алексеевича Потапова Тарковскому шамхалу Муртазали требует, чтобы никто из его подвластных не занимался тайными прогонами лошадей и провозом товаров // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 675. Л. 37 и об.

37. 1767 г. сентября 3. Письмо кизлярского коменданта Николая Алексеевича Потапова эндириевским владельцам Темиру Хамзину, Баммату Айдемирову, Аджи Муртазали Чопанову и Алисултану Канбулатову требует, чтоб никто из местных жителей российской монету в Персию не возил // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 675. Л. 33 об. – 34.

38. 1777 г. ноября 12. Рапорт в Кизлярскую комендантскую канцелярию с Каргинского форпоста о конфискации запрещенных к вывозу за границу российских денег у костековского татарина // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 1. Д. 1055. Л. 29.

39. 1790 г. марта 1. Рапорт Прапорщика Михаила Устимова с Каргинского форпоста кизлярскому коменданту Дмитрию Анисимовичу Грызлову о конфискации у тарковского татарина Аджи Даутова российских денег // ЦГА РД. Ф. 379. Оп. 3. Д. 81а. Л. 96.

Екатерины II была отменена пошлина, уплачиваемая черкесами и кумыками при приобретении товаров и при продаже своих изделий и скота в Кизляре [22, с. 85–86].

Заключение

Таким образом, мы можем резюмировать, что во второй половине XVIII в., в сравнении с предыдущим периодом, российско-кумыкские торгово-экономические связи значительно усилились, вступили в новый, качественный этап. Торговые связи приобретают более интенсивный характер, расширяются их масштабы. Экономическая политика России в регионе приобретает комплексный характер, отличается продуманностью в принятии решений и взвешенным подходом в реализации торгово-экономических мер.

Анализ приведенных в статье документов показал, что кумыкские государственные образования были тесно связаны с торгово-экономическими интересами России, занимали в экономической политике российских властей в регионе особое место. В целом, торгово-экономические связи, особенно конструктивно развивавшиеся во второй половине XVIII в., во многом обусловили интеграцию Кумыкии в состав России.

Документы показали, что торговые связи кумыкских земель с Россией во многом зависели от экономической политики, реализуемой ею в регионе. Российские военные власти в регионе проводили жесткую торгово-фискальную политику. Товары, ввозимые в Кизляр местными савдагарами, облагались пошлинами. Время от времени, в зависимости от политической обстановки на Кавказе, издавались императорские и правительственные указы, запрещающие ввоз в регион определенных товаров и сырья. Как правило, эти указы были временные. Российское правительство было заинтересовано об усилении торговых связей с местными народами, в том числе кумыками. Курс на сближение российско-кумыкских торговых интересов носил объективный характер. Здесь надо понимать, что российская военная администрация на Кавказе осознавала роль торговых связей с кумыкскими владениями. На первый план выдвигалась задача обеспечения расквартированных в регионе российских войск продовольствием.

В торговле с Российской империей были заинтересованы и кумыкские правители, и российские власти в регионе. Для каждой из сторон торговля была не только выгодной, но и необходимой. Особенно активно вовлеченные во всероссийский рынок кумыкские государственные образования во второй половине XVIII в. удовлетворяли свои внутренние потребности за счет ввоза российских промышленных товаров, менялся экономический уклад жизни Кумыкии. В то же время, кумыкскими савдагарами в российские города поставлялись местные товары, сельскохозяйственные продукты, а также сырьё: хлопок, шелк-сырец, марена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. Махачкала: Изд-во тип. ДНЦ РАН, 2001. – 226 с.
2. Иноземцева Е.И. «Шелковый транзит» из Персии через Дагестан и Россию в Европу – важный фактор развития российского торгового судоходства на Каспии в XVIII в. // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2011. №42. С. 69–83.
3. Абдусаламов М.-П.Б. Роль торговых центров Кумыкии в торгово-экономических связях России с народами Северного Кавказа в XVIII в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 2. Т. 4. С. 7–15.
4. Абдусаламов М.-П.Б. Роль кумыкских феодальных владетелей в обеспечении безопасности торгового пути в Приморском Дагестане в первой половине XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22, № 5. С. 12–14.

REFERENCES

1. Inozemtseva EI. *Dagestan and Russia in the 18th – first half of the 19th centuries: problems of trade and economic relations*. Makhachkala: DSC RAS, 2001. (In Russ)
2. Inozemtseva EI. “Silk transit” from Persia through Dagestan and Russia to Europe – an important factor in the development of Russian merchant shipping on the Caspian in the 18th century. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2011; 42: 69–83. (In Russ)
3. Abdusalamov M-PB. The role of Kumykia’s trading centers in Russia’s trade and economic relations with the peoples of the North Caucasus in the 18th century. *Bulletin of the Leningrad State University*. 2012; 2(4): 7–15. (In Russ)
4. Abdusalamov M-PB. The role of Kumyk feudal lords in ensuring the security of the trade route in Primorsky Dagestan in the first half of the 18th century (based on the materials of the Kizlyar Commandant’s Archive). *Bulletin of the Kostroma State University*. 2016; 22(5): 12–14. (In Russ)

5. Абдусаламов М.-П.Б. Торговая переписка кумыкских феодальных владетелей с российской военной администрацией на Кавказе в 40–60-х гг. XVIII в. (по материалам Центрального государственного архива Республики Дагестан) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. № 21 (4). С. 881–889.
6. Абдусаламов М.-П.Б., Чекулаев Н.Д. Роль Кизляра в торгово-экономических связях кумыкских феодальных владений с Россией в XVIII веке // Вестник Воронежского государственного технического университета. Сер.: «Гуманитарные науки». 2013. Т. 9, № 2. С. 165–170.
7. Абдусаламов М.-П.Б., Муртазаев А.О. Роль российских властей в обеспечении безопасности торговли в Приморском Дагестане в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 8 (70). С. 16–19.
8. Абдусаламов М.-П.Б., Магарамов Ш.А., Халаев З.А. Развитие западно-каспийской морской торговли в первой половине XVIII в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 4 (52). С. 5–12.
9. Гусейнов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б. Дербент в торгово-экономических связях России, Турции и Ирана в XVII – первой половине XVIII веков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6-1. С. 141–143.
10. Магарамов Ш.А. Дербент в развитии каспийской торговли петровского правительства // Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Материалы одноименной международной научной конференции. 2016. С. 382–388.
11. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Роль западно-прикаспийских торговых центров в развитии торговли Дербента с Россией (XVII – XVIII вв.) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2016. № 4 (48). С. 25–35.
12. Магомедов Н.А., Магарамов Ш.А. Модернизация экономической деятельности Дербента петровским правительством // Вестник Кемеровского государственного университета. 2016. № 4 (68). С. 69–73.
13. Джахиева Э.Г. Прикаспийский Дагестан и его значение в торгово-экономических связях народов Кавказа с Россией, странами Востока во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. // Kant. 2016. № 4 (21). С. 11–14.
14. Даутова И.Н., Чекулаева Н.Д. Место и роль Кизлярской таможни в торговых взаимоотношениях России с народами Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. // Роль и значение архивов и архивных документов в сохранении исторической памяти народов России и Кавказа. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 136–141.
15. Кидирниязова Д.С., Чекулаева Н.Д. Экономическая политика России в Западном Прикаспии в первой трети XVIII в. // Сборник научных статей Института социальных исследований. Назрань, 2019. С. 44–66.
16. Кидирниязова Д.С., Чекулаева Н.Д. (Торговые связи между Астраханью и Дербентом (1722–1735 гг.)) // Астраханские краеведческие чтения. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Под редакцией А.А. Куропова. Астрахань, 2021. С. 120–124.
17. Великая Н.Н. О российско-кумыкской торговле XVIII в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 2. С. 35–42.
18. Богатырёв Э.Д., Абдусаламов М.-П.Б. Взаимоотношения кумыкских правителей с российскими военными властями на Кавказе в последней трети XVIII века: торговый аспект (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Вопросы истории. 2021. № 12 (4). С. 246–254.
19. Богатырёв Э.Д., Абдусаламов М.-П.Б. Дербент в экономических планах Российской империи в 1722–1735 гг.
5. Abdusalomov M-PB. Trade correspondence of Kumyk feudal lords with the Russian Military Administration in the Caucasus in the 1740s–1760s (based on the materials of the Central State Archives of the Republic of Dagestan). *Bulletin of the Kemerovo State University*. 2019; 21(4): 881–889. (In Russ)
6. Abdusalomov M-PB., Chekulaev ND. The role of Kizlyar in trade and economic relations between Kumyk feudal rulers and Russia in the 18th Century. *Bulletin of the Voronezh State Technical University. Series: "Humanities"*. 2013; 9(2): 165–170. (In Russ)
7. Abdusalomov M-PB., Murtazaev AO. The role of Russian Administration in ensuring trade security in Primorsky Dagestan in the 18th century (based on materials from the Kizlyar Commandant's Archive). *Historical, Philosophical, Political, and Legal Sciences, Cultural Studies, and Art Criticism. Theoretical and Practical Issues*. 2016; 8(70): 16–19. (In Russ)
8. Abdusalomov M-PB., Magaramov ShA., Khalaev ZA. Development of western Caspian maritime trade in the first half of the 18th century. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2017; 4(52): 5–12. (In Russ)
9. Guseinov YuM., Abdusalomov M-PB. Derbent in trade and economic relations of Russia, Turkey and Iran in the 17th – first half of the 18th centuries. *Humanitarian, Socio-Economic And Social Sciences*. 2014; 6-1: 141–143. (In Russ)
10. Magaramov ShA. Derbent in the development of Caspian trade of the Peter the Great administration. *Abkhazia in world history and international relations. Proceedings of the international scientific conference of the same name*. 2016: 382–388. (In Russ)
11. Magomedov NA., Magaramov ShA. The role of Western Caspian Trade centers in the development of Derbent's trade with Russia (17th–18th centuries). *Bulletin of the Institute of History, Archaeology, and Ethnography*. 2016; 4(48): 25–35. (In Russ)
12. Magomedov NA., Magaramov ShA. Modernization of Derbent's economic activity by Peter the Great's administration. *Bulletin of Kemerovo State University*. 2016; 4(68): 69–73. (In Russ)
13. Dzhakhieva EG. Caspian Dagestan and its importance in the trade and economic relations of the peoples of the Caucasus with Russia and the countries of the East in the second half of the 18th – first third of the 19th centuries. *Kant*. 2016; 4(21): 11–14. (In Russ)
14. Dautov IN., Chekulaev N.D. The place and role of the Kizlyar customs in Russia's trade relations with the peoples of the north Caucasus in the 18th – early 19th centuries. *The role and significance of archives and archival documents in preserving the historical memory of the peoples of Russia and the Caucasus. Proceedings of the international scientific and practical conference*. 2018: 136–141. (In Russ)
15. Kidirniyazov D.S., Chekulaev N.D. Russia's economic policy in the Western Caspian region in the first third of the 18th century. *Collection of Scientific Articles of the Institute of Social Research*. Nazran, 2019, pp. 44–66. (In Russ)
16. Kidirniyazov DS., Chekulaev ND. Trade relations between Astrakhan and Derbent (1722–1735). *Astrakhan local history readings. Proceedings of the XIII International scientific and practical conference*. Ed. A.A. Kurapov. Astrakhan, 2021: 120–124. (In Russ)
17. Velikaya NN. On Russian-Kumyk trade in the 18th century. *Humanitarian and Legal Studies*. 2018; 2: 35–42. (In Russ)
18. Bogatyrev ED., Abdusalomov M-PB. Relations between Kumyk rulers and Russian military authorities in the Caucasus in the last third of the 18th century: trade aspect (based on materials from the Kizlyar Commandant's archive). *Voprosy Istorii*. 2021; 12(4): 246–254. (In Russ)
19. Bogatyrev ED., Abdusalomov M-PB. Derbent in the economic plans of the Russian Empire in 1722–1735 (on the 300th anniversary of Peter the Great's Persian Campaign). *History and Modern Worldview*. 2023; 5(1): 19–25. (In Russ)

(к 300-летию Персидского похода Петра I) // История и современное мировоззрение. 2023. Т. 5. № 1. С. 19–25.

20. Раджабов А.Х. Русско-кумыкские торговые отношения в первой половине XVIII века и их роль в процессе интеграции кумыкских государственных образований в экономическое пространство Российской империи // Россия и мир: история и современность. Тезисы XI всероссийской конференции студентов и молодых учёных. Редакционная коллегия Е.А. Гаврисенко [и др.]. Сургут, 2023. С. 50–52.

21. Акбиев А.С. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала: Новый день, 2000. – 303 с.

22. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М.: Соцэкгиз, 1958. – 244 с.

23. Абдусаламов М.-П. Б., Магарамов Ш.А. Институт «берегового права» в отношениях российских властей и правителей Северного Дагестана в XVIII в. (по материалам Кизлярского комендантского архива) // Современная научная мысль. 2016. № 4. С. 72–79.

20. Radzhabov AKh. Russian-Kumyk trade relations in the first half of the 18th century and their role in the integration of Kumyk state entities into the economic space of the Russian Empire. *Russia and the World: History and Modernity. Theses of the XI All-Russian Conference of Students and Young Scholars*. Ed. E.A. Gavrisenko et al. Surgut, 2023: 50–52. (In Russ)

21. Akbiev AS. *Social system of the Kumyks in 17th–18th centuries*. Makhachkala: Novy Den, 2000. (In Russ)

22. Smirnov NA. *Russia's Policy in the Caucasus in the 16th–19th Centuries*. Moscow: Sotsekgiz, 1958. (In Russ)

23. Abdusalamov M-PB., Magaramov ShA. The institute of “Coastal Law” in the Relations between the Russian authorities and the rulers of Northern Dagestan in the 18th Century (based on materials from the Kizlyar Commandant's archive). *Sovremennaya Nauchnaya Mysl*. 2016; 4: 72–79. (In Russ)

Поступила в редакцию 26.08.2024 г.

Принята в печать 23.01.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

Received 26.08.2024

Accepted 23.01.2025

Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213483-490>

Исследовательская статья

Бухарин Михаил Дмитриевич
д.и.н., академик РАН, главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
michabucha@gmail.com

АКАДЕМИК В.В. БАРТОЛЬД И КАВКАЗОВЕДЕНИЕ

Аннотация. Изучение истории Кавказа не являлось главным научным интересом академика В.В. Бартольда, тем не менее и как исследователь средневековой истории и литературы (тюрколог, иранист, арабист), как исламовед, как администратор, Бартольд регулярно обращался к истории Кавказа. Постоянный интерес Бартольда к истории Кавказа демонстрирует переписка с академиком Н.Я. Марром – археологом, литературоведом, лингвистом (всего выявлено и издано более 50 документов). В фонде В.В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) отложились как оригиналы изданных работ академика Бартольда, посвященные тем или иным сюжетам из истории Кавказа, так и автографы неизданных работ. Наличие этих документов показывает, что Кавказ занимал существенно большее место в научном творчестве В.В. Бартольда, чем представлялось до настоящего времени. Ряд работ, определенно, представляет интерес и для науки сегодняшнего дня. В 1922-1923 гг. российская наука и культура переживала тяжелую кампанию по передаче Грузии историко-культурных памятников грузинского или предположительно грузинского происхождения. В этой связи В.В. Бартольд как заместитель председателя Государственной академии истории материальной культуры Н.Я. Марра, друг и коллега С.Ф. Ольденбурга по РАИМК и по Российской академии наук, которые принимали активное участие в сопротивлении кампании, не мог остаться в стороне от попыток научной и музейной общественности остановить процесс передачи или, по крайней мере, максимально уменьшить количество передававшихся артефактов. В фонде В.В. Бартольда в СПбФ АРАН сохранилась докладная записка, составленная им по результатам заседания Совета ГАИМК, в которой от лица ГАИМК представлена позиция ученого по вопросам сохранения национального историко-культурного наследия, научных и культурных центров мирового значения, нераздельности музейных и библиотечных собраний.

Ключевые слова: кавказоведение; Российская академия наук; Государственная академия истории материальной культуры; историко-культурные ценности; международное право

Для цитирования: Бухарин М.Д. Академик В.В. Бартольд и кавказоведение // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 483-490. doi.org/10.32653/CH213483-490

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213483-490>

Research paper

Mikhail D. Bukharin,
Dr. Sci., Academician, Principal Researcher
Institute of World History of RAS, Moscow, Russia
michabucha@gmail.com

ACADEMICIAN V.V. BARTOLD AND CAUCASIAN STUDIES

Abstract. The study of the Caucasus did not constitute Academician V.V. Bartold's primary academic focus. Nevertheless, as a scholar specializing in medieval history and literature (Turkologist, Iranist, and Arabist), an Islamic scholar, and an administrator, Bartold frequently engaged with the history of the Caucasus. His sustained interest in this region is evidenced by his correspondence with Academician N.Ya. Marr, an archaeologist, literary scholar, and linguist, with over fifty documents discovered and published. The V.V. Bartold collection, housed at the St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences (SPbB ARAS), includes both the original offprints of Bartold's published works on various aspects of Caucasian history and autographs of unpublished works. These materials indicate that the Caucasus held a more significant place in Bartold's scholarly activity than previously acknowledged, with several of these works remaining relevant to contemporary scholarship. During 1922–1923, Russian academic and cultural institutions faced a challenging campaign to transfer historical and cultural artifacts of Georgian or presumed Georgian origin to Georgia. In this context, V.V. Bartold, serving as deputy chairman of the State Academy of the History of Material Culture (GAIMK) and as a colleague of S.F. Oldenburg at GAIMK and the Russian Academy of Sciences, actively participated in efforts to oppose this campaign. Bartold contributed to the scholarly and museum communities' endeavors to halt the transfer process or, at minimum, to reduce the number of artifacts transferred. A report authored by Bartold, preserved in the V.V. Bartold collection at the SPbB ARAS, documents a meeting of the GAIMK Council. In this report, Bartold articulates, on behalf of GAIMK, the scholarly position advocating for the preservation of national historical and cultural heritage, the maintenance of globally significant scientific and cultural centers, and the integrity of museum and library collections.

Keywords: Caucasian studies; Russian Academy of Sciences; State Academy of the History of Material Culture; historical and cultural heritage; international law

For citation: M.D. Bukharin. Academician V.V. Bartold and Caucasian studies. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 483-490. doi.org/10.32653/CH213483-490

Введение

История российской исторической науки неотделима от научного творчества и организационной деятельности выдающегося востоковеда, историка, филолога, религиоведа – тюрколога, ираниста, арабиста – академика Василия Владимировича Бартольда (1869–1930). Хотя Бартольд не знал кавказских языков и не владел первоисточниками на них, документы на арабском, персидском, турецком по истории Кавказа были Бартольду прекрасно знакомы. Как показывают архивные документы – и лишь недавно опубликованные, и еще ожидающие введения в научный оборот, Бартольд не просто питал глубокий профессиональный интерес к истории Кавказа, не только написал целый ряд работ, важных для прогресса кавказоведения, но и в организационной деятельности внес значительный вклад, в частности в сохранение кавказского историко-культурного наследия, хранящегося в российских музеях и библиотеках.

В.В. Бартольд и Н.Я. Марр по материалам переписки

Сохранилась обильная переписка между Н.Я. Марром и В.В. Бартольдом, которая показывает, что история Кавказа привлекала В.В. Бартольда всю его научную жизнь: 30 документов (письма и телеграммы), отправленных Бартольдом Марру, и 13 – Марром Бартольду. Переписка сохранилась не полностью: Марр ссылается на письма Бартольда (например, в своих письмах от 18 июля 1896 г., 28 августа 1902 г.), которые в его фонде не сохранились, или на информацию, которую он мог получить только в письмах Бартольда (например, письмо от 28 августа 1902 г.), отсутствующих в его фонде [1, с. 72].

Переписка ученых охватывала 35 лет их жизни и деятельности (с 1896 по 1930 гг.), практически вся их жизнь в науке прошла в тесном контакте друг с другом. Отношения между коллегами были уважительными, однако их нельзя назвать «благостными», и переживали они разные периоды, в том числе и охлаждения [1, с. 27–29]. Впрочем, на постоянной основе сохранялось взаимное уважение и искреннее признание заслуг в науке.

Бартольд ценил Марра за профессионализм в археологии, за преданность своему делу, за достигнутые подлинные успехи в научной и организационной сферах – прежде всего как исследователя материальной и духовной культуры Кавказа, в частности, на примере Ани и множества сопряженных проблем. По мнению Бартольда, заслуги Марра в исследовании Ани уже к концу 1915 г. увековечили его имя. Слова Бартольда в отзыве о трудах Марра, представленном на соискание Большой золотой медали имени А.С. Уварова, звучат совершенно искренне: «За ту четверть века, которая отделяет нас от первого знакомства Николая Яковлевича Марра с развалинами Ани, имя его связалось с ними вечной и неразрывной цепью, скованной из пятнадцатилетнего пребывания там, из четырнадцати кампаний раскопок, из ряда научных докладов и лекций, посвященных Ани, из целой серии печатных трудов, из непрерывных археологических и исторических изысканий, из учреждения на самом городище двух музеев, из установления действительной охраны развалин, из предохранения многих памятников от грозившего им разрушения и, наконец, из создания если еще не *de jure*, то *de facto* научного института специально для изучения древностей Ани и окрестной области древнего Ширака» [2, с. 381; 3, с. 438]. Так или иначе деятельность по сохранению памятников историко-культурного значения еще более сблизит ученых в начале 1920-х гг.

Намеренно или нет, но Бартольд совершенно обходит молчанием лингвистические изыскания Марра, хотя Марр пытался обсуждать с ним свои выводы¹. В письмах Марра Бартольду нет ни слова о яфетических изысканиях. Определенно, Марр просил коллегу наводить справки о новой литературе по интересовавшим его сюжетам и тогда, когда от чисто лингвистических он перешел к более масштабным построениям. Так, Бартольд в письме от 26 декабря 1922 г. пишет Марру: «Сочинений о развитии речи у доисторических народов мне пока здесь не приходилось встречать»² [1, с. 277–278; 3, с. 439].

1. Письмо от 7 июля 1913 г. // СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 144. Л. 13–14 об.

2. СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 3. Д. 82. Л. 38 об.

Кавказ в научном творчестве В.В. Бартольда

Опубликованные работы

В.В. Бартольд питал глубокий интерес к истории Кавказа не только потому, что на Кавказе и с кавказским материалом работал его коллега Н.Я. Марр. Историей Кавказа Бартольд интересовался как историк, филолог, исламовед на протяжении всей своей жизни в науки и в высшем образовании. Достаточно сказать, что одна из последних его прижизненных работ была посвящена анализу преданий о Коркуде в туркменско-кавказской и анатолийско-турецкой среде [4, с. 1–18].

С количественной точки зрения объем творческого наследия академика В.В. Бартольда, посвященного истории народов Кавказа и Закавказья, существенно меньше в сравнении с количеством работ, посвященных истории Средней Азии и Ирана. Однако даже те работы, которые были собраны в разделе «Работы по истории Кавказа и Восточной Европы» первой части второго тома «Сочинений» Бартольда [5, с. 651–880] показывают, что его можно с полной уверенностью считать одним из ведущих европейских специалистов первой половины XX в. по истории Кавказа. Наиболее ярко среди них представлены работы по истории Прикаспия. Впрочем, работы Бартольда по истории Кавказа представлены не только в первой части второго тома, они разбросаны и по другим томам (например, «Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче», впервые изданная в «Арийской серии» в 1911 г. [6, с. 313–339]: провести сюжетную границу между теми или иными работами и отделить кавказские сюжеты от прочих подчас затруднительно, да и едва ли нужно.

Работы по истории Кавказа, опубликованные при жизни ученого, не исчерпывают творческое наследие Бартольда-кавказоведа.

Архивные материалы

Среди неопубликованных научных работ В.В. Бартольда одной из наиболее значительных является черновик работы о восточных империях. Текст не имеет авторского названия и занимает 82 листа (СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д 118). Работа посвящена формированию государств турок, Арабского халифата, а также государства Чингиз-хана и тимуридов. По справедливому наблюдению Н.Н. Туманович, наибольший интерес представляет первая часть труда³ [7, с. 265]. Интересным выглядит объяснение В.В. Бартольда причин, по которым отуречиванию подвергались, прежде всего, те районы, которые располагались максимально далеко от исходного района распространения тюркских племен – Средней Азии: Малая Азия, Азербайджан, Закавказье. Именно туда тюркские правители стремились направить своих соплеменников, именно там велась «борьба за веру» с Византией и грузинским царством Багратидов, именно таким образом покоренные города и села – основные поставщики налоговых выплат – ограждались в сельджукидскую эпоху от набегов кочевников, с другой, военному потенциалу кочевников находилось должное применение⁴.

Ряд неопубликованных работ посвящен специально древней и средневековой истории Кавказа – отзыв Бартольда на диссертацию И. Джавахова «Государственный строй древней Грузии и древней Армении» [1905 г.]⁵, пространная рецензия на книгу Е.И. Козубского «История города Дербента» [1907 г.]⁶ как в чистовом, так и в черновом вариантах. Дело «Из истории Дербента и Дагестана вообще» на 66 листах⁷ представляет собой серию выписок из источников на арабском, турецком, английском и немецком языках. Определенно, эти выписки служили основой для подготовки рецензии на книгу Е.И. Козубского. Приблизительно того же свойства – подготовительные записки к рецензиям, курсам лекций – являются следующие дела: дополнения к книге Е.А. Пахомова «Краткий курс истории Азербайджана» (Баку, 1923) на трех листах, а также к лекциям «Прикаспийские области» (ок. 1924 г.)

3. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д 118. Л. 1–22.

4. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д 118. Л. 5а–6а.

5. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 148.

6. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 149.

7. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 151.

на 50 листах, «Конспект лекций по истории прикаспийских областей» (1924 г.) на 34 листах и «Краткий курс истории Азербайджана» (1924–1926 гг.) на 4 листах⁸.

Остальные архивные материалы, относящиеся к истории Кавказа, указанные Н.Н. Туманович [7, с. 274], были опубликованы при жизни Бартольда.

В.В. Бартольд и кампания по передаче грузинских историко-культурных ценностей

В 1922–1923 гг. российская наука и культура была вынуждена пройти через кампанию по передаче Грузии памятников историко-культурного значения грузинского (или предположительно грузинского) происхождения [8, с. 360–379]. В 1921 г. часть грузинского историко-культурного наследия была вывезена во Францию, и ее возвращение состоялось только по завершении Второй мировой войны [см., в частности: 9, с. 4]. Впрочем, вопрос о возвращении грузинских артефактов из российских собраний в грузинской прессе был поставлен еще в 1917 г.

В 1922 г. решение вопроса было поставлено в практической плоскости. Хронология процесса к настоящему времени реконструирована не полностью, ряд вопросов не имеет решения. Так, наиболее ранний известный документ по данному вопросу – протокол заседания Комиссии по обсуждению вопросов о вывозе в Грузию ее национальных собраний и коллекций, находящихся в различных хранилищах РСФСР от 24 июня 1922 г.⁹ При этом ВЦИК РСФСР постановил передать Грузии «все регалии древней Грузии, вывезенные в Россию и принадлежащие Грузии по удостоверениям в Государственном архиве и Наркомпросе и хранящиеся в Главархиве, Оружейной палате и других музейных хранилищах» лишь 20 июля 1922 г.¹⁰. Получается, что работа соответствующих комиссий была начала еще до принятия постановления ВЦИК РСФСР.

Так или иначе, к середине августа 1922 г. вопрос о передаче грузинских историко-культурных ценностей, в частности, рукописей из Румянцевского музея (ныне – Российская государственная библиотека) достиг существенной остроты. На это указывает докладная записка в Главное управление научных учреждений, составленная В.В. Бартольдом. Эта записка отложилась в личном фонде В.В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН в сводном деле по истории работы Бартольда в Российской (Государственной) академии истории материальной культуры.

Определенно, записка эта явилась не столько инициативой самого Бартольда, сколько была составлена по поручению Совета Государственной академии истории материальной культуры, в которой В.В. Бартольд был товарищем (заместителем) председателя – академика Н.Я. Марра (Марр также заведовал Разрядом археологии Кавказа и яфетического мира Этнологического отделения ГАИМК) – и председателем Археологического отделения, а С.Ф. Ольденбург – заведующим Разрядом археологии Индии и Дальнего Востока этого же отделения. В первой половине 1920-х гг., когда влияние Российской академии наук на формирование политики в области науки и культуры было минимальным, именно ГАИМК обладала наибольшими из всех научных учреждений административными возможностями для того, чтобы влиять на научную и культурную политику государства. Значимость научной и организационной деятельности академика В.В. Бартольда для истории науки и взаимоотношений научной среды и государства в 1920-е гг. диктуют необходимость привести данную записку полностью. Основной посыл документа – необходимость уберечь от разделов коллекции научных центров мирового уровня, в том числе – собрание грузинских рукописей Румянцевского музея; раздел коллекции приведет к непоправимому урону для русского кавказоведения, что неминуемо отразится на всем научном прогрессе, частью которого является и русская наука. Россия, как указывает Бартольд, приложила значительные усилия в исследование Кавказа, и изъятие историко-культурных ценностей из российских собраний явится жестом крайнего неуважения ко всей русской культуре.

8. СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 152–154.

9. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 16 = Л. 44–44 об.; публикацию см.: [1, с. 363–364].

10. ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 3. Д. 282. Л. 1–2, 4.

Археографическое описание

Почерк Бартольда – мелкий, неаккуратный, многие знаки сливаются в неразделимые волнообразные цепочки, некоторые слова не читаются вовсе. Судя по наличию многочисленных исправлений, документ представляет собой черновой вариант, составленный для последующей перепечатки на пишущей машинке, возможно, под диктовку самого Бартольда или для переписки секретарем, привыкшим к его почерку.

Датировка записки возможна на основании даты, упоминаемой в тексте: 24 сентября, когда собрался совет ГАИМК. Более точная датировка будет возможна при обнаружении чистового варианта постановления совета ГАИМК. Архивная пагинация не соответствует структуре текста: после Л. 28 текст продолжается на Л. 30, затем возвращается на Л. 29 и завершается на Л. 31.

[не ранее 24 сентября 1922 г.]

В Главное управление научных учреждений

[28] После заседаний Особой комиссии, имевших место 18 и 19 августа, вопрос об увозе в Тифлис грузинских книг и рукописей из русских собраний мирового значения мог считаться решенным в благоприятном для русской и мировой науки смысле. К сожалению, эта надежда оказалась преждевременной: получено устойчивое достоверное известие, что последовало распоряжение о выдаче для увоза в Тифлис грузинских рукописей библиотеки Румянцевского музея, и существует опасение, пока основанное только на слухах, что и для петроградских собраний не миновала опасность. Ввиду этого Совет¹ Российской академии истории материальной культуры в заседании 24 сентября решил по этому вопросу обратиться с соответствующим заявлением в Главнауку².

Академия истории материальной культуры не обладает собраниями рукописей и непосредственно не заинтересована в предотвращении опасности, угрожающей петроградским книгохранилищам, но для нее не может быть безразличен вопрос, в каких условиях будет происходить в Петрограде и Москве научная работа по кавказоведению. Приняв на себя наследие³ [30] бывшей Императорской Археологической комиссии, академия не могла не включить в программу своих работ изучения археологии Кавказа, которому придавала такое значение русская археологическая наука (достаточно напомнить о Пятом, Тифлисском, археологическом съезде). На средства Археологической комиссии были начаты в 1892 г. раскопки Н.Я. Марра на месте Ани, составившие эпоху в истории кавказоведения; само собой разумеется, что эти раскопки, как всякие научные археологические работы были тесно связаны с изучением письменных источников; предполагавшейся, хотя и не вышедшей в свет полностью отчет о раскопках должен был носить заглавие «Книжная история Ани и раскопки на месте городища». Само собой разумеется, что к числу разрядов, на которые разделяется академия, принадлежит и разряд кавказоведения, работающий под руководством ученика Н.Я. Марра и сотрудника его при раскопках И.А. Орбели.

Русское кавказоведение составляет неразрывную часть русского востоковедения⁴, как успехи русского востоковедения связаны с успехами русской науки вообще. Если развитие науки сопровождается развитием специализации, то вместе с тем развивается и сознание единства научной мысли, [...] тесного общения представителей различных [29] специальностей, без которых невозможно более широкая постановка научных вопросов. Поэтому разрушение мировых научных центров не может быть возмещено никакими успехами отдельных научных дисциплин в отдельных местностях; в частности, никакие успехи грузиноведения в Тифлисе не могли бы восполнить тот пробел, который получился и в мировой науке от гибели русского кавказоведения. Несомненно, что притязания Грузии, если бы они были удовлетворены, оказались бы одиночными⁵. Академии достоверно известно, что и в армянских кругах возникла мысль о вывозе в Армению армянских рукописей из Петрограда и Москвы; такой просьбы не было предъявлено только потому, что она была признана несовместимой с уважением к русской науке и русским ученым; но, если бы оказалось, что⁶ в самой России не дорожат целостью русских научных собраний, армяне тоже последовали бы⁷ примеру грузин, тем более что нет никаких оснований утверждать, что в Тифлисе существует более гарантий успешной научной работы, чем в Эривани и Эчмиадзине⁸, если не считать унаследованных Тифлисом от времен русского владычества [...] кавказских учреждений – музея, библиотеки и т.п. [...] мере, могли бы [...] и другие города.

Для возможного продолжения правильной научной деятельности в области востоковедения академия считает совершенно [31] необходимым, чтобы неприкосновенность русских научных собраний мирового значения была признана не только по отдельному частному случаю, но раз и навсегда. Если [...] оправдывается создание комиссий с участием ученых для рассмотрения вопроса [...] в законную силу договор [...] или вопроса о возвращении имуществ, эвакуированных во время войны, или [...] вопроса, для России пока еще не существующего⁹, об [...] научных ценностей вследствие безысходной материальной нужды, то [...] притязаний Грузии, не подходящих ни под одну из этих категорий; настолько если сами по себе [...] возникновение вопроса об их удовлетворении представляется несовместимым с тем уважением¹⁰, на которое имеет право русская культура.

СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 1. Д. 428. Л. 28–31.

Чернила, синий карандаш. Автограф.

Примечания

1. Вписано сверху.
- 2 Вписано и подчеркнуто синим карандашом.
- 3 Вычеркнуто: «Как наследница бывшей»
- 4 Вычеркнуто: «вообще».
- 5 Вычеркнуто: «В том же заседании Совета академии».
- 6 Вычеркнуто: «власти, от которых зависит участь русских научных собраний, разрешили».
- 7 Вписано сверху синим карандашом.
- 8 Далее до конца предложения текст вписан на левом поле листа.
- 9 Фраза вписана сверху синим карандашом.
- 10 Вычеркнуто: «которым должна пользоваться».

Возможно, дальнейшие архивные изыскания помогут ответить на вопрос о причинах, по которым вопрос о передаче памятников историко-культурного наследия грузинского происхождения грузинской стороне не обсуждался в переписке В.В. Бартольда с С.Ф. Ольденбургом и Н.Я. Марром, хотя Марр и Ольденбург этот вопрос продолжали обсуждать. И Бартольд, и Марр, возможно, не находя сил участвовать в заседаниях комиссий, деятельность которых была нацелена не на сохранение историко-культурных ценностей, а на их изъятие, в самый сложный момент находились в зарубежных командировках, и обе академии – РАН (официально) и ГАИМК (фактически) – в соответствующих комиссиях представлял С.Ф. Ольденбург, а ГАИМК – молодой на тот момент эксперт, ученик Н.Я. Марра, А.Н. Генко.

Единственным сюжетом, который затрагивается в переписке Марра и Бартольда и перекликается с деятельностью различных комиссий по передаче Грузии памятников истории и культуры грузинского происхождения, является обсуждение рукописей сочинения «Калила и Димна». Из протокола № 5 заседания «Полномочной комиссии, образованной для детального обсуждения и окончательного решения технических вопросов, связанных с передачей Грузии ее древних художественно-исторических памятников, находящихся в различных хранилищах РСФСР» от 19 марта 1923 г. следует, что грузинская рукопись XVII в. «Калила и Димна», хранившаяся в Азиатском музее (ныне – Институт восточных рукописей РАН), остается в России¹¹. Между тем, именно в это время, т.е. в декабре 1922 г., феврале и марте 1923 гг., Марр и Бартольд обсуждали в переписке иллюстрации к рукописям, персидской и грузинской, «Калилы и Димны» из Азиатского музея [1, с. 178, 289, 291–293].

Заключение

Архивные документы наравне с прижизненными публикациями показывают, что история Кавказа составляла органическую часть научного творчества академика В.В. Бартольда. Его перу принадлежат работы, не потерявшие свое значение для современного кавказоведения, и часть из них еще нуждается во введении в научный оборот. Научно-организационная деятельность Бартольда была нацелена на сохранение в российских собраниях историко-культурных ценностей грузинского происхождения.

11. СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1923), Д. 110. Л. 11; см. также протокол от 20 марта 1923 г. – СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1(1923), Д. 110. Л. 18, в котором эта рукопись помещена в число тех, которые были оставлены в собрании Азиатского музея.

Впрочем, реконструкция хода кампании по передаче этих памятников грузинской стороне далека от завершения, однако и выявленные документы показывают, что В.В. Бартольд активно выступал за сохранение музейных и библиотечных собраний – главных научных центров мирового уровня, исходил из интересов науки, а не сиюминутной политической выгоды, и полагал, что подобные разделы коллекций провоцируют не стабилизацию международных отношений, а их разбалансировку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. «Имена, которые никогда не будут забыты...». Российское востоковедение в переписке В.В. Бартольда, Н.Я. Марра и С.Ф. Ольденбурга. М.: Варфоломеев А.Д., 2020. 400 с.
2. Бартольд В.В., Смирнов Я.И. Отзыв В.В. Бартольда и Я.И. Смирнова о трудах Н.Я. Марра по исследованию древностей Ани // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. Т. XXIII. 1916. С. 373–411.
3. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Российская академическая наука в переписке Н.Я. Марра и В.В. Бартольда // Краткие сообщения Института археологии РАН. № 259. 2019. С. 434–444.
4. Бартольд В.В. Турецкий эпос и Кавказ // Язык и литература. V. 1930. С. 1–18.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Т. II. Часть I. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. С. 615–880.
6. Бартольд В.В. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче // Бартольд В.В. Сочинения. Т. IV. Работы по археологии, нумизматике, эпиграфике и этнографии. М.: Издательство Восточной литературы, 1966. С. 313–339.
7. Умняков И.И. Аннотированная библиография трудов В.В. Бартольда. Туманович Н.Н. Описание архива В.В. Бартольда. М.: Главная редакция восточной литературы, 1976. 467 с.
8. Ананьев В.Г., Бухарин М.Д. Российская академия наук и проблема перемещения памятников историко-культурного наследия грузинского происхождения в 1920-е гг. // Византийский временник. 104. 2020. С. 360–379.
9. Амиранашвили Ш. საქართველოდან სხვადასხვა დროს გატანილი სამუზეუმო განძეულობა და მისი დაბრუნება. თბ.: თბილისის უნივერსიტეტის გამომცემლობა. Разновременно вывезенные из Грузии и возвращенные музейные ценности. Тбилиси, 1968. 63 с.

Поступила в редакцию 10.02.2025 г.

Принята в печать 26.03.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

REFERENCES

1. Ananyev VG., Bukharin MD. "Names that will never be forgotten..." *Russian Oriental Studies in the Correspondence of V.V. Bartold, N.Ya. Marr, and S.F. Oldenburg*. Moscow: Varfolomeev A.D., 2020. (In Russ)
2. Bartold VV., Smirnov YaI. Review of V.V. Bartold and Ya.I. Smirnov on the Works of N.Ya. Marr on the Study of the Antiquities of Ani. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1916; 23: 373-411. (In Russ)
3. Ananyev VG., Bukharin MD. Russian Academic Science in the Correspondence of N.Ya. Marr and V.V. Bartold. *Brief Communications of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences*. 2019; 259: 434-444. (In Russ)
4. Bartold VV. The Turkish Epic and the Caucasus. In: *Language and Literature*. Part V. 1930: 1-18. (In Russ)
5. Bartold VV. *Works. Vol. II. Part I. General Works on the History of Central Asia. Works on the History of the Caucasus and Eastern Europe*. Moscow: Vost. Lit., 1963: 615-880. (In Russ)
6. Bartold VV. Persian inscription on the wall of the Ani mosque of Manuche. *Bartold V.V. Works. Vol. IV. Works on Archaeology, Numismatics, Epigraphy, and Ethnography*. Moscow: Vost. Lit., 1966: 313-339. (In Russ)
7. Umnyakov II. *Annotated bibliography of the works of V.V. Bartold. Tumanovich, N.N. Description of the archive of V.V. Bartold*. Moscow: Vost. Lit., 1976. (In Russ)
8. Ananyev VG., Bukharin MD. The Russian Academy of Sciences and the problem of the relocation of historical and cultural heritage monuments of Georgian origin in the 1920s. *Byzantine Time*. 2020; 104: 360-379. (In Russ)
9. Amiranashvili Sh. *Museum valuables exported from Georgia and returned at different times* [გატანილი სამუზეუმო განძეულობა და მისი დაბრუნება]. Tbilisi: Tbilisi University Publ., 1968 (in Georgian).

Received 10.02.2025

Accepted 26.03.2025

Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213491-501>

Исследовательская статья

Манышев Сергей Борисович

к.и.н., научный сотрудник

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия;
привлеченный эксперт

Институт российской истории РАН, Москва, Россия

msergey1990@gmail.com

«...БОРОЛСЯ... ЗА УСПЕШНОЕ ПРОВЕДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ЧЕЧНИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ЛИНИИ ПАРТИИ»: АБДУРАХМАН АВТОРХАНОВ И РАННЯЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКО-КАВКАЗСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье сквозь призму биографии историка Абдурахмана Авторханова анализируется история становления советской историографии истории Северного Кавказа. Работа основана как на опубликованных, так и на впервые вводимых в научный оборот материалах из фондов Государственного архива Российской Федерации и Центрального государственного архива Республики Дагестан. А.Г. Авторханов – партийный функционер, один из первых профессиональных историков в Чечне. В 1930–1936 гг. выпустил ряд работ, посвященных региональной истории. Основными темами его исследований являются Кавказская война и сопротивление горцев, послевоенное налаживание контактов Северного Кавказа и Российской империи, а также Российская революция и советизация Чечни. Научные труды А.Г. Авторханова стали первыми обобщающими работами, посвященными истории Чечни. Первые его работы были рассчитаны на массового читателя, они пропитаны духом революционно-пролетарской идеологии и соответствовали идеям марксизма, хотя и не содержат прямых ссылок на классиков марксизма-ленинизма. В них фактически отсутствует какая бы то ни было теоретическая составляющая. В более поздних работах прослеживается опыт, полученный в Институте красной профессуры, который А.Г. Авторханов окончил в 1937 г. Для этих работ характерны четкая структура, логичность изложения и богатое подкрепление источниками и ссылками, а изложение строится исключительно вокруг тезисов из работ классиков марксизма-ленинизма. Привлеченные архивные документы дают возможность реконструировать основные вехи биографии А.Г. Авторханова и привязать их к выходу главных его работ, посвященных истории Чечни. Такой подход дает возможность проследить эволюцию подходов автора к русско-кавказским отношениям в зависимости от уровня его образования.

Ключевые слова: советская историография; кавказоведение; Абдурахман Авторханов; история Чечни; Северный Кавказ; история науки; русско-кавказские отношения

Для цитирования: Манышев С.Б. «...Боролся... за успешное проведение в условиях Чечни генеральной линии партии»: Абдурахман Авторханов и ранняя советская историография русско-кавказских отношений // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 3. С. 491-501. doi.org/10.32653/CH213491-501

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213491-501>

Research paper

Sergey B. Manyshev,
Cand. Sci., Researcher
Higher School of Economics, Moscow, Russia;
Invited Expert,
Institute of Russian History of RAS
msergey1990@gmail.com

**“...FOUGHT... FOR THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION
OF THE PARTY’S GENERAL LINE IN THE CONDITIONS
OF CHECHNYA”: ABDURAKHMAN AVTORKHANOV
AND EARLY SOVIET HISTORIOGRAPHY
OF RUSSIAN-CAUCASIAN RELATIONS**

Abstract. This article examines the development of Soviet historiography of the North Caucasus through the biographical lens of historian Abdurakhman Avtorkhanov. The work is based on both published and previously unstudied materials from collections of the State Archives of the Russian Federation and the Central State Archives of the Republic of Dagestan. As a party functionary and one of Chechnya’s earliest professional historians, Avtorkhanov published several works on regional history between 1930 and 1936. His research focused on the Caucasian War, highlander resistance, post-war interactions between the North Caucasus and the Russian Empire, the Russian Revolution, and the Sovietization of Chechnya. His early writings, aimed at a general audience, were steeped in revolutionary-proletarian ideology and aligned with Marxist principles, though they lacked direct references to Marxist-Leninist classics and theoretical depth. After graduating from the Institute of Red Professors in 1937, Avtorkhanov’s later works exhibit a more structured and logical approach, incorporating extensive archival sources and references to Marxist-Leninist texts. By analyzing archival documents, this study traces the evolution of Avtorkhanov’s historiographical methods and his perspectives on Russian-Caucasian relations, correlating these shifts with his educational and professional development.

Keywords: Soviet historiography; Caucasian studies; Abdurakhman Avtorkhanov; history of Chechnya; North Caucasus; history of science; Russian-Caucasian relations

For citation: S.B. Manyshev. “...Fought... for the successful implementation of the party’s general line in the conditions of Chechnya”: Abdurakhman Avtorkhanov and early Soviet historiography of Russian-Caucasian relations. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 491-501. doi.org/10.32653/CH213491-501

© S.B. Manyshev, 2025

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

Введение

Первые десятилетия Советской власти во многом заложили основы изучения регионов бывшей Российской империи. На смену кабинетным историкам из основных университетских центров пришли ученые, которые были готовы выезжать в многодневные экспедиции в отдаленные районы страны. Так было и на Северном Кавказе в первой половине 1920-х гг. Несколько позднее, когда здесь были созданы вузы, появилась возможность организовать региональные научно-исследовательские институты, которые должны были изучать историю и культуру в границах той или иной административно-территориальной единицы. Уже в 1920 г. во Владикавказе был создан Северо-Кавказский краевой горский НИИ краеведения, а к началу 1930-х гг. свои научные учреждения имела каждая из автономий региона [1, с. 143–145].

Период 1920-х гг. стал «золотым десятилетием» краеведения [2, с. 153–166]. Именно оно на непродолжительное время на Северном Кавказе фактически стало двигателем научной работы: местные энтузиасты со специальным образованием и без него принимались за исследование археологических памятников и особенностей быта, устраивали экспедиции по сбору исторического материала и фольклора в горах. С другой стороны, по мнению ряда исследователей, ранней советской исторической науке был характерен антиколониальный дискурс, в котором история народов СССР занимала определенное место [3].

Не была обойдена кавказская тематика и в исследованиях центральных научных учреждений. Во второй половине 1930-х гг. вопросы истории народов региона начинают разрабатываться в Институте истории АН СССР [4, с. 31, 32, 54].

Вместе с тем происходил процесс осмысления истории в новых, марксистских, рамках. При этом совершенно не отрицался тот факт, что новые интерпретации фактов должны были преследовать пропагандистские цели, связанные с идеологической борьбой и формированием нового советского общества [5, р. 3–5; 6, с. 65–75]. Предполагалось рассматривать любые выступления против Российской империи как звенья одной цепи, приведшие в итоге к установлению Советской власти, так как «без правильного анализа колониальной эксплуатации горцев царизмом нельзя понять своеобразие предпосылок Октябрьской революции у горских народов Северного Кавказа» [7, с. 99].

На протяжении 1920-х гг. в кавказоведении в основном господствовала концепция торгового капитализма М.Н. Покровского, согласно которой он (капитализм) стремился к овладению новыми рынками сбыта и сырья. В завоевании Кавказа Михаил Николаевич видел исключительно стратегическое соперничество Персии и России [8, с. 179].

Таким образом, в рассматриваемое время начала складываться новая концепция российско-кавказского взаимодействия, которая в течение предвоенных лет существенно изменялась под воздействием различных партийных документов. Под эти изменения подстраивались и историки, некоторым из которых в годы Большого террора пришлось расстаться с жизнью за написанные ранее тексты. Другие же, как, например, Н.И. Покровский, в течение многих лет пытались добиться публикации своих исследований [9, с. 504].

Из функционеров – в историки

Абдурахман Геназович Авторханов родился в 1908 г. в селении Нижний Наур Терской области [10, с. 32]. Мы не очень много знаем о его ранних годах, это связано с тем, что в ходе двух Чеченских войн полностью были уничтожены документы, хранившиеся в бывшем партийном архиве Чечено-Ингушского обкома. Основную же информацию о его жизни и деятельности до эмиграции можно почерпнуть лишь из его мемуаров, которые, как и любой другой источник личного происхождения, полны неточностей, а также из сохранившихся материалов периода его учебы в Институте красной профессуры. При этом данные биографического характера чрезвычайно важны для понимания его профессиональной подготовки, отразившейся на его ранних научных трудах, посвященных истории Чечни.

А.Г. Авторханов получил начальное образование в мусульманской школе, а также в русской, о чем сам говорил в своих мемуарах: «Дед меня отдал в обе: в арабской я изучал Коран и арабскую грамматику, а в русской – светские науки и русский язык... Сельская русская школа имела только пять классов. Кончив ее, мне ничего не оставалось, как продолжать учение в медресе (духовной семинарии)» [11, с. 71–72]. А затем он сбежал в город Грозный, где был зачислен в Грозненский детский дом, а затем в 1924 г. его приняли в совпартшколу¹. Здесь, как признавался сам А.Г. Авторханов, выяснилось, что из слушателей таких школ готовят «людей, способных управлять местной властью». С другой стороны, возникала четкая перспектива получения дальнейшего образования [11, с. 108]. Нужно заметить, что в 1924 г. всего лишь 6 чеченцев были определены в это учебное заведение, что говорит о его некой «элитарности» [12, с. 51]. Связано такое положение дел, прежде всего, с тем, что в Чеченской автономной области уровень русской грамотности был чрезвычайно низким, он не превышал 1,5 % [13, с. 153].

Таким образом, окончание совпартшколы давало А.Г. Авторханову вполне предсказуемую карьеру советского чиновника: уже в 1926 г. он был назначен заместителем редактора газеты «Серло» – главного органа партии, выходившего на чеченском языке². Но он не остановился на достигнутом и поступил на Чеченский рабфак, который должен был стать еще одной ступенью на пути его подготовки к получению высшего партийного образования. К этому времени рабфак существовал уже 5 лет, но число чеченцев на нем было незначительным и составляло не более 1,5 % [14, с. 156], несмотря на то, что для них «было создано специальное подготовительное отделение» [11, с. 147–148].

Окончание рабфака и вступление в партию в 1927 г. дало возможность для дальнейшего продвижения по карьерной лестнице: сначала А.Г. Авторханов занимал должность заместителя заведующего орготделом Чеченского обкома ВКП(б) (1929–1930), в течение полугода работал на должности завуча Чеченского педагогического техникума (1930), а затем возглавлял Чеченский отдел народного образования (1930–1931)³.

Согласно постановлению Бюро Чеченского обкома партии, издание всей партийной литературы было передано Чеченскому отделению издательства ЦК. На него возлагались задачи по переводу и выпуску из печати работ Ленина, всевозможных партийных документов, а также пропагандистской литературы, рассчитанной на самые широкие слои населения [14, с. 160–161]. Это время можно считать пиком карьеры молодого коммуниста А. Г. Авторханова, так как именно его – достаточно подготовленного и проверенного – назначили на должность заведующего областным издательским отделом ЦК ВКП(б)⁴.

В 1933 г. перспективный коммунист А.Г. Авторханов был направлен Чеченским обкомом ВКП(б) на курсы марксизма-ленинизма для пополнения теоретических знаний⁵, а спустя менее полугода он был рекомендован к вступительным испытаниям для зачисления в Институт красной профессуры истории как имеющий склонность к исторической научно-исследовательской работе⁶. Поступление А.Г. Авторханова в институт стало возможным, вероятно, в силу существенных послаблений для абитуриентов, которые были введены в 1932 г.: здесь учитывался партийный стаж, а также социальное происхождение, так как не менее 70 % поступающих должны были быть из рабочих [15, с. 45]. Согласно оценкам преподавателей, Авторханову достаточно неплохо давалось обучение, они отмечали, что он «к работе относится добросовестно» и «имеет большие способности к языку»⁷. Здесь ему посчастливилось учиться у крупнейших специалистов – С.В. Бахрушина, Н.П. Грацианского, Б.Д. Грекова, Е.А. Косминского, В.С. Сергеева, В.В. Струве, что не могло не сказаться на формировании научных взглядов [11, с. 343–363]. В 1937 г. А.Г. Авторханов получил свидетельство об окончании Института красной профессуры истории, таким образом полностью легитимизировав себя не только как партийного деятеля, но и как ученого⁸.

1. Автобиография А.Г. Авторханова. 14 марта 1937 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 4.

2. Справка на слушателя III курса Института красной профессуры А.Г. Авторханова // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 6.

3. Характеристика на А.Г. Авторханова. 31 октября 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 7.

4. Анкета А.Г. Авторханова // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.

5. Характеристика на А.Г. Авторханова. 31 октября 1933 г. // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 7.

6. Рекомендация А.Г. Авторханову для поступления в Институт красной профессуры. 20 апреля 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 9.

7. Аттестационные листы А.Г. Авторханова // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 14, 17.

8. Свидетельство А.Г. Авторханова об окончании Института красной профессуры // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 322. Л. 1.

Необходимо отметить, что общая канва жизни А.Г. Авторханова достаточно показательна: из простого мальчика, который родился в бедной чеченской семье, вырос достаточно характерный советский функционер и убежденный марксист. Всю его дальнейшую биографию необходимо оставить за рамками данной статьи⁹, так как здесь особый интерес представляет период между 1930 и 1936 гг., когда вышли основные работы ученого, посвященные истории Чечни.

Научная работа в Чечне

Для понимания основных вех развития исторического изучения Чечни и Северного Кавказа в ранний советский период необходимо кратко остановиться на тех мероприятиях и институциях, которые в рассматриваемый период занимались этими сюжетами. Самый первый этап изучения народов региона после окончания Гражданской войны можно назвать экспедиционным, так как именно ученые из центральных научных учреждений путем летних выездов на Северный Кавказ заложили основы советской науки о его народах. Здесь необходимо упомянуть, что именно в этот период этнографы оказались между двумя парадигмами осмысления своего экспедиционного опыта: с одной стороны, Госплану необходимы были сведения для проведения районирования, с другой, Наркомнац пытался отстаивать интересы отдельных этнотерриториальных единиц [17, р. 79–87].

В 1923 г. начала свою работу Дагестано-чеченская экспедиция под общим руководством профессора-языковеда Н.Ф. Яковлева. Главными ее задачами были сбор лингвистических и этнографических материалов, а также фиксация археологических памятников на территории этих двух регионов¹⁰. При этом сам Николай Феофанович придерживался мнения, согласно которому именно «строгий экономический учет» должен быть поставлен во главу угла при сборе информации о народах Советского Союза [17, р. 85–86].

Чем же занимались члены подобных экспедиций в Чечне в первой половине 1920-х гг.? Важной составляющей было собирание фольклора в его связи с историческим развитием чеченского народа. Члены экспедиции ставили перед собой задачи изучения типов жилища и памятников архитектуры области, а также произведение разведывательных археологических исследований. Другими важными пунктами были сбор предметов материальной культуры для создания чеченского музея и проведение инструктажа для местных работников в области краеведения. Но была и задача чисто практическая, связанная с разработкой новой графики и грамматики чеченского языка¹¹.

Финансирование подобных мероприятий происходило за счет средств Наркомпроса РСФСР и ассигнований из местных бюджетов. Как отмечал председатель ревкома, «непременным условием успеха изучения Чечни являются регулярные научные экспедиции»¹². В состав отрядов, помимо профессора-руководителя, входил, как правило, один из студентов, фотограф, а также несколько местных сопровождающих¹³.

Ко второй половине 1920-х гг. в Чеченской автономной области получило широкое развитие краеведческое движение: например, в 1927 г. при совпартшколе был организован специальный кабинет, который должен был заниматься изучением края [12, с. 81].

В 1928 г. при Доме работников просвещения был создан Грозненский научный кружок, который возглавил преподаватель географии В.В. Власов. Работа кружка была разделена на 12 научных секций: общественных наук, литературы, математики, физики, краеведения, биологии, географии и астрономии, изобразительных искусств, педологии и рефлексологии, школьной гигиены и проблем школьного строительства. Спустя полгода своего существования кружок приступил к реорганизации в Общество и выработке устава. Новая институция вобрала в себя и медицинский кружок, таким образом объединив более 100 членов [18, с. 3–4, 19–21].

9. Достаточно подробно, хотя и с отдельными лакунами, биография А.Г. Авторханова описана в специальном исследовании [16].

10. Отзыв о работах Дагестано-чеченской экспедиции 1923 г. // Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 133.

11. Проект экспедиции в Чеченскую автономную область летом 1924 г. // ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 142.

12. Ходатайство Ревкома Чеченской автономной области. 5 февраля 1924 г. // ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 141.

13. Краткий отчет Комитета по изучению языков и этнических культур Северного Кавказа за 1920–1924 гг. // ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 5. Д. 19. Л. 125

Общество достаточно энергично взялось за организацию изучения Чеченской автономной области, в том числе ее истории и культуры. Уже летом 1929 г. в Горную Чечню были направлены отряды для сбора этнографического и археологического материала, а также исторических преданий о восстании 1877 г. [19, с. 42], а среди задач на будущий год значилось «изучение истории Чечни в общем и по отдельным районам; изучение памятников старины и народного искусства» [20, с. 54]. Однако большинство его членов были беспартийными, а его председатель, по выражению А.Г. Авторханова, «абсолютно невинным младенцем в политике». Так, при попытке расширить тематику исследований членов общества, В.В. Власов предложил к рассмотрению две темы – «Революционное разбойничество большевизма» и «Достижения и недостатки Советской власти» [11, с. 150].

В начале 1930 г. было принято решение о реорганизации Чеченского научного общества и создании Научно-исследовательского института краеведения имени 10-летия Советской власти, среди задач которого было изучение культуры, истории, быта и религии чеченцев, при этом отмечалось, что сотрудникам института не стоит замыкаться исключительно на академической тематике, а необходимо «вести жесткую борьбу за марксистско-ленинскую методологию» [14, с. 151]. Институт явился своеобразным воплощением идеи, высказанной еще в начале 1920-х гг., когда предлагалось некое специальное учреждение, занимающееся вопросами изучения языков народов Северного Кавказа, сбором образцов народной поэзии и исследованием истории и быта¹⁴. Но в подобном формате это учреждение просуществовало недолго: часть его сотрудников пыталась заниматься вопросами «чистой» науки, пренебрегая проблемами социалистического строительства. Поэтому эта группа ученых была осуждена за вредительскую деятельность, а институт вновь реорганизован в Научно-исследовательский институт национальной культуры, в состав которого входили отделы истории, языка, литературы и искусства [21, с. 184–185].

Объединение двух автономных областей повлекло за собой и слияние двух институтов, таким образом в 1934 г. был создан Чечено-Ингушский НИИ. Одной из важных научных проблем, стоявших перед этим учреждением, была научная разработка истории новой административно-территориальной единицы. Сотрудниками сектора истории была начата работа по выявлению документальных материалов в архивохранилищах для рассмотрения отдельных сюжетов, посвященных Кавказской войне и восстанию 1877 г. [21, с. 191].

Взгляды А.Г. Авторханова на ключевые вопросы истории Северного Кавказа и их критика

Еще учась на рабфаке, А.Г. Авторханов начал публиковаться в периодической печати. Здесь необходимо в самых общих чертах рассмотреть особенности исторических взглядов и историю создания его первых научных трудов.

«Рутина исторической мысли в области кавказской историографии продолжает господствовать и поныне, а между тем всестороннее изучение богатого революционного прошлого горских народов имеет не только узко научное, но и глубоко практическое значение в нашей повседневной работе по социалистической реконструкции экономики и быта многонационального Кавказа», – писал в своей первой исторической работе А.Г. Авторханов [22, с. 3].

Он отмечал, что если другим регионам Кавказа посвящены какие-то исторические дореволюционные работы, то Чечня выпадала из исследовательской оптики, а отдельные научные труды, разбросанные в периодике, не доступны большинству советских читателей, интересующихся ее историей, что, собственно, и стало главным мотивом к написанию его небольшого очерка.

На первых работах А.Г. Авторханова лежит печать прямолинейного восприятия марксизма: классово-партийный подход в понимании выпускника рабфака объявляется им исключительно правильным, а революционно-пролетарская идеология – преимущественной над другими. Свои первые научные изыскания, оформленные в качестве книг на исторические темы, он впоследствии оценивал невысоко, называя их «ученическими упражнениями» [11, с. 155]. Он был уверен, что работы русских авторов XIX в. «насквозь великодержавно-колонизаторские», а любые попытки отступить

14. Ходатайство Ревкома Чеченской автономной области. 5 февраля 1924 г. // ЦГА РД. Ф. Р-168. Оп. 3. Д. 14. Л. 141.

от марксистских оценок в советской историографии – это «контрреволюционная троцкистская контрабанда» [23, с. 113].

В современной историографии принято чрезвычайно идеализировать ранние работы А.Г. Авторханова, говоря о том, что они содержат «уникальный документальный материал» [24, с. 277]. А некоторые авторы прямо заявляют о том, что его исследования «написаны на базе архивных документов» [25, с. 3]. Но первые серьезные архивные изыскания А.Г. Авторханова относятся к периоду его учебы в Институте красной профессуры в Москве, когда он начал работать в архиве Истпарта [11, с. 127]. Вся источниковая база его первых работ в целом незамысловата – это исследования дореволюционных авторов, которых он клеймил в своих статьях, а также опубликованные документы. В своем изобличении «дворянской» и «буржуазной» историографии А.Г. Авторханов четко следовал линии, принятой М.Н. Покровским и направленной на вскрытие идеологического контекста этих трудов и всячески подчеркивал колониальную сущность России как империи [3, с. 198].

Говоря об использованной автором литературе, можно обратиться к ее кратким рекомендательным спискам, которыми сопровождаются некоторые из изданий, а также к постраничным сноскам. Так, работы «К основным вопросам истории Чечни» [22] и «Краткий историко-культурный и экономической очерк о Чечне» [26] написаны с привлечением минимального числа дореволюционной и советской литературы – это своеобразный «джентельменский набор», включающий сочинения историков XIX в. А.П. Берже, Е.Г. Вейденбаума и современников автора – У.Д. Алиева и Н.Ф. Яковлева, а скрепляет все повествование концепция М.Н. Покровского. Среди использованных публикаций источников – небольшой корпус писем А.П. Ермолова, опубликованных в Махачкале в 1926 г., а также материалы из Северо-Осетинского архива о переселении горцев в Турцию, опубликованные годом ранее.

Несколько иной уровень А.Г. Авторханов демонстрирует в более поздних работах, в которых использовано большое число материалов из фондов архивов Грозного и Орджоникидзе. Первая из них, посвященная революции в Чечне [27], представляет собой, скорее, сборник, в котором документы перемежаются с небольшими комментариями автора. Вероятно, в качестве образца он взял работу А.А. Тахо-Годи «Революция и контрреволюция в Дагестане», опубликованную в 1927 г. (при этом клеймя автора за «великодержавные ошибки» [23, с. 119]). И, если в случае с последним такой подход был вполне объясним, так как его работа – это скорее мемуары, в которых документы служат подтверждением того или иного факта, то в случае с А.Г. Авторхановым – это пример не самого удачного копирования структуры книги. Первоначально автор предполагал использовать в работе и интервью с участниками Революции и Гражданской войны [11, с. 180].

Нужно заметить, что первые работы А.Г. Авторханова почти не содержат ссылок на работы классиков марксизма-ленинизма. «За три года – с 1931 по 1934 гг. – я написал три книги, – впоследствии вспоминал он. – Они написаны до получения мною высшего исторического образования и поэтому это скорее работы любителя истории своего народа. Конечно, они написаны с советских позиций, но, увы, в моей первой книге “К основным вопросам истории Чечни” имя Сталина вообще не упомянуто, а в книге “Революция и контрреволюция в Чечне” упомянуто только в предисловии в связи с письмом Сталина в журнал “Пролетарская революция”. Зато вывод, который я сделал из этого письма Сталина, можно было бы повторить в передовой статье газеты “Правда” даже сегодня. Я писал так: “Не история для истории, не чистая наука для науки, а непримиримая большевистская партийность во всех науках – таково основное требование ленинизма. Нет и не может быть правильной разработки истории революционного движения, не помогающей практическому осуществлению генеральной линии партии на сегодняшний день”» [11, с. 188–189].

Своеобразной вершиной научного творчества раннего А.Г. Авторханова надо признать его очерк, посвященный событиям революции 1905 г. на Северном Кавказе [28]. Здесь совершенно точно сказался тот опыт, который он получил в Институте красной профессуры: работа имеет четкую структуру, одни события логически вытекают из других, как опытный партиец он «сдабривает» свои заключения ссылками на классиков марксизма-ленинизма, демонстрирует работу как с литературой, так и с архивными источниками.

Первые книги А.Г. Авторханова действительно были направлены на массового читателя: тираж работы «К основным вопросам истории Чечни» составил две тысячи экземпляров, «Краткий историко-

культурный очерк и экономический очерк о Чечне» только на русском языке был опубликован 10-тысячным тиражом, а спустя год увидело свет его издание на чеченском языке тысячным тиражом [29].

В рассматриваемых работах А.Г. Авторханова можно выделить несколько ключевых тем. Первой из них является проблема горского повстанчества и Кавказской войны. Историк отмечал, что в первой четверти XIX в. в Чечне отмечается подъем народного движения, которое было вызвано экспедициями генерала А.П. Ермолова. Действия российского военачальника привели к тому, что летом 1823 г. здесь «вспыхнуло мощное народное восстание», которое потерпело поражение [26, с. 9]. Второй этап «национальной освободительной борьбы чеченского народа» он связывал с именем имама Шамиля. Развитие движения было вызвано, по мнению А.Г. Авторханова, сооружением российских военных укреплений и казачьей колонизацией равнины. Но с пленением имама борьба горцев не заканчивается. И в 1860-х гг. начинается третий ее этап, связанный сначала с деятельностью шейха Кунта-Хаджи, а затем – Алибека-Хаджи Алдамова и Умы Дуева. Таким образом, неудачные восстания и колонизация равнины вынуждают часть чеченцев переселиться в Турцию [22, с. 16–33].

Вторая чрезвычайно важная тема – это взаимодействие империи с Северным Кавказом после завершения Кавказской войны, которое, по мнению А.Г. Авторханова, сводилось в основном к решению аграрного вопроса. Руководствуясь указанием Ленина о том, что именно на Северном Кавказе происходила наиболее «сильная колонизация», он пишет об обратной стороне этого процесса, связанной с обезземеливанием горского крестьянства, которое было поставлено «перед фактом захвата своих лучших земель на плоскости» [28, с. 25]. Сложившееся тяжелое экономическое положение горцев привело к революции 1905 г. Но главный недостаток этого движения заключался в том, что «оно не было связано с революционными выступлениями грозненского пролетариата» [22, с. 14].

Третьим важным для А.Г. Авторханова сюжетом является Революция и начало советизации Чечни, которые вытекали из предшествовавших этапов ее развития. По мнению историка, в бывшей Терской области сложились два лагеря – «революционная горская масса» и «контрреволюционное казачество», между которыми шла «глубоко классовая» борьба [22, с. 51; 27, с. 52]. Он касается вопроса создания Чеченского национального совета и его фактической ликвидации после убийства шейха Дени Арсанова, описывает противостояние революционного штаба в Алхан-Юрте с «белыми» в 1919 г. и касается создания «эмирата» Узун-Хаджи. Главной движущей силой революции в Чечне, согласно А.Г. Авторханову, были красные партизанские отряды, возглавляемые Н.Ф. Гикало, представлявшие собой «мощный революционный фактор, который имел решающее влияние на окончательную победу пролетарской революции» [26, с. 19], а также грозненский пролетариат [27, с. 122]. В результате их энергичных действий 17 марта 1920 г. конными частями Штаба красных повстанческих войск был занят город Грозный и, таким образом, в Чечне была установлена Советская власть.

Вполне закономерно, что все дальнейшее развитие Чечни А.Г. Авторханов рассматривал исключительно с положительной стороны: «Началась широкая работа по социалистической реконструкции экономики Чеченской области – чеченский батрак, бедняк и середняк стали активными участниками социалистического строительства» [26, с. 20].

Исследование, посвященное Революции в Чечне, было представлено А.Г. Авторхановым в качестве письменной работы при поступлении в Институт красной профессуры [11, с. 388]. И уже тогда профессор Н.Н. Ванаг отмечал, что они носят популярный характер и «не могут быть причислены к работам, имеющим научное значение несмотря на то, что порой автором привлекается архивный материал»¹⁵.

Другой рецензент подчеркивал, что работа А.Г. Авторханова – это первая попытка сквозь призму марксизма посмотреть на историю Чечни. Но уже в структуре работы находил «бреши», среди которых – чрезмерное внимание религиозным воззрениям и недостаточное – производственным силам. Критикуя А.Г. Авторханова за невнимание к проблемам аграрного движения, рецензент замечает, что в целом данный вопрос еще недостаточно разработан и требует самостоятельного исследования. И здесь совершенно справедливо автору указывается на некритическое воспроизведение целого ряда исторических документов. Но в заключении все же констатируется, что в работе правильно отражено «национально-освободительное движение чеченских трудящихся масс и их борьбы под руководством рабочего класса» [30, с. 83–84]. Правда, спустя несколько лет тот же автор в обзоре северокавказской

15. Отзыв о работах А.Г. Авторханова. 2 июня 1934 г. // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 12.

литературы будет гораздо менее снисходительным по отношению к этой брошюре А.Г. Авторханова. Здесь отмечено, что работа «в основном сводится к выдержкам, заимствованным из работ различных историков как буржуазных, так и марксистских», что не обнаруживало связи с текстом автора. В этом случае в брошюре А.Г. Авторханова были найдены и «принципиальные ошибки», среди которых не критическое восприятие сведений дореволюционных авторов, неверная трактовка «социальной базы мюридизма», «принципиальные и политические ошибки» при описании Гражданской войны. И здесь Н. Буркин заключает, что «научного значения эта работа не имеет» [31, с. 96].

Значительно более снисходительны рецензенты другой работы А.Г. Авторханова, посвященной революции, но опубликованной в том же номере журнала «Историк-марксист». Они отдают должное значительному привлеченному архивному материалу, а также использованным литературным данным, что «оживило» изложение и придало ему «убедительности». Но затем рецензенты переходят к критике, отмечая, что автор совершенно не использует работы В.И. Ленина и И.В. Сталина, а его характеристика февральских событий на Тереке «противоречит» их учению. Некоторые события, как отмечают авторы, поданы упрощенно. Критикуют А.Г. Авторханова и за его небрежность в оформлении научно-справочного аппарата и литературный стиль. Работа же, по их мнению, «представляет собой ценный по замыслу, но далеко не законченный в смысле научного и литературного оформления опыт положительной разработки основных проблем истории революции и контрреволюции в Чечне» [32, с. 132].

В целом, как отмечали рецензенты, для работ А.Г. Авторханова были характерны переоценка роли и места мусульманского духовенства в жизни чеченского общества, недостаточное внимание классовой дифференциации крестьянства и аграрному вопросу в Чечне¹⁶.

Заключение

Научные труды А.Г. Авторханова 1930-х гг. стали первыми обобщающими работами, посвященными истории Чечни, на что указывали даже советские историки, высказывая целый ряд претензий к автору как с идеологической, так и с фактической точки зрения [33, с. 26]. Начало изучения истории Северного Кавказа в советский период в национальных автономиях – это процесс, который был связан не столько с профессиональными учеными, сколько с разного рода энтузиастами, которые пытались вписать бывшие национальные окраины в общий контекст истории Советского Союза. Одним из них был и А.Г. Авторханов, чьи работы, посвященные истории Чечни и написанные до его эмиграции, известны ученым гораздо хуже, чем публикации о советской истории. Эти небольшие по своему объему исследования отражают определенный этап развития советского кавказоведения со всеми свойственными ему достоинствами и недостатками.

Финансирование. Работа выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-18-00303 по теме «Советский исторический нарратив 1920–30-х гг.: содержание, акторы и механизмы конструирования»

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of project № 23-18-00303 “Soviet historical narrative of the 1920s – 30s: content, actors and construction mechanisms”.

16. Заключение о работах А.Г. Авторханова // ГА РФ. Ф. Р-5143. Оп. 1. Д. 255. Л. 20 об. – 21.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Северокавказский горский научно-исследовательский институт // Революция и горец. 1933. № 10–12. С. 143–145.
2. Шмидт С.О. Пути историка. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.
3. Тихонов В.В. «Деколонизация» истории народов СССР в советской историографии (1920–1930) // Quaestio Rossica. 2024. Т. 12. № 1. С. 193–208. DOI: 10.15826/qr.2024.1.873
4. Институт истории Академии наук СССР в документах и материалах. Вып. 1 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ИРИ РАН, 2016. 317 с.
5. Tillett L. The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969. 468 p.
6. Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки. М.: ИРИ РАН, 2014. 217 с.
7. Лихницкий Н., Покровский Н. Против великодержавного шовинизма в изучении истории горского национально-освободительного движения // Историк-марксист. 1934. № 2 (36). С. 99–105.
8. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии: Сборник статей. М.: Красная новь, 1923. 392 с.
9. Шарафутдинова Р.Ш. Н.И. Покровский (1897–1946) и И.Ю. Крачковский (1883–1951). (Проблемы кавказской арабистики по архивным материалам) // Петербургское востоковедение. Вып. 9 / глав. ред. И.А. Алимов. СПб.: Петербургское востоковедение, 1997. С. 501–515.
10. Чернобаев А.А. Историки России конца XIX – начала XXI века. Биобиблиографический словарь. Т. I: А – И. М.: Собрание, 2016. 511 с.
11. Авторханов А. Мемуары. [Франкфурт-на-Майне]: Посев, 1983. 761 с.
12. Культурное строительство в Чечено-Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.). Сборник документов и материалов / сост. В.Д. Дериглазова, А.Т. Морозова, М.А. Шахов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1979. 244 с.
13. Чеченская автономная область: 100-летие чеченской государственности. Сборник документов и материалов / сост. А.И. Духаев, Л.Д. Инуркаева, А.Р. Орсаханов, М.Х. Ченчиева. Грозный: АУП ЧР, 2022. 304 с.
14. От вековой отсталости – к социализму. Осуществление ленинской национальной политики в Чечено-Ингушетии (1917–1941 гг.). Сборник документов и материалов / сост. Е.А. Варавина, В.Д. Дериглазова, В.Л. Новикова, Т.В. Плешанова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1977. 203 с.
15. Долгова Е.А. Институт красной профессуры как «государственный» проект: 1921–1938 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 2. С. 39–52. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52
16. Хатиев И.З. Абдурахман Авторханов: жизнь, борьба и творческое наследие. Нальчик: Печатный двор, 2012. 205 с.
17. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. 367 p.
18. Грозненское научное общество. Грозный: Серло, 1929. 24 с.
19. Научные экспедиции Общества // Известия Научного общества Чеченской автономной области. 1929. № 1. С. 42.
20. План работ Научного общества Чеченской автономной области на 1929/30 год // Известия Научного общества Чеченской автономной области. 1929. № 1. С. 54–55.
21. Джамбулатова З.К. Культурное строительство в Советской Чечено-Ингушетии (1920–1940 годы). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. 233 с.
22. Авторханов А. К основным вопросам истории Чечни. (К десятилетию Советской Чечни). [Грозный]: Серло, 1930. 105 с.

REFERENCES

1. North Caucasian Mountain Research Institute. Revolution and the Highlander. *Revolution and the Highlander*. 1933; 10–12: 143–145. (In Russ)
2. Shmidt SO. *The paths of the historian. Selected works on source studies and historiography*. Moscow: RGGU, 1997. (In Russ)
3. Tikhonov VV. The Decolonization of the History of USSR's Peoples in Soviet Historiography (1920–1930). *Quaestio Rossica*. 2024; 12(1): 193–208. DOI 10.15826/qr.2024.1.873. (In Russ)
4. *Institute of History of the USSR Academy of Sciences in documents and materials*. Ed. by A.N. Sakharov. Moscow: IRI RAS, 2016. (In Russ)
5. Tillett L. *The Great Friendship. Soviet Historians on the Non-Russian Nationalities*. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 1969.
6. Tikhonov VV. *Historians, ideology, power in Russia of the 20th century. Essays*. Moscow: IRI RAN, 2014. (In Russ)
7. Likhmitsky N., Pokrovsky N. Against great-power chauvinism in the study of the history of the mountain national liberation movement. *Istoriik Marksist*. 1934; 2(36): 99–105. (In Russ)
8. Pokrovsky MN. *Diplomacy and wars of Tsarist Russia in the 19th century: Collection of articles*. Moscow: Krasnaya Nov', 1923. (In Russ)
9. Sharafutdinova RSh. N.I. Pokrovsky (1897–1946) and I.Yu. Krachkovsky (1883–1951). (Problems of Caucasian Arabic studies based on archival materials). *Peterburgskoe vostokovedenie*. Ed. by I.A. Alimov. Saint-Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 1997; 9: 501–515. (In Russ)
10. Chernobaev AA. *Historians of Russia at the end of the 19th – beginning of the 21st centuries. Biobibliographical dictionary*. Moscow: Sbranie, 2016. (In Russ)
11. Avtorkhanov A. *Memoirs*. [Frankfurt am Main]: Posev, 1983.
12. *Cultural construction in Checheno-Ingushetia (1920 – June 1941). Collection of documents and materials*. Comp. by V.D. Deriglazova, A.T. Morozova, M.A. Shakhov. Grozny: Checheno-Ingush Book Publishing House, 1979. (In Russ)
13. *Chechen Autonomous Region: 100th Anniversary of Chechen Statehood. Collection of documents and materials*. Comp. by A.I. Dukhaev, L.D. Inurkaeva, A.R. Orsakhanov, M.Kh. Chenchieva. Grozny: Archival Administration of the Chechen Republic, 2022. (In Russ)
14. *From Age-Old Backwardness to Socialism. Implementation of Lenin's National Policy in Checheno-Ingushetia (1917–1941). Collection of Documents and Materials*. Comp. by E.A. Varavina, V.D. Deriglazova, V.L. Novikova, T.V. Pleshanova. Grozny: Checheno-Ingush Book Publishing House, 1977. (In Russ)
15. Dolgova EA. Institute of Red Professors as a “state” project (1921–1938). *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018; 2: 39–52. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-2-39-52. (In Russ)
16. Khatuev IZ. *Abdurakhman Avtorkhanov: life, struggle, and creative heritage*. Nalchik: Pechatnyi Dvor, 2012. (In Russ)
17. Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005.
18. *Grozny Scientific Society*. Grozny: Serlo, 1929. (In Russ)
19. Scientific expeditions of the Society. *News of the Scientific Society of the Chechen Autonomous Region*. 1929; 1: 42. (In Russ)
20. Work plan of the Scientific Society of the Chechen Autonomous Region for 1929/30. *News of the Scientific Society of the Chechen Autonomous Region*. 1929; 1: 54–55.
21. Dzhambulatova ZK. *Cultural construction in Soviet Checheno-Ingushetia (1920–1940)*. Grozny: Checheno-Ingush Book Publishing House, 1974. (In Russ)

23. Авторханов А. Против кулацкой контрабанды на историческом фронте горских народностей // Революция и горец. 1932. № 4 (42). С. 113–119.
24. Хизриев Х.А. Исторические взгляды А.Г. Авторханова в ранних работах (до эмиграции) // А.Г. Авторханов – ученый, публицист, общественный деятель: Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Г. Авторханова (г. Грозный, 21–22 октября 2008 г.) / отв. ред. С.С. Магамадов. Назрань: Пилигрим, 2008. С. 274–277.
25. Акаев В.Х. Ранний Авторханов. (К становлению исторических взглядов Абдурахмана Авторханова) // Абдурахман Авторханов и политическая история Кавказа. Авторхановские чтения, 30–31 мая 1994 г. / отв. ред. В. Х. Акаев. Грозный: [б. и.], 1994. С. 3–9.
26. Авторханов А. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. Ростов-на-Дону: Северный Кавказ, 1931. 54 с.
27. Авторханов А. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории Гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Грозный: Чеченское национальное издательство, 1933. 173 с.
28. Авторханов А. Революция 1905 года в нацобластях Северного Кавказа // Известия Чечено-Ингушского научно-исследовательского института. Т. I (IV). Вып. 1. Грозный: [б. и.], 1936. С. 3–54.
29. Avtorxanov A. Joccuq istorij-yilmunaŋ-serlonaŋ baxam-ullij Noxčij oblast jüjcuq oçerk / goçdinarš M. Orcujev, M. Bektemirov. Sölžan-Ghala: Zorbu töxna noxčij tipografex, 1932. 99 с.
30. Буркин Н. [Рец.]: А. Авторханов. К основным вопросам истории Чечни. Изд. Серло, 1930 г. Стр. 105. Цена 46 к. // Революция и горец. 1931. № 3. С. 83–84.
31. Буркин Н. Антилиенинские извращения в литературе по истории Октябрьской революции и Гражданской войны у горских народов // Историк-марксист. 1934. № 2 (36). С. 89–98.
32. Тлюняев Н., Иванов А. [Рец.]: А. Авторханов. Революция и контрреволюция в Чечне. Из истории Гражданской войны в Терской области. Краткие очерки. Чеченское национальное издательство. Грозный, 1933 г., 173 стр. // Историк-марксист. 1934. № 2 (36). С. 132–135.
33. Виноградов В.Б., Лосев И.К., Саламов А.А. Чечено-Ингушетия в советской исторической науке. (Критико-библиографический обзор) / отв. ред. З.А.-Г. Гойгова // Труды [Чечено-Ингушского научно-исследовательского института при Совете Министров ЧИАССР]. Т. VIII. Вып. I. Грозный: [б. и.], 1963. 82 с.
22. Avtorkhanov A. On the main issues of the history of Chechnya. (On the 10th anniversary of Soviet Chechnya). Grozny: Serlo, 1930. (In Russ)
23. Avtorkhanov A. Against kulak smuggling on the historical front of mountain peoples. *Revolutsiya I Gorets*. 1932; 4(42): 113–119. (In Russ)
24. Khizriev KhA. Historical views of A.G. Avtorkhanov in early works (before emigration). *A.G. Avtorkhanov – scientist, publicist, public figure: Materials of the International Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of A.G. Avtorkhanov (Grozny, October 21–22, 2008)*. Ed. by S.S. Magamadov. Nazran: Piligrim, 2008: 274–277. (In Russ)
25. Akaev VKh. Early Avtorkhanov. (On the formation of the historical views of Abdurakhman Avtorkhanov). *Abdurakhman Avtorkhanov and the political history of the Caucasus. Avthorkhanov readings, May 30–31, 1994*. Ed. by V.Kh. Akaev. Grozny, 1994: 3–9. (In Russ)
26. Avtorkhanov A. *Brief historical, cultural and economic essay on Chechnya*. Rostov-on-Don: Severnyi Kavkaz, 1931. (In Russ)
27. Avtorkhanov A. *Revolution and counterrevolution in Chechnya. From the history of the Civil War in the Terek region. Brief essays*. Grozny: Chechen National Publishing House, 1933. (In Russ)
28. Avtorkhanov A. The Revolution of 1905 in the National Regions of the North Caucasus. *News of the Chechen-Ingush Research Institute*. Grozny, 1936; 4(1): 3–54. (In Russ)
29. Avtorkhanov A. Joccuq istorij-yilmunaŋ-serlonaŋ baxam-ullij Noxčij oblast jüjcuq oçerk [Brief historical, cultural and economic essay on Chechnya]. Grozny: Chechen National Publishing House, 1932 (in Chechen).
30. Burkin N. [Review]. A. Avtorkhanov. On the Basic Questions of the History of Chechnya. *Revolutsiya I Gorets*. 1931; 3: 46–105. (In Russ)
31. Burkin N. Anti-Leninist distortions in the literature on the history of the October Revolution and the Civil War among the mountain peoples. *Istoriik-Marksist*. 1934; 2(36): 89–98. (In Russ)
32. Tlyunyaev N., Ivanov A. [Review]. A. Avtorkhanov. Revolution and counterrevolution in Chechnya. From the history of the Civil War in the Terek region. Brief essays. *Istoriik-Marksist*. 1933; 2(36): 132–173. (In Russ)
33. Vinogradov VB., Losev IK., Salamov AA. *Checheno-Ingushetia in Soviet historical science (Critical-bibliographic review)*. Ed. by Z.A.-G. Goigova. Grozny, 1963. (In Russ)

Поступила в редакцию 28.09.2024 г.
 Принята в печать 18.11.2024 г.
 Опубликовано 15.09.2025 г.

Received 28.09.2024
 Accepted 18.11.2024
 Published 15.09.2025

АРХЕОЛОГИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213502-521>

Исследовательская статья

Атаев Гамзат Дибирович
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
ДФИЦ РАН Россия, Махачкала,
Ataevgd@mail.ru

ОБ ИСТОРИЧЕСКОМ МЕСТЕ И ХРОНОЛОГИИ ПАМЯТНИКОВ ПОЗДНЕГО ЭТАПА КАЯКЕНТСКО-ХОРОЧОЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация: Статья посвящена изучению памятников позднего этапа каякентско-хорочоевской культуры Дагестана и Чечни. Проблемы, связанные с этнокультурной принадлежностью памятников Дагестана и Чечни и с осмыслением памятников данного периода, остаются дискуссионными. Анализируются различные взгляды по проблемам, связанным с интерпретацией материалов заключительного периода каякентско-хорочоевской культуры. Часть ученых-археологов (В.И. Каневец, В.Г. Котович, В.М. Котович, О.М. Давудов) полагали, что заключительный период каякентско-хорочоевской культуры характеризует самостоятельный период развития культуры бронзового века Дагестана и Чечни или особый период культурно-исторического развития прадагестано-нахско-го или прадагестанского этнического массива. Ряд археологов, и их большинство (Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, М.Г. Гаджиев, М.Х. Ошаев, Г.Д. Атаев, Р.Г. Магомедов, С.Б. Бурков, А.Л. Будайчиев и др.), рассматривают материалы поздних памятников каякентско-хорочоевской культуры как памятники ее позднего периода, генетически связанные с материалами более ранних периодов культуры. Они выступают против характеристики поздних памятников культуры как самостоятельного периода, который не имеет отношения к более ранним памятникам рассматриваемой культуры. Исследования новых памятников каякентско-хорочоевской культуры дали вещественный материал, позволяющий утверждать о том, что взгляды В.Г. Котовича и других не соответствуют действительному положению вещей. Это касается их точки зрения об исчезновении различных форм керамики, многих видов украшений из бронзы и об отсутствии украшений из сурьмы в материалах заключительного этапа КХК. Приведенные данные позволяют считать неправильным выделение самостоятельного талгинского этапа и вычленение из числа более ранних памятников КХК, что дает возможность считать верной точку зрения Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, М.Г. Гаджиева и др., о том, что Талгинский могильник и близкие к нему памятники неразрывно связаны с более ранними памятниками КХК. Рассматриваются вопросы периодизации и хронологии памятников.

Ключевые слова: Северо-Восточный Кавказ; Дагестан; Чечня; средний и поздний бронзовый век; каякентско-хорочоевская культура; поздний этап; могильник; гробница; каменный ящик

Для цитирования: Атаев Г.Д. Об историческом месте и хронологии памятников позднего этапа каякентско-хорочоевской культуры // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 502-521. doi.org/10.32653/CH213502-521

ARCHEOLOGY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213502-521>

Research paper

Gamzat D. Ataev,
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
Ataevgd@mail.ru

BURIAL SITES OF THE LATE KAYAKENT-KHOROCHOY CULTURE: CHRONOLOGY AND CULTURAL SIGNIFICANCE

Abstract. This article examines the burial sites of the late phase of the Kayakent-Khorochoy culture in Dagestan and Chechnya and addresses ongoing debates concerning their ethnocultural affiliation and interpretation. The study analyzes issues related to the understanding of materials from the final phase of the Kayakent-Khorochoy culture. Some archaeologists, including V.I. Kanivtsev, V.G. Kotovich, V.M. Kotovich, and O.M. Davudov, argue that the late phase represents an independent period within the Bronze Age culture of Dagestan and Chechnya or a distinct stage in the cultural and historical development of the Pradagestano-Namen ethnic massif. Conversely, the majority of scholars, such as E.I. Krupnov, V.I. Markovin, M.G. Gadzhiev, M.Kh. Oshaev, G.D. Ataev, R.G. Magomedov, S.B. Burkov, and A.L. Budaichiev, contend that the materials from the late phase sites are genetically linked to earlier phases of the Kayakent-Khorochoy culture. They reject the characterization of the late phase sites as an independent period disconnected from earlier cultural phases. Recent investigations of newly discovered Kayakent-Khorochoy culture burial sites provide evidence supporting the views of V.G. Kotovich and others, particularly regarding the disappearance of various ceramic forms, numerous types of bronze jewelry, and the absence of antimony-based jewelry in the materials from the final phase. These findings challenge the designation of an independent Talginsky stage, suggesting instead that the Talginsky burial ground and related burial sites are integrally connected to earlier Kayakent-Khorochoy culture sites. The article also discusses issues of periodization and chronology of these burial sites.

Keywords: North-East Caucasus; Dagestan; Chechnya; Middle and Late Bronze Age; Kayakent-Khorochoy culture; late phase; burial ground; tomb; stone cist

For citation: Ataev G.D. Burial Sites of the Late Kayakent-Khorochoy Culture: Chronology and Cultural Significance. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 502-521. doi.org/10.32653/CH213502-521

На территории Дагестана и Восточной Чечни исследовано значительное число памятников среднего и позднего бронзового века, характеризующих самобытные культуры Северо-Восточного Кавказа. Ряд проблем, связанных с их изучением, остаются дискуссионными. В частности, вопросы этнокультурного осмысления памятников Дагестана и Чечни, а также интерпретация материалов из памятников заключительного периода каякентско-хорочоевской культуры.

У исследователей бронзового века отсутствуют единые подходы и точки зрения по проблемам, связанным с характеристикой и осмыслением материалов заключительного периода каякентско-хорочоевской культуры, определением их исторического места и хронологии. Часть археологов, занимавшихся бронзовым веком Дагестана и Чечни (В.И. Канивец, В.Г. Котович, В.М. Котович, О.М. Давудов), полагали, что заключительный период каякентско-хорочоевской культуры характеризуется самостоятельным периодом развития культуры бронзового века Дагестана и Чечни, или особый период культурно-исторического развития прадагестано-нахского или прадагестанского этнического массива. Ряд археологов, и они в большинстве (Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, М.Г. Гаджиев, М.Х. Ошаев, Г.Д. Атаев, Р.Г. Магомедов, С.Б. Бурков, А.Л. Будаичев и др.), рассматривают материалы поздних памятников каякентско-хорочоевской культуры как памятники ее позднего периода, генетически связанные с материалами более ранних периодов культуры. Они выступают против характеристики поздних памятников культуры как самостоятельного периода, который не имеет отношения к более ранним памятникам данной культуры.

Исследования новых памятников каякентско-хорочоевской культуры дали вещественный материал, позволяющий утверждать о том, что взгляды В.Г. Котовича и других не соответствуют действительному положению вещей, что ряд их заключений неверен. Это касается как мнения об исчезновении различных форм керамики и многих видов украшений из бронзы, так и суждения о полном отсутствии различных видов украшений из сурьмы в материалах заключительного этапа КХК. Приведенные данные позволяют считать неправильным выделение самостоятельного талгинского этапа и вычленения его из числа более ранних памятников КХК. Последнее дает возможность считать более верной точку зрения Е.И. Крупнова, В.И. Марковина, М.Г. Гаджиева и др. о том, что Талгинский могильник и близкие к нему памятники неразрывно связаны с более ранними памятниками КХК. В статье также рассматриваются вопросы периодизации и хронологии памятников.

Монографическому исследованию каякентско-хорочоевской культуры посвящены труды В.И. Марковина и В.Г. Котовича. Они обосновали ее преемственную связь на основе изучения погребального инвентаря и выявили большую близость к культуре начального периода среднего бронзового века Дагестана и Чечни и КХК [1, с. 56–59; 2, с. 51–52].

КХК по элементам материальной культуры генетически связывается с культурой предшествующего гинчинско-гатынкалинского этапа, и это привело В.Г. Котовича к осмыслению ее как культуры среднего бронзового века. Он датировал КХК концом эпохи средней бронзы или XV–XIV вв. до н.э., а памятники талгинского типа – ранним периодом позднего бронзового века или XIV–XIII вв. до н.э., и его считал отдельным самостоятельным этапом (не входящим в КХК) в культурно-историческом развитии местного этнического массива [1, с. 69]. Признавая в целом тезис об удревнении культуры правильным, представляется, что необходимо более конкретно и подробнее представить поэтапную хронологию памятников КХК. Как и во всякой культуре, памятники указанной культуры должны подразделяться на ранние и поздние, чего нет в отмеченной работе В.Г. Котовича. С другой стороны, представляется неправомерным рассмотрение КХК не в качестве отдельной культуры бронзового века, а как «этапа в развитии местного этнического массива» [1, с. 68]. На наш взгляд, такой подход к КХК следует признать неправильным. Своё несогласие с датировками В.Г. Котовича высказал С.Н. Корневский, который на основе изучения данных спектрального анализа металлических изделий Гинчинского могильника выделил ранние и поздние комплексы [3, с. 37–45; 4, с. 5–15]. Раннюю фазу С.Н. Корневский относит к эпохе средней бронзы (первая пол. II тыс. до н.э.), а позднюю – к переходному периоду от средней бронзы к поздней (третья четверть II тыс. до н.э.) [4, с. 8–15]. Он также категорически против отнесения КХК к эпохе средней бронзы, потому что «молодую фазу могильника Гинчи, откуда ... происходят булавки» с полукруглой головкой и солярной орнаментацией, которые В.Г. Котович приводил как аналогии фрагментам таких же украшений КХК, правильнее относить к переходному периоду от средней бронзы к поздней [4, с. 14]. Правда, переходный период С.Н. Корневский датирует третьей четвертью II тыс. до н.э. Указанные С.Н. Корневским булавки на самом деле являются подвесками,

которые обнаружены в ряде памятников Северо-Восточного Кавказа конца средней и начала эпохи поздней бронзы. Они были обнаружены в Чиркейском могильнике (погребение 3, курган 1а, группа 3) [5, с. 148–151, рис. 6,9], в Бельтинском [6, с. 179, 377, рис. 136, 388], в погребении 1 могильника Талги [7, с. 126, 128, рис. 53, 6], в Маджалисе [8, с. 72, 146; 2, с. 69, рис. 27, 18; 1, с. 61, рис. 8, 103], в Тарнаире [9, с. 122, рис. 51,3; 1, с. 61, рис. 8, 102], в могильнике Каякент [8, с. 72; 2, с. 69, рис. 30, 1; 1, с. 61, рис. 8, 104], могильнике Тахиркала [10, с. 58. Табл. V, 12], Янгикентском могильнике [11, с. 152, 159, рис 3, 24–25], а также в подкурганном склепе № 7 Ирганайского могильника I [5, с. 148–151, рис. 6, 9].

Две золотые подвески, аналогичные вышеуказанным, происходят из могильника Кафыр-Кумух, одна бронзовая – из Кадара. Раньше их считали булавками [2, с. 69; 12, с. 139–144; 1, с. 61]. Но выявление целых находок таких подвесок свидетельствует о правоте А.П. Круглова, который интерпретировал их как секировидные подвески [8, с. 72].

Как видно, С.Н. Кореневский против отнесения КХК к эпохе средней бронзы и даты XV–XIV вв. до н.э., предложенной В.Г. Котовичем. Совершенно правомерным представляется выделение переходного периода от средней бронзы к поздней, однако омоложения им дат КХК представляется нам ошибочным.

О.М. Давудов полностью поддержал точку зрения В.Г. Котовича и в своих работах [13, с. 55–61; 14, с. 48–52; 15, с. 94–95] считал памятники «талгинского» типа самостоятельным периодом развития культуры бронзового века, не связанного с КХК. Другой точки зрения придерживался М.Г. Гаджиев, характеризовавший памятники «талгинского» типа как относящиеся к заключительному периоду КХК.

В.И. Марковин не поддержал мнение В.Г. Котовича о нарушении на «талгинском» этапе преемственности в развитии керамики. Он писал: «Мы бы продлили эту «линию» и к более позднему времени, так как «разрыв», не столь уж сильно ощутим. Но в данном случае важен сам факт преемственной связи с более древним периодом... Представляется, что данный этап неотделим от предшествующего времени. В недрах его происходит затухание ярких черт культуры. Крупнолопастные подвески исчезают, огрубляются волюты булавок, обмазка на керамике приобретает декоративный характер» [16, с. 351–352]. В.И. Марковин, как видим, против того, чтобы памятники талгинского типа рассматривались не как поздний этап в развитии КХК, которые В.Г. Котович считал отдельным самостоятельным этапом в развитии местного этнического массива. Но, с другой стороны, он также ошибочно полагал, что в это время почти исчезают крупнолопастные подвески и был неправ, когда отмечал, что огрубляются волюты булавок. Как выяснилось в ходе дальнейших исследований, это были секировидные подвески, а не булавки.

Выводы В.Г. Котовича не находят подтверждение в выявленных за последние 50 лет материалах археологических раскопок. В могильнике Тахиркала найдено три целых и три сосуда в обломках керамики 1-го типа и пять 2-го типа (рис. 2, 11, 14, 15) [10, с. 53–54, табл. IV, 1,2,4]. В ящике у с. Нижний Дженгутай найдено четыре сосуда 1-го типа и одна плошка-миска (7-го типа по В.И. Марковину) (рис. 3, 1–5) [13, с. 55, рис. 5, 1–5]. В ящике из Янгикента выявлено четыре сосуда 1-го типа и одна плошка-миска (7-го типа по В.И. Марковину) (рис. 4, 27–31) [11, с. 149, рис. 2, 1–4]. В ящике могильника Канабур-ауз встречена керамика 1-го типа в пяти экземплярах (рис. 5, 30–34) [17, с. 84, рис. 6, 1–5].

В.Г. Котович указывал, что баночные сосуды на позднем этапе КХК являлись руководящим типом керамики. В памятниках позднего периода КХК найденный инвентарь не подтверждает его выводы. В Янгикентском ящике баночные сосуды отсутствовали. В ящике из Нижнего Дженгутая открыто четыре сосуда 1-го типа и одна плошка. В могильнике Тахиркала выявлено шесть сосудов 1-го типа, семь 2-го и пять баночных. В каменном ящике могильника Канабур-ауз обнаружено пять сосудов 1-го типа [17, с. 84, рис. 6, 1–5]. Сосуды баночного типа не найдены. Следует указать, что сосуды 1-го типа ранее были найдены в могильниках Талги (1 экземпляр) и Кабартыкутан (1 экземпляр) [7, с. 130, рис. 54, 2; 18, с. 161, рис. 3,4].

Отметим, что выводы В.Г. Котовича о керамике поздних памятников КХК нельзя признать правильными, так они не соответствуют действительному положению вещей.

Все это относится также и к выводам В.Г. Котовича об изделиях из металла, в частности из бронзы, о нарушении их развития, среди которых указывались пластинчатые подвески, наконечники украшений и др. Пластинчатые височные подвески открыты в могильниках Тахиркала (8 экз.) (рис. 2, 8) [10, с. 58, табл. V, 4], Нижний Дженгутай (3 экз.) (рис. 3, 1, 2) [13, с. 55, рис. 6, 1, 2], Янгикент (4 экз.) (рис. 4, 16–18) [11, с. 151, рис. 3, 16–18], Канабур-ауз (1 экз.) (рис. 5, 17) [17, с. 84, рис. 7, 23], Ачису III (1 экз.) (рис. 6, 3)

[19, с. 52, 53, рис. 6,3] и в других. Не прав был В.Г. Котович, указывая на исчезновение полусферических и конусовидных колпачков [1, с. 62], которые выявлены в могильниках Тахиркала (1 экз.) (рис. 2, 9) [10, с. 58, табл. V, 11], Янгикент (6 экз.) (рис. 4, 2–7) [11, с. 151, рис. 3, 2–7], Канабур-ауз (2 экз.) (рис. 5, 15, 16) [17, с. 84, рис. 7, 22] и в других памятниках.

Также противоречит фактическим данным точка зрения В.Г. Котовича об исчезновении наконечников из бронзы, являвшихся украшениями, как головного убора, так и нагрудными украшениями. Об этом свидетельствуют находки подобных украшений, выявленных в Дагестане в последнее время. Они найдены в могильниках Янгикент (6 экземпляров) (рис. 4, 9–14) [11, с. 151, рис. 3, 9–14], Канабур-ауз (1 обломок бронзовой трубочки, 11 целых и 30 крупных и мелких фрагментов прямоугольных гофрированных двойных пластин с отверстиями для тесьмы) (рис. 5, 2 А, 2 Б) [17, с. 84, рис. 7, 24, 8, В].

Рассматривая различные виды украшений одежды из памятников талгинского типа, В.Г. Котович подчеркивал полное исчезновение разнообразных сурьмяных украшений одежды [1, с. 87]. С таким заключением также невозможно согласиться, так как разнообразные украшения одежды из сурьмы обнаружены в двух памятниках. Об этом красноречиво свидетельствуют находки сурьмяных украшений в могильнике Тахиркала, где они выявлены в большом разнообразии – удлинённо-цилиндрические бусы (26 экземпляров), мелкие округленные плоские бусы (4 экземпляра), две двувальные бляшки (2 экземпляра), квадратная массивная пряжка (1 экз.) (рис. 2, 5, 10) [10, с. 58, табл. V, 1, 6].

Как видно заключения В.Г. Котовича об исчезновении сосудов 1-го и 2-го типов, различных украшений из бронзы и сурьмы в памятниках талгинского типа противоречат фактическому положению вещей, что свидетельствует о неправильности его мнения о самостоятельном талгинском этапе, не входящем в КХК. В этом вопросе правы те исследователи, кто рассматривает памятники талгинского типа как отражающие поздний этап развития КХК.

Рассмотрим вопросы, связанные с хронологией памятников талгинского типа. В.И. Марковин в монографии 1969 г. датировал памятники КХК от 1300 гг. до н.э. и до 800 гг. до н.э. Им были выделены три периода в развитии культуры: 1 – 1300–1100 гг. до н.э.; 2 – 1100–900 гг. до н.э.; 3 – позже 900 гг. до н.э. – близкие скифскому времени [2, с. 79–85]. Памятники периода расцвета КХК (классические) В.И. Марковин датировал XI–IX вв. до н.э.

В.Г. Котович в монографии 1982 г. памятники КХК (так называемые «классические» памятники – Каякентский, Берикейский, Маджалисский, Таркинский и другие могильники в Дагестане, Хорочоевский, Белгатовский, Даргоевский, Ишхойюртовский и другие могильники в Чечне) датировал XV–XIV вв. до н.э. и относил к концу эпохи средней бронзы [1, с. 116–117]. Памятники же талгинского типа представляют собой, по мнению В.Г. Котовича, последующий – талгинский – этап в развитии местного этнического массива, в связи с чем они были отнесены им к эпохе поздней бронзы (ПБ-1) и датировались XIV–XIII вв. до н.э. [1, с. 93, 116–117]. Он допускал в будущем удревнение его нижней (булавка в Маджалисе и ранняя радиоуглеродная дата – 1740 ± 60 гг. до н.э. – кафыркумукской гробницы), и верхней (в связи удревнением культур поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа) даты [1, с. 70].

Вначале его поддержали некоторые дагестанские коллеги (М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, В.М. Котович). Большинство же ученых, занимающихся проблемами эпохи средней и поздней бронзы и раннего железа Северного Кавказа, были не согласны с ним, В.И. Марковин, В.Б. Виноградов, В.И. Козенкова настаивали на отнесение КХК к эпохе поздней бронзы, датируя ее концом II тыс. до н.э. и даже началом I тыс. до н.э. Несколько позже у вышеуказанных исследователей несколько изменились взгляды в сторону удревнения хронологии КХК.

В работе 1994 г. В.И. Марковиным была предложена новая хронология и трехэтапная периодизация КХК. 1-й – от 1600 до конца 1500 г. до н.э., когда «появляются отличительные, этнодифференцирующие черты культуры; 2-й – от конца 1500 г. до 1250 г. до н.э., «время расцвета всех характерных черт культуры»; 3-й – от 1250 и почти до 1000 г. до н.э. – талгинский и зандакский этапы, «время заката культуры» [16, с. 351–352]. Последний поздний этап, по мнению В.И. Марковина, неразрывно связан с ранними этапами [16, с. 351–352]. Как видно, эта схема под влиянием разработок В.Г. Котовича, является новым положительным шагом в вопросах хронологии и может служить подспорьем для дальнейших работ в этой области. Однако следует заметить, что здесь представлены очень длинные хронологические периоды. С другой стороны, вряд ли оправданно говорить о КХК как таковой, на так называемом «зандак-

ском этапе. Но, тем не менее, важен сам по себе факт признания В.И. Марковиным хронологической схемы В.Г. Котовича и его тенденции к удревнению КХК.

В целом, можно согласиться с В.И. Марковиным, что талгинский этап неотделим от предшествующего, но вызывает недоумение, что им приведены даты В.Г. Котовича из его ранней работы [20, с. 70–76], а другая более древняя дата – XIV–XIII вв. до н.э. (ПБ-I) в изданной позднее статье В.Г. Котовича и О.М. Давудова [21, с. 38–54] и в монографии 1982 г. не приводится [1, с. 117]. С другой стороны, В.И. Марковин прав, когда высказывается против рассмотрения памятников талгинского этапа в отрыве от «классических» памятников КХК. Он отмечал, что этап, выделенный В.Г. Котовичем, мало отличается от времени В.И. Марковина для всей КХК (с комплексами талгинского типа). «Что же касается аналогий, приводимых им для «этапных памятников», то они кажутся беглыми и не очень прочными (с одной стороны, Северный Кавказ, с другой – Передний Восток) [16, с. 336].

Здесь следует подчеркнуть, что на самом деле некоторые аналогии, приведенные В.Г. Котовичем, являются беглыми. Но во всяком случае они более обоснованы, чем те, которые приводит В.И. Марковин в двух своих работах, как в работе 1969 г. [2], так и в 1994 г. [16, с. 336], где отсутствуют какие-либо сводные и сравнительные таблицы. В этом отношении работа В.Г. Котовича является более убедительной. Приводя аналогии с Ближнего Востока, В.Г. Котович не делает это прямолинейно и механистично, как это приписывает ему В.И. Марковин, а делает это всего лишь для того, чтобы показать истоки происхождения некоторых категорий материальной культуры КХК. В своей монографии Р.Г. Магомедов несколько удревнил верхние пределы функционирования Гинчинского и Ирганайского могильников, нежели те датировки, которые предлагал в свое время М.Г. Гаджиев. Им предложены верхние даты – XIV в. до н.э. и XIV–XIII вв. до н.э. соответственно для Гинчинского и Ирганайского могильников, с чем в принципе можно согласиться [6, с. 172–173]. С другой стороны, мы не можем согласиться с его датами – 3-я четверть II тыс. до н.э. и 4-я четверть II тыс. до н.э. предложенных соответственно для переходного периода от эпохи СБ к ПБ и эпохи поздней бронзы. Хотя следует отметить, что им хорошо и довольно убедительно вслед за М.Г. Гаджиевым показана близость и преемственная связь ранних комплексов КХК и предшествующей ГК [6, с. 175–180].

Материалы из Янгикентского каменного ящика М.С. Гаджиев и А.А. Кудрявцев датировали XIII–XI вв. или XIII–XII вв. до н.э. [11, с.153]. Авторы отмечали, что найденный «кинжал является надежной основой (относительно современного уровня знаний) для определения даты данного комплекса, близких ему «классических» памятников КХК и для последующей разработки хронологии памятников эпохи средней бронзы – начала раннего железа рассматриваемого региона» [11, с. 153]. Все это дало возможность им датировать «клинок и каменный ящик XIII–XI вв. до н.э., возможно уже – XIII–XII вв. до н.э., и отнести к этому времени круг «классических» каякентско-хорочоевских памятников, близких к описанному комплексу, и поддержать традиционную точку зрения на КХК, как культуру позднебронзовой эпохи Северо-Восточного Кавказа» [11, с. 154]. Приведенное мнение М.С. Гаджиева и А.А. Кудрявцева, на наш взгляд не является правильным и объективно отражающим действительное положение вещей, в данном случае, в вопросах хронологии и периодизации памятников КХК. Во-первых, инвентарь каменного ящика из Янгикента неверно относить к кругу «классических» памятников КХК, так как в указанных памятниках совершенно отсутствуют бронзовые клинки кинжалов, аналогичных янгикентскому, т.е. клинки с отверстиями для крепления рукояти. Отмеченные клинки характерны для памятников позднего этапа КХК, т.е. талгинского типа, в то время как для памятников расцвета данной культуры были характерными плоскочерешковые клинки. Во-вторых, не совсем понятна датировка каменного ящика из Янгикента XIII–XI вв. до н.э. и отнесение его к кругу «классических» памятников культуры. Ведь В.И. Марковин в монографии 1969 г. датировал этим временем переходные погребения с признаками памятников начала среднего бронзового века, так и с признаками, характерными для КХК [2, с. 80–81, 85]. «Классические» памятники КХК он датировал 1100 – 900 гг. до н.э. [2, с. 81–82, 85]. Но уже в 1994 г. он датировал «классические» памятники КХК 1500–1250 гг. до н.э. [16, с. 352]. В-третьих, невозможно согласиться с заключением М.С. Гаджиева и А.А. Кудрявцева, сделанным на основании изучения всего лишь одного каменного ящика и найденного здесь кинжала, о том, что он послужит довольно надежной основой датировки памятников целой культуры. Не представляется правильным отводить длительные хронологические рамки (300 лет) для одного погребения в каменном ящике. Рассматриваемый инвентарь,

в особенности клинок кинжала и др., позволяет определить более узкую датировку комплекса от середины XIV в. и до конца XII в. до н.э.

О.М. Давудов считает КХК культурой среднего бронзового века, а комплекс из Янгикента относит к памятникам талгинского типа, т.е. к периоду поздней бронзы. О.М. Давудов и Г.Д. Хангишиев кинжал с отверстиями из Гюхракского могильника и другой инвентарь датировали XIII в., а могильник в целом – XIV–XIII вв. до н.э. Таким же временем они датировали находки из Нижнего Дженгутая [13, с. 60]. Нам представляется, что, хотя М.С. Гаджиевым и А.А. Кудрявцевым правильно подобраны некоторые аналогии из Каякентского и других памятников КХК, в целом прав О.М. Давудов, который синхронизировал янгикентский комплекс с памятниками талгинского типа [14, с. 51–52, Рис. 17].

Исходя из всего вышеизложенного и принимая во внимание разработки В.Г. Котовича, В.И. Марковина, М.Г. Гаджиева, С.Н. Корневского, В.Б. Виноградова, О.М. Давудова, Г.Д. Атаева, Р.Г. Магомедова, Ш.М. Давудова и др. для Северо-Восточного Кавказа, а также новейшие разработки В.И. Козенковой [22, с. 74–106; 23, с. 5, 6, 114; 24, с. 75–87; 25, с. 118–134], Б.В. Техова [26, с. 14–184; 27, с. 112–297], К.Н. Пицхелаури [28, с. 59–140; 29, с. 243–245], Г.К. Кавтарадзе [30, с. 135–148], А.Г. Рамишвили [31, с. 47–56], В.А. Трифонова [32, с. 44–49; 33, с. 71–82], Гаджиева М.Г., Магомедова Р.Г., Ф. Кола, Д. Стронаха [35, с. 50–51; 36, с. 47–122], С. Райнхольд, А.Б. Белинского, Б.Х. Атабиева [34, с. 405–455] и др., а также раскопки новых памятников на Северо-Восточном Кавказе и полученные по их результатам новые радиоуглеродные даты, мы можем предложить свою периодизацию поздней, II фазы эпохи средней бронзы и всей фазы поздней бронзы Северо-Восточного Кавказа: II фаза эпохи средней бронзы – (II четверть II тыс. до н.э.) I ступень (конец эпохи средней бронзы (XVII в. до н.э.); II ступень (I этап переходного периода, I половина XVI в. до н.э.) II фаза эпохи поздней бронзы (II половина XVI в. – XV в. до н.э.) I ступень (II этап переходного периода, II половина XVI в. до н.э.).

Периодизация КХК:

I – ранний период – 1700–1600 гг. до н.э., время появления отличительных этнодифференцирующих признаков;

II – средний этап – 1600–1400 гг. до н.э., время расцвета культуры;

III – поздний этап – 1400–1200 гг. до н.э. – время заката культуры; (табл. 1, 2, 3).

Мы привели хронологию и периодизацию КХХ, основываясь на традиционной датировке, но, с другой стороны, нами учитывались и имеющиеся радиоуглеродные даты, в том числе и калиброванные.

В развитии КХК намечаются три фазы: ранняя, средняя и поздняя. Генезис ее приходится на конец эпохи средней бронзы. Основное развитие происходит в переходный период и вначале эпохи поздней бронзы, в конце эпохи поздней бронзы она угасает и трансформируется в культуру финального периода эпохи поздней бронзы – в зандакскую и мутерганскую. Более наглядно это проиллюстрировано на таблицах развития инвентаря и хроноиндикаторов КХК на территории Северного, Центрального и Южного Дагестана (табл. 1, 2, 3).

Часть погребений Таркинского могильника относится к концу среднего этапа и смыкается с поздним (появляются в большом количестве баночные реповидные сосуды, возникшие под влиянием степей).

Интерес представляют работы исследователей по уточнению хронологии памятников бронзового века центральных и северо-западных областей Северного Кавказа на основе большой серии радиоуглеродных дат. Здесь, в первую очередь, следуют упомянуть работу В.А. Трифонова [32, с. 44–49; 33, с. 71–82] и, в особенности, Райнхольд С., Белинского А.Б., Атабиева Б.Х. по определению периодизации и хронологии памятников позднего бронзового века в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях, а также других исследователей [34, с. 405–455]. Первым удачную попытку сделать поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа на основе дендрохронологического датирования предпринял В.А. Трифонов. Он подчеркивал, что «важнейшим результатом дендрохронологического датирования стало подтверждение достоверности калиброванных радиоуглеродных дат, к которым в отечественной археологии сложилось преувеличенно скептическое отношение [32, с. 44]. Памятники КХК включены им в период от 2200 и до 1800 гг. до н.э. с учетом калибровки [33, с. 71–82]. Исходя из его разработок памятники позднего этапа КХК могут быть датированы в пределах 1800–1700 гг. до н.э. В.А. Трифонов отмечал, что «предложенные поправки к хронологии культур Северного Кавказа ... приемлемы только как ориентиры к определению основных хронологических рубежей и не являются датировкой культур, требующей значительно более

детального обоснования» [32, с. 48–49]. Работа В.И. Трифонова послужила толчком впоследствии к более детальным разработкам хронологии древностей Северного Кавказа.

Особый интерес имеют для нашей темы исследования С. Райнхольд, А.Б. Белинского, Б.Х. Атабиева, посвященные изучению памятников позднего бронзового века Центрального Кавказа [34, с. 405–455]. Ими разработана периодизация и хронология позднего бронзового века Кавказа, которая базируется на большой серии радиоуглеродных дат. Она будет обязательно учитываться в будущих исследованиях по определению периодизации и хронологии памятников Дагестана и Чечни не только позднего этапа КХК, но и всей хронологии культуры. Это же относится и к периоду финального этапа позднего бронзового века – (XII–X вв. по традиционной хронологии) – ПБ-II по В.Г. Котовичу и О.М. Давудову, то есть к начальному периоду бытования зандакской и мугерганской культур.

К сожалению, мы имеем всего две радиоуглеродные даты. Первая – радиоуглеродная дата для кафыркумукской гробницы – 1740 ± 60 гг. до н.э. – единственная дата, характерная для памятников переходного типа от культур раннего этапа среднего бронзового века к КХК, т.е. раннего этапа КХК, и в контексте данной статьи она не может помочь прояснить хронологию поздних памятников КХК. Для памятников КХК и, в частности, талгинского типа у нас имеется одна радиоуглеродная дата – для верхнего слоя Верхнегунибского поселения – 1250 ± 50 до н.э., которая хронологически соответствует позднему этапу КХК. Вышеприведенная дата может документировать верхний предел могильников Гинчи–Ирганай. Учитывая все вышесказанное, отметим, что пока не представляется возможным соотнести периодизацию КХК с периодизацией позднего бронзового века Кавказа предложенной С. Райнхольд, А.Б. Белинским, Б.Х. Атабиевым из-за отсутствия большой серии радиоуглеродных дат. С другой стороны, следует указать на самобытность и локальные черты культуры как позднего, так и среднего бронзового века Дагестана и Восточной Чечни, о которых писали А.П. Круглов, А.А. Иессен, Е.И. Крупнов, В.И. Марковин, В.Г. Котович и др. В раннем и среднем бронзовом веке в Дагестане и Восточной Чечне были распространены совершенно отличные культуры от тех, что бытовали в центральных и западных областях Северного Кавказа, поэтому преемственных черт в развитии культуры в местных памятниках позднего бронзового века с культурой сопредельных областей не наблюдается. Все сказанное заставляет нас в первую очередь учитывать внутренние закономерности развития местных культур, бытовавших в эпоху бронзы на территории Дагестана и Чечни.

К третьему, позднему этапу относятся памятники: могильники Талги, Мискинбулак, Кабартыкутан, Тахиркала, Гюхрак, Нижний Дженгутай, Канабур-ауз, Янгикент, Ачису III, поселение Нютюг, комплекс находок из с. Инчхе и др. К памятникам ранней ступени следует отнести: Талги, Кабартыкутан, Нижний Дженгутай. К поздней ступени относятся: Гюхрак, Тахиркала, Янгикент, Ачису III, Нютюг, находки из с. Инчхе и др., когда появляются кинжалы с отверстиями для рукояти, массивные браслеты, низкие сосуды-банки с обмазкой и др. Итак, начальный период бытования КХК приходится на конец эпохи средней бронзы, а основное развитие относится к переходному периоду от СБ и ПБ и к ПБ.

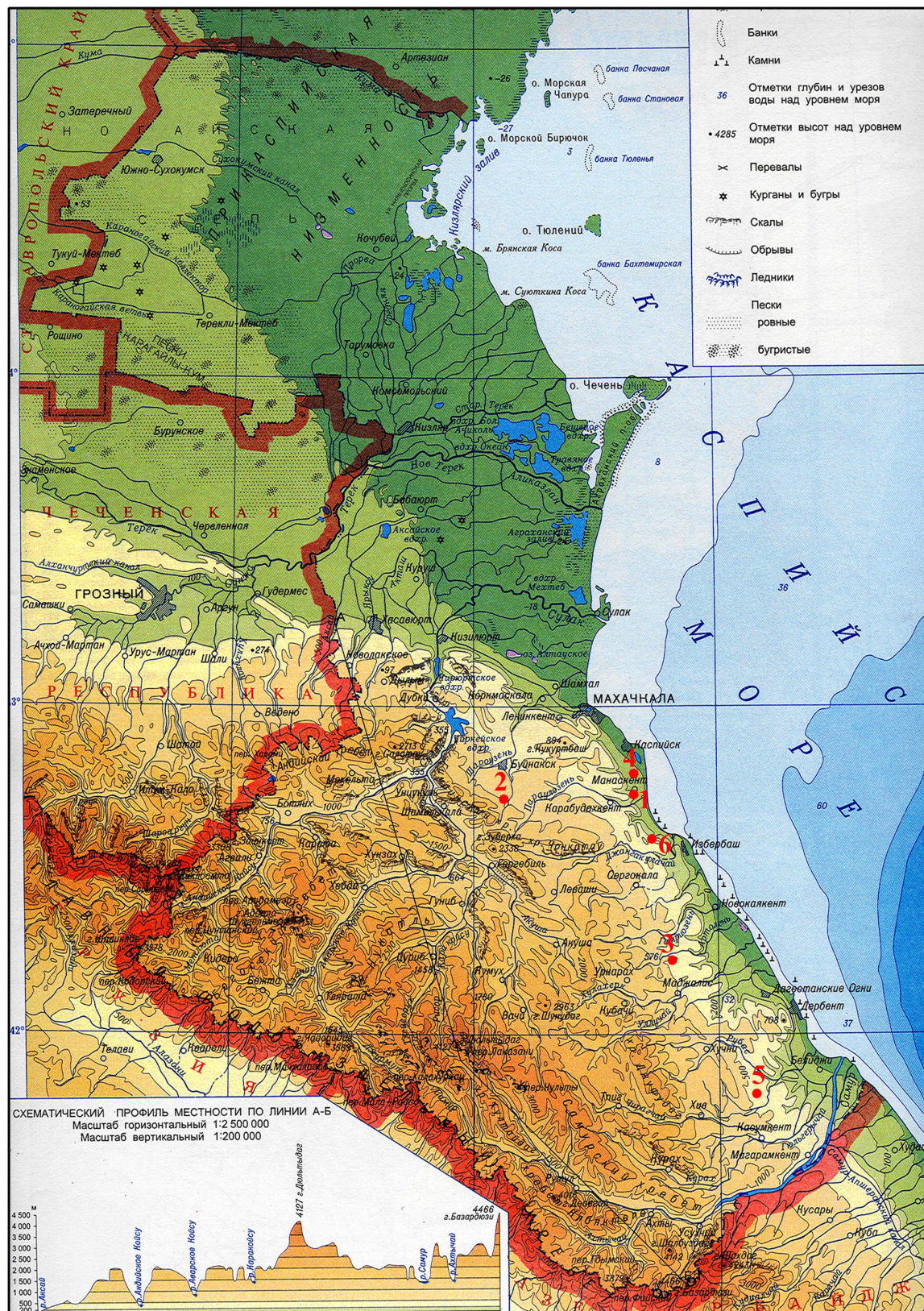

Рис. 1. Карта Дагестана с указанием археологических памятников эпохи поздней бронзы.

1 - могильник Тахир-кала; 2 - могильник Нижний Дженгутай;
3 - могильник Янгикент; 4 - могильник Канабур-Ауз; 5 - могильник Гюхрак; 6 - могильник Ачису III.

Fig. 1. Map of Dagestan indicating archaeological burial sites of the Late Bronze Age.

1 - Tahir-Kala burial site; 2 - Nizhny Dzhengutay burial site;
3 - Yangikent burial site; 4 - Kanabur-Auz burial site; 5 - Gyukhrak burial site; 6 - Achisu III burial site

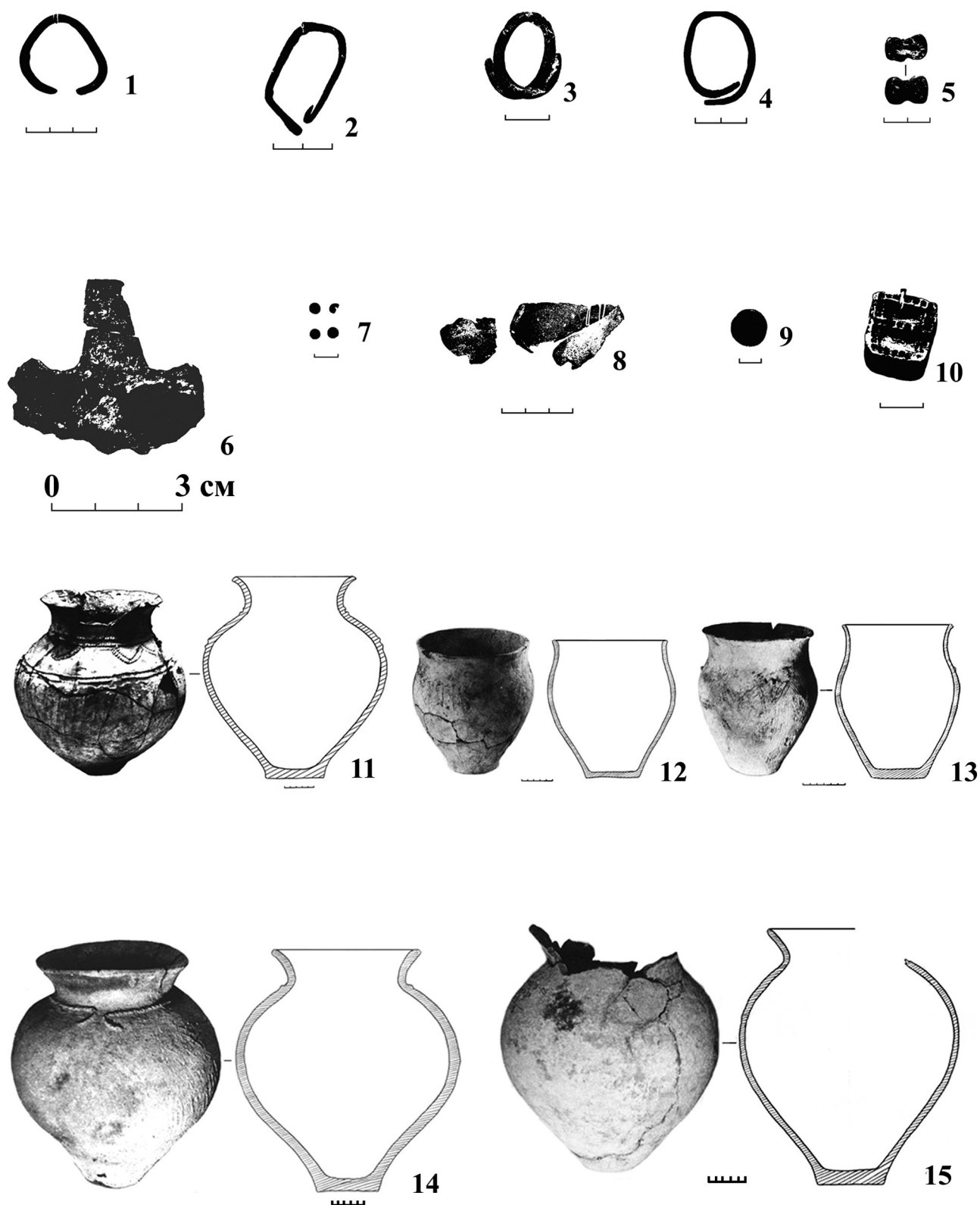

Рис. 2. Тахиркалинский могильник. Инвентарь.
1-10 - украшения (1-4, 6-9 - бронза, 5, 10 - сурьма); 11-15 - керамика. (по А.Р. Магомедову)

Fig. 2. Tahir-Kala burial site. Grave goods.
1-10 – ornaments (1-4, 6-9: bronze; 5, 10 – antimony); 11-15 – ceramics (After A.R. Magomedov)

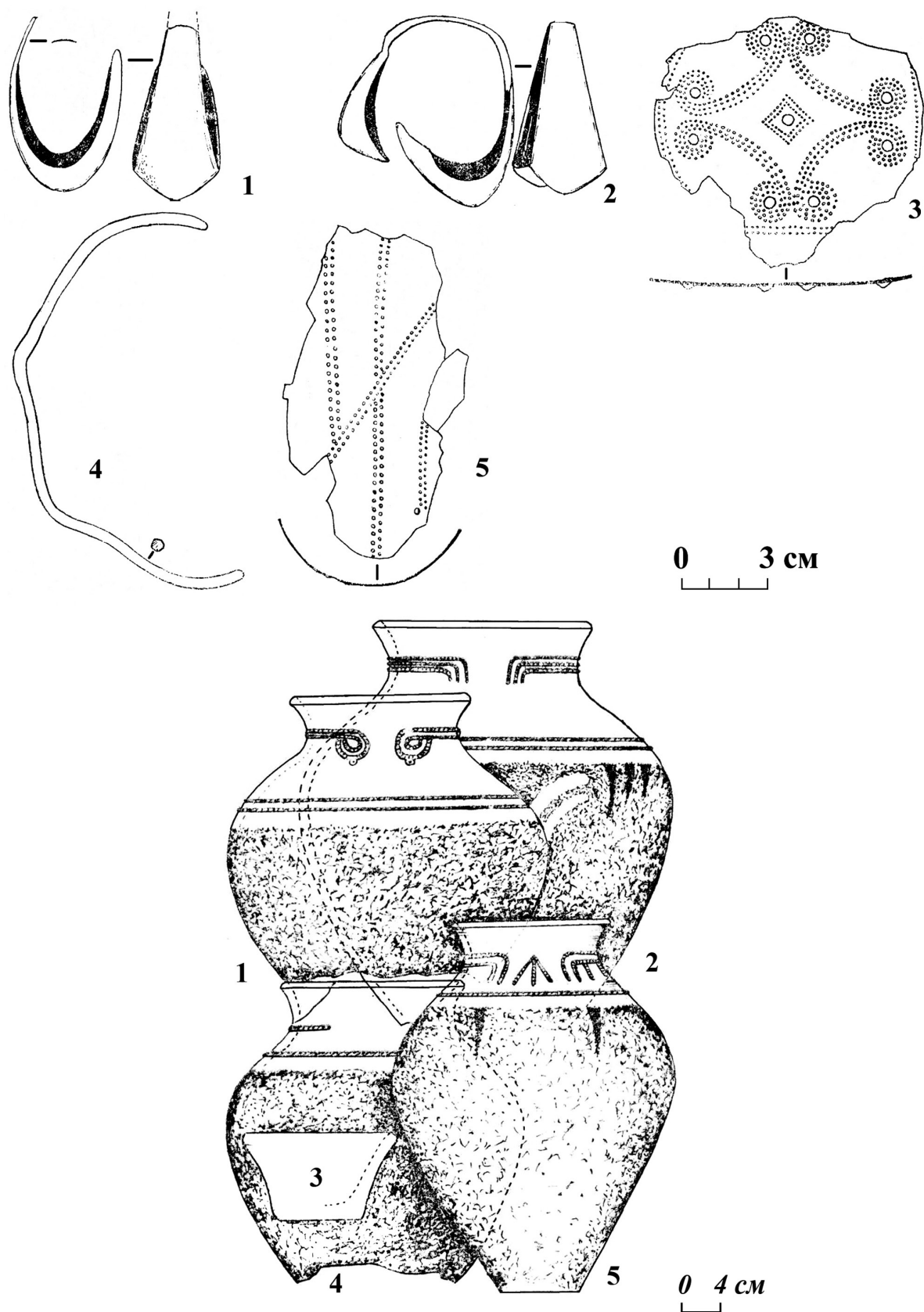

Рис. 3. Нижнедженгутаевский могильник. Инвентарь.
1-5 - украшения из бронзы; 6-10 - керамика. (по О.М. Давудову и Г.Д. Хангишиеву)

Fig. 3. Nizhny Dzhengutay burial site. Grave goods.
1-5 – bronze ornaments; 6-10 – ceramics (After O.M. Davudov and G.D. Khangishiev)

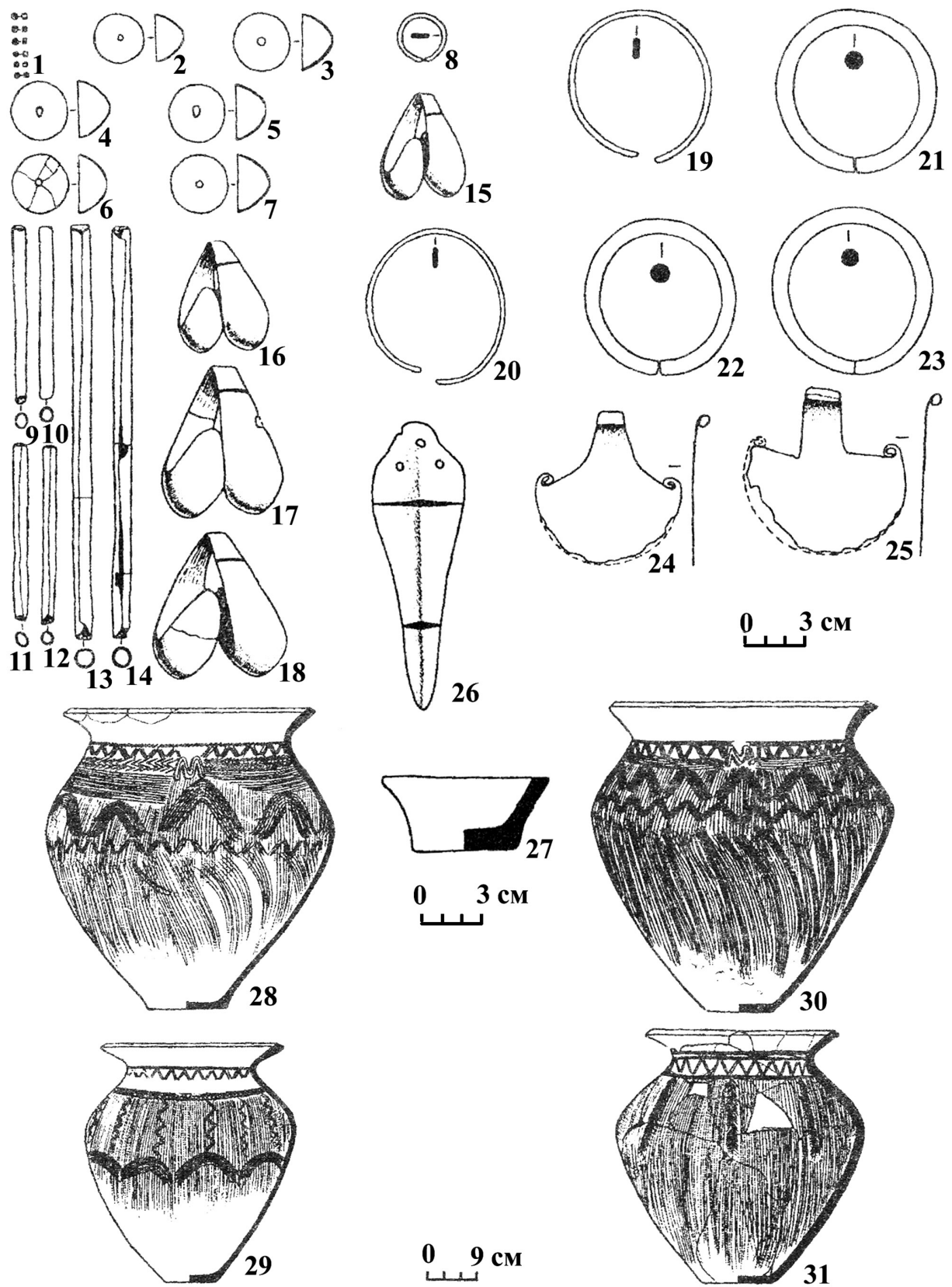

Рис. 4. Могильник Янгикент. Инвентарь из захоронения.
1 - паста; 2-26 - бронза; 27-31 - керамика. (по М.С. Гаджиеву и А.А. Кудрявцеву)

Fig. 4. Yangikent burial site. Grave goods from a burial.
1 - paste; 2-26 - bronze; 27-31 - ceramics (After M.S. Gadzhiev and A.A. Kudryavtsev)

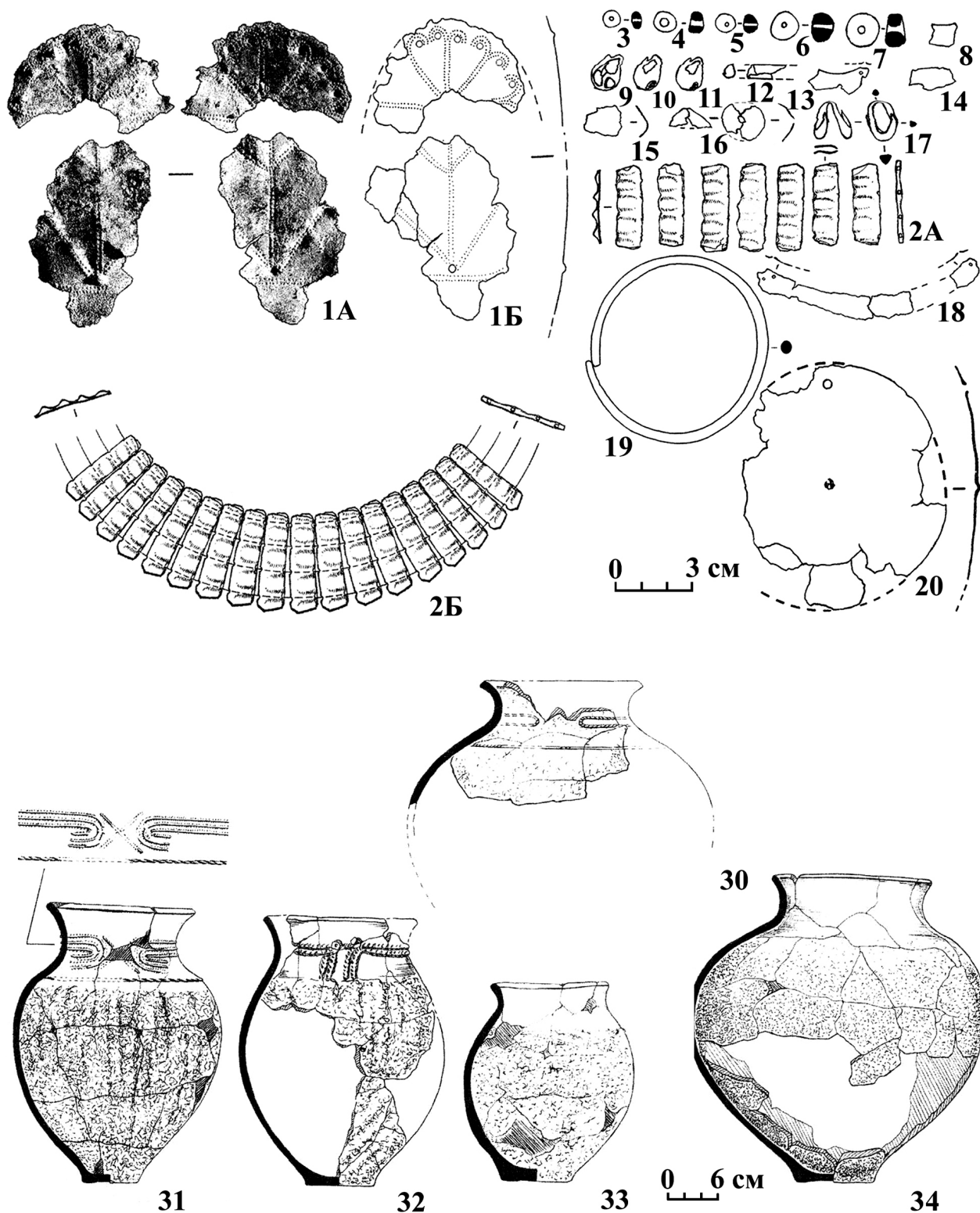

Рис. 5. Могильник Канабур-Ауз. Инвентарь погребения из нижнего уровня каменного ящика (погребения 2 и 3). 1-29 - инвентарь погребения 2 (украшения и предметы вооружения из бронзы); 30-34 - керамика из погребений 2 и 3. (по М.А. Бакушеву, М.С. Гаджиеву и Ш.О. Давудову)

Fig. 5. Kanabur-Auz burial site. Grave goods from the lower level of stone cists (Burials 2 and 3). 1-29 – grave goods from Burial 2 (bronze ornaments and weapons); 30-34 – ceramics from Burials 2 and 3 (After M.A. Bakushev, M.S. Gadzhiev, and Sh.O. Davudov)

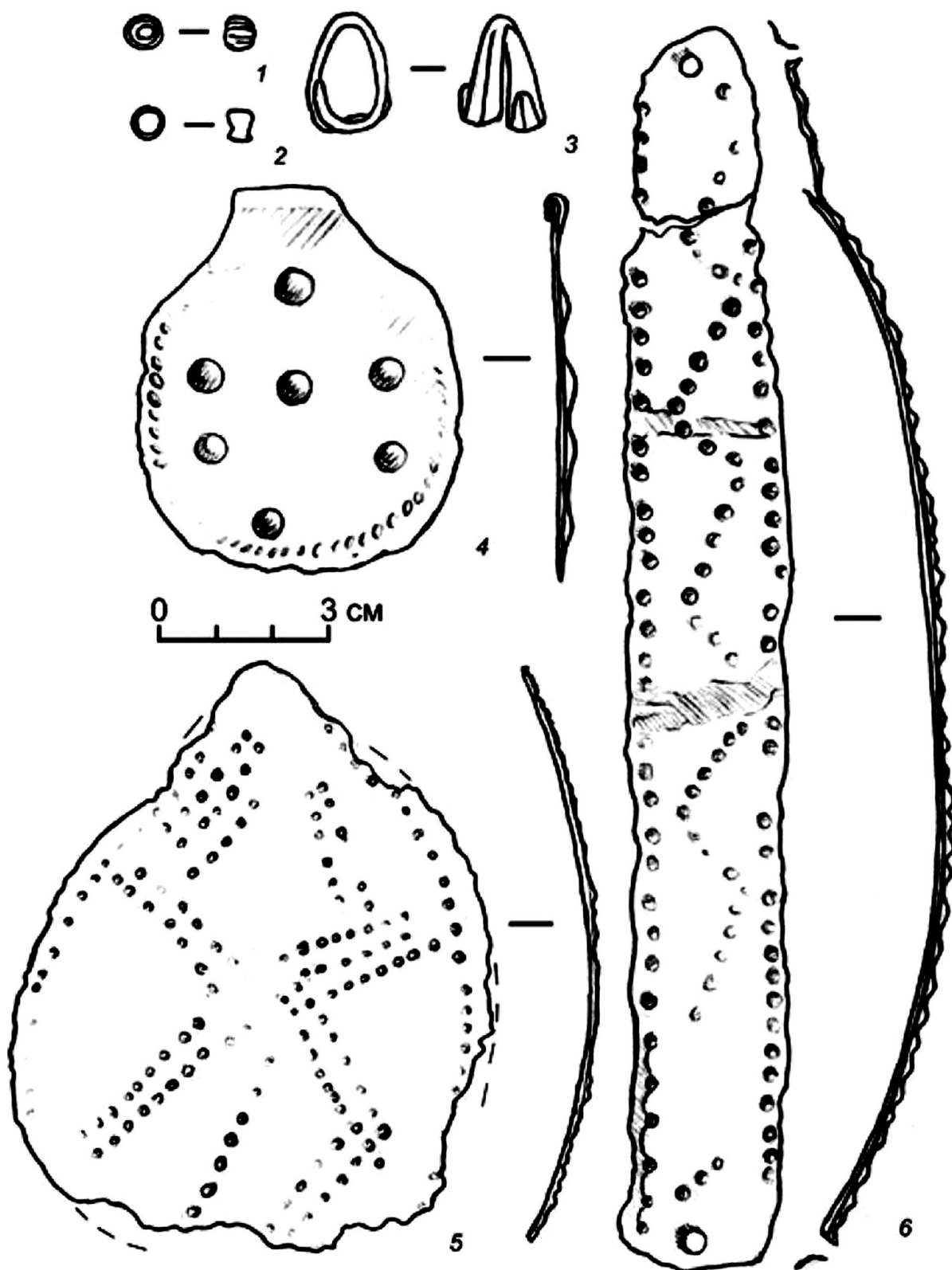

Рис. 6. Могильник Ачису III. Находки из каменного ящика 2.
1 – паста; 2–6 – бронза (по Р.Г. Магомедову, М.С. Гаджиеву, Ш.О. Давудову, В.А. Саидову, А.Л. Будаичиеву)

Fig. 6. Achisu III burial site. Finds from Stone Cist 2.
1 – paste; 2–6 – bronze (After R.G. Magomedov, M.S. Gadzhiev, Sh.O. Davudov, V.A. Saidov, and A.L. Budaichiev)

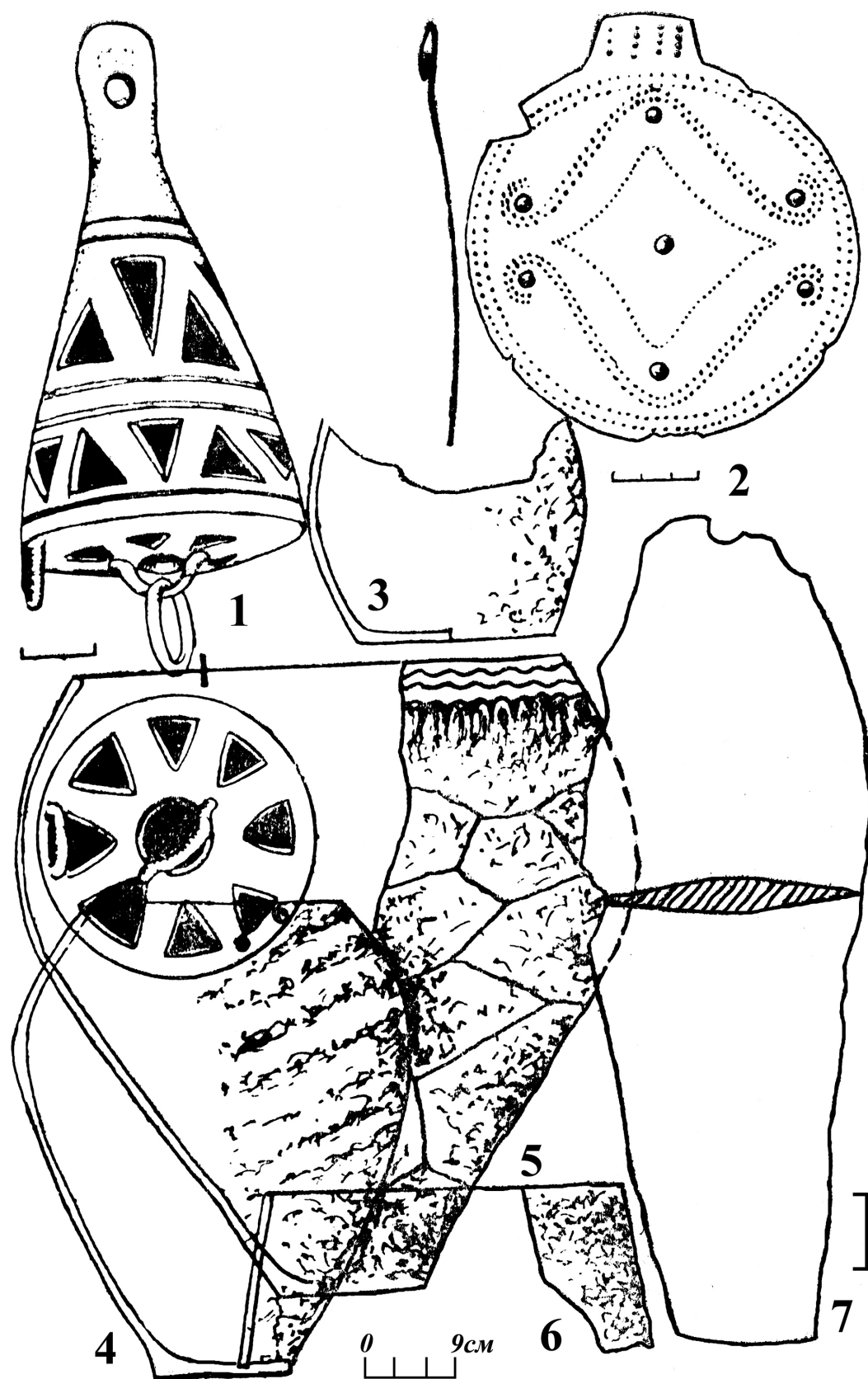

Рис. 7. Гюхракский могильник. Инвентарь. 1 – колокольчик;
2 – бляха; 3-6 – сосуды; 7 – кинжал

Fig. 7. Gyukhrak Burial Site. Grave Goods. 1 – bell; 2 – plaque; 3-6 – pottery; 7 – dagger

Таблица 1. Сводная таблица инвентаря памятников каякентско-хорочоевской культуры Северного Дагестана
 Table 1. Summary Table of Grave Goods from Kayakent-Khorochoy Culture Burial Sites in Northern Dagestan

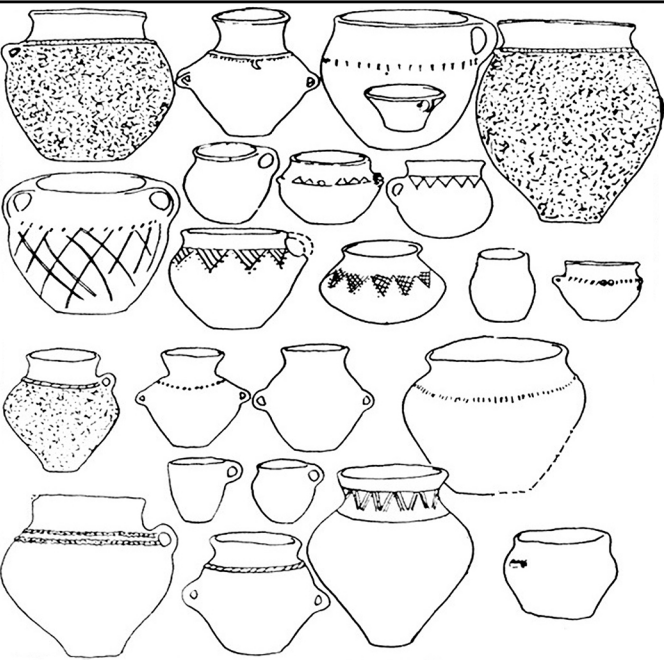
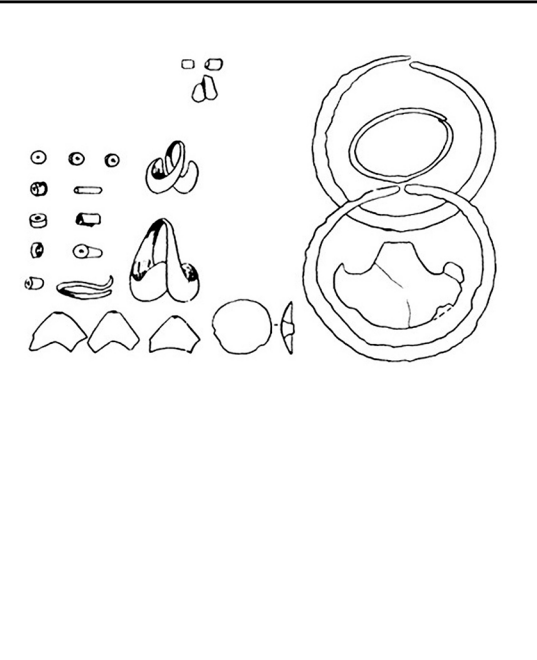
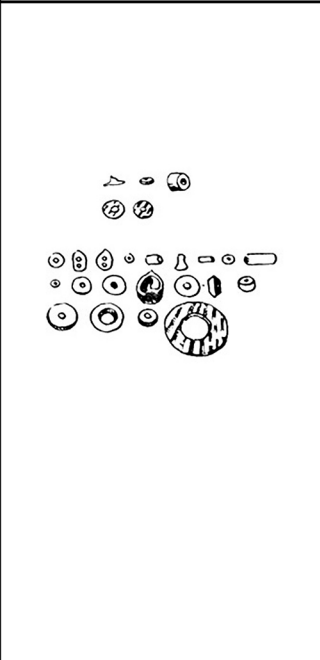
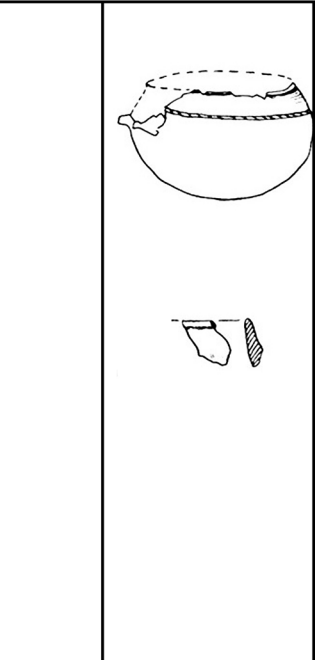
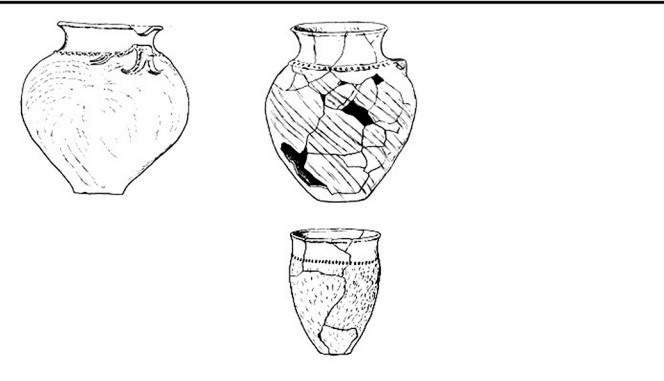
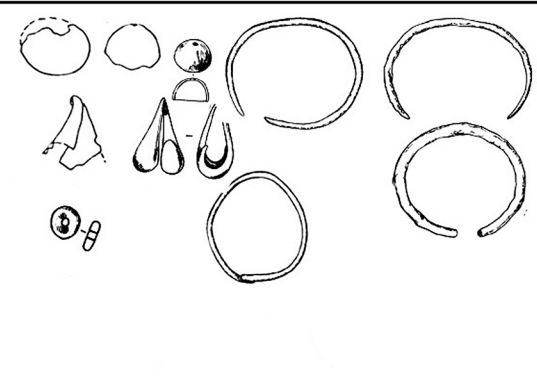

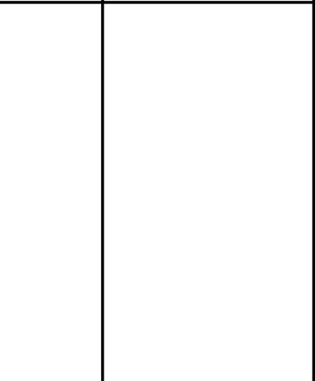
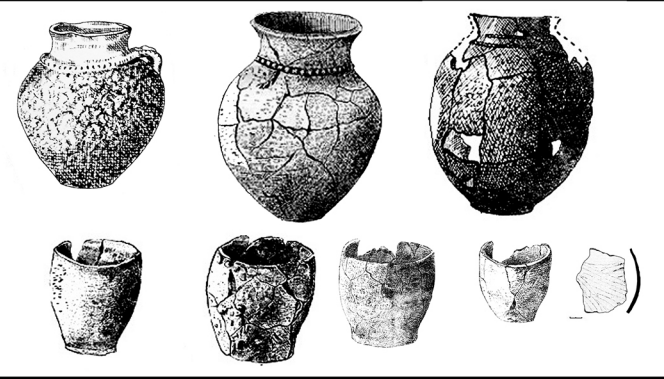
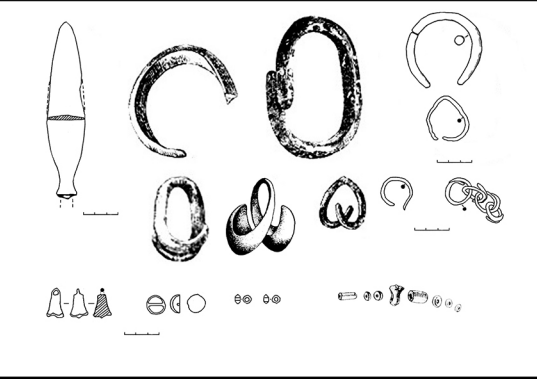
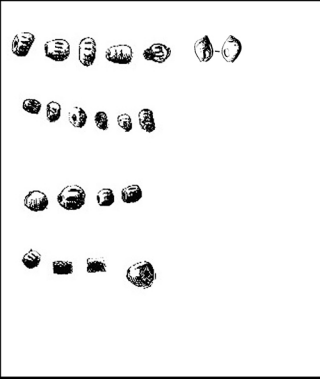
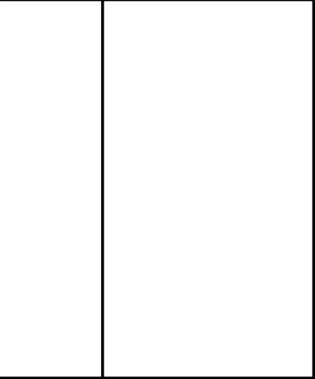
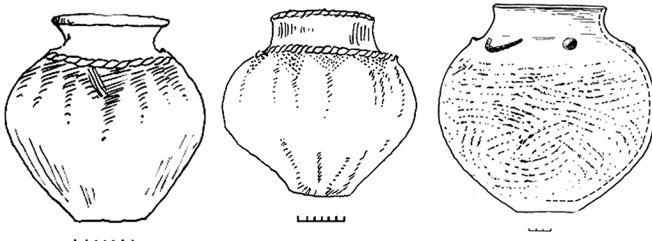

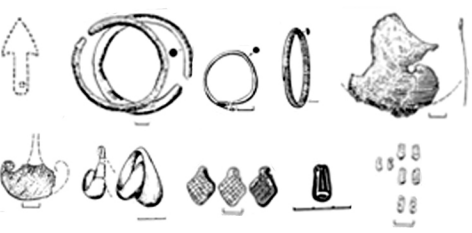

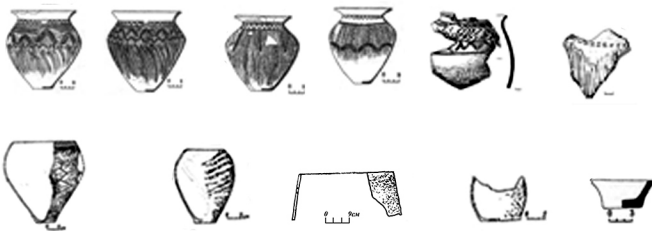
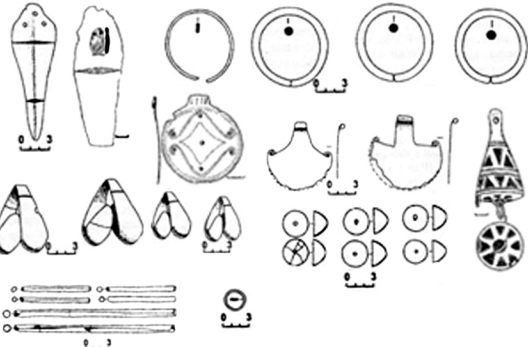

Памятники раннего этапа				
Среднего этапа				
Позднего этапа				

Таблица 2. Сводная таблица инвентаря памятников каякентско-хорочоевской культуры Центрального Дагестана
 Table 2. Summary Table of Grave Goods from Kayakent-Khorochoy Culture Burial Sites in Central Dagestan

Памятники раннего этапа					
Среднего этапа					
Позднего этапа					

Таблица 3. Сводная таблица инвентаря памятников каякентско-хорочоевской культуры Южного Дагестана

Table 3. Summary Table of Grave Goods from Kayakent-Khorochoy Culture Burial Sites in Southern Dagestan

Памятники раннего этапа	 				
Среднего этапа					
Позднего этапа					

СПИСОК ЛИТЕРАТУРА

1. Котович В.Г. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.: Наука, 1982. 237 с.
2. Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности: Каякентско-хорочоевская культура // МИА № 122. М.; Наука, 1969. 116 с.
3. Корневский С.Н. О металле могильника Гинчи эпохи средней бронзы // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. МАД. Т. 9. Махачкала, 1980. С. 37–45.
4. Корневский С.Н. О металле средней бронзы в горной зоне Северо-Восточного Кавказа // Советская археология. 1986. № 3. С. 5–15.
5. Атаев Г.Д. Чиркейские курганы бронзового века // Советская археология. № 1. 1987. С. 145–157.
6. Магомедов Р.Г. Гинчинская культура: (Горы Дагестана и Чечни в эпоху средней бронзы). Махачкала, 1998. 379 с.
7. Исаков М.И. Талгинский могильник // КСИИМК. Вып. 67. 1957. С. 126–132.
8. Круглов А.П. Северо-Восточный Кавказ во II–I тыс. до н.э. // Древние племена и народности Кавказа. МИА. № 68. М.; Л., 1958. С. 51–146.
9. Марковин В.И. Археологические находки с территории Тарнаира (Дагестан) // КСИИМК. Вып. 67. 1957. С. 117–125.
10. Магомедов А.Р. Раскопки Тахиркалинского могильника // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. МАД. Т. 9. Махачкала, 1980. С. 46–61.
11. Гаджиев М.С., Кудрявцев А.А. Новый памятник эпохи поздней бронзы Дагестана // Кавказ и Древний Восток. Сборник статей. Махачкала, 1999. С. 148–159.
12. Гаджиев М.Г. Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы: (Могильник Гинчи). Махачкала, 1969. 178 с.
13. Давудов О.М., Хангишиев Г.Д. Гюхракский могильник // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991. С. 49–61.
14. Абакаров А.И., Давудов О.М. Археологическая карта Дагестана. М.: Наука, 1993. 325 с.
15. Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана с древнейших времен до середины XV в. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН, 1996. 464 с.
16. Марковин В.И. Каякентско-хорочоевская культура // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994. С. 334–355.
17. Бакушев М.А., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О. Могильник Канабур-Ауз // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2005. № 1. С. 81–94.
18. Пикль М.И. Раскопки на Сулаке в 1955 г. // МАД. Т. 1. Махачкала, 1959. С. 157–174.
19. Магомедов Р.Г., Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., Саидов В.А., Будаичев А.Л. Археологические разведки в Приморском Дагестане в 2007 г. // Вестник Института ИАЭ. 2008. № 1. С. 51–67.
20. Котович В.Г. К определению исторического места каякентско-хорочоевской культуры // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. МАД. Т. 8. Махачкала, 1978. С. 46–76.
21. Котович В.Г., Давудов О.М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы – раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // Советская археология. № 4. 1980. С. 38–54.
22. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке: (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). Москва., 1996. 164 с.
23. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен (Орудия труда, украшения, предметы культа, посуда:

REFERENCES

1. Kotovich VG. *Problems of cultural, historical and economic development of the population of Ancient Dagestan*. Moscow: Nauka, 1982. (In Russ)
2. Markovin VI. Dagestan and Mountain Chechnya in antiquity: Kayakent-Khorochoy culture. *MIA*. 122. Moscow: Nauka, 1969. (In Russ)
3. Korenevsky SN. About the metal of the Ginchi burial ground of the Middle Bronze Age. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Makhachkala, 1980; 9: 37–45. (In Russ)
4. Korenevsky SN. About the metal of the Middle Bronze in the mountain zone of the North-East Caucasus. *Sovetskaya Arkheologiya (SA)*. 1986; 3: 5–15. (In Russ)
5. Ataev GD. Chirkey Mounds of the Bronze Age. *Sovetskaya Arkheologiya (SA)*. 1987; 1: 145–157. (In Russ)
6. Magomedov RG. *Ginchin culture: mountains of Dagestan and Chechnya in the era of Middle Bronze*. Makhachkala, 1998. (In Russ)
7. Isakov MI. Talginsky burial ground. *Brief Reports of the Institute of History and Material Culture (KSIIMK)*. 1957; 67: 126–132. (In Russ)
8. Kruglov AP. Severo-East Caucasus in II–I millennium BC. Ancient tribes and nationality of the Caucasus. *MIA*. Moscow; Leningrad, 1958; 68: 51–146. (In Russ)
9. Markovin VI. Archaeological finds from the territory of Tarnair (Dagestan). *KSIIMK*. 1957; 67: 117–125. (In Russ)
10. Magomedov AR. Excavations of the Tahirkalinsky burial ground. *Ancient and medieval archaeological monuments of Dagestan*. Makhachkala, 1980; 9: 46–61. (In Russ)
11. Gadzhiev MS., Kudryavtsev AA. A new monument of the Late Bronze Age of Dagestan. Caucasus and the Ancient East. Collection of articles. Makhachkala, 1999, pp. 148–159.
12. Gadzhiev MG. *On the history of the culture of Dagestan in the Bronze Age: Ginchin burial ground*. Makhachkala, 1969. (In Russ)
13. Davudov OM., Khangishiev GD. Gyukhrak burial ground. *Mountains and plains of the North-East Caucasus in antiquity and the Middle Ages*. Makhachkala, 1991: 49–61. (In Russ)
14. Abakarov AI., Davudov OM. *Archaeological map of Dagestan*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)
15. Gadzhiev MG., Davudov OM., Shikhsaidov AR. *The history of Dagestan from ancient times to the mid-15th century*. Makhachkala: DSC RAS, 1996. (In Russ)
16. Markovin VI. Kayakent-Khorochoy culture. *Archeology. The era of bronze of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1994: 334–355. (In Russ)
17. Bakushev MA., Gadzhiev MS., Davudov ShO. The Kanabababur-Auz burial ground. *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2005; 1: 81–94. (In Russ)
18. Pikul MI. Excavations on Sulak in 1955. *MAD*. Makhachkala, 1959; 1: 157–174. (In Russ)
19. Magomedov RG., Gadzhiev MS., Davudov ShO., Saidov VA., Budaichiev AL. Archaeological investigations in Primorsky Dagestan in 2007. *Bulletin of the IHAE*. 2008; 1: 51–67. (In Russ)
20. Kotovich VG. On the determination of the historical place of the Kayakent-Khorochoy culture. *Monuments of the era of bronze and early iron in Dagestan*. Makhachkala, 1978; 8: 46–76. (In Russ)
21. Kotovich VG., Davudov OM. On the periodization and chronology of monuments of late Bronze - Early Iron Age in the North-East Caucasus. *Sovetskaya Arkheologiya (SA)*. 1980; 4: 38–54. (In Russ)
22. Kozenkova VI. *Cultural and historical processes in the North Caucasus in the era of late Bronze – Early Iron Age: nodal problems of the origin and development of Koban culture*. Moscow, 1996. (In Russ)

систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В. 2-5. Т. 5. М., 1998. 200 с.

24. Козенкова В.И. Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник (Северный Кавказ). М.: Наука, 2001. 198 с.

25. Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могилище эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня (Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа). Вып. III. М.; «Памятники исторической мысли», 2002. 232 с.

26. Техов Б.В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.: «Наука». Гл. ред. вост. лит.-ры, 1979. 240 с.

27. Техов Б.В. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир, 2006. 639 с.

28. Пичхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тр. Кахетской археологической экспедиции. III. Тбилиси: «Мецниереба», 1979. 194 с.

29. Пичхелаури К.Н. Некоторые спорные вопросы терминологии хронологии и периодизации эпохи бронзы и железа Кавказа // Международная научная конференция. Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, «Меридиани». 2010. С. 243–245.

30. Кавтарадзе Г.К. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1983. 156 с.

31. Рамисвили А.Т. Проблемы археологии финальных стадий эпохи бронзы внутренней (Шиды) Картли. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1998.

32. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – бронзы Северного Кавказа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Санкт-Петербург, 1996. С. 44–49.

33. Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии Восточной Европы эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Материалы международной научной конференции: «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 71–82.

34. Райнхольд С., Белинский А.Б., Атабиев Б.Х. Поздний бронзовый век в горах Северного Кавказа и на окружающих территориях // Кавказ между Восточной Европой и Передним Востоком: диалог культур, культура диалога. Международная научная археологическая конференция и Гумбольдт-лекторий. Archäologie in Iran und Turan. B. 18. Berlin. 2020. С. 405–455.

35. Гаджиев М.Г., Магомедов Р.Г., Кол Ф. О радиоуглеродных датах для памятников бронзового века Дагестана // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: (XIX «Крупновские чтения») (Москва, апрель 1996 г.). ТД. М., 1996. С. 50–51.

36. Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach D., Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV) // *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2000. P. 47–122.

23. Kozenkova VI. The material basis of the life of Koban tribes (tools, jewelry, cultural objects, dishes: systematization and chronology). Western version. SAI. Moscow, 1998; 2-5(5).

24. Kozenkova VI. *The village is a shelter of Koban culture at the village of Sergeni-Yurt in Chechnya as a historical source (North Caucasus)*. Moscow: Nauka, 2001. (In Russ)

25. Kozenkova VI. *At the origins of the mountain mentality: the burial ground of the Late Bronze Age – early Iron Age at the village of Sergeni-Yurt, Chechnya (materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus)*. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2002. (In Russ)

26. Tekhov BV. *Central Caucasus in the 16th–10th centuries BC*. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 1979. (In Russ)

27. Tekhov BV. *Archeology of the southern part of Ossetia*. Vladikavkaz: IR, 2006. (In Russ)

28. Pitzhelaury KN. *Eastern Georgia at the end of the Bronze Age. Reports of Kakhet's archaeological expedition*. Tbilisi: Metzniereba, 1979. (In Russ)

29. Pitzhelaury KN. Some controversial issues of the terminology of chronology and periodization of the Bronze and Iron Ages of the Caucasus. *International Scientific Conference. Archeology, ethnology, folkloristics of the Caucasus. Collection of brief reports*. Tbilisi: Meridiani, 2010: 243–245. (In Russ)

30. Kavtaradze GK. *To the chronology of the era of the Eneolithic and bronze of Georgia*. Tbilisi: Metzniereba, 1983. (In Russ)

31. Ramishvili AT. Problems of archeology of the final stages of the Bronze Age of the Inner (Shida) Kartli (dissertation). Tbilisi, 1998. (In Russ)

32. Trifonov VA. Corrections to the absolute chronology of cultures of the Eneolithic era – Bronze Age of the North Caucasus. *Between Asia and Europe. Caucasus in the 4th – 1st millennium BC*. Saint-Petersburg, 1996: 44–49. (In Russ)

33. Trifonov VA. Corrections to the absolute chronology of Eastern Europe of the Eneolithic era – Middle Bronze Age of the Caucasus, the steppe and forest-steppe zones of Eastern Europe (according to radiocarbon dating). *Bronze Age of Eastern Europe: characteristics of cultures, chronology and periodization. Proceedings of the International Scientific Conference: "By the centenary of periodization by V.A. Gorodtsov Bronze Age Southern half of Eastern Europe"*. Samara, 2001: 71–82. (In Russ)

34. Reinhold S., Belinsky AB., Atabiev BKh. The late Bronze Age in the mountains of the North Caucasus and in the surrounding territories. *The Caucasus between Eastern Europe and the Front East: a dialogue of cultures, a culture of dialogue. International Scientific Archaeological Conference and Humboldt-Kolloquium. Archäologie in Iran und Turan*. Berlin, 2020; B. 18: 405–455.

35. Gadzhiev MG., Magomedov RG., Kohl F. On radiocarbon dates for the Bronze Age sites of Dagestan. *Actual problems of the archeology of the North Caucasus: 19th Krupnovsky Readings*. Moscow, 1996: 50–51. (In Russ)

36. Gadzhiev M., Kohl Ph., Magomedov R., Stronach D., Gadzhiev Sh. Daghestan-American Archaeological Investigations in Daghestan, Russia 1997–99. The Caspian Plain of Southern Daghestan and Earlier Work of the Daghestan-American Archaeological Expedition to Velikent (DAV). *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens*. 2000; 6: 47–122.

Поступила в редакцию 13.12.2024 г.
Принята в печать 27.03.2025 г.
Опубликована 15.09.2025 г.

Received 13.12.2024
Accepted 27.03.2025
Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213522-532>

Исследовательская статья

Абрамова Александра Николаевна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Краснодар-Москва, Россия
abramovasacha0902@gmail.com

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЧЕРКЕСЫ ПО ДАННЫМ КРАНИОМЕТРИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАННЫХ МОГИЛЬНИКОВ «ГОС. №258» И «ГОСТАГАЕВСКАЯ-1»)

Аннотация. В статье представлены результаты морфометрического анализа краниологических данных двух серий, по материальной культуре отнесенных автором раскопок к черкесскому населению конца XII–XIII вв. Выборки происходят из могильников Правобережья Кубани, получивших название «Гос. № 258» и «Гостагаевская-1». Оба могильника являются курганными и находятся в непосредственной близости друг от друга. Ранее, в ходе археологического исследования было выявлено различие в погребальном обряде этих памятников, заключающееся в использовании каменных крепид в курганных насыпях в первом могильнике. Скелетные останки из данных могильников были переданы автору исследования на палеоантропологическое исследование. Обе серии отличаются сильной фрагментированностью скелетов, в результате чего по расширенной краниометрической программе было изучено 7 мужских черепов из могильника «Гос. № 258» и 8 из «Гостагаевская-1». Цель и задачи работы заключались в краниометрической характеристике двух изученных выборок, их сравнении между собой с помощью t-критерия Стьюдента и межгрупповом сопоставлении с ранее опубликованными данными. Население, оставившее могильник «Гос. № 258», характеризуется долихокранной мозговой коробкой и узким лицом, большинство широтных размеров черепа имеют среднее значение. На втором памятнике похоронено мезокранное и узколинее население со средними значениями большинства размеров мозгового отдела. Обе серии относятся к большой евразийской расе. При сравнении обсуждаемых выборок было показано отсутствие статистически достоверных различий между ними. Межгрупповое сопоставление, выполненное с помощью канонического анализа, показало высокое сходство анализируемых серий между собой.

Ключевые слова: палеоантропология; краниометрия; средневековые черкесы; канонический анализ; Прикубанье

Для цитирования: Абрамова А.Н. Средневековые черкесы по данным краниометрии (по материалам курганных могильников «Гос.№258» и «Гостагаевская-1») // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 522-532. doi.org/10.32653/CH213522-532

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213522-532>

Research paper

Alexandra N. Abramova
Cand. Sci., Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Krasnodar-Moscow, Russia
abramovasacha0902@gmail.com

CRANIOMETRIC STUDY OF MEDIEVAL CIRCASSIANS: EVIDENCE FROM GOSUDARSTVENNIY NO. 258 AND GOSTAGAEVSKAYA-1 BURIAL GROUNDS

Abstract. This study presents the results of a morphometric analysis of craniological data from two series attributed to the Circassian population of the late 12th to 13th centuries, based on associated material culture. The samples originate from burial grounds located on the Right Bank of the Kuban River, designated as “Gosudarstvenniy No. 258” and “Gostagaevskaya-1.” Both burial grounds were excavated from mounds and are situated in close proximity to each other. However, differences in funerary practices were observed, notably the use of stone crepides in the mounds of “Gosudarstvenniy No. 258.” Both series exhibit significant skeletal fragmentation, limiting the analysis to seven male crania from “Gosudarstvenniy No. 258” and eight male crania from “Gostagaevskaya-1,” examined using an expanded craniometric program. The objectives of this study are to characterize the craniometric features of the two samples, compare them using Student’s t-test, and conduct an intergroup comparison with previously published data. The population associated with “Gosudarstvenniy No. 258” is characterized by a dolichocranic cranial vault and a narrow face, with most latitudinal cranial dimensions exhibiting average values. In contrast, the population from “Gostagaevskaya-1” is mesocranic and narrow-faced, with most cranial dimensions also showing average values. Both series are classified within the broader Eurasian racial group. Statistical analysis revealed significant similarities between the two samples. Intergroup comparison, employing canonical analysis, indicated a high degree of similarity with Adyghe series from the 13th to 15th centuries.

Keywords: paleoanthropology; craniometry; medieval Circassians; canonical analysis; Kuban region

For citation: A.N. Abramova. Craniometric study of medieval circassians: evidence from Gosudarstvenniy no. 258 and Gostagaevskaya-1 burial grounds. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 522-532. doi.org/10.32653/CH213522-532

Введение

Археологические исследования средневековых памятников Северо-Западного Кавказа проводятся уже более ста лет. При этом история региона в период, предшествующий и в самом начале золото-ордынского нашествия, все еще имеет много лакун и не всегда позволяет нам с уверенностью судить о процессах, проходивших в тот период времени. В первую очередь это можно связать с отсутствием письменных источников, оставленных черкесами – племенными образованиями, обитавшими на территории Среднего и Нижнего Закубанья и на побережье Черного моря [1, с. 32]. Основным источником наших знаний о жизни местных жителей в эпоху Средневековья является археология. На сегодняшний день изучено большое количество погребальных памятников данного периода, благодаря чему мы знаем об изменении погребального обряда у черкесов в условиях военных потрясений, связанных с распространением влияния Золотой Орды на территории Северного Кавказа, и об особенностях его формирования до нашествия монголов. За более чем 140 лет исследований изучено почти три сотни погребальных памятников, оставленных средневековыми черкесами, вышел целый ряд работ, посвященных особенностям погребального обряда этого населения. Они отражают как отдельные аспекты погребальных традиций средневековых черкесов, так и посвящены обобщающим вопросам. Их подробное описание было проведено в недавно вышедшем исследовании и здесь мы на этом вопросе останавливаться не будем [2].

В антропологическом же отношении период, непосредственно предшествующий монгольскому вторжению, и в целом черкесское население Средневековья изучены слабо. Краниометрических данных, позволяющих говорить о морфологических особенностях средневековых жителей Северо-Западного Предкавказья XIII–XIV вв. крайне мало. Впервые к вопросу морфологического изучения скелетов, полученных при раскопках ряда средневековых адыгейских памятников обратился В.П. Алексеев [3]. Он рассмотрел материалы из Белореченских курганов, а также из Карачаевских и Черкесских могильников. Эта, без сомнения, знаковая работа получила свое отражение в труде «Происхождение народов Кавказа» [4]. Однако, уже сегодня мы понимаем, что эти данные должны быть пересмотрены, так как использованные В.П. Алексеевым для анализа материалы получены из памятников, либо не имеющих отношения к предкам адыгов, либо же оставлены достаточно смешанным населением и требуют дополнительного исследования [5; 6, с. 212]. Что же касается интересующего нас периода, здесь мы можем отметить работы М.М. Герасимовой, много занимавшейся краниологической изменчивостью данного населения [7; 8; 9]. Ею были опубликованы данные по материалам могильника Казазово-1, который располагался на территории республики Адыгеи, Теучежском районе и был исследован в 1972 г. в связи со строительством Краснодарского водохранилища. Одна из групп населения, отмеченная у М.М. Герасимовой как Казазово-2, по уточненным данным имеет датировку XIII–XIV вв. [10, с. 93]. Эта серия показала высокое сходство с выборками, соотносимыми исследователями с предками адыгов. Для нее характерна мезокранная мозговая коробка, высокий и узкий нос, округлые орбиты [8, с. 288–289]. Следующая выборка, соотносящаяся с адыгским этносом, датируется несколько более поздним временем: XIV–XV вв. и была получена при раскопках могильника Кабардинка (Геленджикский район Краснодарского края) [11]. Данное население оказалось достаточно неоднородным. В целом для мужских черепов характерна мезокранная мозговая коробка и резко профилированное, узкое и средневысокое лицо, низкие орбиты и узкий нос [9, с. 109].

Исследования, выполненные Е.Ф. Батиевой, позволили вписать в круг тем еще две серии, имеющие датировку XIII–XIV вв. Это могильник Жукова (Крымский район Краснодарского края), для мужских черепов которого характерна мезодолихокранная мозговая коробка и хорошо профилированный лицевой отдел, средневысокие орбиты и среднеширокий нос [12, с. 166]. Второй памятник Аушедз (Северский район Краснодарского края) был изучен не только по краниометрической программе, но и по одонтологической. Мужское население, погребенное на данном могильнике, характеризуется мезокранной формой черепной коробки и лицом со средними значениями по абсолютным размерам, относительно узким и хорошо профилированным лицом, средневысокими орбитами и среднешироким носом [13, с. 100].

На сегодняшний день круг памятников, укладываемых в датировку XIII–XIV вв. и ассоциирующихся со средневековым черкесским населением, ограничивается перечисленными работами.

Целью данной работы является сравнительная краниологическая характеристика населения конца XII–XIII вв., захороненного на памятниках «Гос. №258» и «Гостагаевская-1». В задачи входило не только описание краниологических особенностей мужской части выборки, но и сравнение эти двух серий между собой. Еще одна задача заключалась в проведении межгруппового сопоставления краниометрических данных.

Материалы и методы

Скелетные останки, послужившие материалом для данной работы, были получены в ходе археологических работ, проведенных в 2014–2015 гг. на курганных могильниках, один из которых располагался вблизи ст. Натухаевской МО г.-г. Новороссийск и вошел в учетную документацию под названием: «гос. №258». Второй – «Гостагаевская-1» – расположен около г.-к. Анапа. Памятники находятся в 7 км друг от друга и имеют одинаковую датировку. Однако, на первом памятнике были зафиксированы подпрямоугольные каменные обкладки, ориентированные по сторонам света [14, с. 166].

После тщательной реставрации по расширенной краниометрической программе было изучено 7 мужских черепов из памятника «Гос. №258» и 8 из «Гостагаевская-1». Малочисленность женских черепов и их плохая сохранность побудили нас на данном этапе исследования исключить их из анализа.

Для изучения черепов применялась краниометрическая методика, описанная Р. Мартином в редакции В.П. Алексеева и Г.Ф. Дебеца [15; 16; 17; 18]. Также учитывались уточнения, вышедшие в последнее время [19; 20]. Для сравнения двух обсуждаемых групп был применен t-критерий Стьюдента. Так как количество наблюдений было небольшим, то все значения рассчитывались с поправкой Йейтса. Межгрупповой анализ проводился с использованием канонического анализа в программе MultiCan, разработанной Н.Н. Гончаровой и И.А. Гончаровым в 2013 г. [21].

Почти во всех случаях у черепов был разрушен лицевой отдел, который слабо поддавался реставрации. Только у одного черепа присутствовали носовые кости. Это сказалось на числе наблюдений, связанных с особенностями строения лицевого скелета, и оказалось сложно набрать достаточную численность выборки для работы с полной краниометрической программой.

Результаты и обсуждение

Курганная группа «Гос. №258». Пропорции нейрокраниума у мужчин, погребенных на этом памятнике, позволяют говорить о долихокрании (табл. 1). Широтные размеры (поперечный диаметр, ширина основания черепа, наименьшая и наибольшая ширины лба) в основном характеризуются средними размерами. Большими величинами определяются продольный диаметр, ушная высота, все дуги и хорды покровных костей черепа, верхняя высота и ширина лица. Большинство указателей, которые удалось вычислить, описываются средними величинами, кроме указателя изгиба затылка и высоко-поперечного указателя, который характеризуется большим значением, что свидетельствует о слабом изгибе затылочной кости и высокой мозговой коробке.

Нос у единственного черепа, у которого удалось измерить эти размеры, высокий и узкий, а орбиты невысокие. Горизонтальная профилировка в верхней трети черепа средняя, а на среднем уровне обсуждаемое население характеризуется значительной профилировкой, что, возможно, связано с малым числом наблюдений. Однако, оба этих угловых размера свидетельствуют о принадлежности серии к большой европеоидной расе.

Таблица 1. Морфометрическая характеристика мужских черепов из курганных групп «Гос. №258» и «Гостагаевская-1» (конец XII–XIII вв.).**Table 1. Morphometric characteristics of male skulls from the burial grounds “Gosudarstvenniy No. 258” and “Gostagaevskaya-1” (late 12th–13th centuries).**

Признак	Гос. №258			Гостагаевская-1			t-крит.
	n	X	S	n	X	S	
1. Продольный диаметр	7	187,7	2,9	6	182,5	7,8	1,30
8. Поперечный диаметр	6	141,3	3,9	6	142,8	3,2	0,84
8:1. Черепной указатель	7	74,7	2,4	6	78,4	3,4	1,91
17. Высотный диаметр	2	134,5	–	2	138,5	–	–
20. Ушная высота	7	119,0	3,5	4	118,1	–	0,22
20:1. Высотно-продольный указатель	7	63,4	1,6	4	64,8	–	1,02
20:8. Высотно-поперечный указатель	7	84,9	1,8	4	82,0	–	1,28
5. Длина основания черепа	1	103,0	–	1	101,0	–	–
9. Наименьшая ширина лба	5	96,8	4,6	8	97,9	2,4	0,43
9:8. Лобно-поперечный указатель	5	69,5	1,5	6	68,1	1,2	1,23
10. Наибольшая ширина лба	7	118,7	4,0	8	118,0	4,3	0,27
9:10. Широтный лобный указатель	5	82,7	2,0	8	83,0	2,0	0,20
11. Ширина основания черепа	7	124,4	3,8	5	121,2	–	0,83
11:8. Аурикулярно-поперечный указатель	7	88,8	1,9	5	84,9	–	1,54
10:11. Фронтально-базиллярный указатель	7	95,5	3,5	5	95,8	–	0,08
12. Ширина затылка	7	108,9	4,2	4	104,3	–	1,51
29. Лобная хорда	7	116,6	2,1	8	114,9	5,6	0,54
30. Теменная хорда	7	117,4	2,9	6	115,7	–	0,36
31. Затылочная хорда	6	101,2	5,6	5	98,2	–	0,93
26. Лобная дуга	7	133,0	2,9	7	130,7	8,8	0,48
27. Теменная дуга	7	131,6	4,7	5	132,4	–	0,45
28. Затылочная дуга	6	117,8	6,8	5	114,0	–	0,92
29:26. Указатель изгиба лба	7	87,7	1,0	7	87,7	1,3	0,02
29:1 Лобно-продольный указатель	7	62,1	1,2	6	63,1	1,7	0,23
27:26. Дуговой теменно-лобный указатель	7	99,0	4,8	5	101,8	–	0,53
30:27. Указатель изгиба темени	7	89,3	1,2	5	87,8	–	1,28
30:1. Теменно-продольный указатель	7	62,6	1,6	6	63,3	3,8	0,36
31:28. Указатель изгиба затылка	6	85,9	1,1	5	86,2	–	0,30
45. Скуловой диаметр черепа	1	126,0	–	2	134,5	–	–

48. Верхняя высота лица	2	74,0	–	3	67,7	–	–
47. Полная высота лица	0	–	–	2	117,0	–	–
43. Верхняя ширина лица	6	110,1	6,1	7	104,9	3,4	1,49
9:43. Лобно-лицевой указатель	5	87,4	6,5	7	93,0	1,9	1,55
46. Средняя ширина лица	3	91,2	–	4	93,4	–	–
51. Ширина орбиты	0	–	–	3	41,5	–	–
52. Высота орбиты	1	32,9	–	3	31,5	–	–
55. Высота носа	1	54,0	–	3	51,1	–	–
54. Ширина носа	1	22,3	–	4	23,4	–	–
52:51. Орбитальный указатель	0	–	–	3	78,9	–	–
54:55. Носовой указатель	1	41,3	–	3	42,4	–	–
МС. Максиллофронтальная ширина	3	24,0	–	6	24,1		–
77. Назо-малярный угол	7	138,9	4,3	8	141,0	3,6	0,82
Zm. Зигма-максиллярный угол	3	123,7	–	6	117,8	3,6	–
68. Длина нижней челюсти	6	109,7	5,3	5	106,4	–	0,77
65. Мыщелковая ширина	4	120,5	4,5	5	112,4	–	2,93
66. Угловая ширина	6	104,8	4,8	5	99,0	–	1,32
67. Передняя ширина	6	47,4	1,8	6	45,3	–	0,59
69. Высота симфиза	5	35,0	1,2	6	31,5	3,3	1,84
70. Высота ветви прямая	5	65,4	2,9	4	60,5	–	1,53
71а. Наименьшая ширина ветви	6	32,0	1,0	6	29,8	2,6	1,00
69(1). Высота тела	5	32,6	2,3	6	31,2	1,7	0,32
69(3). Толщина тела	6	11,8	0,9	6	11,2	1,4	0,08
69(3):69(1). Указатель массивности	4	34,8	–	6	35,8	3,9	0,54

* Примечание. Полужирным шрифтом выделены значения при $p = 0,1$, уровень достоверности различий 90%.

Курганная группа «Гостагаевская-1». Для данной серии характерен мезокранный череп со средними размерами большинства размеров мозгового отдела. С малой шириной основания черепа и затылка, протяженной лобной и теменными костями. Большинство указателей также среднего размера, кроме высотно-продольного, высотно-поперечного и указателя изгиба затылка, что обусловлено высокой черепной коробкой и слабым перегибом затылочной кости. Лицо средневysокое и среднеширокое в верхнем этаже, на среднем же уровне относительно узкое. Орбиты среднеширокие и невысокие, нос средневysокий и узкий. Как у населения, похороненном в курганном могильнике «Гос.№258», углы горизонтальной профилировки лица свидетельствуют о европеоидности обсуждаемой группы.

При сравнении этих двух выборок с помощью t-критерия Стьюдента удалось показать их довольно высокое сходство по большинству размеров черепа. Статистически достоверная разница обнаруживается только по следующим признакам: черепной указатель, мыщелковая ширина и высота симфиза нижней челюсти. Причем только для мыщелковой ширины уровень достоверности различий составлял 95%, для двух других размеров он едва достигал 90%. То есть, две эти серии на статистически достоверном уровне не различаются между собой.

Следующий этап нашей работы предполагает межгрупповой анализ двух обсуждаемых групп с опубликованными на сегодняшний день сериями, близких по территориальному и хронологическому признакам (рис. 1). Для этого были выбраны группы, ассоциирующиеся с черкесами и имеющие датировку, укладывающуюся в рамки XIII–XIV вв., то есть, хронологически совпадающие с бытованием двух изучаемых памятников. Для сравнения были выбраны следующие выборки: могильник Казазово-1, серия, датируемая XIII–XIV вв., могильники Жукова и Аушедз XIII–XIV вв., могильник Псебес-3 и могильник Кабардинка XIV–XV вв. Более поздний могильник Церковная щель, датируемый XVII–XVIII вв., был выбран не только в связи с тем, что он относится к погребальным памятникам адыгских племен, но и из-за того, что захороненное там население характеризуется европеоидным краниологическим комплексом, без примеси монголоидных признаков [9, с. 110]. Также были привлечены некоторые серии более раннего времени, относящиеся к аланским памятникам [7], и материалы, полученные из раскопок близ села Веселое [22]. Такой набор групп обусловлен поисковым характером работы и призван отразить население, обитавшее на территории Кавказа и Предкавказья в домонгольский период и сразу после золотоордынского нашествия. Набор признаков, использованный для анализа, подвергся некоторой корректировке. В связи с плохой сохранностью лицевого отдела черепа в двух обсуждаемых выборках, нам пришлось отойти от стандартного, публикуемого в большинстве краниометрических работ, набора. При анализе не использовалась ширина орбиты, так как этот размер ни разу не был изучен на черепках из памятника «Гос. №258», и высотного диаметра с недостаточным числом наблюдений на обоих памятниках.

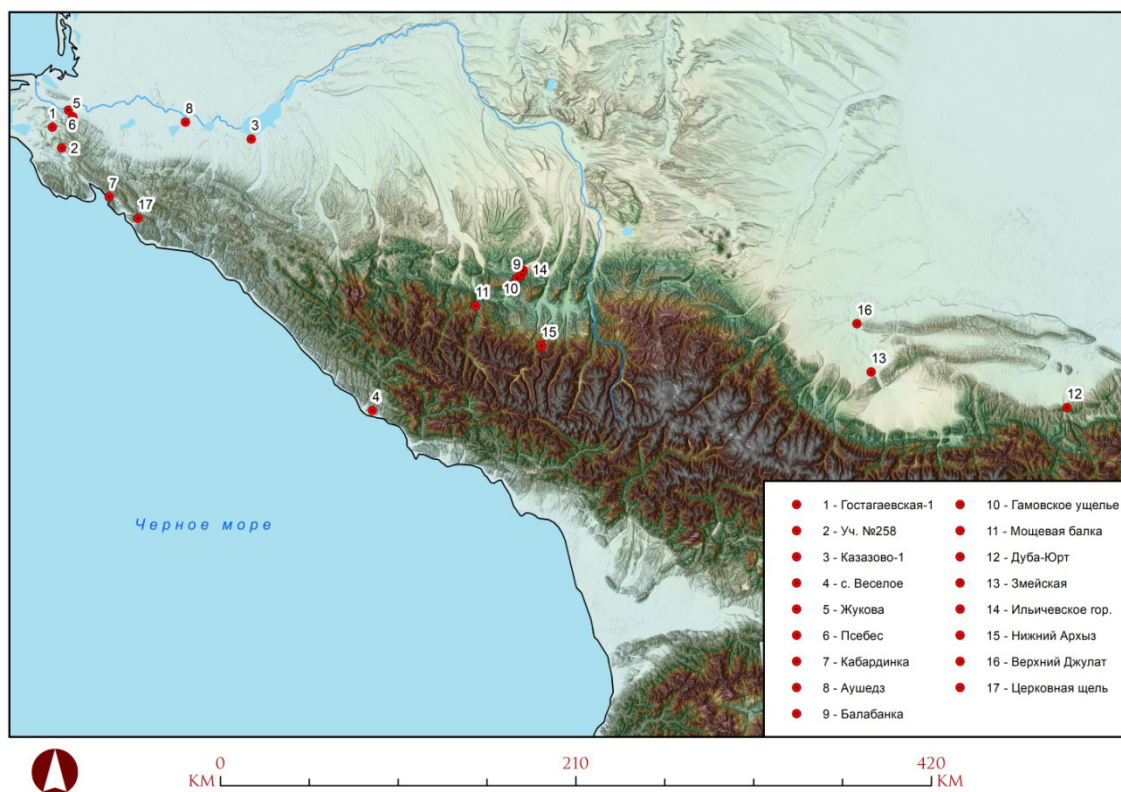

Рис. 1. Локализация археологических памятников, из которых происходят использованные в сравнительном анализе краниологические серии

Fig. 1. Geographical distribution of archaeological sites yielding craniological samples

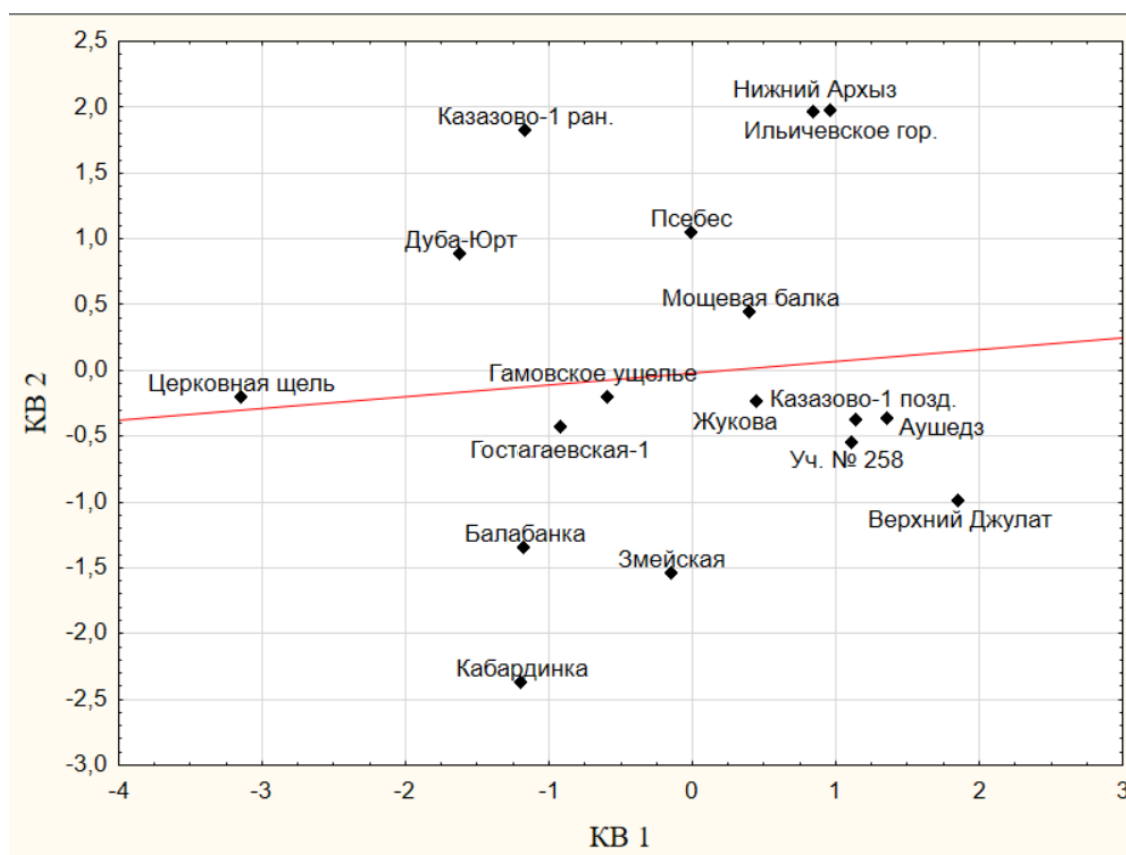
Первые три канонические переменные описывают чуть больше 50% изменчивости, что очень мало и может свидетельствовать о слабом морфологическом разнообразии привлеченных к анализу серий. По первой переменной основная нагрузка приходится на наименьшую ширину лба и высоту лица и носа. По второй канонической переменной высокая нагрузка приходится на высоту орбит (табл. 2). С правой стороны поля на положительном полюсе изменчивости располагаются серии с относительно невысоким значением ширины лба и верхней высоты лица и высоким носом (рис. 1).

Таблица 2. Результаты трех первых канонических векторов для мужских серий.**Table 2. Results of the first three canonical vectors for male series.**

№ по Мартину	КП 1	КП 2	КП 3
1. Продольный диаметр	0,25	-0,04	-0,18
8. Поперечный диаметр	-0,03	0,19	-0,33
9. Наименьшая ширина лба	-0,77	0,91	-0,04
45. Скуловой диаметр черепа	0,06	-0,37	0,20
48. Верхняя высота лица	-0,49	-0,26	-0,40
55. Высота носа	0,72	-0,14	0,25
54. Ширина носа	0,28	-0,19	-0,31
52. Высота орбит	0,13	0,60	0,11
% изменчивости	22,0%	15,3%	13,4%

На положительном полюсе сосредоточилась большая часть выборок, относящихся к черкесам. Это, в первую очередь, серия из курганного могильника «Гос. № 258», который оказался схож с населением, погребенном в XIII–XIV вв. на могильнике Казазово-1, а также синхронные серии из Аушедза и Жукова. При этом население из Гостагаевской-1 оказалось на другом полюсе изменчивости, вместе с более ранними группами, происходящих из аланских памятников. Однако, население, погребенное в могильнике «Гостагаевская-1», по второму вектору схоже со всеми вышеперечисленными адыгейскими сериями. В стороне от всех привлеченных к анализу серий оказалось население, погребенное на могильнике Церковная щель, однако, здесь необходимо помнить, что на данном памятнике было изучено всего 3 черепа [9, с. 110].

Рис. 2. Результаты межгруппового канонического анализа. Мужские серии**Fig. 2. Results of intergroup canonical analysis. Male series**

При этом, необходимо понимать, что привлеченные выборки на межгрупповом уровне довольно слабо различаются между собой. На это указывает невысокое значение процента изменчивости, входящегося на первые три канонические переменные. По мнению А.Г. Тихонова, часть населения Северного Причерноморья и Северо-Западного Кавказа эпохи раннего железного века была представлена единым антропологическим пластом [23, с. 81–82]. Возможно, описанное межгрупповое сходство свидетельствует о сохранении данной структуры вплоть до начала золотоордынского проникновения.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что обе изученные серии относятся к большой евразийской расе без сдвигов в сторону монголоидности. Ранее было показано распространение длинноголовых и узколиких вариантов среди населения Северо-Западного Кавказа [24; 25; 26]. В эту картину в целом укладываются и две обсуждаемые серии, однако, черепная коробка у выборки из «Гостагаевской-1» среднеширокая.

На территории Гостагаевской-1 похоронено мезокранное население со средними значениями продольного диаметра черепа, средними значениями высотно-поперечного и лобно-лицевого указателей. Для данного населения характерен узкий затылок с небольшим его изгибом и широкое лицо в верхнем его этаже. В курганном могильнике «Гос. № 258» похоронено долихокранное население с протяженной черепной коробкой, среднеширокой и среднеизогнутой затылочной костью и очень большой верхней шириной лица. Орбиты у данного населения среднеширокие и невысокие, нос средневысокий и узкий.

При сравнении обсуждаемых групп с помощью t-критерия Стьюдента были выявлены отличия только по трем признакам: черепной указатель, мышечковая ширина и высота симфиза нижней челюсти. Отсутствие статистически достоверных различий между этими выборками свидетельствует в пользу того, что оба памятника оставило одно и то же население, а причину зафиксированным различиям в погребальном обряде необходимо искать в особенностях верований, распространенных у черкесского населения в этот период.

При межгрупповом анализе население из курганного могильника «Гос. № 258» оказалось схоже со всеми выборками, относящимися к памятникам, оставленным средневековыми черкесами XIII–XV вв. Серия из могильника «Гостагаевская-1» по первой канонической переменной оказалось схоже с более ранними группами, относящимися к аланской археологической общности, и только по второму вектору схоже с черкесскими группами. Важно отметить, что все привлеченные к анализу серии показали довольно высокое морфологическое сходство между собой, о чем свидетельствует низкий процент объяснимой изменчивости. Ранее М.М. Герасимовой было замечено наличие близких связей, между группами, ассоциируемыми с аланским и адыгским этносами, несмотря на то, что материалы, привлеченные для сравнительного анализа, порой разделены несколькими веками и территориально сильно разрознены [7, с. 57; 27]. Мозаичность и плохая изученность антропологических коллекций, происходящих с территории Юга России, все еще не позволяют нам с уверенностью говорить о связях средневекового населения Кавказа и Предкавказья. В связи этим все сделанные выводы требуют дополнительной верификации с применением других методик, выработанных физической антропологией, в том числе остеометрической и краниофенетической. Исследование будет продолжено и после пополнения антропологических данных с синхронных памятников, полученные результаты будут пересмотрены.

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда No 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>.

Acknowledgement. The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00869, <https://rscf.ru/project/23-18-00869/>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

REFERENCES

1. Голубев Л.Э. Адыги в XIII–XV веках. Социально-экономическое и политическое развитие / Отв. ред. А.Ю. Чирг. Краснодар: ИП Вольная Н.Н., 2017. – 192 с.
2. Друзинина И.А. Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 2018. – 621 с. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20240617191916/http://archaeolog.ru/media/diss/sov/Druzhinina_diss.pdf. Дата обращения: 17.06.2023.
3. Алексеев В.П. Антропологический тип адыгов в эпоху позднего средневековья // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 208–220.
4. Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. – 318 с.
5. Друзинина И.А., Пежемский Д.В. Кабардинский курганный могильник Каррас (по материалам раскопок Д.Я. Самоквасова в Пятигорье в 1881 г.) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. 3. М.–Казань, 2014. С. 34–37.
6. Друзинина И.А. Население низовий Кубани XIII–XIV вв. по археологическим и антропологическим материалам: продолжение дискуссии // Проблемы истории, филологии, культур. 2020. №3(69). С. 206–226. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-206–226
7. Герасимова М.М. К вопросу о происхождении балкарцев и карачаевцев // Вестник антропологии. 2013. № 3(25). С. 52–71.
8. Герасимова М.М., Тихонов А.Г. Новые краниологические данные к проблеме происхождения адыгов // Горизонты антропологии: Труды Междунар. науч. конф. памяти акад. В.П. Алексеева. М., 2003. С. 286–290.
9. Герасимова М.М., Фризен С.Ю., Васильев С.В. Краниологические материалы из средневековых могильников Краснодарского края // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 108–119.
10. Схатум Р.Б. К вопросу о хронологии средневекового могильника «Казазово-1» // Вторые «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Проблемы хронологии археологических памятников эпохи древности и средневековья: материалы международной археологической конференции. Краснодар. 2013. С. 90–95.
11. Носкова Л.М. Средневековый могильник в поселке Кабардинка близ Геленджика (по материалам раскопок 1990 года) // Материальная культура Востока. М., 2010. Вып. 5. С. 167–200.
12. Батиева Е.Ф. Антропологические материалы из могильника XIII–XIV вв. средневекового населения «Жукова» // Вестник антропологии. 2011. Вып. 19. С. 161–168.
13. Батиева Е.Ф., Кашибадзе В.Ф. К антропологии средневекового населения Северо-Западного Кавказа (по материалам могильника Аушедз) // В поисках неслучайной изменчивости: Сборник статей в честь 90-летия Генриэтты Леонидовны Хит. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 96–114.
14. Верещагин В.В., Голубев Л.Э. Всадники шегоаков // Вопросы археологии Адыгеи: Сборник научных трудов. Майкоп: Изд-во Магарин О.Г., 2020. С. 166–191.
15. Дебец Г.Ф. К унификации краниологических исследований // Антропологический журнал. 1935. № 1. С. 118–124.
16. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 1964. – 127 с.
17. Балабанова М.А. Методика палеоантропологических исследований: Учебно-методическое пособие. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. у-та, 1998. – 84 с.
18. Martin R. Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung. Bd. 2. Jena, 1928.
19. Golubev LE. *Adyghe in the 13th–15th centuries. Socio-economic and political development*. Ed. A.Yu. Chirg. Krasnodar: IP Volnaya N.N., 2017. (In Russ)
20. Druzhinina IA. *Funeral monuments of the northeastern Black Sea region and the North Caucasus of the 13th–18th centuries as a source on the history of the Adyghe peoples (dissertation)*. Moscow, 2018. Available at: https://web.archive.org/web/20240617191916/http://archaeolog.ru/media/diss/sov/Druzhinina_diss.pdf (date of access: 17.06.2023). (In Russ)
21. Alekseev VP. Anthropological type of the Adyghe in the late Middle Ages. *Collection of materials on the archeology of Adyghea*. Maykop, 1961; 2: 208–220. (In Russ)
22. Alekseev VP. *The origin of the peoples of the Caucasus*. Moscow: Nauka, 1974. (In Russ)
23. Druzhinina IA., Pezhemsky DV. The Kabardian burial mound Karras (based on excavations by D.Ya. Samokvasov in Pyatigory in 1881). *Proceedings of the IV (XX) All-Russian archaeological congress in Kazan*. Moscow-Kazan, 2014; 3: 34–37. (In Russ)
24. Druzhinina IA. Population of the lower reaches of the Kuban in the 13th–14th centuries. Based on Archaeological and Anthropological Materials: Continuation of the Discussion. *Problems of History, Philology, and Culture*. 2020; 3(69): 206–226. DOI: 10.18503/1992-0431-2020-3-69-206–226. (In Russ)
25. Gerasimova MM. On the Origin of the Balkars and Karachays. *Bulletin of Anthropology*. 2013; 3(25): 52–71. (In Russ)
26. Gerasimova MM., Tikhonov AG. New Craniological Data on the Origin of the Adyghe. *Horizons of Anthropology: Proceedings of the International Scientific Conference in Memory of Academician V.P. Alekseev*. Moscow, 2003: 286–290. (In Russ)
27. Gerasimova MM., Frizen SYu., Vasiliev SV. Craniological materials from medieval burial grounds of Krasnodar Krai. *Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography*. 2018; 4(43): 108–119. (In Russ)
28. Shatum RB. On the chronology of the medieval burial ground “Kazazovo-1.” *The II Anfimov Readings on the archaeology of the Western Caucasus. Problems of the chronology of archaeological sites of the ancient and medieval eras: Proceedings of the international archaeological conference*. Krasnodar, 2013: 90–95. (In Russ)
29. Noskova LM. Medieval burial ground in the village of Kabardinka near Gelendzhik (based on the excavations of 1990). *Material Culture of the East*. Moscow, 2010; 5: 167–200. (In Russ)
30. Batieva EF. Anthropological materials from the 13th–14th century burial ground of the medieval population “Zhukova.” *Vestnik Anthropologii*. 2011; 19: 161–168. (In Russ)
31. Batieva EF., Kashabadze VF. Toward an anthropology of the medieval population of the Northwestern Caucasus (based on the materials of the Aushedz burial ground). *In search of non-random variability: A collection of articles in honor of the 90th anniversary of Henrietta Leonidovna Khit*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020: 96–114. (In Russ)
32. Vereshchagin VV., Golubev LE. Shegak horsemen. *Voprosy arkheologii Adyghea: A collection of scientific papers*. Maykop: Magarin O.G. Publ., 2020: 166–191. (In Russ)
33. Debets GF. Toward the Unification of Craniological Research. *Anthropological Journal*. 1935; 1: 118–124. (In Russ)
34. Alekseev VP., Debets G.F. *Craniometry. Methods of Anthropological Research*. Moscow: Nauka, 1964. (In Russ)
35. Balabanova MA. *Methods of Paleoanthropological Research: A Textbook*. Volgograd: Volgograd State University, 1998. (In Russ)
36. Martin R. *Lehrbuch der Anthropologie in systematischer Darstellung*. Jena, 1928.
37. Pezhemsky DV., Kharlamova NV. Methodological seminar on the connection of craniometric programs. *Herald of Anthropology*. 2003; 24: 169–172.

19. Пежемский Д.В., Харламова Н.В. Методический семинар по коннекции краниометрических программ // Вестник антропологии, 2003. Т. 24. С. 169–172.
20. Ширококов И.Г. Насколько серьезное влияние оказывают межисследовательские расхождения на результаты краниологических исследований? (некоторые итоги семинара по коннекции краниометрических признаков в МАЭ РАН) // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология, 2016. №3. С. 36–48.
21. Гончаров И.А., Гончарова Н.Н. Программа MultiCan для анализа многомерных массивов данных с использованием статистик выборок и параметров генеральной совокупности (MultiCan). Свидетельство о регистрации прав на ПО №2016610803, М., 2016.
22. Шведчикова Т.Ю., Харламова Н.В., Рассказова А.В., Чагаров О.С. Средневековое население Северо-Восточного Причерноморья (по материалам раскопок христианского храма у с. Веселое IX–XI вв.) // Вестник антропологии. 2016. №2 (34). С. 94–116.
23. Тихонов А.Г. Новые данные к антропологии населения кобанской культуры (по материалам могильника Уллубаганалы) // Вестник антропологии. 1996. №1. С. 74–97.
24. Бунак В.В. Антропологический состав населения Кавказа // Вестник Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1946. Т. XIII-A. 94 с.
25. Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. X (V). С. 306–419.
26. Герасимова М.М. Краниологические материалы из меотских могильников Прикубанья // Советская этнография. 1976. № 5. С. 107–113.
27. Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавказионской и понтийской рас (на краниологическом материале) // Единство и многообразие человеческого рода. Ч. 2. М.: ИЭА РАН, 1997. С. 606–654.
20. Shirobokov IG. How serious is the impact of interstudy discrepancies on the results of craniological studies? (Some results of the seminar on the connection of craniometric features at the MAE RAS). *Bulletin of Moscow University. Series 23: Anthropology*. 2016; 3: 36-48. (In Russ)
21. Goncharov IA., Goncharova NN. *MultiCan program for the analysis of multidimensional data arrays using sample statistics and population parameters (MultiCan)*. Certificate of registration of rights to software No. 2016610803. Moscow, 2016. (In Russ)
22. Shvedchikova TYu., Kharlamova NV., Rasskazova AV., Chagarov O.S. Medieval population of the northeastern Black Sea region (based on excavations of a Christian church near the village of Veseloe in the 9th–11th centuries). *Bulletin of Anthropology*. 2016; 34(2): 94-116. (In Russ)
23. Tikhonov AG. New data on the anthropology of the population of the Koban culture (based on materials from the Ullubaganaly burial ground). *Bulletin of Anthropology*. 1996; 1: 74-97.
24. Bunak VV. Anthropological composition of the population of the Caucasus. *Bulletin of the State Museum of Georgia*. Tbilisi, 1946; XIII-A. (In Russ)
25. Bunak VV. Skulls from the Crypts of the Mountainous Caucasus in Comparative Anthropological View. *Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography*. 1953; 10(5): 306-419. (In Russ)
26. Gerasimova MM. Craniological Materials from the Meotian Burial Grounds of the Kuban Region. *Sovetskaya Etnografiya*. 1976; 5: 107-113. (In Russ)
27. Gerasimova MM. On the Genealogical Relationships of the Caucasian and Pontic Races (Based on Craniological Material). *Unity and Diversity of the Human Race*. Part 2. Moscow: IEA RAS, 1997: 606-654. (In Russ)

Поступила в редакцию 27.06.2024 г.
Принята в печать 23.03.2025 г.
Опубликована 15.09.2025 г.

Received 27.06.2024
Accepted 23.03.2025
Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213533-541>

Исследовательская статья

Маммаев Мисрихан Маммаевич
д. иск., главный научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
misrichan37@mail.ru

ДЕКОРАТИВНО ОТДЕЛАННЫЕ НАДМОГИЛЬНЫЕ СТЕЛЫ XV В. ИЗ С. КУБАЧИ С ИМЕНАМИ АЛЛАХА, ПОСЛАННИКА МУХАММАДА И ХАЛИФА АЛИ ИБН АБИ ТАЛИБА

Аннотация. В статье на основе художественно-стилистического и исторического анализа рассматриваются две мусульманские надмогильные стелы XV в. из с. Кубачи, художественно отделанные рельефными позднекуфическими арабскими надписями и растительным орнаментом. Декоративно выполненные надписи стел несут имена Аллаха, Его посланника и пророка Мухаммада и четвертого праведного халифа Али ибн Аби Талиба. На одну из стел (№ 1) нанесена дата ее изготовления 837 г. хиджры / 1433-34 гг. современного летосчисления. Другая стела (№ 2) не содержит дату, но по палеографическим особенностям арабской декоративной надписи и стилю растительного орнамента датируется серединой XV в. На стеле № 1 надписи помещены в круглых рельефных медальонах, которые расположены в ее центральном поле по вертикальной оси. На стеле № 2 надписи размещены в левой оконечности рельефной декоративной арабской надписи в орнаментально-эпиграфической полосе, обводящей в виде полукруглой арки поле стелы. Надпись представляет собой формулу единобожия (шахада): «Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха». Декоративные надписи на обеих стелах вырезаны на фоне и в переплетении с рельефным растительным орнаментом, представляющим непрерывный волнистый стебель с отходящими по обе стороны ответвлениями-побегами с трилистниками, полутрилистниками, полупальметтами, листочками. Декоративная отделка стел выразительная, имеет различия и выполнена двумя разными мастерами-камнерезами, являвшимися, очевидно, одновременно и эпиграфистами, и орнаменталистами. Упоминание имени праведного халифа Али, возможно, связано с распространением в Кубачи шиизма.

Ключевые слова: Кавказ; Кубачи; мусульманские надмогильные стелы; декор; орнамент; арабская эпиграфика; шиизм

Для цитирования: Маммаев М.М. Декоративно отделанные надмогильные стелы XV в. из с. Кубачи с именами Аллаха, посланника Мухаммада и халифа Али ибн Аби Талиба // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 533-541. doi.org/10.32653/CH213533-541

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213533-541>

Research paper

Misrikhan M. Mammaev
Dr, Sci., Chief Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
mmisrihan@mail.ru

FIFTEENTH-CENTURY DECORATED TOMBSTONES FROM KUBACHI BEARING THE NAMES OF ALLAH, THE PROPHET MUHAMMAD AND CALIPH ALI IBN ABI TALIB

Abstract. This article presents an artistic, stylistic, and historical analysis of two 15-th century Muslim tombstones from Kubachi, each adorned with embossed late-Kufic Arabic inscriptions and floral ornamentation. The inscriptions on both tombstones feature the names of Allah, His Prophet Muhammad, and the fourth righteous caliph, Ali ibn Abi Talib. One tombstone (No. 1) bears a date of manufacture, corresponding to 837 Hijra (1433–34 CE). The other (No. 2) lacks a specific date but, based on paleographic characteristics of the Arabic decorative inscription and the style of the floral ornamentation, is attributed to the mid-15th century. On Tombstone No. 1, the inscriptions are arranged within circular embossed medallions positioned along the vertical axis of the central field. On Tombstone No. 2, the inscriptions are located at the left end of an embossed decorative Arabic inscription within an ornamental-epigraphic band that encircles the tombstone's field in a semicircular arch. The inscription represents the Shahada, the Islamic declaration of monotheism: "There is no deity but Allah, and Muhammad is the Messenger of Allah." The decorative inscriptions on both tombstones are carved against a background interwoven with relief floral motifs, characterized by a continuous wavy stem adorned with trifoliate leaves, semi-trifoliate, semi-palmettes, and other foliage. The ornamental designs of the tombstones are distinctive and expressive, suggesting they were crafted by two different artisans, likely skilled as both epigraphists and ornamentalists. The inclusion of the name of the righteous caliph Ali may indicate the influence of Shiism in Kubachi during this period.

Keywords: Caucasus; Kubachi; Muslim tombstones; décor; ornament; Arabic epigraphy; Shiism

For citation: Mammaev M.M. Fifteenth-Century Decorated Tombstones from Kubachi Bearing the Names of Allah, the Prophet Muhammad and Caliph Ali Ibn Abi Talib. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 533-541. doi.org/10.32653/CH213533-541

Среди большого количества декоративно отделанных позднекуфическими арабскими надписями и растительным орнаментом надмогильных стел XIV–XV вв., находящихся на кладбищах селения Кубачи и изученных нами в последние годы, представлены стелы, на которых рельефно высечены имена Аллаха, Его посланника и пророка Мухаммада. На двух выявленных стелах эти надписи дополнены упоминанием имени четвертого праведного халифа Али. Надписи с этими именами включены в состав декоративного оформления стел и представляют несомненный интерес не только в художественном аспекте, но и в религиозном. Этим двум стелам и посвящена настоящая публикация, в которой представлены их художественно-стилистическая характеристика и историческая интерпретация с привлечением иных исторических свидетельств. Представляемые надмогильные памятники, как и другие стелы Кубачи и его окрестностей XIV–XV вв., представляют художественных и исторический интерес, будучи уникальными по своему декору, художественной ценности в кругу известных мусульманских надмогильных памятников Кавказа и всего мусульманского Востока.

Стела № 1 (рис. 1) расположена близко к концу верхнего участка юго-западной части кладбища «Бидахъ хуппе» (в пер. с кубач. – «Кладбище на той стороне»), которое находится в 1,5–2 км к юго-западу от с. Кубачи, на обращенном к селению северном склоне горы Цицила. Стела, имеющая трапециевидную форму, была обломана в основании и лежала на поверхности земли лицевой стороной вверх. Нижняя часть ее была покрыта, а верхняя часть заросла лишайником. После расчистки стелы, покрытой в нижней части тонким слоем земли, а в верхней – лишайником, с ее лицевой стороны был сделан эстампажный отпечаток, который затем был прорисован и сфотографирован. Стела имеет высоту 106 см, ширину сверху 80 см, ширину внизу 69 см, толщину 7 см.

Хорошо выровненная и заглаженная лицевая сторона стелы украшена художественно оформленными арабскими надписями и растительным орнаментом. По бокам и сверху поле стелы огибает узорно-эпиграфическая полоса, имеющая вид арки с полукруглым верхом. В полосу заключена декоративная арабская надпись в стиле цветущего куфи – трижды повторяющаяся известная формула: «Нет божества, кроме Него. Нет божества, кроме Него. Нет божества, кроме Него»¹. Надпись имеет декоративно проработанные буквы, верхние концы которых вырезаны в виде сложной формы полупальметтами, с тонкой врезной орнаментацией внутри их. Нижние концы отдельных букв также имеют декоративное оформление. По стволам некоторых крупных букв сделаны продольные желобки.

Верхняя, закругленная часть узорно-эпиграфической полосы отделяется от её нижней части горизонтальными ленточными полосками. Правая сторона стелы имеет небольшой дефект – небольшой фрагмент надписи в нижней части отслоился.

Декоративная арабская надпись вырезана на фоне и в переплетении с растительным орнаментом, который представляет непрерывный волнистый стебель-вьюнок, от которого отходят спирально закрученные ответвления-побеги, завершающиеся трилистниками или пальметтами. Стебель и его ответвления дополнены листочками, полутрилистниками, пальметтами, полупальметтами, завитками различных форм и размеров, которые орнаментально насыщают декоративное оформление стелы. Наиболее крупные из них дополнительно проработаны тонкой узорной резьбой. Волнистый стебель и его ответвления имеют тонкие продольные желобки, придающие более тонкий, изящный характер всему орнаментальному декору.

В правом и левом нижних концах-основаниях узорно-эпиграфической полосы находятся четырехугольники, также отделанные своеобразным рельефным растительным орнаментом.

В верхних боковых, заглубленных углах стелы находятся врезные арабские надписи. В правом углу надпись не поддается удовлетворительному чтению. Надпись в левом верхнем углу является продолжением надписи в правом углу. В переводе А.Р. Шихсаидова (с уточнением М.-Р.А. Гасанова) она гласит: «Дата – семьсот восемьдесят три от хиджры пророка. Да благословит его Аллах и приветствует. Да осветит Своим светом его могилу до Судного дня (*кийама*)». 783 год хиджры соответствует 1381 г. современного летосчисления.

Указанная уверенно читаемая специалистами дата вызывает у нас сомнения, так как представленная на памятнике резьба отличается развитым стилем по сравнению с резьбой стел конца XIV в. и характерна для стел следующего столетия. Не исключено, что мастер-резчик перепутал сотни и десятки и, возможно, стела датируется 837 г. хиджры, т.е. 1433–34 гг.

1. Здесь и далее переводы надписей выполнены востоковедом-арабистом, проф. А.Р. Шихсаидовым (1928–2019).

Центральное поле стелы занимает композиция из вертикально расположенных по центральной оси четырех крупных медальонов, соединенных между собой.

Верхнюю часть центрального поля занимает круглый рельефный медальон, обрамленный снизу и по бокам растительным орнаментом. Поле медальона занимает симметрично расположенная рельефная арабская надпись «Аллах» с элементами цветущего *куфи* – буквы, на стволы которых нанесены продольные желобки, снабжены декоративными полутрилистниками и полупальметтами. В середине надписи помещена вытянутая вверх многочастная пальметта, завершающаяся вверху трилистником с лепестками, закругленными на концах. Близкое по художественно-стилистическому исполнению воспроизведение имени «Аллах» представлено, в частности, на строительной надписи 678 г. х. / 1279–1280 г. в кладке мечети сел. Рича (Южный Дагестан), в которой имя Всевышнего также помещено в круглый медальон с центральным «деревом жизни» [1, с. 112–113, рис. 9; 2, с. 46–47, рис. 17; 3, с. 85, 277, табл. XIII, 81a], и на стеле XI–XII вв. мусульманского культового объекта в Дербенте внутри символического изображения мечети [4, с. 185, 190, рис. 3; 5, с. 811–812, рис. 7].

Под описанным медальоном расположен незамкнутый в нижней части второй (средний) круглый медальон, покрытый рельефным растительным орнаментом. В центре его находится маленький круглый медальон с рельефной арабской надписью: «Мухаммад». Своим заостренным верхом средний медальон соединяется с верхним медальоном.

От нижних боковых концов среднего медальона в обе стороны отходят короткие и широкие горизонтальные полосы, доходящие до краев узорно-эпиграфической полосы. Они покрыты мелким растительным орнаментом – выюнком, на переплетающиеся между собой стебли которого нанесены продольные желобки. Два верхних медальона также окаймлены по бокам центрального поля крупными рельефными полутрилистниками, заполненными выющим растительным орнаментом, выполненным в низком рельефе.

Ниже располагаются двойной ленточный медальон с несомкнутыми нижними концами, образованный двумя параллельно следующими лентами. В его центре находится маленький круглый с заостренным верхом медальон. В него заключена рельефная арабская надпись: «О, Али!». От нижних концов несомкнутых медальонов отходят в стороны горизонтальные полосы, примыкающие к краям узорно-эпиграфической полосы. На ленты медальонов и на отходящие от них горизонтальные полосы нанесены продольные желобки. По бокам этот медальон также, как и два вышерасположенных медальона, обрамлен подобными большими полутрилистниками, внутренне пространство которых заполнено растительным орнаментом. В обоих случаях полутрилистники примыкают к внутренним краям узорно-эпиграфической полосы.

В самой нижней части центрального поля помещен четвертый рельефный фигурный медальон с заключенной в него крупной пальметтой с фигурной выемкой в центре.

Особенностью декоративной отделки данной стелы является то, что арабские надписи и растительный орнамент густо покрывают её переднюю сторону. Довольно сложные орнаментальные и эпиграфические композиции гармонируют между собой. Свободное от рельефного орнамента центральное поле заполнено точечным фоном, что придает большую выразительность всей композиции. Несомненно, художественные достоинства резьбы свидетельствуют о ее исполнении профессиональным резчиком по камню.

Описанная стела представляет научную и художественную значимость не только как образец мусульманского декоративно-прикладного искусства, резьбы по камню, каллиграфии и эпиграфики, но и как объект, содержащий дату изготовления. Это один из немногих надмогильных памятников, содержащий дату его изготовления и выступающий, таким образом, хронологическим индикатором, что увеличивает его ценность для разработки проблем генезиса и развития камнерезного искусства Кубачи и всего Дагестана.

Стела № 2 (рис. 2) находится на юго-восточном участке того же кладбища «Бидахъ хуппе». Она также обломана у основания и лежала на поверхности земли декорированной лицевой стороной вниз. Сохранность памятника хорошая, исключение – трещина в левом нижнем конце. Стела имеет трапециевидную форму. Ее высота 105 см, ширина вверху 80 см, ширина внизу 63 см, толщина 7 см.

На хорошо выровненную и заглаженную лицевую сторону стелы нанесен выразительный растительный орнамент, сопровождаемый арабскими надписями. Стела в целом имеет то же композиционное построение, что вышеописанная стела. По бокам и вверху ее огибает широкая орнаментально-

эпиграфическая полоса с полукруглым верхом. Рельефная декоративно-религиозная арабская надпись гласит: «Нет божества, кроме Аллаха, Мухаммад – посланник Аллаха. Воистину. О, Мухаммад! О, Али!». Буквы надписи имеют декоративное оформление – верхние концы их завершаются полупальметтами или двойными завитками. Верхние и нижние завершения отдельных буквы декорированы в виде пальметт или трилистников. концы

Надпись сделана на фоне рельефного растительного орнамента в одной с ней плоскости. Волнистый стебель, выющийся слева направо, заполняет все пространство орнаментально-эпиграфической полосы. От стебля отходят ответвления-побеги с завершениями в виде трилистников или пальметт, поверхность которых дополнительно проработана тонкой узорной резьбой. На стебель и его ответвления нанесены тонкие продольные желобки, которые придают орнаменту большую художественную выразительность. Стебель и ответвления дополнены завитками, листочками, полутрилистниками, плоская поверхность которых также покрыта мелким врезным растительным орнаментом, заполняющим свободное пространство.

Верхние боковые углы стелы в подтреугольных полях, свободных от орнаментально-эпиграфической полосы, занимают попарно расположенные полупальметты и полутрилистники, дополнительно декорированные внутри мелким врезным растительным орнаментом из полупальметт, трилистников, полутрилистников и листков.

В верхней части центрального поля помещен круглый рельефный медальон, декоративно окаймленный по периметру завитками, полупальметтами и вверху – венчающим трилистником. В поле медальона помещена рельефно выполненная эпитафия на арабском языке: «Обладатель этой могилы Ма. р. н. (?), сын А. ч. (?) – кади. Милость Аллаха над ним ...».

От основания медальона вниз отходит короткая полоска с обвязкой посередине. Ниже полоска раздваивается и переходит в крупные полупальметты, которые занимают нижнюю половину центрального поля и внутри декорированы растительным орнаментом. Фон между верхними частями полупальметт имеет очертания трилистника с заостренным верхним лепестком и закругленными боковыми.

В основании центрального поля расположена неорнаментированная треугольная фигура, на вершине которой расположен небольшой рельефный трилистник с растительным орнаментом внутри. От трилистника поднимается вверх узкая полоска с продольным желобком и обвязкой, которая завершается меньшего размера трилистником, отделанным узорной резьбой.

Свободное по бокам пространство между круглым рельефным медальоном в верхней части центрального поля и расположенными ниже двумя полупальметтами занимают симметрично расположенные друг против друга ещё две крупные одинаковые крупные полупальметты, примыкающие к орнаментально-эпиграфической полосе. Внутреннее пространство этих полупальметт заполнено идентичным растительным орнаментом, выполненным в низком рельефе (выющийся стебель с побегами с трилистниками, полутрилистниками, листками). Фон центрального поля, свободный от орнаментального оформления, как и на предыдущей стеле, заполнен фактурными точками.

Палеография арабских надписей и особенности стиля растительного орнамента позволяют датировать данный надмогильный памятник серединой XV в.

Описанная стела имеет довольно высокий декоративно-художественный уровень, умело и мастерски сочетая в единой и выразительной композиции рельефную позднекуфическую арабскую надпись и насыщенный растительный орнамент. Художественные качества отделки стелы усилены орнаментальной отделкой арабских букв надписи узорно-эпиграфической полосы. Декор центрального поля стелы, выполненный с учетом его закругленного верха поля, вполне гармонирует с остальным декором стелы.

В целом обе стелы представляют единое, но различающееся в деталях, композиционное построение, характерное для надмогильных плит Кубачи XV века.

Упоминание в надписях на надмогильных стелах имен Аллаха и Его посланника Мухаммада – распространённое явление в репертуаре мусульманской погребальной эпиграфики средневекового Дагестана. Это и понятно. Смерть человека, как и его жизнь, в мусульманской теологии самым тесным образом связаны с именем и деяниями Аллаха. Это нашло отражение в целом ряде аятов священного Корана (6:60; 6:61; 16:61; 32:11; 39:42 и др.) и хадисов пророка Мухаммада. К примеру, сура «ал-Ан'ам» («Скот»), аят 61 гласит: «Он – Одолевающий и находится над Своими рабами. Он посылает к вам хранителей. Когда же к кому-нибудь из вас приходит смерть, Наши посланцы умерщвляют его, и

они не делают упущений» (Коран, 6:61). Сура «ас-Саджда» («Земной поклон»), аят 11 гласит: «Скажи [о, Мухаммад]: “Ангел смерти, которому вы поручены, умертвит вас, а затем вы будете возвращены к своему Господу”» [Коран, 32:11].

Значительно реже, как исключение, встречается погребальной эпиграфике имя праведного халифа Али – двоюродного брата, зятя и сподвижника пророка Мухаммеда, четвертого праведного халифа, почитаемого шиитами как первого имама и святого, праведника и воина, особыми узами близости связанного с Мухаммедом, трагически погибшего в результате заговора.

Имя халифа Али упоминается в надписях на рассмотренных надмогильных стелах после имени пророка Мухаммада. Присутствие в надписях имени халифа обусловлено, по всей видимости, тем, что часть жителей Кубачи в XV в. исповедовала ислам шиитского толка, который проник в Кубачи, вероятно, в результате военно-миссионерской деятельности в Дагестане шейха Ходжа Джамшида Сефевидского, происходившего из Ардебилля.

Его могила, почитаемая местными жителями, находится на кладбище нижнего квартала Кубачи. Она представляет собой своего рода мавзолеев, называемый кубачинцами «Шехла хяб» (в пер. – «Могила шейха») и приписывается Изагала Ахмеду. В середине 1950-х гг. этот мавзолей, находившийся в аварийном состоянии, обрушился. Но спустя несколько лет был восстановлен, но не в первоначальном виде. Его реставрировал, вероятно, местный строитель, тот самый Изагала Ахмед, которому и приписывают мавзолей. Среди кубачинцев в прошлом принято было произвольно давать имя мастера-строителя или реставратора квартальным мечетям, архитектурно оформленным родникам и т.д. Так, женскую мечеть в нижнем квартале Кубачи после ее реставрации стали называть «Чакан Хияжила мишит» (в пер. – «Мечеть Чакан Гаджи»), который был, вероятно, мастером-строителем.

Принадлежность мавзолея шейху подтверждается надписью на стеле, поставленной на могиле Ходжа Джамшида. Она опубликована востоковедом-арабистом Т.М. Айтберовым [2, с. 19]. Левый нижний конец стелы обломался, возможно, при разрушении мавзолея в середине 1950-х гг. Как отмечает Т.М. Айтберов, текст эпитафии написан хорошим каллиграфом, обучавшимся, возможно, на мусульманском Востоке: «Помилованный Аллахом раб Его, прощенный им мученик [за веру?] султан Ходжа Джамшид – сын султана Шейха Джунайда ... Скончался этот мученик [за веру], называемый Ходжа Джамшид, в году ...» [6, с. 20; 7, р. 283]. Остальная часть надписи, к сожалению, утрачена.

Ныне трудно достоверно объяснить, каким образом представитель ордена Сефевидского, шейх Ходжа Джамшид оказался в Кубачи. Вероятно, всего, что он принимал участие в насаждении шиизма среди кубачинцев. Известно, что в середине – второй пол. XV в. сефевидские шейхи Джунейд (в 1447–1460 гг.) и Хайдар (в 1460–1488 гг.) активизировали свою военно-религиозную деятельность на Восточном Кавказе. Шейх Хайдар, брат Ходжа Джамшида, совершал неоднократные походы (1483, 1487, 1488 гг.) на Северо-Восточный Кавказ. В 1488 г. он в третий раз организовал поход в сторону Табасарана и Зирихгерана (Кубачи) с целью ведения войны с «неверными». В районе табасаранского селения Тинит его войско было разбито, а сам он был убит. После поражения войска Хайдара «из Кубачи были изгнаны приверженцы шиитов-сефевидов, а с Кубачи, – как пишет Т.М. Айтберов, – перестал быть исламским центром шиитов имамитского толка» [6, с. 29]. Можно лишь полагать, что его брат Ходжа Джамшид, ведший религиозную пропаганду в Кубачи, также погиб во время этих событий.

Таким образом, очевидно, что именно с распространением шиизма в Кубачи связан тот факт, что в декоративной отделке описанных выше двух рассмотренных надмогильных памятников, на их центральных участках высечено имя четвертого праведного халифа Али – двоюродного брата и зятя пророка Мухаммада.

В заключении отмечу, что имя Али присутствует и в перечне имен четырех праведных халифов, высеченных на двух каменных рельефах – архитектурных деталях XV в. из с. Кубачи [8, с. 387, рис. 1; 9, с. 14–15, 19, рис. 2]. Как известно, одним из основных признаков принадлежности к суннизму считается признание законности всех первых четырех исламских халифов – Абу Бакра, Омара, Османа и Али, тогда как шииты признают таковым только халифа Али (подробнее см., напр.: [10]). Имена первых четырех праведных халифов, запечатленные на рельефах – архитектурных деталях XV в., вероятно, призваны были специально подчеркнуть принадлежность жителей этого селения к суннитскому толку ислама, когда шиизм был уже вытеснен из Кубачи.

Рис. 1. Сел. Кубачи, кладбище «Бидахъ хуппе».
Надмогильная стела 837 г. хиджры / 1433-34 гг. Фото и прорисовка

Fig. 1. Tombstone from the cemetery "Bidakh Huppe,"
Kubachi village, dated 837 AH (1433-34 CE). Photograph and drawing

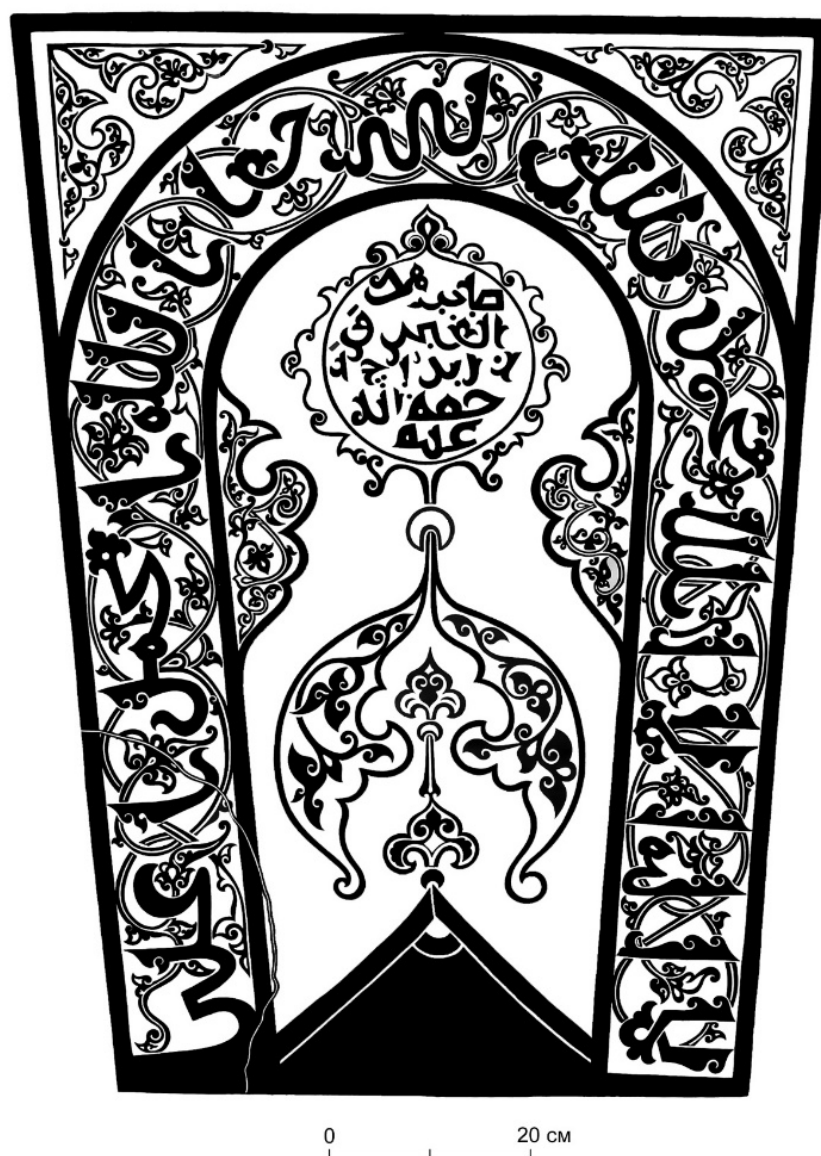

Рис. 2. Сел. Кубачи, кладбище «Бидахъ хуппе». Надмогильная стела середины XV в. Прорисовка

Fig. 2. Tombstone from the cemetery "Bidakh Huppe," Kubachi village, mid-15th century. Drawing

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шихсаидов А.Р. Арабские строительные надписи Дагестана (XI–XVII вв.) // Ученые записки Института истории, языка и литературы Даг. филиала АН СССР. Т. XIII. Серия историческая. Махачкала, 1964.
2. Шихсаидов А.Р. Эпиграфические памятники Дагестана X–XVII вв. как исторический источник. М.: Наука, 1984. – 463 с.
3. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч. 1. Надписи X–XVII вв. Тексты, переводы, комментарии, введение и приложения Л.И. Лаврова. М.: Наука, 1966. – 300 с.
4. Гаджиев М.С., Абиев А.К., Будаичев А.Л., Абдуллаев А.М., Шаушев К.Б. Открытие и исследование мусульманского культового комплекса X – нач. XIII в. в Дербенте (предварительное сообщение) // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 3. 2015. С. 183–195.
5. Гаджиев М.С., Шихсаидов А.Р., Аликберов А.К. Арабские эпиграфические памятники XI–XII вв. новооткрытого мусульманского ритуально-обрядового комплекса в Дербенте // *ARS Islamica*: в честь Станислава Михайловича Прокурова. Сост. и отв. ред. М.Б. Пиотровский, А.К. Аликберов. М.: Наука – Восточная литература, 2016. С. 796–818.
6. Айтберов Т.М. Иранская государственность в эпоху древности и средневековья. Учебное пособие по спецкурсу. Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2007.
7. Aytberov T. The Newly Found Tomb-Stone of Sheikh Haydar the Şafavid in Dagestan // *Iran and the Caucasus*. 13/2. 2009, pp. 281–284.
8. Маммаев М.М. Об одном уникальном каменном рельефе XV в. из с. Кубачи // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения / Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала, 20–25 апреля 2020 г. Махачкала: Издательский дом Мавраевъ, 2020. С. 386–388.
9. Маммаев М.М. О художественных связях средневекового Дагестана с Ближним Востоком по данным резных каменных архитектурных деталей XIV–XV вв., обнаруженных в с. Кубачи в 2021 г. // Османовские чтения. Сборник статей IV Международной научной конференции «Османовские чтения» (г. Махачкала 28–29 октября 2021 г.). Махачкала: Дагестанский государственный университет, 2021. С. 14–19.
10. Прокуров С.М. Ислам как идеологическая система. М.: Восточная литература, 2004. – 471 л.

REFERENCES

1. Shikhsaidov AR. Arab construction inscriptions of Dagestan (XI–XVII centuries). *Scientific notes of the Institute of History, Language and Literature Dagestan branch of the USSR Academy of Sciences. Series: History*. Vol. XIII. Makhachkala, 1964. (In Russ)
2. Shikhsaidov AR. *Epigraphic monuments of Dagestan of the 10th–17th centuries as a historical source*. Moscow: Nauka, 1984. (In Russ)
3. Lavrov LI. *The epigraphic monuments of the North Caucasus in the Arabic, Persian and Turkish languages. Part 1. The inscriptions of the X–XVII centuries. Texts, translations, comments, introduction and application*. Moscow: Nauka, 1966. (In Russ)
4. Gadzhiev MS., Abiev AK., Budaichiev AL., Abdullaev AM., Shaushev KB. The discovery and study of the Muslim religious complex of the 10th – early 13th century in Derbent (preliminary report). *Bulletin of the Institute of History, Archeology and Ethnography*. 2015; 3: 183–195. (In Russ)
5. Gadzhiev MS., Shikhsaidov AR., Alikberov AK. Arab epigraphic monuments of the 11th – 12th centuries. The newly discovered Muslim ritual-river complex in Derbent. *ARS Islamica: in honor of Stanislav Mikhailovich Prozorov. Comp. and ed. M.B. Piotrovsky, A.K. Alikberov*. Moscow: Nauka – Vost. Lit., 2016: 796–818. (In Russ)
6. Aitberov TM. *Iranian statehood in the era of antiquity and the Middle Ages. Textbook on special course*. Makhachkala: Dagestan State University, 2007.
7. Aitberov T. The newly discovered tombstone of Sheikh Haydar the Şafavid in Dagestan. *Iran and the Caucasus*. 2009; 13(2): 281–284.
8. Mammaev MM. About one unique stone relief of the 15th century from the village Kubachi. *Archaeological heritage of the Caucasus: Actual problems of study and preservation. XXXI Krupnovsky Readings / Materials of the International Scientific Conference, dedicated to the 50th anniversary of Krupnovsky readings and the 50th anniversary of the Derbent Archaeological Expedition*. Makhachkala: Mavraev Publ, 2020: 386–388. (In Russ)
9. Mammaev MM. On the artistic connections of the Middle Dagestan with the Middle East according to carved stone architectural details of the 14th – 15th centuries, discovered in the village Kubachi in 2021. *Osman readings. Collection of articles IV of the Osman Readings International Scientific Conference (Makhachkala on October 28–29, 2021)*. Makhachkala: Dagestan State University, 2021: 14–19. (In Russ)
10. Prozorov SM. *Islam as an ideological system*. Moscow: Vost. Lit., 2004. (In Russ)

Поступила в редакцию 15.07.2024 г.
Принята в печать 27.02.2025 г.
Опубликована 15.09.2025 г.

Received 15.07.2024
Accepted 27.02.2025
Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213542-558>

Research paper

Abbas G. Seyidov
Dr. Sci., Professor, Head of Dep. of Caspian Archeology
Institute of Archaeology and Anthropology of ANAS, Baku, Azerbaijan
abbas.seyidov@gmail.com

Aygun M. Mammadova
Cand. Sci., Assoc. Prof., Senior Researcher
National Museum of History of Azerbaijan
aygun_kons@mail.ru

Leyla M. Rustamova
Cand. Sci., Assoc. Prof.
Institute of Archaeology and Anthropology of ANAS, Baku, Azerbaijan
leyla.rustamova84@gmail.com

UNDERWATER ARCHEOLOGY IN AZERBAIJAN: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Abstract. The article discusses archaeological research conducted within the Azerbaijani sector of the Caspian Sea over a period spanning nearly nine decades. Underwater archaeological investigations in the territory of Azerbaijan can be categorized into four chronological phases: 1) 1938-1940, 1946, and 1962; 2) 1968-1987; 3) 2008; and 4) 2022-2024. The primary archaeological investigations of the initial phase were undertaken in 1939 under the direction of Professor E. Pakhomov, in collaboration with archaeologists I. Jafarzade and O. Ismizade. This research focused on the island of Bayil Qasri, also known as Sabail City, situated approximately 300-350 meters southwest of the Baku coastline, as well as on the adjacent seabed. During the second phase (1968-1987), Z. Yampolsky served as a consultant, and diving operations were executed by V. Kvachidze. These efforts led to the identification of over 4,000 material and cultural artifacts, along with the potential localization of submerged settlements. The third phase, conducted by archaeologist I. Aliyev in 2008 on the Absheron Peninsula, approximately 500 meters from a site known as Shahri-Gurgan, documented the underwater remains of a medieval settlement and its associated cemetery. The fourth phase commenced in 2022. Consequent to the decline in the water level of the Kura River during 2022-2023, archaeologist M. Mustafayev undertook the investigation of pitcher burials and domestic artifacts in the villages of Pirabba and Shorkand within the Neftchala region. Subsequently, in August-September 2024, an expedition under the leadership of Professor A. Seyidov conducted archaeological reconnaissance in the deeper areas of the Caspian Sea, off the coast of Zira and Pirallahi on the Absheron Peninsula. This expedition resulted in the discovery of pottery dating from the 12th to the 14th centuries and the remnants of two shipwrecks from the 19th century. Photographs of Gashtasbi and Mahmudabad silver dirhams, housed within the Numismatics Fund of the National Museum of History of Azerbaijan, have been included in this article. The analysis of these discoveries facilitates the determination of coin denominations prevalent in Azerbaijan during the 14th and 15th centuries and aids in tracing the political and economic history of the period.

Keywords: underwater archeology; Caspian Sea; Gashtasbi; Mahmudabad; Kura; silver dirham

For citation: A.G. Seyidov, A.M. Mammadova, L.M. Rustamova. Underwater archeology in Azerbaijan: current state and prospects. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 542-558. doi.org/10.32653/CH213542-558

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213542-558>

Исследовательская статья

Аббас Г. Сеидов

д.и.н., профессор, заведующий отделом Каспийской археологии
Институт археологии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
abbas.seyidov@gmail.com

Айгюн М. Мамедова

к.и.н., доцент, старший научный сотрудник
Национальный музей истории Азербайджана, Баку, Азербайджан
aygun_kons@mail.ru

Лейла М. Рустамова

к.и.н., доцент
Институт археологии и антропологии НАНА, Баку, Азербайджан
leyla.rustamova84@gmail.com

ПОДВОДНАЯ АРХЕОЛОГИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНЕ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. В статье рассматриваются археологические исследования, проводившиеся в азербайджанском секторе Каспийского моря на протяжении почти десятилетий. Подводные археологические исследования на территории Азербайджана можно разделить на четыре хронологических этапа: 1) 1938–1940, 1946 и 1962 гг.; 2) 1968–1987 гг.; 3) 2008 гг.; и 4) 2022–2024 гг. Основные археологические исследования начального этапа были проведены в 1939 г. под руководством профессора Э. Пахомова в сотрудничестве с археологами И. Джафарзаде и О. Исмизаде. Исследования были сосредоточены на острове Баил-Гасри, также известном как город Сабаил, расположенном примерно в 300–350 м к юго-западу от побережья Баку, а также на прилегающем морском дне. На втором этапе (1968–1987 гг.) консультантом был З. Ямпольский, а водолазные работы проводил В. Квачидзе. В результате этих работ было выявлено более 4000 материальных и культурных артефактов, а также установлена возможная локализация затопленных поселений. Третий этап, проведенный археологом И. Алиевым в 2008 году на Апшеронском полуострове, примерно в 500 метрах от памятника, известного как Шахри-Гурган, позволил задокументировать подводные остатки средневекового поселения и связанного с ним кладбища. Четвертый этап начался в 2022 году. В связи с падением уровня воды в реке Кура в 2022–2023 гг. археолог М. Мустафаев провел исследование кувшинных погребений и предметов быта в селах Пирабба и Шорканд Нефтчалинского района. Впоследствии, в августе–сентябре 2024 г., экспедиция под руководством профессора А. Сеидова провела археологическую разведку в более глубоких районах Каспийского моря, у побережья Зирия и Пираллахи на Апшеронском полуострове. В ходе этой экспедиции были обнаружены керамические изделия XII–XIV веков и остатки двух затонувших кораблей XIX в. В статью включены фотографии серебряных дирхемов Гаштасби и Махмудабада, хранящихся в Нумизматическом фонде Национального музея истории Азербайджана. Анализ этих находок способствует определению номиналов монет, распространенных в Азербайджане в XIV–XV вв., и помогает проследить политическую и экономическую историю этого периода.

Ключевые слова: подводная археология; Каспийское море; Гаштасби; Махмудабад; Кура; серебряный дирхем

Для цитирования: Сеидов А.Г., Мамедова А.М., Рустамова Л.М. Подводная археология в Азербайджане: состояние и перспективы // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 542–558. doi.org/10.32653/CH213542-558

Introduction

Owing to its geographical position, the territory of Azerbaijan has historically served as a bridge between Western Asia and the North Caucasus, as well as Central Asia and Asia Minor. This region has frequently been the site of conflicts among major powers and empires. Consequently, these wars have led to the destruction of settlements, the displacement of populations, and the devastation of agricultural lands. Two major rivers, the Kura and the Aras, traverse the territory of Azerbaijan, while its eastern border is defined by the Caspian Sea. Periodic flooding of these rivers, coupled with the transgression and regression of the Caspian Sea, has led to natural disasters that submerged numerous cities, villages, settlements, and necropolises. The research presented in this article deals with the underwater archaeological investigations. Nearly ninety years have passed since the beginning of underwater archaeological research within the territory of Azerbaijan. These investigations can be categorized into four chronological phases: 1) 1938-1940, 1946, and 1962; 2) 1968-1987; 3) 2008; and 4) studies commencing from 2022-2024.

Main text

The Caspian Sea, the largest inland body of water situated between the South Caucasus and Central Asia, serves as a natural boundary between Europe and Asia. Its economic and strategic significance has long attracted the attention of historians, geographers, and travelers. Spanning approximately 1,200 km in length, with a maximum width of 554 km, the Caspian Sea boasts a coastline extending between 6,500 and 6,700 km, of which over 800 km falls within the Republic of Azerbaijan (Fig. 1).

In the Avesta, the Caspian Sea is referred to as “Vouru-Kashap,” meaning “wide body of water.” Researchers believe that the Caspian, Aral, and Black Seas were once interconnected, forming what was known as the “Sea of Khvalin” [10, pp. 6–7, 26].

The Caspian Sea has been known by approximately 70 different names throughout history. Its oldest known designation, for this unique body of water, is associated with the Kassii people who inhabited the region during the 2nd millennium BC. Researchers have linked the Kaspi (where “-pi” is a plural suffix), who resided in the southwest of the Caspian Sea in the 1st millennium BC, to the earlier Kassii [20, p. 104]. The appellation “Caspian” is derived from the Khazar Khaganate, which existed along its coast and surrounding territories for roughly three centuries, from the latter half of the 7th century to the mid-10th century [17, p. 3].

In the 4th century BC, Alexander the Great commissioned an expedition to investigate the Caspian Sea. Arrian recorded that Alexander (Iskander) “sent Heraclid... with shipbuilders... to Hyrcania, ordering him to cut down the forests in the Hyrcania mountains and build long ships of the Hellenic type, both covered and open. His aim was to ascertain which sea the body of water known as either the ‘Caspian’ or ‘Gyrkan’ was connected to...” [4, p. 57]. However, this objective was not realized during his lifetime but was pursued approximately 40 years after his death. The participants of that expedition concluded that the Caspian Sea was not an inland sea. Nevertheless, Arrian believed this conclusion to be erroneous, asserting that the Caspian Sea is a landlocked body of water, not connected to any ocean [6, pp. 13–14].

Information regarding the Caspian Sea and its resources from figures such as the Greek geographer and historian Strabo (64 BC–24 AD), C. Ptolemy (70–147 AD), the medieval Arab travelers and historians Abu Dulaf, Yaqut al-Hamawi (1179–1229), Hamdullah Qazvini (1280–1349), Abd al-Rashid al-Bakuvi (14th–15th centuries), and the German scientist Adam Olearius (17th century), among others, has been documented in historical sources [5, pp. 14–15, 23, 119, 167, 174, 181].

Underwater archaeological research

The first stage of underwater archaeological research in the Caspian Sea, led by Professor E. Pakhomov and archaeologists I. Jafarzade and O. Ismizade, covers the period of 1938–1940. These investigations were

subsequently continued in 1946 and 1962. Primarily in 1939, archaeological research was concentrated on the island known as “Bayil Qasri” or “Sabail City,” situated approximately 300-350 meters southwest of the Baku coastline, as well as on the adjacent seabed. This island measures 140 meters in length and 35 meters in width and is encircled by a stone wall (1.2-2 meters wide) featuring 3 circular and 12 semicircular towers (Fig. 2; Fig. 5). Discoveries at the site include construction remnants, ceramic vessels, a grainstone, copper coins bearing the name of Shirvanshah Gershasb (1203-1224), and various other artifacts. Over 700 inscribed stones, each measuring 70 cm in length, 25-50 cm in width, and 12-15 cm in thickness, were retrieved from the water (Fig. 3). These stones bear Arabic inscriptions, Quranic verses accompanied by depictions of humans (Fig. 4), birds, and animals, the construction date of the fortress in 1234/35, and the names of different cities, artisans, and Shirvanshahs. Archaeological investigations conducted both underwater and on the island have indicated that the fortress walls were erected in the late 12th and early 13th centuries, during a period of low Caspian Sea water levels. However, in the early 14th century, tectonic shifts (earthquakes) led to the collapse of the castle walls. The island remained submerged for an extended period. By the early 18th century, in 1723, the monument began to re-emerge due to the regression of the sea [2, pp. 129–133]. The incomplete construction work and subsequent abandonment of the island at that time are likely attributable to the transgression (rise in water level) of the Caspian Sea.

In the early 20th century, as a result of the Caspian Sea’s regression, the fortress walls of “Sabail City” (Fig. 6) were exposed once again (photograph taken in 1904). Some scholars suggest that this structure served as a defensive fortification, a customs facility, and a place of worship. It is also believed that a significant temple associated with fire worshipers was situated in the island’s central area [1, pp. 104–105].

The Sabail Fortress is distinctly depicted in the writings and illustrations of Engelbert Kaempfer, a scholar and traveler who visited Baku in 1683 (Fig. 7) [12, pp. 264–267].

Although archaeological research in the coastal areas and seabed of the Azerbaijani sector of the Caspian Sea experienced a pause for several years, the second phase commenced in the late 1960s. By Order No. 358 of the Council of Ministers of the Azerbaijan SSR, dated July 24, 1968, and Resolution No. 702 of the Azerbaijan Academy of Sciences, dated August 9, 1968, the responsibility for studying underwater historical and archaeological monuments of the Caspian Sea was assigned to the Azerbaijan History Museum. Upon the recommendation of Z. Yampolsky, the head of the “Submarine Group,” diver V. Kvachidze initiated underwater archaeological investigations. Over a period of 20 years (1968-1987), research was conducted periodically along the Caspian coast and islands, resulting in the discovery of more than 4,000 material and cultural remains (Fig. 8). The primary investigations were conducted at Cape Shuvalan, in the eastern part of the Absheron Peninsula opposite Cape Gurgan, within the Baku Bay and at the Sabail underwater fortification, in the ancient Kura River channel, and at Cape Bandovan in the Salyan region. The research undertaken at Bandovan Cape is considered a significant phase in the history of underwater archaeology [7, pp. 3–5]. Numerous pottery vessels dating from the 9th to the 14th centuries were observed at two locations there. Cultural layers and remnants of furnaces, stone anchors, metal artifacts, and silver and copper coins were discovered both underwater and along the coastline. These urban settlements were provisionally designated as Bandovan-1 and Bandovan-2. The two medieval settlements, situated approximately 20 km apart, were subsequently identified as the submerged cities of Gashtasbi and Mugan. Alongside V. Kvachidze, G. Agayev also participated in the underwater research efforts. These expeditions further involved specialists and amateur divers invited from Leningrad, Moscow, and Rostov. Underwater archaeological research was discontinued due to the socio-political events of 1987 [13, pp. 31–33].

Numismatic material

Medieval sources provide information about the province and city of Gashtasbi, significant trading ports situated on the Caspian Sea coast between the Aras and Kura rivers, as well as the nearby city of Mahmudabad. According to these accounts, the city of Mahmudabad was founded by the Mongol ruler Mahmud Ghazan Khan (1295-1304) following his conversion to Islam. He relocated the population of the province and city of Gashtasbi, which had been destroyed by Hulagu Khan (1256-1265), to this new location [3, pp. 171–176]. Both Gashtasbi and Mahmudabad were important settlements that played a notable role in the medieval history of Azerbaijan. Evidence of this includes the presence of mints in Gashtasbi (14th century) and Mahmudabad

(14th–15th centuries), as well as in Baku, Nakhichevan, Shamakhi, Barda, Ganja, and other major cities in Azerbaijan. Medieval silver coins minted in these cities are preserved in the Numismatic Fund of the National Museum of History of Azerbaijan (NF NMHA) of the Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). The coins from Gashtasbi and Mahmudabad represent numismatic relics that have survived to the present day from these cities, which are now submerged in the Caspian Sea. Among these are dirhams minted in Gashtasbi during the reign of the Ilkhanid ruler Anushirvan (AH 745-757 / AD 1344-1357), the Jalayirid sultans Sheikh Uways (AH 757-776 / AD 1357-1374), Husayn (AH 776-784 / AD 1374-1382), and Ahmad (AH 784-813 / AD 1382-1410), as well as coins minted in Mahmudabad during the rule of the Golden Horde khan Tokhtamysh (AH 788-792 / AD 1386-1389) and the Qara Qoyunlu ruler Qara Yusuf (AH 809-823 / AD 1406-1420). The majority of these coins are documented in the works of numismatic scholars [8; 14; 15; 16; 18].

The silver dirham minted in the city of Gashtasbi in the name of the Ilkhanid ruler Anushirvan (1344-1357) (Fig. 9) bears the title *khan* rather than *sultan*. This coin, weighing 1.04 g and measuring 15 mm, is dated AH 756 / AD 1355 (NF NMHA), inventory no. 6482).

Gashtasbi dirhams were discovered in the 20th century in Russia, specifically at the Selitrennoe settlement in the Astrakhan region, alongside coins of the Golden Horde, Ilkhanids, Jalayirids, and Muzaffarids (288 pieces) [16, p. 75].

In 1382 CE (AH 784), the Jalayirid Sultan Ahmad (Qiyas ad-Din, r. AH 784-813 / CE 1382-1410) initiated a campaign against the city of Tabriz, overthrowing his brother and assuming power. A silver dirham attributed to his reign features the following inscription on the obverse (translated): “The just Sultan | Sultan Ahmad Bahadur | Khan, may God make his reign everlasting.” This coin is preserved in the collection of the Numismatic Fund of the National Museum of History of Azerbaijan (NF NMHA), inventory no. 24772. It weighs 1.1 grams, has a diameter of 13 mm, and is dated AH 785 (1383 CE). The word signifying “minted” is inscribed above, while “Gashtasbi” appears on the bottom line. The reverse displays a three-line symbol of Islam, surrounded by the names of the four Rightly Guided Caliphs (Fig. 10).

In 1907, a dirham of Sultan Ahmad minted in Gashtasbi was discovered in the city of Tetyushi in the Republic of Tatarstan. The latest known coin produced at the Gashtasbi mint dates to 1490 [15, pp. 61, 115].

A silver dirham bearing the name of the Mongol Khan Tokhtamysh (Fig. 11) is housed in the NF NMHA, inventory no. 6642. The inscription reads (translated): “The majestic Sultan | Tughtamish Bahadur | Khan may his power endure,” with the mint name Mahmudabad inscribed above. The date, translated as “Minted in the year 792 [1389 CE],” is engraved in the surrounding segments. The coin weighs 1.3 grams and has a diameter of 17 mm.

Numismatic analysis has confirmed the presence of Mahmudabad dirhams from the period of Tokhtamysh Khan in coin hoards discovered in 1851 in the village of Voskresensky, Dnipropetrovsk region, Ukraine [14, p. 74]; in 1902 in the village of Vinnovki, Syzran region, Kuybyshev Oblast [15, pp. 58, 61, 115]; and in 1986 in the village of Karatun, Apastovsky District, Republic of Tatarstan [11, p. 220]. The discovery of Gashtasbi and Mahmudabad silver coins across various locations within the modern Commonwealth of Independent States (CIS) corroborates the trade connections of that era.

In a hoard unearthed in 1973 in the village of Amili, Qabala region, dirhams resembling the Jalayirid coinage produced by the Shamakhi, Baku, Ardabil, Derbent, and Mahmudabad mints were minted in the names of Pirbudag Khan (1410-1418) and Shah Yusif Noyan [8, p. 176]. The weight of the silver coins minted in Mahmudabad and held in various collections ranges from 1.82, 1.85, and 1.91 to 5.05 grams.

The third phase of underwater archaeological research was conducted by archaeologist I. Aliyev in 2008. Ceramic samples dating from the 11th to the 13th centuries were collected from a site known as Shahri-Gurgan (Gurgan city) on the Absheron Peninsula, near the lighthouse. The underwater remains of a medieval settlement and a cemetery were discovered approximately 500 meters from the coast. Exploratory work was also undertaken in the Shirvan State Reserve in the Salyan region. Within the ruins of the ancient city of Mugan, fragments of glazed and unglazed pottery dating from the 9th to the 13th centuries were found. The island of Sangi-Mugan was inhabited by Russian-Normans from the 9th to the 11th centuries and by the pirates of Stepan Razin in the 17th century, and numerous naval engagements occurred there. Remains of ship anchors and pottery samples were observed in the southern part of the island [9, pp. 114–117]. This third phase of underwater archaeological research concluded in the same year. The work was suspended in 2008 due to a lack of technical equipment, suitable vessels, and trained divers, despite some advancements being made (Fig. 12).

The fourth phase of underwater archaeological research in Azerbaijan commenced in 2022. The decrease in the water level of the Kura River that year led to the discovery of material and cultural remains in certain coastal zones. Consequently, by the directives of the Director General of the Institute of Archaeology, Ethnography and Anthropology of ANAS, A. G. Seyidov, archaeologist M. Mustafayev undertook the investigation of pitcher graves in the village of Pirabba, Neftchala district, and household utensils found scattered in the riverbed near the village of Shorkand (Fig. 13) during April-May 2022 and March 2023. A jar burial, discovered in the northwestern part of Pirabba village within the Kura River bed, was excavated from the water. Several other jar burials were also found in the vicinity. One of the jars measured approximately 1.8 meters in height. Pottery vessels were discovered inside these jar graves. Analysis of the recovered material and cultural samples indicates that they date to the 1st-2nd centuries AD. These findings suggest the presence of a jar burial necropolis along the Kura River. The “jar burial culture” in the territory of Caucasian Albania spans from the 4th century BC to the 8th century AD.

Considering the significance of the aforementioned discoveries, the “Caspian Archaeology” department was established at the Institute of Archaeology, Ethnography and Anthropology of ANAS to conduct underwater archaeological research in the Caspian Sea and other water bodies. In August-September 2024, under the direction of Professor Dr. A. G. Seyidov, archaeological explorations were undertaken in the vicinity of Zira and Pirallahi, situated in the Khazar district of the Absheron Peninsula, as well as in the medieval city of Shahri-Gurgan [19, pp. 3–12]. These investigations led to the discovery of pottery dating from the 12th to the 14th centuries and the remnants of two shipwrecks from the 19th century in the Caspian Sea (Fig. 14).

Currently, the exhibition titled “Caspian Atlantis: Material Culture of the 9th–19th Centuries” at the National Museum of History of Azerbaijan features artifacts (ceramics, metal, stone, bone, etc.) recovered by an underwater archaeological team with the involvement of museum staff during the 1968–1987 period (Fig. 15).

Conclusion

In conclusion, despite the considerable positive outcomes resulting from nearly 90 years (albeit with interruptions) of underwater archaeological research in the Azerbaijani sector of the Caspian Sea, there remains a significant necessity for further investigation of the seabed. The recent regression of the Caspian Sea has exposed construction remnants, material and cultural samples, artifacts related to maritime history, and the remains of submerged vessels in coastal areas. Undoubtedly, numerous undiscovered monuments and cultural artifacts lie on the seabed, awaiting systematic investigation. We believe that, notwithstanding the existing limitations in technical resources (such as ships, divers, diving equipment, and aerial survey capabilities), opportunities should be maximized to continue underwater archaeological research throughout the year.

Given the constraints on conducting archaeological research at any time in the Caspian Sea, collaborations with relevant organizations should be established to facilitate more efficient underwater archaeological investigations utilizing specialized equipment, tools, and devices mounted on their vessels.

Fig. 1. Map of the Caspian region

Рис. 1. Карта Каспийского региона

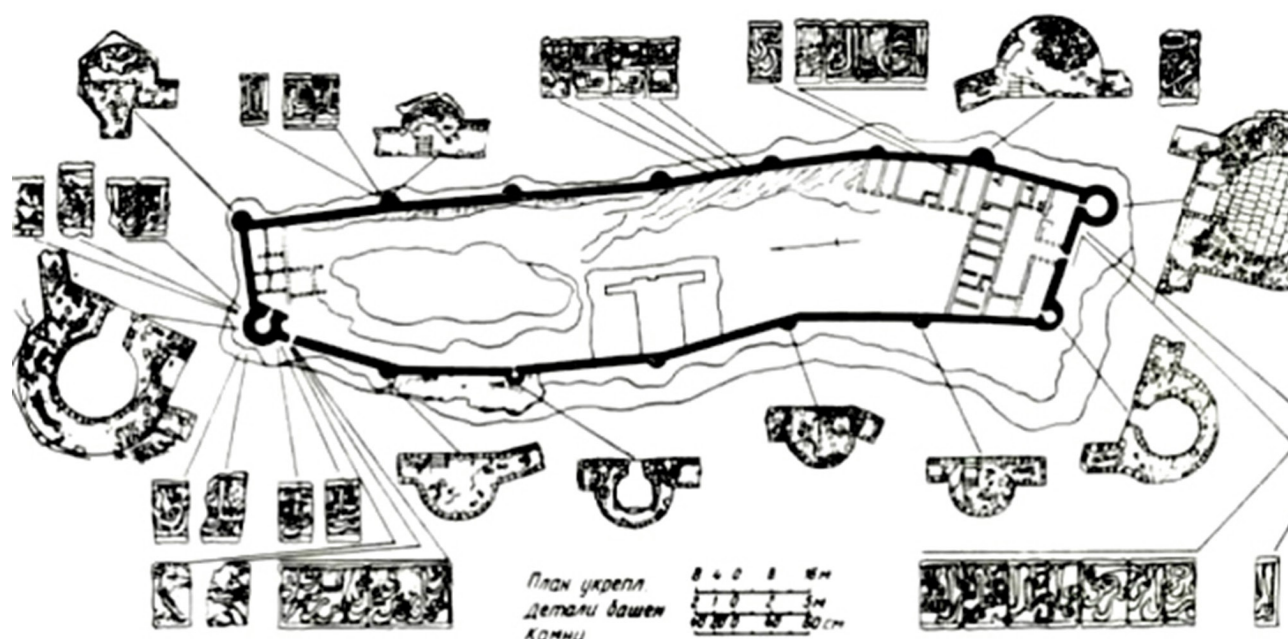

Fig. 2. Plan of Sabail Fortress

Рис. 2. План Сабайльской крепости

Fig. 3. Inscribed stones

Рис. 3. Камни с надписями

Fig. 4. Stone depicting humans

Рис. 4. Камень с изображением людей

Fig. 5. Sabail Island (2020)

Рис. 5. Остров Сабаиль (2020 г.)

Fig. 6. Sabail Island. Qala Fortress (1904)

Рис. 6. Остров Сабаиль. Крепость Кала (1904 г.)

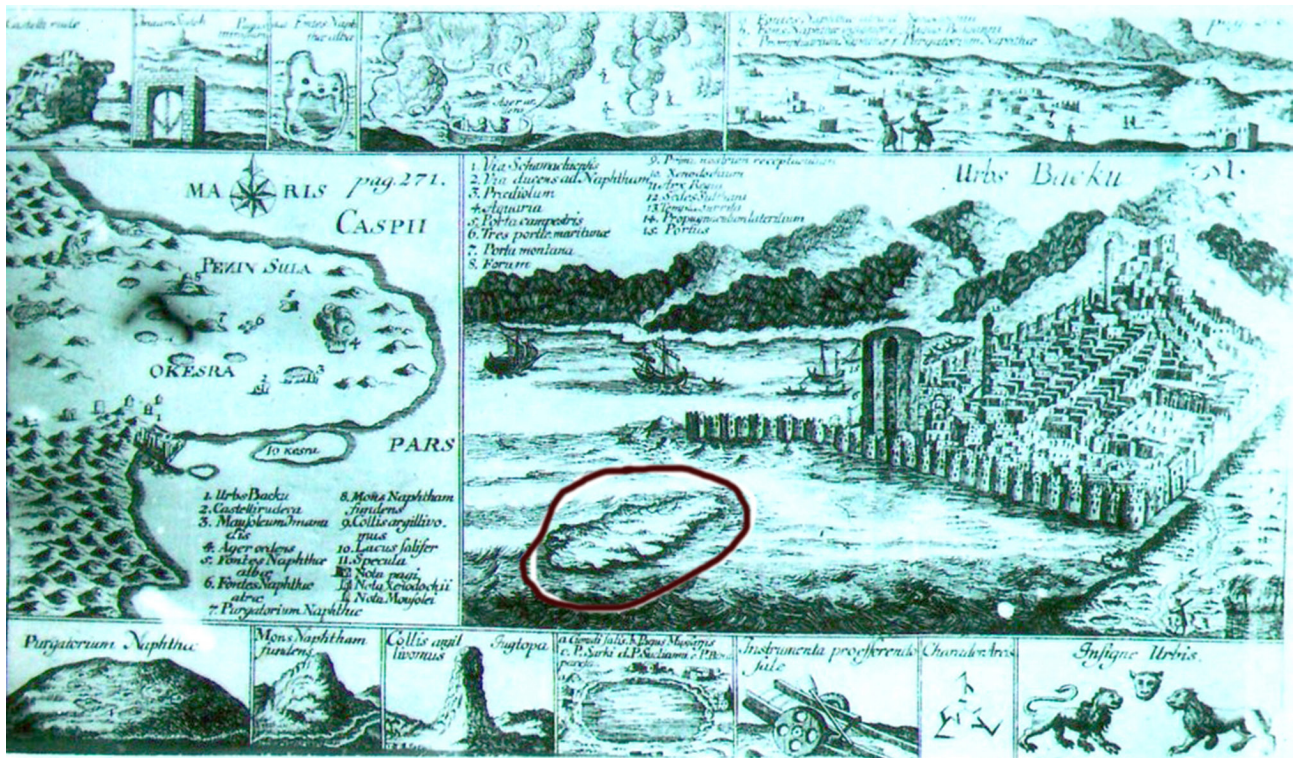

Fig. 7. E. Kaempfer's illustration (1683)

Рис. 7. Иллюстрация Э. Кемпфера (1683 г.)

Fig. 8. Pottery and stone anchor. V. Kvachidze's findings of 11th-14th centuries (1968-1987)

Рис. 8. Керамика и каменный якорь. Находки В. Квачидзе XI–XIV вв. (1968–1987 гг.)

Fig. 9. NF 6482. Silver dirham. Gashtasbi, 14th century. Weight – 1.04 g, diameter – 15 mm (NF NMHA)

Рис. 9. NF 6482. Серебряный дирхем. Гаштасби, XIV в. Вес – 1,04 г, диаметр – 15 мм (NF NMHA)

Fig. 10. NF 24772. Silver dirham. Gashtasbi, late 14th – 15th century. Weight – 1.1 g, diameter – 13 mm (NF NMHA)

Рис. 10. NF 24772. Серебряный дирхем. Гаштасби, конец XIV – XV в. Вес – 1,1 г, диаметр – 13 мм (NF NMHA)

Fig. 11. NF 6642. Silver dirham. Mahmudabad, late 14th century. Weight – 1.3 g, diameter – 17 mm (NF NMHA)

Рис. 11. NF 6642. Серебряный дирхем. Махмудабат, конец XIV века. Вес – 1,3 г, диаметр – 17 мм (NF NMHA)

Fig. 12. Aliyev's findings of 2008

Рис. 12. Находки Алиева 2008 года

Fig. 13. M. Mustafayev's findings of 2022-2023

Рис. 13. Находки М. Мустафаева 2022-2023 годов

Fig. 14. A. Seyidov's investigation of 2024

Рис. 14. Исследование А. Сеидова 2024 года

Fig. 15. Exhibition titled “Caspian Atlantis: Material Culture of the 9th – 19th Centuries” in the National Museum of History of Azerbaijan

Рис. 15. Выставка «Каспийская Атлантида: материальная культура IX–XIX веков» в Национальном музее истории Азербайджана

REFERENCES

1. Akhundov D.A. *Architecture of ancient and early medieval Azerbaijan*. Baku: Azerneshr, 1986. (In Russ)
2. Ashurbeyli S. *History of Baku city (medieval period)*. Baku: Abilov, Zeynalov and Sons, 2006. (In Azeri)
3. Ashurbeyli S. *The State of the Shirvanshahs*. Baku: Abilov, Zeynalov and Sons, 2006. (In Azeri)
4. *History of Azerbaijan*. Vol. I. Baku: Academy of Sciences of the Azerbaijan SSR, 1958. (In Azeri)
5. Sources on the history of Azerbaijan. Baku: Azerbaijan University Publ., 1989. (In Azeri)
6. Bartold V.V. *The place of the Caspian regions in the history of the Muslim world*. Baku, 1999. (In Azeri)
7. Caspian Heritage. Underwater archeology exhibition. Baku: ASQO, 2023. (In Azeri)
8. Seyfeddini M.A. *Coinage and money circulation in Azerbaijan in the 12th-15th centuries*. Vol. 2, Baku: Elm, 1978. (In Russ)
9. Aliyev I., Rahmanov A., Aliyev C. Underwater monuments of the Caspian Sea. *Journal of Archeological Research of Azerbaijan*. Baku: Khazar University Publ., 2008: 114-117. (In Azeri)
10. Aliyev Sh.C. *The Caspian Sea on historical maps*. Baku: Elm, 1973. (In Azeri)
11. Fedorov-Davydov G.A., Mukhametshin D.G. *The Karatun hoard of Juchid coins from 14th century*. Kazan: Kazan University Publ.; Moscow: Paleograph, 2018. (In Russ)
12. Kaempfer E. *Amoenitatum exoticarum polifico-physico-medicarum fasciculi V Lemgoe*, 1712. (From the book *History of Baku* by Sara Ashurbeyli, p. 129).
13. Kvachidze V.A. *Caspian Atlantis*. Baku: CBS, 2009. (In Azeri)
14. Pakhomov E.A. *Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus*. Issue II, Baku, 1938.
15. Pakhomov E.A. *Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus*. Issue VII, Baku, 1957. (In Russ)
16. Pakhomov E.A. *Coin hoards of Azerbaijan and other republics, territories and regions of the Caucasus*. Issue IX, Baku, 1966. (In Russ)
17. Pletneva S.A. *Khazars*. Moscow: Nauka, 1986. (In Russ)
18. Rajabli A.M. *Garagoyunlu and Aghgoyunlu coins*. Baku: AFpoliografAF, 2019. (In Azeri)
19. Seyidov A.G., Rustamova L.M. Archaeological excavations and underwater research in the Caspian coastal territories of Azerbaijan. *History, Humanity and Society*. 2024; 3: 3-12. (In Azeri)
20. Yusifov Y.B. *History of the Ancient East*. Baku: Baku University Publ., 1993. (In Azeri)

Received 22.04.2025

Accepted 03.06.2025

Published 15.09.2025

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. Баку: Азернешр, 1986, 311 стр.
2. Ашурбейли С. Баки şəhərinin tarixi (orta əsrlər dövrü). Bakı: “Əbilov, Zeynalov və oğulları”, 2006, 354 səh.
3. Ашурбейли С. Ширваншахлар dövləti. Bakı: “Əbilov, Zeynalov və oğulları”, 2006, 323 səh.
4. Azərbaycan tarixi. I cild, Bakı: Azərb. SSR EA Nəşriyyatı, 1958, 448 s.
5. Azərbaycan tarixi üzrə qaynaqlar. Bakı: “Azərbaycan Universiteti” Nəşriyyatı, 1989, 328 s.
6. Bartold V.V. Müsəlman dünyası tarixində Xəzəryanı bölgələrin yeri. Bakı: 1999, 160 s.
7. Xəzərin irsi. Sualtı arxeologiya sərgisi. Bakı: ASQO, 2023, 55 səh.
8. Сейфеддини М.А. Монетное дело и денежное обращение в Азербайджане XII-XV вв. В 2-х кн. Баку : Элм, 1981.
9. Əliyev İ., Rəhmanov A., Əliyev C. Xəzərin sualtı abidələri. Azərbaycanda Arxeoloji Tədqiqatlar jurnalı. Bakı: “Xəzər Universiteti” nəşriyyatı, 2008, 152 səh. s.114-117.
10. Əliyev Ş.C. Xəzər dənizi tarixi xəritələrdə. Bakı: Elm, 1973, 130 s.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Каратунский клад джучидских монет XIV века. Т. 1. Казань: Изд-во Казанского ун-та; М.: Палеограф, 2018.
12. Kaempfer Engelbert. *Amoenitatum exoticarum politico-physico-medicarum fasciculi V Lemgoviae*: Typis & impensis Henrici Wilhelmi Meyeri, aulae Lipniacae typographi, 1712.
13. Kvaçidze V.A. Xəzər Atlantidası. Bakı: CBS, 2009, 112 s.
14. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. II, Баку: 1938, 34 с.
15. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VII, Баку: 1957, 67 с.
16. Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. IX, Баку: 1966, 109 с.
17. Плетнева С.А. Хазары. Москва: Наука, 1986, 90 с.
18. Рəcəбли Ə.М. Qaraqoyunlu və Ağqoyunlu sikkələri. Bakı: AFpoliografAF, 2019, 118 s.
19. Seyidov A.Q., Rüstəmov L.M. Xəzərsahili Azərbaycan ərazilərində arxeoloji qazıntılar və dənizdə sualtı tədqiqatlar. Bakı: “Tarix, İnsan və Cəmiyyət” jurnalı, № 3, 2024, s. 3-12.
20. Yusifov Y.B. Qədim Şərq tarixi. Bakı: “Bakı Universiteti” Nəşriyyatı, 1993: 496 s.

Поступила в редакцию 22.04.2025 г.

Принята в печать 03.06.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213559-587>

Исследовательская статья

Зиливинская Эмма Давидовна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия
eziliv@mail.ru

Мягкова Юлия Яковлевна
кандидат биологических наук, доцент
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
miya2007@yandex.ru

АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ВЕРХНЕНОЙБЕРСКОЕ 1

Аннотация: В 2022–2023 гг. в Гудермесском районе Чеченской республики проводились охранные раскопки поселения XVII–XIX вв. Верхненойберское 1. В зону строительства попало не само поселение, а его сельскохозяйственная округа. Были исследованы сезонные постройки, используемые для обработки сельхозпродукции, топочные камеры, ямы для добычи глины. В работе представлены результаты археозоологических исследований из раскопок. Целью данного исследования явилось введение в научный оборот результатов анализа археозоологической коллекции из поселения Верхненойберское 1. В работе применяется современная методика, разработанная в Институте археологии РАН. В процессе работы решались задачи по изучению роли охоты и скотоводства в жизни людей поселения. Археозоологическая коллекция составила 11881 фрагмент костей. Кости рыб и птиц немногочисленны. Кости диких млекопитающих – единичны. В коллекции преобладают кости домашних копытных, среди которых наиболее высокая доля остатков мелкого рогатого скота, несколько меньше доля остатков крупного рогатого скота, еще меньше лошадей, кости свиньи – редки. В мясном потреблении поселения доминирует говядина. Забой молодняка крупного и мелкого рогатого скота был наибольшим в возрасте около 2х лет, что позволяет определить тип хозяйствования как «устойчивое производство». Использование крупного рогатого скота представляло собой преимущественно мясомолочное направление и, прежде всего, молочное направление. Мелкий рогатый скот разводили в равной степени для получения шерсти, молока, мяса и шкур. Кости домашних животных использовались для изготовления простейших бытовых предметов. Обращает на себя внимание захоронение большого количества собак. Найдено 39 крупных фрагментов скелетов собак и 83 разрозненных кости. Выдвинуто две гипотезы гибели собак в большом количестве: в результате естественных причин или в связи с изменением религиозной ситуации.

Ключевые слова: Новое время; Чеченская республика; археология; поселение; археозоологическое исследование; массовое захоронение собак; скотоводство; источники животного белка; бытовые предметы из кости

Для цитирования: Зиливинская Э.Д., Мягкова Ю.Я. Археозоологические исследования на поселении Верхненойберское 1 // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 3. С. 559-587. doi.org/10.32653/CH213559-587

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213559-587>

Research paper

Emma D. Zilivinskaya
Dr. Sci., Leading Researcher
Institute of Ethnology and Anthropology of RAS, Moscow, Russia
eziliv@mail.ru

Yulia Ya. Myagkova
Cand. Sci. (Biology), Assoc. Prof.,
South Federal University, Rostov-on-Don, Russia
muya2007@yandex.ru

ARCHEOZOOLOGICAL STUDIES OF VERKHENENYBERSKOYE 1 SETTLEMENT

Abstract. In 2022 and 2023, rescue excavations were conducted at the 17th–19th-century settlement of Verkhnenoyberskoye 1 in the Gudermes District of the Chechen Republic. The excavation area encompassed the settlement's agricultural zone rather than its residential core, revealing seasonal structures used for processing agricultural products, furnace chambers, and clay extraction pits. This paper presents the findings of an archeozoological analysis of materials recovered from these excavations. The primary objective is to introduce the results of the archeozoological collection from Verkhnenoyberskoye 1 into scholarly discourse. The study employs contemporary methodologies developed at the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences to investigate the roles of hunting and animal husbandry in the settlement's economy. The archeozoological assemblage comprises 11,881 bone fragments, with fish and bird remains being scarce and wild mammal bones rare. Domestic ungulates predominate, with small ruminants constituting the largest proportion, followed by cattle, with fewer horse remains and minimal pig bones. Beef was the primary meat consumed, and the slaughter of young cattle and small ruminants, peaking at approximately two years of age, indicates a sustainable production system. Cattle were primarily utilized for meat and dairy, with an emphasis on milk production, while small ruminants were raised for wool, milk, meat, and hides. Domestic animal bones were also repurposed for simple household tools. Notably, the assemblage includes 39 large dog skeleton fragments and 83 scattered dog bones, suggesting significant dog mortality. Two hypotheses are proposed: death due to natural causes or as a result of shifts in religious practices.

Keywords: modern era; Chechen Republic; archeology; settlement; archeozoological study; mass burial of dogs; husbandry; animal protein sources; bone household tools

For citation: E.D. Zilivinskaya, Yu.Ya. Myagkova. Archeozoological studies of Verkhnenoyberskoye 1 settlement. History, Archaeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 559-587. doi. [org/10.32653/CH213559-587](https://doi.org/10.32653/CH213559-587)

Введение

Целью данного исследования является введение в научный оборот результатов анализа археозоологической коллекции из поселения Верхненойберское 1. В процессе работы решались задачи по изучению роли охоты и скотоводства в жизни населения, сделана попытка реконструировать характер получения мясных продуктов и представить характеристику направлений хозяйственных отраслей, которые обеспечивали животным белком людей данного поселения.

В 2022–2023 гг. Кавказская археологическая экспедиция Института археологии РАН под руководством В.Ю. Малашева проводила охранно-спасательные археологические раскопки в Гудермесском районе Чеченской Республики «Строительство и реконструкция автомобильной дороги М-29 «Кавказ» – из Краснодара через Грозный, Махачкалу до границы с Азербайджанской Республикой». Работами на Верхненойберском 1-ом поселении руководила Э.Д. Зиливинская.

Об особенностях животноводства на Кавказе в прошлые исторические эпохи известно крайне мало. Литературные источники немногочисленны, сведения в них отрывочны. Имеются сообщения о преимущественном разведении мелкого рогатого скота на основе обнаруженных костных остатков в аланских катакомбах окрестностей Кисловодска [1 с. 29]. Рената Эберсбах, швейцарский исследователь, приводит расчёты потребления продуктов питания на одного человека в Кисловодской долине в 1 тыс. н.э. [2]. О преобладании мелкого рогатого скота как заупокойной пищи в катакомбных захоронениях в различных районах Северного Кавказа сообщает Д.С. Коробов [3, с. 199–214]. Он же отмечает значительное количество костей мелкого рогатого скота и лошадей в пищевых отходах того же времени в Кисловодской долине.

Некоторый интерес представляет работа Я.В. Березина и А.К. Швыревой о фауне поселения Энергетик II–III вв. н.э. в окрестностях Пятигорска [4]. Авторами отмечено значительное количество костей крупного рогатого скота, но следует отметить, что в процессе предварительной сортировки было отброшено большое количество костей, что могло существенно исказить реальную картину.

Нами опубликовано две работы по изучению костных остатков из поселений Северного Кавказа: поселение V–VII вв. н.э. Галанчожского район Чеченской Республики [5] и раннесредневековое Хумаринское городище в Карачаево-Черкессии [6].

Таким образом, мы располагаем крайне ограниченной информацией об охоте, рыболовстве и животноводстве, которые в значительной степени определяли экономику и уклад жизни людей Кавказа. Причём мы обладаем разрозненными исследованиями лишь некоторых временных границ и небольших отдельных территориальных участков. Физико-географические условия и климат резко отличаются в разных районах Кавказа, от степных участков до высокогорных районов, что несомненно влияло на хозяйственную деятельность жителей. Osteологический материал из археологических памятников позволяет охарактеризовать аспекты хозяйства, даже если это материал Нового времени, точнее – XVII – начала XIX в. Письменные источники далеко не всегда несут объективную и полную информацию. Археобиологические материалы отражают производство, особенности потребления, обмена, торговли и т.д. Один из массовых археологических материалов – кости животных из кухонных отходов используется в настоящее время для реконструкции системы мясного потребления, характеристики различных направлений хозяйственной деятельности населения. Поэтому представляются важными и ценными публикации по исследованию костных остатков животных из поселений любых исторических эпох из разных районов Кавказа. В данной работе использовались современные методы исследования osteологического материала [7; 8 и др.]. Определение костей проводилось по определителям костей [9; 10] и личной коллекции Мягковой Ю.Я.

Археологический контекст

Общая площадь раскопок поселения Верхненойберское 1 составила 57707,18 кв. м. Поселение расположено на равнине, недалеко от пос. Верхний Нойбер в 15 км к ЮВ от Гудермеса (рис. 1). Поселение датируется XVII – первой половиной XIX в. Раскопки показали, что в зону строительства само поселение не попало, а на территории, которую необходимо было исследовать, находится его округа (рис. 2). Вся исследуемая площадь была поделена на 193 участка. Часть из них не содержала каких-либо сооружений, и культурный слой на них отсутствовал. Местами встречались отдельные постройки, топочные камеры и хозяйственные ямы. Вокруг сооружений находились пятна культурного слоя, мощность которого достигала 3–5 пластов.

Постройки, которых было исследовано около 70, представляли собой легкие каркасные конструкции, кровля которых опиралась на многочисленные столбы, вкопанные в землю. Сооружения, в среднем, небольшие по размерам – 5–6×3–4 м, но встречаются и более крупные – длиной до 15 м. В стенках некоторых сооружений были зафиксированы топочные камеры в виде прямоугольных в плане ниш с прокаленными стенками и дном. В отдельных постройках по дну проходил дымоходный канал, покрытый сверху деревянными плахами, покрытыми глиной. Исследованные сооружения, скорее всего, представляли собой сезонные постройки для обработки сельхозпродукции. В них могли сушить кукурузу и фрукты, а в сооружениях с дымоходами – коптить мясо.

Еще одним распространенным типом хозяйственных сооружений являются так называемые «топочные камеры». Они представляли собой прямоугольные, сильно вытянутые ямы с ровными отвесными стенками и горизонтальным дном. Длина их составляла 4–5 м, ширина 50–60 см и глубина 1–1,3 м. Стенки и дно камер были прокалены до красного цвета, в заполнении было много золы.

Также на исследованной территории находилось большое количество различных ям. Отличительной особенностью большинства из них являются неровные стенки с большим количеством ниш и подбоев и неровное дно, изрытое ямами меньших размеров. Эти ямы, скорее всего, были выкопаны для добычи глины.

Среди них выделяется яма 2 на участке 2 (рис. 3, 4). Яма была прослежена на уровне материка как огромное пятно горелого слоя черно-красного цвета и золы. Прослойки различного цвета образовывали неправильные концентрические окружности и спирали, что указывало на то, что заполнение имело «просадку» в средней части. Яма 2 имела круглую форму, ее диаметр в верхней части составлял 9,8 м. Верхняя часть заполнения на глубину до 2,0 м состояла из горелого слоя, состоящего из прокаленного докрасна суглинка и прослоек серой золы, древесных угольков и копоты. В нижней части находился желтый рыхлый материковый суглинок мощностью до 2,2 м. Яма имела неровные стенки, которые ступенчато опускались ко дну, и в вертикальных их поверхностях были сделаны многочисленные ниши. С южной стороны были сделаны четыре большие ступени. Дно ямы также было неровным, в нем были выкопаны ямы различных размеров. Общая глубина ямы достигала 4 м. По всей вероятности, она являлась карьером для выборки глины. Этим объясняется неровная конфигурация ее стенок и наличие большого количества ям, ниш и «закопушек», из которых вынимали глину. Для того, чтобы было удобнее заходить в карьер и выходить из него с южной стороны были сделаны ступени.

Впоследствии яма была превращена в свалку. В ее заполнении было найдено много фрагментов керамики и огромное количество костей животных. Среди последних выделяется находка 26 скелетов собак. Некоторые сохранились полностью, некоторые – частично. Скелеты собак найдены на разных уровнях, то есть, скорее всего, захоронены были не одновременно. Вероятно, когда яма 2 использовалась в качестве свалки, туда сбрасывалось много органических остатков, включая трупы собак. Из соображений

санитарии, эти остатки сжигались, в результате чего в яме накопился мощный горелый слой. Кроме скелетов собак в яме обнаружено большое количество фрагментов костей млекопитающих (табл. 1), на большинстве которых имелись следы разрубов, т.е. они представляли собой пищевые отходы.

Материалы и наблюдения

Кости животных в большом количестве встречались в культурном слое, сооружениях и ямах. Общий объём собранных костных остатков составляет 11881 экз., которые относились к трём классам позвоночных животных: костные рыбы, птицы, млекопитающие. Также была обнаружена одна раковина моллюска.

Моллюски двустворчатые. В наличии имелась одна раковина двустворчатого моллюска – сердце-видка разноцветная. Этот вид нередко встречается в солоноватых водоёмах. Раковина могла попасть на поселение случайно.

Костные рыбы. Обнаружено 68 костей рыб. В основном кости рыб находились в ямах: осетровые (до вида не определено) – 15, осётр – 35, сом – 15 костей. И ещё три кости осетровых были найдены в пластах 2, 3 и 5.

Птицы. Найдено 42 кости птиц, преимущественно диких: 4 кости от крупных птиц, 33 кости от птиц среднего размера, 5 костей от мелких птиц. Почти все кости птиц находились в сооружениях и ямах. Кости птиц переданы на определение зав. кабинетом палеоорнитологии Н. Зеленкову (Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка, Москва).

Млекопитающие. Остальные кости принадлежали млекопитающим: 11659 костей, из них 10514 разрозненных костей и 46 целых скелетов или их крупных фрагментов (в общей сложности 1145 костей). Кости имели хорошую сохранность – 4–5 баллов (по 5-балльной шкале).

В связи со значительной фрагментарностью костей представилось возможным определить до вида 7384 (70%) разрозненных костей. Наиболее целые кости находились в яме 2 на участке 2 – здесь определено 85% костей. В пластах 4–5 определено 72% костей, меньше – 50–60% – в других ямах и в верхних пластах. Наименьшее количество костей определено до вида – 40–50% в сооружениях и из пласта 3, где, видимо, кости подвергались дополнительному воздействию внешних факторов. До вида определено также 47 крупных фрагментов скелетов млекопитающих.

Костей диких млекопитающих мало ($n = 67$): олень благородный, лисица обыкновенная, косуля, заяц, кабан, лесная кошка (табл. 1).

Олень благородный (Cervus elaphus). Значительная часть фрагментов скелета оленя – это рога. Часть из них просто фрагменты ($n = 7$), часть отпилены (может быть отрублены) – 23 фрагмента и ещё 2 – это изделия из рогов (вероятно, рукоятки для ножа). Предположительно рога были подобраны в окрестных лесах, то есть мясо этих особей, вероятно, не употреблялось в пищу. И лишь 13 фрагментов от трубчатых костей и от лопаток, вероятнее всего, осталось от убитых и съеденных особей.

Кабан (Sus scrofa). Найден 1 череп (участок 2, яма 2) и 6 костей посткраниального скелета. Кости домашних и диких свиней мало отличимы друг от друга. Поэтому полностью нельзя исключить, что это кости от крупных домашних свиней.

Таблица 1. Количество костей и их фрагментов млекопитающих, обнаруженных на поселении.

Table 1. Number of mammal bones and their fragments from the settlement.

Группы млекопитающих	Разное	Точные камеры	Очаги	Сооружения	Ямы	Участок 2 яма 2	Участок квadrat	Пласты							Всего
								1	2	3	4	5	6	7	
Не определено до вида:	122	59	25	511	1681	36	199	81	91	107	96	85	36	1	3130
крупных млекопитающих	54	10	9	202	467	13	122	29	29	55	60	42	14	1	1107
средних млекопитающих	68	49	16	309	1214	23	77	52	62	52	36	43	22		2023
Определено до вида:	203+2^x	124	42+1^x	1573+4^x	3964+7^x	230+26^x	363+1^x	132+3^x	142+1^x	250+2^x	284	185	159	4	7384+47^x
Бык домашний	88	34	24	708+2 ^b	1165	117	171	58	60	156	187	106	72	3	2949+2^x
Овца или коза	50	52	2	475	1551	42	112	40	48	55	48	38	44		2557
Овца домашняя	27	21	6	223	534+1 ^o	15	38	14	11	15	18	16	26		964+1^x
Коза домашняя	8	7	1	52	184	16	11+1 ^k	2	5	6	2	4	10	1	309+1^x
Свинья домашняя			1	13	8		1		1	1	2		1		28
Лошадь домашняя	24+1 ^l	9	7	68	196	37	21	8	9	12	14	16	3		424+1^x
Собака	4+1 ^c			24+2 ^c	26+4 ^c	26 ^c	3	4+3 ^c	2+1 ^c	3+2 ^c	11	5	1		83+39^x
Кошка			1+1 ^{kn}		3+1 ^{kn}										4+2^x
Олень благородный				13	27		1			2	2				45
Косуля	1	1		5	2								1		10
Заяц					1										1
Лиса					1 ^{lc}								1		1+1^x
Кабан	1				1	1	5								8
Кошка лесная								1							1
Всего	325+2^x	183	67+1^x	2092+4^x	5379+7^x	264+26^x	562+1^x	208+3^x	227+1^x	3-57+2^x	380	270	195	5	10514+47^x

Усл. обозначения: Количество целых скелетов или их крупных фрагментов: 1^c – собаки, 1^b – быка домашнего, 1^{kn} – кошки домашней, 1° – овцы домашней, 1^{lc} – лисицы, 1^k – козы домашней, 1^x – разных млекопитающих

Лисица (Vulpes vulpes). Кости целые, имеют светлую окраску. Предположительно, в поселение попали случайно и в более позднее время.

Заяц (Lepus europaeus). Обнаружена единственная кость – тазовая.

Кошка лесная (Felis silvestris) – 1 кость.

Косуля (Capreolus capreolus). Кости косули найдены в небольшом количестве и только от взрослых особей: два фрагмента нижней челюсти и пять почти целых нижних челюстей, берцовая, два фрагмента лопатки и одна целая лопатка. На фрагментах есть следы разрубов.

Кости диких млекопитающих составили всего лишь 0,6% от всех определённых до вида костей, соответственно, дикие животные не играли существенной роли в обеспечении мясной пищей людей поселения, и охота не занимала важное место в их жизни. Остальные кости (n = 7364) принадлежали обычным домашним животным.

Собака (Canis familiaris). Найдено 83 разрозненные кости и 39 крупных фрагментов скелетов (рис. 4). Среди разрозненных костей большинство (75%) – это целые кости, фрагментов значительно меньше (25%).

Обращает на себя внимание значительное количество костей собак в целом, особенно много их в яме 2 на участке 2. Было проведено изучение этих костей, прежде всего, для установления вида: шакал-собака-волк. Мы считаем, что это кости именно собак, а не шакалов или волков:

- обнаруженные кости крупнее, чем у шакалов, и лишь некоторые из них по размерам почти равны костям волка;

- хотя кости собак и шакалов схожи, но некоторые особенности строения рассматриваемых костей свидетельствуют об их принадлежности именно собакам. Определение проводилось с использованием разработок В.И. Громовой, И.М. Громова [9; 10] и личной коллекции;

- промеры костей и рост этих собак в холке варьируют в большой степени (рис. 6). Такое большое варьирование размеров костей характерно только для домашних животных, особенно при бессознательном отборе. Вызывает сомнение в определении вида двух самых крупных особей, размеры которых соответствуют размерам некрупных волков. Вместе с тем собаки содержались, вероятно, достаточно свободно, поэтому возможно скрещивание собак и волков. На рис. 7 приведены черепа самой крупной собаки № 1, средней по размерам № 6 и самой маленькой собаки № 21. Эти же собаки отмечены под такими же номерами (№ 1, 6 и 21) на рис. 5 и рис. 8.

Рост собак, кости которых обнаружены на раскопе, колебался от 49 до 72 см в холке, в среднем 57 см (n = 31). По росту большинство собак были примерно с современную лайку, и несколько особей, более крупные, приблизительно размером с овчарку. Все собаки – мезоцефалы.

В яме 2, участок 2 кости собак целые, не раздроблены. Представлены почти все кости скелета (рис. 5). Отсутствуют некоторые мелкие кости: предплюсневые и запястные и третьи фаланги, но это мелкие кости, их не всегда выбирают из грунта. Сложно было точно соотнести какие кости принадлежали какой конкретной особи. Разбор на особи проводился с учётом местонахождения, размеров, наличия или отсутствия синоستозов трубчатых костей. Ответить на вопрос, где находятся остальные кости, проблематично.

Причины такого скопления останков собак в одном месте (яма 2) не ясны. Какие-либо следы, что собаки были убиты (ножом, огнестрельным оружием), не обнаружены. Собаки погибли в разные годы, не одновременно. По этому поводу можно высказать две гипотезы:

- гибель собак произошла вследствие какой-либо инфекционной болезни, то есть гибель от вполне естественных причин. Возбудители ряда заболеваний могут сохраняться в окружающей среде достаточно долго. Собаки могут быть сами носителями возбудителей некоторых заболеваний (например, при гемобартонеллезе), или же возбудители сохранялись в окружающей среде. Например, сохранение бабезий – возбудителей пироплазмоза и заражение ими собак через пастбищных клещей. Некоторые животные (например, при гемобартонеллезе), с одной стороны, могут быть переносчиками возбудителей, с другой – носители инфекции могут заболеть сами при ухудшении условий (питание, неблагоприятные климатические условия, ослабление организма вследствие заражения гельминтами и т.п.). Поэтому гибель значительного количества животных могла происходить в течение нескольких лет;

- вторая гипотеза – массовое уничтожение собак людьми в связи со сменой религиозных воззрений. В исламе собака считается нечистым (араб. *наджаса*), грязным животным, и её содержание не рекомендуется. Во всяком случае, собак нельзя содержать ради развлечения, нельзя держать в доме. Согласно

нормам ислама, если же происходил телесный контакт человека с собакой (особенно, со слюной собаки), то необходимо, по меньшей мере, помыть место контакта (одежду, участок тела), совершить малое омовение (*тахарат*), чтобы выйти из состояния ритуальной нечистоты, осквернения. Вместе с тем, мы не располагаем данными о массовом уничтожении собак. В настоящее время могут иногда умертвить собаку, в которую якобы вселился шайтан. Согласно хадисам, это чёрная собака с двумя белыми отметинами [11, с. 1572].

Собаки, кости которых обнаружены в других местах поселения (рис. 8), практически ничем не отличаются от собак в яме 2.

Кошка (Felis catus). Найдено 4 отдельных кости и 2 крупных фрагмента скелетов. Кости кошек обнаружены в очагах и в ямах. Количество костей кошки не свидетельствует об их относительной малочисленности, так как они в случае болезни часто забиваются в укромное место, и их кости редко попадают в ямы с «кухонными отходами».

Бык домашний (Bos taurus). В целом костей крупного рогатого скота ($n = 2951$) существенно меньше, чем костей мелкого рогатого скота ($n = 3832$), но такое соотношение в разных местах раскопа различно (табл. 1). Почти целых скелета было только два.

Количество обнаруженных фрагментов рогов – 28, то есть рога составляют 1,4% от общего количества костей быка. Согласно принятым расчётам [12] популяция была рогатой. Длина рогов по большой кривизне 135, 165 см. Рога слабо изогнуты, длина по радиусу – 95, 130 см. Некоторые промеры рогов представлены в таблице 9.

Согласно усреднённым коэффициентам [12], рост особей следующий: 96, 100, 103, 105, 107, 108, 109, 113, 114, 116, 117, 118, 119, 121, 121, 121, 122, 123, 123, 123 см в холке. То есть крупный рогатый скот был малорослым, с небольшими рогами. Такой скот был малопродуктивным, но, вероятно, более приспособленным к местным условиям. Благодаря особенностям строения и, скорее всего, наличия густой шерсти, теплоотдача была минимальной. Большую часть года такой скот мог находиться под открытым небом. Запасы сена могли быть небольшими – на случай особо холодных и снежных зимних дней.

Судя по их пропорциям, 3 кости (21%) принадлежали быкам, 2 кости (13 %) – волам и 10 костей (66%) – коровам. Количество пястных костей, по которым можно определить пол, было небольшим, поэтому данные о соотношении особей разного пола статистически не достоверно.

Судя по наличию трубчатых костей ($n = 129$), у которых эпифизы не срослись с диафизами, 30% особей были моложе 4-х лет. Сходные цифры получаются и на основе анализа зубной системы – 27%.

Судя по состоянию зубной системы, молодые особи забивались в разном возрасте (табл. 2). Значительная часть забивалась возрасте около 2–3-х лет, скорее всего, происходила выбраковка части бычков, так как в это время бычки достигают значительной массы (около 100 кг).

Таблица 2. Возраст особей крупного рогатого скота по состоянию зубной системы.

Table 2. Age distribution of cattle based on dental analysis.

Состояние зубной системы быка домашнего	Возраст	Количество	
		абс.	%
M_1 не прорезался	до 6ти мес.	5	6
M_1 прорезается	6–8 мес.	7	8
M_1 прорезался, M_2 не прорезался	9–13 мес.	10	11
M_2 прорезается M_3 не прорезался	15–18 мес.	9	9
M_2 прорезался M_3 не прорезался	18–28 мес.	20	23
M_3 прорезается или только прорезался	2,5–3 года	10	11
M_3 прорезался	3–4 года	2	3
	5–6 лет	2	3
	7–10 лет	5	6
	12–15 лет	6	7
	Старше 15ти лет	11	13

На участке 12, в яме 3 обнаружен крупный фрагмент черепа с прямым междурожьем и некрупными рогами (рис. 9). На участке 82 в сооружении 2 обнаружены череп и дистальные части конечностей крупной особи, предположительно быка домашнего. Точное определение вида затруднено, так как череп был сильно раздроблен. Все кости принадлежали особи в возрасте примерно 18–28 месяцев (M_3 не прорезался), диафизы метаподий ещё не срослись с дистальными эпифизами, то есть рост костей животного ещё продолжался.

Мелкий рогатый скот представлен обычными видами: овца домашняя (*Ovis aries*) и коза домашняя (*Capra hircus*). Всего обнаружено 3832 фрагмента костей, из которых лишь третья часть представилось возможным определить до вида: 974 кости (76%) – овца домашняя и 307 костей (24%) – коза домашняя.

Рост овец установлен для 11 особей: 51, 53, 55, 55, 57, 62, 67 см в холке, то есть довольно мелкие.

Возраст определён в основном по состоянию зубной системы, целых фрагментов трубчатых костей крайне мало. Исходя из анализа зубной системы, устанавливается, что около 70% овец забивалось в возрасте до 2-х лет (табл. 3). Основной забой производился в возрасте около 2-х лет, то есть весной. Хотя обычно забой овец на мясо производится в возрасте около 1 года, так как далее держать их зачистую невыгодно. Среди особей, достигших взрослого возраста (более 2-х лет) пик забоя приходится на возраст 6–10 лет.

Таблица 3. Возраст овцы домашней по состоянию зубной системы.

Table 3. Age distribution of domestic sheep (*Ovis aries*) based on dental analysis.

Состояние зубной системы овцы домашней	Возраст	Количество	
		абс.	%
M_1 не прорезался	до 3-х мес.	4	2
M_1 прорезается	около 3-х мес.	12	4
M_1 прорезался, M_2 не прорезался	3–12 мес.	39	15
M_2 прорезался, M_3 не прорезался	13–18 мес.	23	9
M_3 прорезается или только что прорезался	19–24 мес.	105	40
M_3 прорезался	2–3 года	13	5
	4–5 лет	11	4
	6–8 лет	24	9
	8–10 лет	23	9
	10–12 лет	8	3
	более 12 лет	3	1
Всего		265	100

В XIX в. многие семьи местного населения имели соотношение овец к козам в стаде 3:1. Чеченцы занимали ведущее место в разведении коз на Северном Кавказе. Традиционно козлов ставили во главе овечьего стада. От коз надаивали до 45 ведер молока в год, что больше, чем от коровы, причём молоко было высокой жирности, до 4,5%. Коз раз в год стригли, получая около 700 грамм шерсти от одной особи [13].

Крупных фрагментов трубчатых костей для определения возраста коз мало, рост определён для 5 особей: 58, 61, 62, 65, 71 см в холке. Такой рост имеют козы большинства современных пород. Анализируя состояние зубных систем, можно отметить, что в основном забивали особей в возрасте от 5 месяцев до 2-х лет, в разное время года (табл. 4).

Таблица 4. Возраст по состоянию зубной системы козы домашней.

Table 4. Age distribution of domestic goat (*Capra hircus*) based on dental analysis.

Состояние зубной системы козы домашней	Возраст	Количество челюстей	
		абс.	%
M_1 не прорезался	до 3-х мес.	4	7
M_1 прорезается	3–4 мес.	7	13
M_1 есть, M_2 не прорезался	5–8 мес.	11	21

M ₂ есть M ₃ не прорезался	9–18 мес.	11	21
M ₃ прорезается или только что прорезался	19–24 мес.	10	18
M ₃ прорезался	4–5 лет	3	6
	6–8 лет	3	6
	8–10 лет	2	4
	10–12 лет	2	4
	Всего	53	100

Свинья домашняя (*Sus scrofa domesticus*). В разных местах раскопа найдено 28 костей свиньи домашней, что в целом составляет 0,5% от общего количества костей сельскохозяйственных млекопитающих.

Лошадь домашняя (*Equus caballus*). Костей обнаружено немного (n = 425): в сооружениях – 4,4%, в ямах – 6%, в пластах – 6,2% от общего количества костей сельскохозяйственных млекопитающих. Лошадь очень ценилась, её чаще всего использовали как вьючное, ездовое животное. Среди костей обнаружено лишь 5 зубов от молодой особи, все остальные кости – исключительно от взрослых животных. Вероятно, в пищу конина употреблялась редко, забивались лошади, выбракованные по тем или иным причинам. Относительно целых фрагментов челюстей было лишь 14, поэтому делать выводы о времени забоя не целесообразно. Рост установлен для трёх особей: 138 см в холке – среднерослая; 138 см в холке – среднерослая, полутолстоногая; 146 см в холке – рослая.

Промеры костей приведены в таблице 9. В таблицу включены промеры тех костей, количество измеряемых целых костей или их фрагментов которых было более 10.

Обсуждение

Соотношение костей сельскохозяйственных животных представлено на рис. 10. Преобладают кости крупного и мелкого рогатого скота, но их соотношение различно:

- в сооружениях костей крупного и мелкого рогатого скота примерно одинаково: 46,1% и 48,7% соответственно;
- в ямах количество костей мелкого рогатого скота почти в 2 раза больше, чем количество костей крупного рогатого скота;
- количество костей в целом в пластах значительно меньше, и кости более раздроблены, поэтому их соотношение может быть в определённой степени случайно.

На одноимённых костях крупного и мелкого рогатого скота находится разное количество мяса. Для подсчёта относительного объёма мяса каждого вида млекопитающих необходимо ввести переменную, которая бы позволяла оценить разницу весовых показателей у представителей разных видов по методике Е.Е. Антипиной [14]. Соотношение по весу туш сельскохозяйственных животных – их кратность – и является таким коэффициентом (табл. 5).

Таблица 5. Расчёты коэффициента.

Table 5. Coefficient calculations.

Виды млекопитающих	Рост	Масса взрослых особей	Количество молодых особей	Масса особи, в среднем	Масса скелета, кг	Масса кожи, кг	Масса мяса без массы скелета и кожи	Коэффициент
Бык домашний	114	400	20%	360	73	25	262	11
Овца домашняя	57	40	20%	35	10	2	23	1

Коза домашняя	63	40	80%	20	10	2	8	0,3
Свинья домашняя	–	150	80%	100	10	5	85	4
Лошадь домашняя	141	330	10%	310	71	16	223	10

Таблица 6. Расчёт относительного объёма мяса, потребляемого населением.

Table 6. Estimated relative volume of meat consumption by the settlement population.

Группы млекопитающих	Количество костей	Коэффициент	Виды мяса	Относительные объёмы потребления мяса	
				абсолютный	%
КРС	2951	11	Говядина	3261	80
Овца и коза	3832	1	Баранина и козлятина	3832	9
Свинья	28	4	Свинина	112	0,3
Лошадь	425	10	Конина	4250	11

В соответствии с проведенными расчётами можно сделать вывод, что население питалось в основном говядиной, другие виды мяса использовали редко (табл. 6).

Соотношение более ценных в мясном отношении частей туши и менее ценных у крупного и мелкого рогатого скота практически одинаково (табл. 7). Это обычно свидетельствует о том, что скот разводился и использовался на мясо непосредственно на поселении. Количество костей лошади, на которых находится большее количество мяса несколько больше (57%), чем менее ценных. Вероятно, некоторое количество конины закупали, но количество костей лошади небольшое, разница более и менее ценных фрагментов небольшая, поэтому такой вывод следует считать преждевременным. Костей свиньи крайне мало для вывода, что свинина закупалась.

Таблица 7. Представленность разных отделов скелета в остеологических материалах, в %.

Table 7. Percentage representation of different skeletal elements in osteological materials.

Отделы скелета			Бык домашний	Овца или коза	Свинья домашняя	Лошадь домашняя
Части туши в мясном отношении	малоценные	Голова (череп, рога, нижние челюсти)	18,4	31,1	0,0	8,6
		Зубы	11,8	12,8	4,0	23,3
		Кости запястья и предплюсны (включая таранную и пяточную)	12,3	8,2	8,0	5,5
		Дистальные части конечностей (метаподии, фаланги)	5,6	1,7	12,0	5,5
		Всего	48,1	53,8	24,0	42,9
	более ценные	Туловище (позвонки, рёбра)	24,4	20,5	12,0	47,0
		Плечо (лопатка, плечевая, лучевая, локтевая)	16,3	13,4	36,0	4,1
		Бедро (тазовая, бедренная, берцовая)	11,3	12,4	28,0	6,0
		Всего	51,9	46,2	76,0	57,1

Ряд костей (рёбра, позвонки), а также многие мелкие фрагменты костей коз и овец неотличимы. Поэтому приходится при ряде анализов объединять кости овец, кости коз и те фрагменты, которые в равной степени можно отнести к овцам или козам. Если же сравнить соотношение костей разных отделов, то получается следующая картина (табл. 8).

Количество найденных рогов коз естественно больше, так как у коз и самцы, и самки – рогатые. У овец у одних пород рогатые только самцы, у других и самцы, и самки безрогие, более того – у ряда пород пол и наличие рогов не связаны друг с другом.

Соотношение количества костей разных частей тела у овец и коз из раскопа относительно сходно, что свидетельствует об их сходном использовании.

Таблица 8. Соотношение отделов скелетов овец и коз, в %.

Table 8. Percentage ratio of skeletal elements of sheep and goats.

Части скелета	Овца домашняя	Коза домашняя
Кости головы	62	68
Дистальные части конечностей: метаподии, запястные, предплюсневые, фаланги	12	15
Крупные кости конечностей: лопаточная, тазовая, плечевая, лучевая, локтевая, бедренная, берцовая	26	17

Следы заболеваний, проявившиеся на костях, обнаружены у 14 млекопитающих:

- деформация первой фаланги у одной особи быка домашнего и деформация второй фаланги у другой особи быка домашнего вследствие нагрузки при жизни;
- перелом и срастание ребра у особи мелкого рогатого скота и у одной особи собаки;
- лошадь домашняя – артроз, плюсневая кость срослась с двумя предплюсневыми; лошадь, несомненно, хромила;
- деформация нижней челюсти у овцы домашней ($n = 7$), козы домашней ($n = 1$), быка домашнего ($n = 1$). Интерес представляет существенное количество деформированных челюстей. Вероятнее всего, происходило травмирование мягких тканей острыми зерновыми или колючками растений. Далее, вследствие возникшего абсцесса, который не лечился, и в результате последующего длительного гниения деформировалась кость челюсти.

Индекс раздробленности (ИР) костей млекопитающих (количество костей в 1 куб. дм) почти одинаковый на разных участках поселения: в сооружениях ИР=10–20; в пластах ИР=10–20; в большинстве ям ИР=7–15, (в отдельных ямах 20–25). Существенно ИР отличается в ямах 1 (участок 81/89) и 2 (участок 120). В яме 1 ИР=45, т.е. по каким-то пока не ясным причинам сюда попали более мелкие фрагменты костей. В яме 2 кроме типичных пищевых отходов – костей со следами разрубов было много целых скелетов или крупных фрагментов скелетов. Обычно индекс раздробленности определяется традициями, способом приготовления мяса, размерами посуды для приготовления пищи, стандартизированы рынком, если мясо продавалось [8], но также и факторами внешнего воздействия.

На значительном количестве костей (268 фрагментов) имеются следы огня. Часть костей ($n = 162$) имеют черную окраску, что обычно характерно для горелых костей в условиях с большим доступом кислорода (например, в костре) и часть костей ($n = 106$) имеют коричневую окраску. Коричневая окраска возникает при высоких температурах в условиях закрытого огня (например, в печи). Вместе с тем на окраску горелых костей оказывает длительность пребывания костей в огне. В основном кости составляют пищевые отходы, на это указывают размеры фрагментов, наличие разрубов.

Некоторые обнаруженные кости животных имели следы обработки. Рога коз были или отпилены, или отрублены, вероятнее всего, именно отрублены небольшим с острым лезвием (топором). Предположительно, отрубленные рога не являлись заготовками, и они выбрасывались. Всего отмечено отрубленных рогов: бык – 4, овца – 6, коза – 43.

Из трубчатых костей домашних животных изготавливали трубочки, вероятно, для отвода мочи

у младенцев. Лопатки мелкого рогатого скота использовались как «гадальные». На Кавказе было широко распространено гадание на бараньей лопатке [15]. Для этого следовало тщательно освободить лопатку от мышечных волокон («объесть» лопатку), затем посмотреть на свет и, судя по появившимся контурам (затемнениям, пятнам), можно было представить «картинку будущего». Затем надо было сломать (вырезать) эту часть лопатки, чтобы никто другой не подсмотрел, тогда желаемое сбудется. Ломали руками, или вырезали ножом.

В общей сложности 123 кости имеют следы обработки (табл. 9). Это или заготовки, или отходы при изготовлении орудий труда.

Таблица 9. Кости, имеющие следы обработки.

Table 9. Bones exhibiting evidence of processing.

Характер обработки	Крупные млекопитающие	Средние по размеру	Бык домашний	Овца или коза	Овца домашняя	Коза домашняя	Лошадь домашняя	Олень благородный
Следы обработки		2	Ребро – 1 рог – 1 лопатка – 3 метаподия – 1 пястная – 1		нижняя челюсть – 5		Метаподия – 1	Рог – 11
«Гадальная»				5	Лопаточная – 1			
Отпилены			н. челюсть – 1 рог – 7 плюсневая – 3		Рог – 4		Пястная – 2	Рог – 10
Трубочка для мальчика-младенца				Берцовая – 7	Берцовая – 15			
Шлифованные			Таранная – 2 Ребро – 1	Таранная – 1	Таранная – 1 Берцовая – 3	Таранная – 2		
Затёртые			Пястная – 1 Берцовая – 1 Таранная – 4 Плюсневая – 1 Бедренная – 1		Тазовая – 1 Плечевая – 1	Таранная – 4	Берцовая – 1	
Отверстия просверлены	Таранная – 1		Пястная – 1		Берцовая – 2, нижняя челюсть – 1	Плюсневая – 1, берцовая – 1		
Срез			Плюсневая – 1		Лучевая – 1 Лопаточная – 1			
Пластика			1, таранная – 1					Рог – 1

Насечки			1					
Подвески			2					
Всего	1	2	36	13	37	8	4	22

Выводы

Таким образом, анализ костных остатков поселения Верхненойберское 1 позволяет сделать некоторые выводы о типе хозяйствования населения равнинной части Чечни в XVII – первой половине XIX в. На исследованной территории в небольшом количестве найдены кости диких млекопитающих, таких как олень благородный, лисица обыкновенная, косуля, заяц, кабан, лесная кошка. Немногочисленность этих находок свидетельствует о том, что роль охоты на диких животных в обеспечении мясной пищей людей поселения была невелика.

В коллекции преобладают кости домашних копытных, среди которых наиболее высокая доля остатков мелкого рогатого скота – около 50%, несколько меньше доля остатков крупного рогатого скота – около 40%, лошадей – 10%, кости свиньи – единичны. В мясном потреблении поселения доминировала говядина – 80%. Судя по соотношению более ценных и менее ценных в мясном отношении частей туши, мясо производилось и потреблялось непосредственно на поселении. В целом можно утверждать, что одним из важных аспектов хозяйственной деятельности населения являлось специализированное разведение крупного рогатого скота.

Забой молодняка крупного и мелкого рогатого скота был наибольшим в возрасте около 2х лет, молодняк лошадей, видимо, забивали в исключительных случаях, следовательно, такой тип хозяйствования следует признать «устойчивым воспроизводством». Использование крупного рогатого скота представляло собой преимущественно мясомолочное направление и, прежде всего, молочное направление. Мелкий рогатый скот разводили в равной степени для получения шерсти, молока, мяса и шкур.

Кости домашних животных использовались для изготовления простейших бытовых предметов, таких как мочеотводные трубки, подвески и «гадательные» лопатки. Следов развитого косторезного производства, характерного для Средневековья, не обнаружено.

Отличительной чертой костной коллекции Верхненойберского 1-го поселения является обилие костей собак, в том числе и целых их скелетов. Однако, причины массовой гибели собак достоверно не известны.

Таблица 10. Промеры костей (мм) и их индексы (в %).**Table 10. Bone measurements in mm and their indices in percentage.**

Бык домашний														
Роговые стержни	Обх.осн	Б.дм осн	М.дм осн	Инд.упл										
Макс	170	60	48	100										
Мин	118	38	36	73,7										
в среднем	148,5	50,3	43,3	87,0										
п	11	11	11	11										
Ниж. челюсть	Пр+к	Ал.пр	Ал.к	Дл М ₃	Ш.М ₃	В.М ₃								
Хср	130,4	48,3	81,1	34,7	14,8	36,9								
±m	5,1	2,0	2,1	0,7	0,6	2,1								
Макс	160	58	102	44	27	55								
Мин	107	35	70	30	12	13								
п	9	11	15	27	27	27								
Лопаточная	Гр/суст	Шшейк	Пшейк	Швент	Бд с вп	Мд с вп	Инд. Бд с вп	Инд. Мд.свп	Инд .Шшейк					
Хср	48,9	47,4	22,6	54,5	45,8	38,7	88,9	85,2	96,2					
±m	2,7	3,0	1,3	3,6	2,9	2,5	7,8	2,6	6,4					
Макс	70	72	37	75	62	52	177,8	111,1	138,1					
Мин	38	18	16	18	18	20	40	70,2	42,9					
п	13	16	16	17	17	17	17	17	13					
Плечевая	Шнк	Шнбл	Мп.нбл	Сер.п	Инд. Мед.п	Инд. сер.п	Шнк	Шнбл	Мп.нбл					
Хср	75,3	68,3	39,0	29,9	57,2	43,9	75,3	68,3	39,0					

Макс	87	77	45	33	61,8	47,1	87	77	45					
Мин	68	60	33	27	49,3	40	68	60	33					
п	13	13	13	12	13	12	13	13	13					
Лучевая	Дл.п	Швк	Швсп	Мп.всп	Лп.всп	Инд. Швсп	Инд. Мп.всп	Инд. Лп.всп						
Хср	270–300	73,0	66,6	34,5	22,8	87,6	51,9	66,3						
±m		0,7	0,6	0,6	0,7	0,3	0,5	1,1						
Макс		84	77	42	32	98,6	58,8	88,9						
Мин		65	60	29	18	85,5	46,0	53,7						
п		22	25	27	27	22	22	23						
Пястная	Дл.пп	Швк	Пвк	Шдиаф	Пдиаф	Шнк	Пнк	ШголМ	Инд.Швк	Инд.Пвк	Инд. Шдиаф	Инд. Пдиаф	Инд.Шнк	Инд.Пнк
Хср	186,5	55,9	33,0	33,3	24,4	58,3	31,2	24,6	30,5	59,6	18,0	74,6	32,0	53,8
±m	3,5	1,3	0,7	1,8	1,0	2,1	0,9	0,7	0,8	0,8	0,7	3,3	1,1	0,6
Макс	200	67	40	41	29	72	37	28	34,0	66,7	20,8	103,8	36,9	58
Мин	163	48	28	26	20	49	27	21	26,7	55,6	14,4	65	26,2	50,7
п	13	22	22	12	12	17	17	15	11	18	11	11	11	15
Хср	186,5	55,9	33,0	33,3	24,4	58,3	31,2	24,6	30,5	59,6	18,0	74,6	32,0	53,8
±m	3,5	1,3	0,7	1,8	1,0	2,1	0,9	0,7	0,8	0,8	0,7	3,3	1,1	0,6
Берцовая	Шнк	Пнк	Инд.Пнк											
Хср	59,0	43,2	73,5											
±m	2,1	1,2	1,3											
Макс	77	52	81,4											
Мин	48	36	62,3											
п	16	16	16											
Таранная	Нар.дл	Вн.дл	Швк.	Шнсбл	Инд. Шнсбл									
Хср	60,9	55,9	38,8	38,8	63,8									
±m	1,2	1,2	0,9	0,9	0,7									

Макс	80	72	53	50	70,5									
Мин	53	48	33	28	49,1									
n	27	27	27	27	27									
Плюсневая	Дл.пп	Ш.вк	П.вк	Ш.дф	П.дф	Ш.нк	П.нк	ШголМ	Инд.Швк	Инд.Пвк	Инд.Шдф	Инд.Пдф	Инд.Шнк	Инд.Пнк
Хср	207,6	45,1	42,5	27,4	27,1	52,4	28,8	22,5	22,0	88,4	15,7	90,6	51,2	55,5
±m	8,1	1,4	1,2	1,5	1,3	2,2	0,8	0,7	0,6	6,6	2,6	8,6	13,6	1,2
Макс	225	53	49	35	33	65	36	27	23,6	100,0	29,6	109,1	110,0	61,4
Мин	175	38	35	22	20	41	24	19	19,7	13,6	11,6	20,7	22,9	47,6
n	7	15	15	12	12	15	15	15	7	13	7	10	9	15
1-я фаланга	Дл.нб	Дл.пп	Дл.ср	Ш.вк	П.вк	Шдф	Пдф	Шнк	Пнк	Инд.Швк	Инд.Пвк	Инд.Шдф	Инд.Пдф	Инд.Шнк
Хср	56,4	54,9	49,2	27,6	30,0	24,4	19,3	26,8	20,8	49,0	109,2	43,1	79,7	47,5
±m	0,8	0,7	0,7	0,6	0,5	0,5	0,3	0,7	0,5	0,8	1,4	0,8	1,2	1,1
Макс	67	64	62	35	34	30	23	39	32	60	126,1	56	95,7	68,4
Мин	49	48	43	22	25	20	16	21	17	41,8	94,3	37,5	67,9	39,6
n	34	34	34	34	34	33	32	33	31	34	34	33	32	33
2-я фаланга	Дл.нб	Дл.пп	Дл.ср	Швк	Шнк	Инд.Швк	Инд.Шнк							
Хср	40,9	39,6	35,3	28,7	24,9	70,7	61,0							
±m	1,0	0,9	0,9	0,8	0,7	0,9	1,1							
Макс	54	52	47	38	32	81,6	71,1							
Мин	35	34	30	23	20	64,8	50							
n	24	24	24	23	24	23	24							
3-я фаланга	Дл.пд	Ш	Выс	Выс.м	Дл.пп									
Хср	64,8	22,3	32,2	37,8	50,0									
±m	2,6	0,6	0,7	1,0	1,7									
Макс	76	26	35	43	57									
Мин	54	20	28	33	43									

п	12	12	12	12	12									
Овца домашняя														
Роговые стержни	Б.крив	Дл.хрд	Обх.осн	Б.дм осн	М.дм осн	Инд.упл	Инд.мас							
	260–350	100–140	135–160	48–57	35–40	66–74	43–79							
Ниж. челюсть	Выс.в	Вмщ	Дл.мщ	Дл.нч	Ал.н	Пр+к	Ал.пр	Ал.к	Дл Мз	Ш.Мз	В.Мз			
Хср	90,2	64,9	177,3	161,4	116,1	70,6	22,4	47,9	22,7	8,8	28,7			
±m	1,1	1,1	1,9	2,2	1,6	0,5	0,3	0,4	0,3	0,2	0,6			
Макс	102	88	200	187	154	78	39	63	37	18	59			
Мин	80	55	151	123	100	62	17	40	17	7	17			
п	27	31	33	34	41	101	107	117	124	124	114			
Лопаточная	Дл.нб	Шнб	Гр/суст	Шшейк	Пшейк	Швент	Бд с вп	Мд с вп	Инд. Бд с вп	Инд. Мд.свп	Инд. Шшейк			
Хср	137,7	86,2	22,3	19,9	11,5	32,9	27,1	22,8	82,5	84,2	89,6			
±m	3,4	2,0	0,6	0,4	0,2	0,5	0,5	0,8	1,3	3,1	1,7			
Макс	150	90	29	24	13	37	31	34	83,8	109,7	82,8			
Мин	125	80	19	18	10	30	23	20	76,7	87,0	94,7			
п	7	6	16	16	17	17	17	17	17	17	16			
Плечевая	Шнк	Шнбл	Мп.нбл	Сер.п	Инд. Мед.п	Инд. сер.п								
Хср	31,7	29,8	19,3	14,9	65,1	50,2								
±m	0,7	1,0	0,5	0,5	1,2	1,1								
Макс	37	35	23	17	77,3	59,1								
Мин	29	22	17	13	62,5	45,2								
п	12	12	12	12	12	12								
Лучевая	Дл.п	Швк	Швсп	Мп.всп	Лп.всп	Шдиаф	Пдиаф	Инд.Швк	Инд. Шдиаф	Инд. Швсп	Инд. Мп.всп	Инд. Лп.всп		

Хср	148	33,3	30,4	16,1	13	16,9	10,2	22,5	11,1	91,4	53,0	80,7		
±m	6,7	0,7	0,6	0,4	0,4	0,5	0,6	0,6	0,4	0,8	0,8	1,9		
Макс	170	37	35	18	15	20	13	24,2	12,2	96,8	57,1	93,75		
Мин	132	30	28	13	10	15	8	21,8	10	85,3	46,4	68,75		
n	6	15	15	15	15	12	12	5	6	15	15	15		
Пястная	Дл.пп	Швк	Пвк	Шдиаф	Пдиаф	Шнк	Пнк	ШголМ						
	109–128	23–29	17–20	13–20	9–12	25–27	14–17	11–13						
Берцовая	Шнк	Пнк	Инд.Пнк											
Хср	28,3	21,3	75,2											
±m	0,7	0,8	1,7											
Макс	31	21	74,1											
Мин	24	18	67,7											
n	14	14	14											
Таранная	Нар.дл	Вн.дл	Швк.	Шнсбл										
Хср	29,8	28,3	20,5	19,1										
±m	0,4	0,4	0,5	0,3										
Макс	34	32	28	22										
Мин	27	26	18	18										
n	18	18	18	18										
Плюсневая	Дл.пп	Швк	Пвк	Шдф	Пдф	Инд.Швк	Инд.Пвк	Инд.Шдф	Инд.Пдф					
Хср	112,3	21,3	20,8	12,2	10,7	20,5	97,4	11,0	87,8					
±m	1,5	1,6	1,5	0,2	0,4	4,3	0,9	0,3	4,0					
Макс	114,0	31,0	30,0	13,0	12,0	27,4	100,0	11,4	100,0					
Мин	110	18	17	12	10	15,8	94,4	10,6	76,9					
n	3	9	9	6	6	3	9	3	6					
Роговые стержни	Б.крив	Дл.хрд	Обх.осн	Б.дм осн	М.дм осн	Инд.упл	Инд.мас							

Хср	222,3	174,6	111,3	41,9	29,7	71,4	50,8							
±m	16,5	15,6	6,4	2,6	1,8	2,5	2,1							
Макс	310	240	150	58	44	96,6	58,8							
Мин	155	66	70	29	20	60,6	40,3							
n	11	11	14	14	14	14	11							
Ниж. челюсть	Выс.в	Вмщ	Дл.мщ	Дл.нч	Ал.н	Пр+к	Ал.пр	Ал.к	Дл Мз	Ш.Мз	В.Мз			
Хср	90,8	66,4	173,5	162,8	115,1	68,3	21,5	46,0	22,3	8,2	28,4			
±m	1,7	1,7	2,6	1,9	1,4	0,7	0,5	0,4	0,8	0,3	1,1			
Макс	103	78	195	180	125	73	25	50	34	14	45			
Мин	83	58	158	153	108	63	18	41	17	7	19			
n	15	17	17	17	15	23	25	25	25	25	25			
Таранная	Нар.дл	Вн.дл	Швк.	Шнсбл	Инд. Шнсбл									
Хср	29,1	27,8	20,1	19,8	68,0									
±m	0,6	0,6	1,1	1,0	2,8									
Макс	31	30	29	28	93,3									
Мин	26	25	16	17	61,3									
n	11	11	11	11	11									
Собака														
Лопаточная	Дл. нб	Шнб	Гр/суст	Шшейк	Пшейк	Швент	Бд с вп	Мд с вп	Инд.Бд с вп	Инд. Мд.свп	Инд. Шшейк			
Хср	137,1	68,5	9,8	26,2	11,9	30,5	27,2	19,0	89,3	70,0	270,0			
±m	2,9	2,0	0,3	0,7	0,3	0,5	0,5	0,3	1,0	1,2	10,2			
Макс	160	80	12	32	15	34	31	22	96,8	80,0	371,4			
Мин	120	57	7	21	10	27	24	17	82,8	60,7	208,3			
n	14	13	19	19	19	18	18	18	18	18	19			

Плечевая	Дл	Швк	Шдиаф	Шнк	Шнбл	Мп.нбл	Сер.п	Инд. Мед.п	Инд. сер.п					
Хср	175,5	30,6	41,9	13,7	14,1	34,5	24,4	21,3	13,8					
±m	4,1	0,7	1,0	0,3	0,5	0,7	0,4	0,6	0,3					
Макс	213	36	50	17	19	41	28	28	15					
Мин	152	26	38	12	13	30	21	18	12					
п	14	14	11	15	14	16	16	16	16					
Лучевая	Дл.п	Швк	Швсп	М.п.всп	Л.п.всп	Шдиаф	Пдиаф	Инд.Швк	Инд. Шдиаф	Инд. Швсп	Инд. Мп.всп	Инд. Лп.всп		
Хср	171,6	18,8	12,4	13,1	9,4	23,4	13,1	47,2	11,1	19,2	29,3	72,3		
±m	3,5	0,3	0,2	0,4	0,3	0,9	0,4	4,8	0,3	6,4	8,4	2,9		
Макс	212	21	14	17	13	29	16	68,3	14,3	70,6	100	108,3		
Мин	157	17	11	12	8	13	10	10,1	7,7	7,1	11,8	60		
п	16	16	16	16	16	16	16	16	16	16	16	16		
Берцовая	Дл.п	Швк	Пвк	Шдиаф	Пдиаф	Шнк	Пнк	Инд.Пнк						
Хср	186,6	34,2	35,2	13,2	12,0	23,2	16,6	72,0						
±m	4,5	0,5	0,5	0,3	0,4	0,7	0,4	1,5						
Макс	215	37	38	14	15	27	20	81,8						
Мин	168	31	32	11	10	20	15	62,5						
п	13	13	13	14	14	13	13	13						

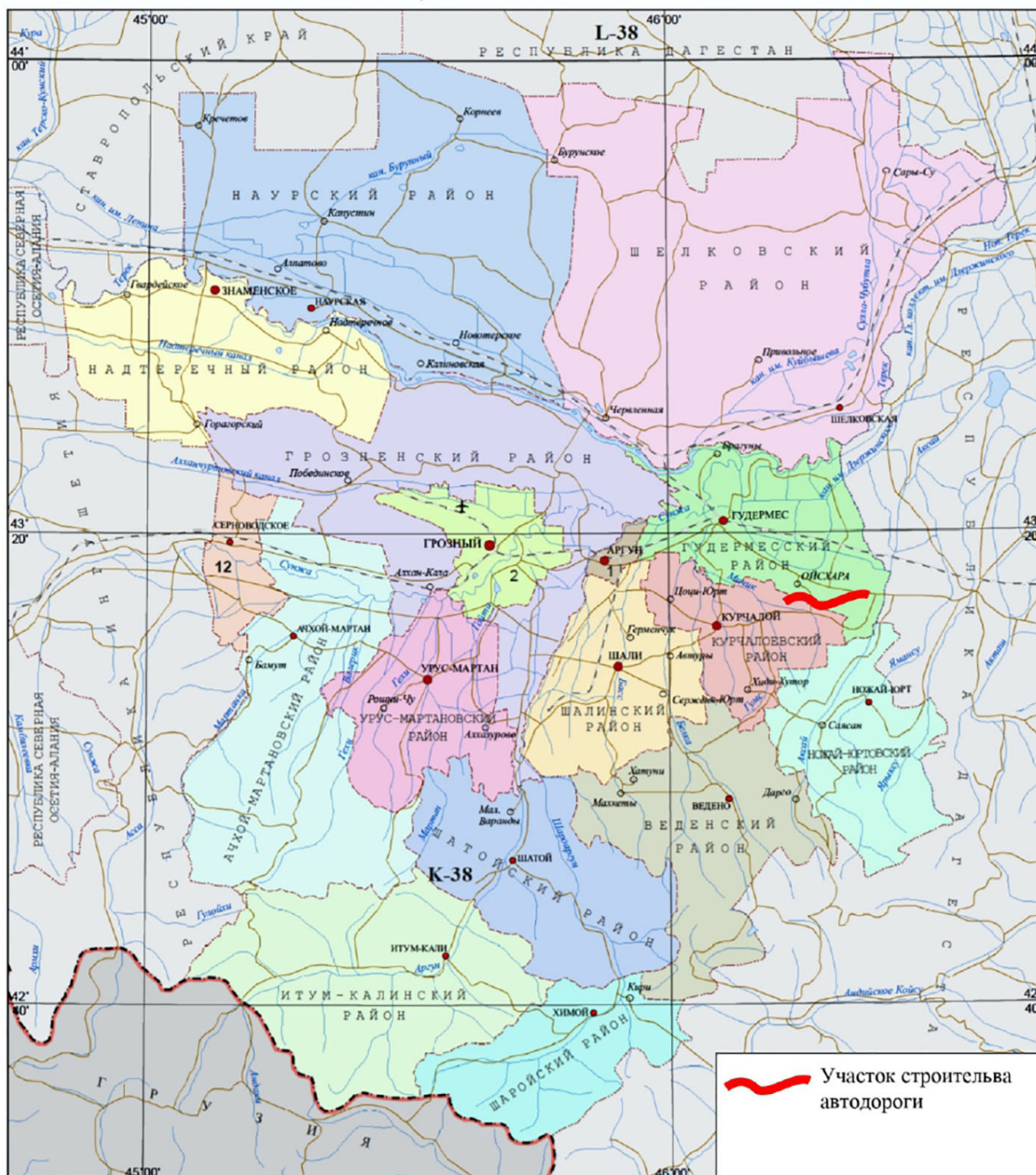

Рис. 1. Карта Чеченской республики с указанием места работ по проекту
«Строительство и реконструкция автомобильной дороги М-29 «Кавказ» – из Краснодара через Грозный, Махачкалу
до границы с Азербайджанской Республикой» на участке обхода г. Гудермес, Чеченская Республика

Fig. 1. Map of the Chechen Republic indicating the location of the project work
“Construction and Reconstruction of the M-29 ‘Kavkaz’ Highway – from Krasnodar through Grozny and Makhachkala
to the border with the Azerbaijan Republic” on the bypass section of Gudermes, Chechen Republic

Рис. 2. Общий вид с юга на зону раскопок поселения Верхненойберское 1 (аэрофото)

Fig. 2. General view from the south of the Verkhnenoyberskoye 1 settlement excavation zone (aerial photograph)

Рис. 3. Яма 2 на участке 2 в процессе раскопок

Fig. 3. Pit 2 on Section 2 during excavation

Рис. 4. Яма 2 на участке 2 после выборки, вид с юга

Fig. 4. Pit 2 on Section 2 after excavation, view from the south

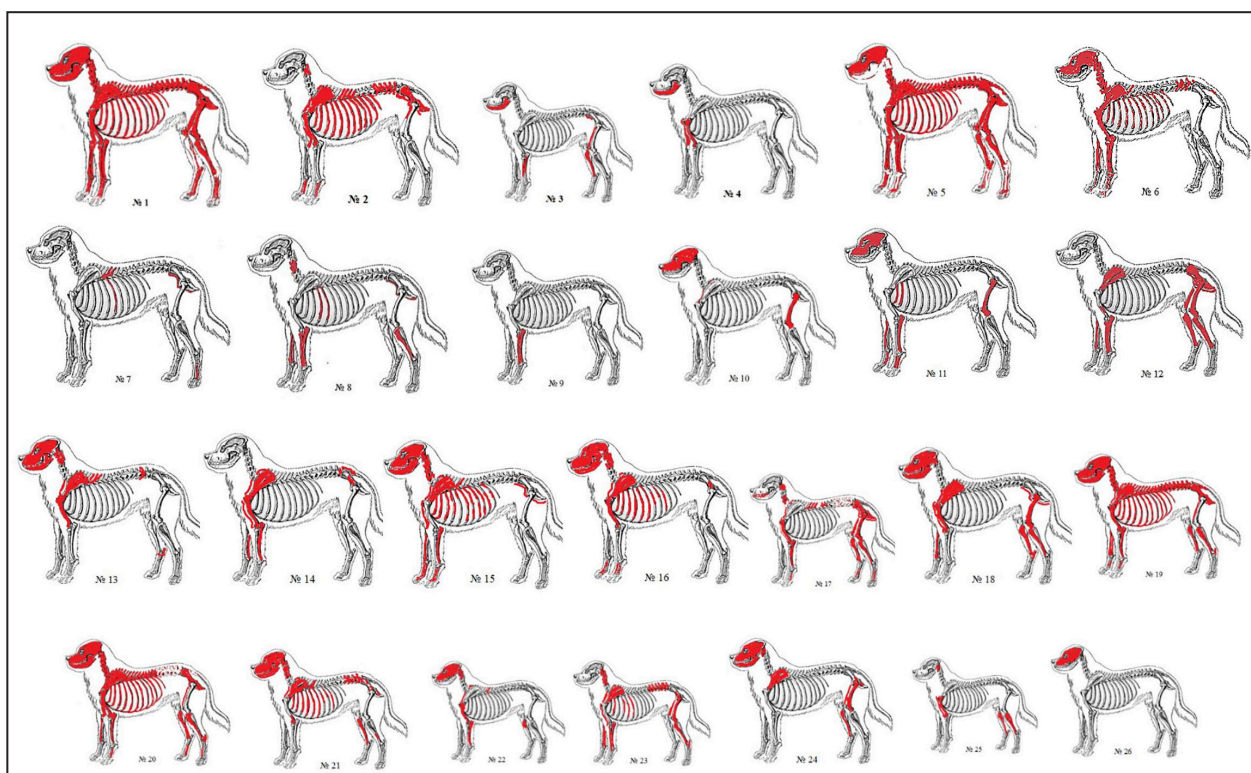

Рис. 5. Скелеты собак из ямы 2 на участке 2

Fig. 5. Dog skeletons from Pit 2 on Section 2

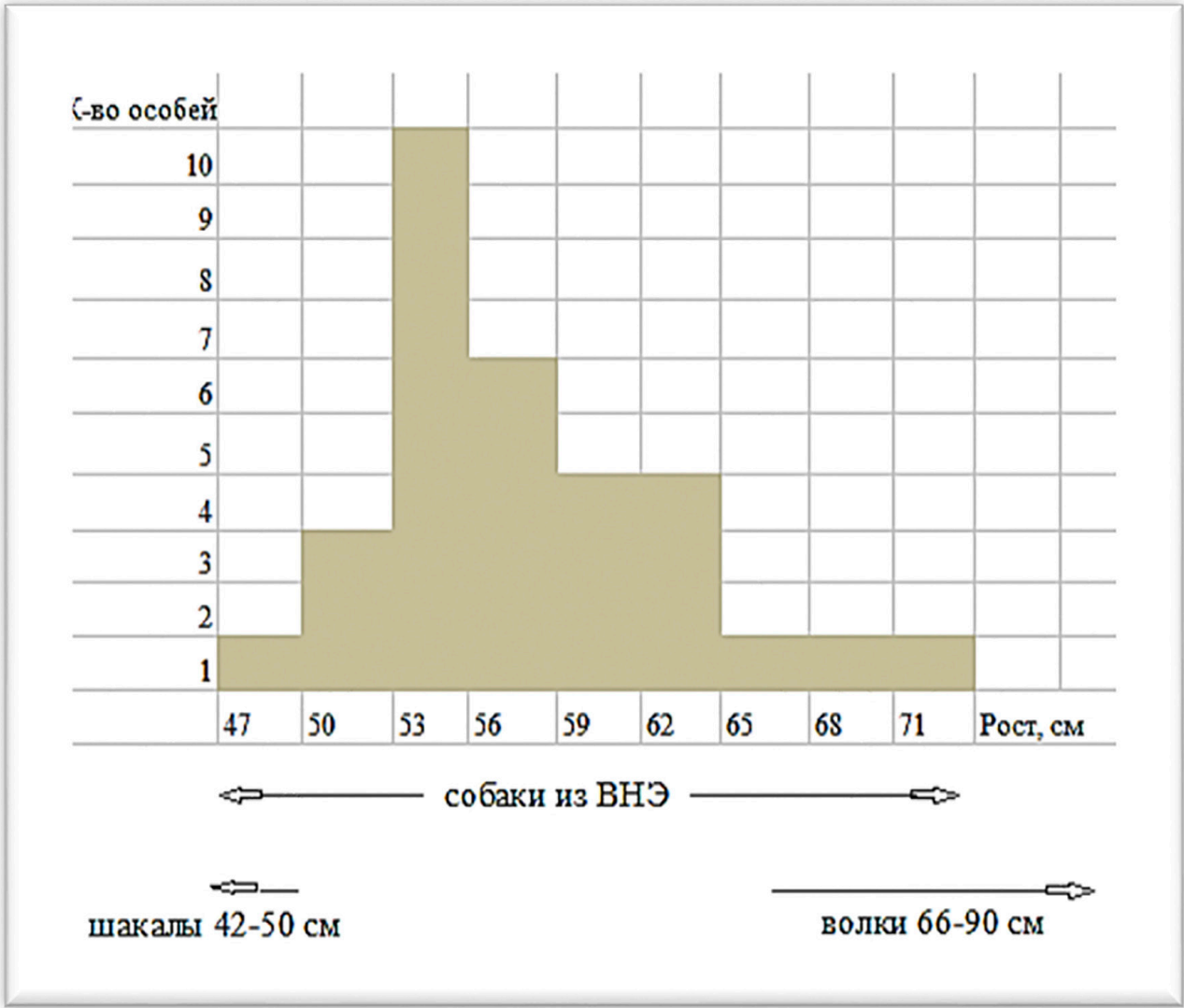

Рис. 6. График варьирования размеров костей собак

Fig. 6. Graph of variation in dog bone sizes

Рис. 7. Черепа крупной, средней и маленькой собак
в различных проекциях

Fig. 7. Skulls of large, medium, and small dogs in various projections

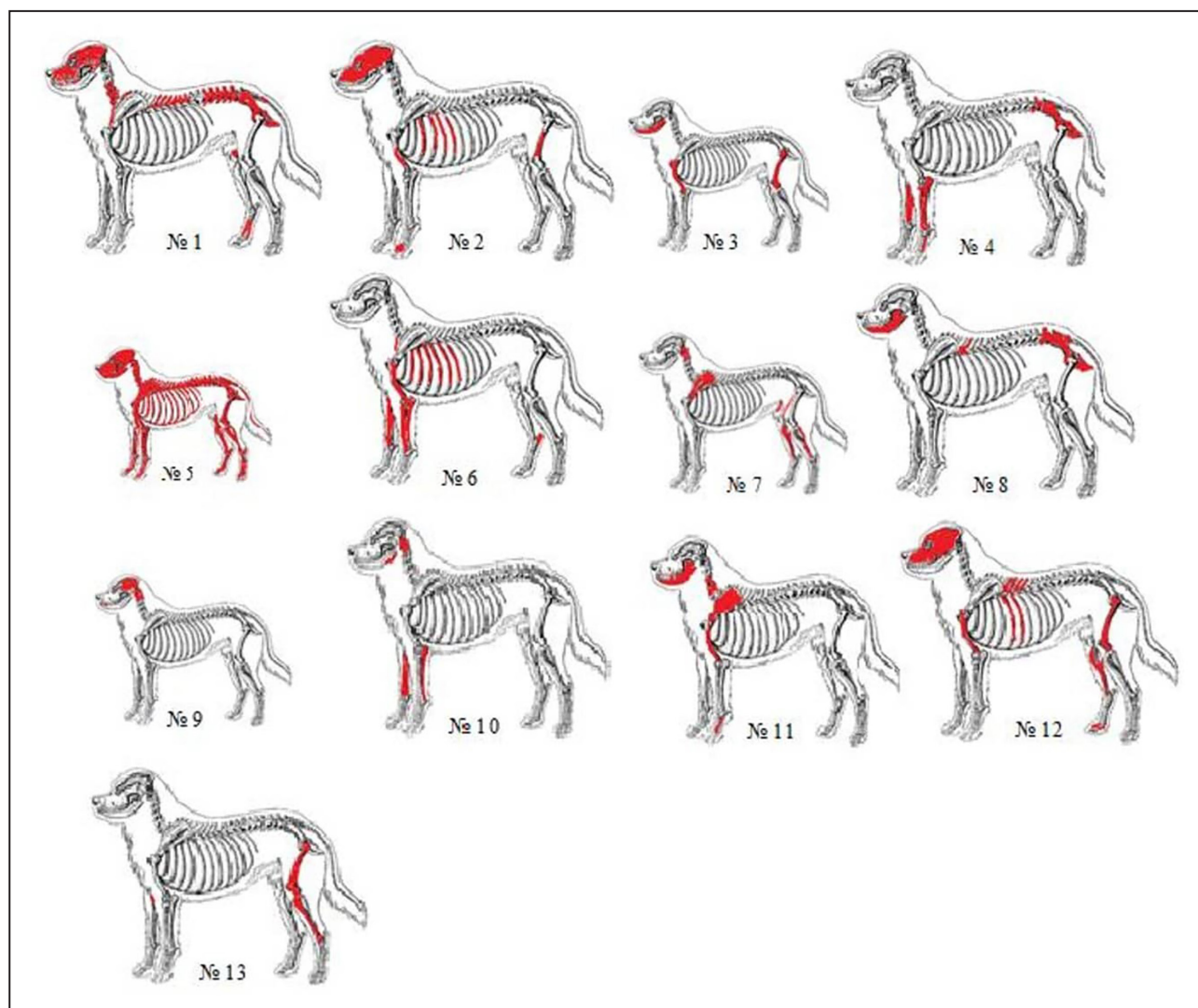

Рис. 8. Скелеты собак из различных частей зоны раскопок

Fig. 8. Dog skeletons from different parts of the excavation zone

Рис. 9. Фрагмент черепа быка из ямы 3 на участке 12

Fig. 9. Fragment of a bull skull from Pit 3 on Section 12

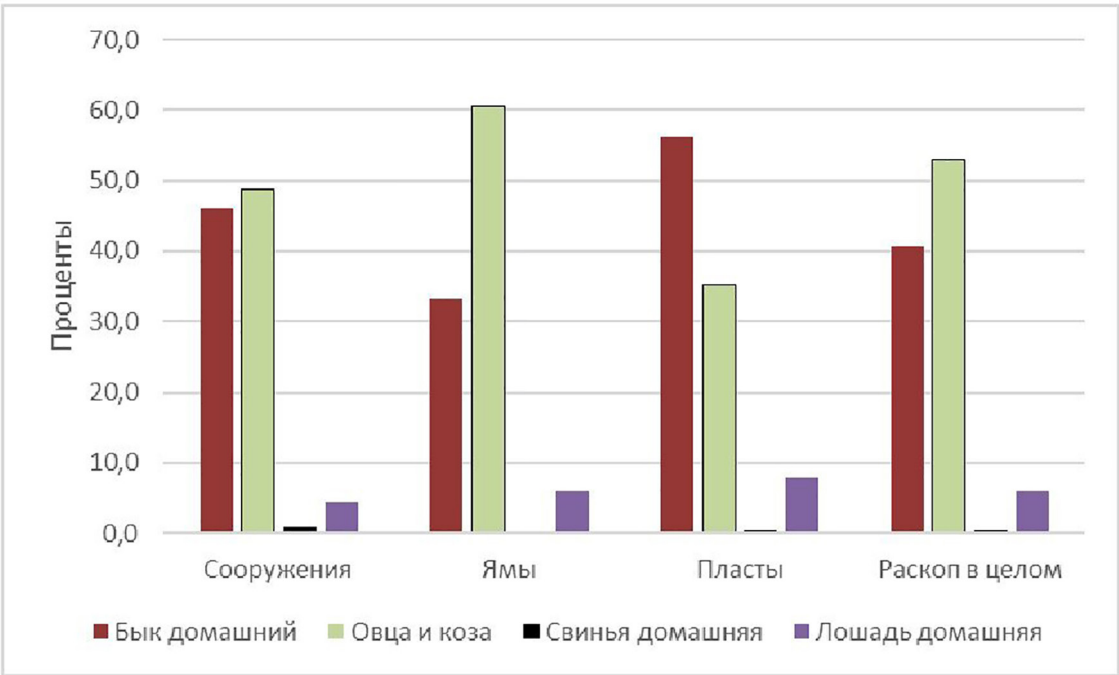

Рис. 10. Соотношение костей сельскохозяйственных животных

Fig. 10. Proportions of bones from domestic animals

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа с древнейших времен до начала XX века. М.: Наука, 1993. 233 с.
2. Ebersbach R., *Von Bauern und Rindern*. Basler Beiträge zur Archäologie // Basel: Schwabe & C°, 2002. Bd. 15. 263 S.
3. Коробов Д.С. Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины). М.; СПб.: Нестор-История, 2017. Т. 1. С. 199–214.
4. Березин Я.Б., Швырева А.К. Фауна поселения Энергетик II–IV вв. на Пятигорье (по данным раскопок 2001 года) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. М.: Памятники исторической мысли. 2007. Вып. VII. С. 208–217.
5. Ахмаров А.У., Мягкова Ю.Я. Результаты изучения остеологического материала из раннесредневекового поселения аланской культуры Хамби-Ирзи 3 // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2024. №4 (67). С87–99. DOI: 10.25744/vestnik.2024.4.67.013.
6. Мягкова Ю.Я. Результаты исследования остеологического материала из Хумаринского городища // Хумаринское городище. Итоги междисциплинарных исследований. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 124–150.
7. Антипина Е.Е. Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников). Отв. ред. Е.Н. Черных, Т.Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–117.
8. Яворская Л.В. Археозоологическое исследование поселения Жемчужина-I и вопросы экономики юго-восточного Крыма в Золотоордынский период // Поволжская археология. № 2 (32). 2020. С. 170–179.
9. Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета // Труды комиссии по изучению четвертичного периода. Т. 9. Вып. 1. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 239 с.
10. Громов И.М., Соколов И.И., Новиков Г.А., Гуреев А.А., Стрелков П.П. Млекопитающие фауны СССР. Определители по фауне СССР. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Вып.1. – 638 с.
11. «Сахих» Муслима. Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири. Пер. А. Нирша. Москва: Ummah, 2023. – 1600 с.
12. Цалкин В.И. Изменчивость метаподий и ее значение для изучения крупного рогатого скота древности // Бюллетень МОИП. отдел биологии. № 1. 1960. С. 100–126.
13. Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. М.: ПРОБЕЛ-2000. – 1014 с.
14. Антипина Е.Е. Мясные продукты в средневековом городе – производство или потребление? // Археология и естественнонаучные методы. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 181–190.
15. Парастаева И. Гадание на бараньей лопатке // Газета «Республика» 8.11.2020. <https://respublikarso.org/culture/3371-gadanie-na-baraney-lopatke.html>

Поступила в редакцию 15.12.2024 г.

Принята в печать 13.05.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

REFERENCES

1. Kaloev VA. *Cattle breeding of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the beginning of the twentieth century*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)
2. Ebersbach R. *Von Bauern und Rindern*. Basler Beiträge zur Archäologie. Basel: Schwabe & C°, 2002.
3. Korobov DS. *The settlement system of the Alans of the Central Ciscaucasia in the 1st millennium AD (landscape archeology of the Kislovodsk Basin)*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-History, 2017. (In Russ)
4. Berezin YaB., Shvyreva AK. Fauna of the Energetik settlement of the 2nd–4th centuries in Pyatigory (based on excavations in 2001). *Materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus*. Moscow: Monuments of historical thought, 2007; 7: 208–217. (In Russ)
5. Akhmarov AU., Myagkova YuYa. Results of the study of osteological material from the early medieval settlement of the Alanian culture Khambi-Irzi 3. *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2024; 4(67): 87–99. DOI 10.25744/vestnik.2024.4.67.013. (In Russ)
6. Myagkova YuYa. Results of the study of osteological material from the Khumarin settlement. *Khumarin settlement. Results of interdisciplinary research*. Moscow: IA RAS, 2020: 124–150. (In Russ)
7. Antipina EE. Modern archaeozoology: tasks and research methods. In: E.N. Chernykh, T.N. Mishina (eds.). *Interdisciplinary integration in archeology (based on lectures for graduate students and young employees)*. Moscow: IA RAS, 2016: 96–117. (In Russ)
8. Yavorskaya LV. Archaeozoological study of the settlement Zhemchuzhina-I and economic issues of the southeastern Crimea in the Golden Horde period. *Volga Region Archeology*. 2020; 2(32): 170–179. (In Russ)
9. Gromova VI. Identification of mammals of the USSR by skeletal bones. *Works of the commission for the study of the Quaternary period*. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950; 9(1): 239. (In Russ)
10. Gromov IM., Sokolov II., Novikov GA., Gureev AA., Strelkov PP. *Mammals of the fauna of the USSR. Keys to the fauna of the USSR*. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1963. (In Russ)
11. “*Sahih*” of Muslim. *A summary compiled by Imam al-Munziri*. Moscow: Ummah, 2023. (In Russ)
12. Tsalkin VI. Variability of metapodia and its importance for the study of ancient cattle. *Bulletin of MOIP, Department of Biology*. 1960; 1: 100–126. (In Russ)
13. Ibragimova ZH. *The Chechen world. XIX*. Moscow: Probel-2000: 544–559. (In Russ)
14. Antipina EE. Meat products in a medieval city – production or consumption? *Archaeology and Natural Science Methods*. Moscow: Yaziki slavyanskoi kultury, 2005: 181–190. (In Russ)
15. Parastaeva I. Fortune telling on a ram’s shoulder blade. *Respublika*. 11/8/2020. <https://respublikarso.org/culture/3371-gadanie-na-baraney-lopatke.html>. (In Russ)

Received 15.12.2024

Accepted 13.05.2025

Published 15.09.2025

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213588-599>

Исследовательская статья

Куринских Полина Александровна

к. и. н., научный сотрудник

Лаборатория этносоциальных исследований

Субтропический научный центр Российской академии наук, Сочи, Россия

polina_alexandrowna@mail.ru**ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ
НА ПРИМЕРЕ ШАПСУГОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА**

Аннотация. В Сложность выявления этносоциальных процессов, протекающих в полиэтничных районах, определяет гибкость при выстраивании алгоритмов исследования и привлечении широкого спектра источников. В статье поднимается проблема соотношения социально-экономических и культурных этнических процессов, которые отражаются в виртуальном и реальном пространстве. Внимание акцентировано на методиках и алгоритмах исследования киберэтнографии и возможности их применения при изучении этносоциальных процессов, проявляющихся в формах социальной коммуникации в полиэтничных по составу сельских анклавах горных экосистем. Цель работы – определение информационной емкости кибер-источников и техник исследования; их валидности на основе анализа полевых этнографических материалов у шапсугов Западного Кавказа – малочисленного коренного народа. Места исконного проживания и природопользования этого субэтноса адыгов прилегают к Сочинскому национальному парку, что определяет трансформацию системы и культуры жизнеобеспечения. Методами исследования стали контент-анализ, анализ фото- и видеоматериалов, представленных в киберпространстве (социальные сети, блоги, официальные сайты учреждений), методы классической полевой работы: наблюдение, интервью, экспертный опрос. Автор пришел к выводу, что в настоящее время объектом киберэтнографии являются отдельные случаи проявления в сети Интернет «этничности» и процессов этнической самоидентификации. Основными методами в имеющихся разработках являются опрос, интервью, контент-анализ, наблюдение, включенное наблюдение. Кейс шапсугов показал динамический характер изменения системы социальных коммуникаций, затрагивающей этнические интересы. На примере исследования особенностей традиционного природопользования и культуры шапсугов Сочинского Причерноморья обозначен алгоритм выявления латентных этнических процессов через синтез информации, локализованной в разноплановых источниках. Доказано, что при исследовании этносоциальных процессов, протекающих в удаленных горных поселениях, оптимально использование материалов полевой работы в сочетании с киберисточниками, которые органически вписываются в концепцию содержания и техник этнологических экспертиз. Использование принципа хронологических срезов открывает перспективы выявления этнических процессов и трендов.

Ключевые слова: этнические процессы; система жизнеобеспечения; культура жизнеобеспечения; традиционная культура; локальные этнические группы; малочисленные коренные народы; шапсуги; национальные парки; киберэтнография; цифровая антропология

Для цитирования: Куринских П.А. Этнические процессы в киберпространстве на примере шапсугов Западного Кавказа // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. No 3. С. 588-599. doi.org/10.32653/CH213588-599

ETHNOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213588-599>

Research paper

Polina A. Kurinskikh
 Cand. Sci., Researcher
 Laboratory of Ethnosocial Research
 Subtropical Research Center of RAS, Sochi, Russia
polina_alexandrowna@mail.ru

CYBERETHNOGRAPHY AND ETHNIC IDENTITY: A CASE STUDY OF THE SHAPSUGS OF THE WESTERN CAUCASUS

Abstract. The complexity of identifying ethnosocial processes in multiethnic areas requires flexible research algorithms and a wide array of sources. This article addresses the challenge of correlating socio-economic and cultural-ethnic processes as they are reflected in both virtual and real-world spaces. The focus is on the methods and algorithms of cyberethnographic research and their potential application in studying ethnosocial processes found in social communication forms within rural enclaves of multiethnic mountain ecosystems. The primary goal of this work is to determine the informational capacity and validity of cybersources and research techniques. This is achieved through an analysis of field ethnographic materials from the Shapsugs – a small, indigenous people of the Western Caucasus. The Shapsugs are a subethnos of the Adyghe whose traditional territories and resource management practices are located adjacent to the Sochi National Park, which has led to a transformation of their livelihood and culture. The research methods employed include content analysis of photo and video materials from cyberspace (social networks, blogs, and official institutional websites), as well as classic fieldwork techniques such as observation, interviews, and expert surveys. The author concludes that the object of cyberethnography is currently focused on individual cases of “ethnicity” and ethnic self-identification on the internet. The primary methods used in this field are surveys, interviews, content analysis, and observation. The case study of the Shapsugs revealed the dynamic nature of changes in social communication systems that affect ethnic interests. By examining the traditional nature management and culture of the Shapsugs in the Sochi Black Sea region, we have outlined an algorithm for identifying latent ethnic processes by synthesizing information from diverse sources. The study demonstrates that when researching ethnosocial processes in remote mountain settlements, it is most effective to combine fieldwork materials with cybersources, as they fit organically into the framework of ethnological examinations. The application of the principle of chronological sections further enhances the ability to identify ethnic processes and trends.

Keywords: ethnic processes; life support system; life support culture; traditional culture; local ethnic groups; small indigenous peoples; Shapsugs; national parks; cyberethnography; digital anthropology

For citation: P.A. Kurinskikh. Cyberethnography and ethnic identity: a case study of the Shapsugs of the Western Caucasus. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 588-599. doi.org/10.32653/CH213588-599

Сочинское Причерноморье относится к районам с полиэтническим составом населения. Протекающие на данной территории социальные и этнические процессы базируются на сложной системе коммуникаций, которая динамично меняется под воздействием внешних факторов. В этой связи важно отметить, что на текущую этносоциальную обстановку наибольшее влияние оказывают скрытые элементы и отдельные типы системообразующих связей, что существенно сужает возможности научного прогнозирования. Таким образом, актуальным становится вопрос о привлечении интернет-источников (материалов социальных сетей, блогосферы, видеохостингов) для формирования целостного представления о социально-экономических и культурных процессах, которые проходят в этнических группах.

В данной работе внимание акцентировано на отдельных методиках и алгоритмах исследования развивающегося на территории России направления — киберэтнографии и возможности применения при исследовании отдельных этносоциальных процессов, протекающих в рамках социальной коммуникации в локальных этнических группах, проживающих в удаленных горных сельских анклавах города Сочи. Цель работы — определение информационной емкости кибер-источников и техник исследования по определению их валидности на основе анализа полевых этнографических материалов у шапсугов Западного Кавказа.

Киберэтнография (а также виртуальная этнография) — одно из современных направлений в отечественной этнографии и этнологии. Исходя из цели исследования интерес представляют методологические подходы, отражающие взаимосвязь (соотношение) времени и пространства. Так, А.В. Головнев в своей работе «Киберскорость» проводит теоретическое положение, согласно которому скорость сообщений, реакций и действий в виртуальной среде многократно превышает их в реальности. Внимание акцентируется на том, что в киберпространстве генерируется новая социальность, которая складывается в группах по интересам. При этом, с его точки зрения, «в... виртуальной группе вместо сдерживания создается резонанс общей идеи, которая не встречает препятствий и становится групповой идеей-фикс или даже социальной мини-идеологией... идея «овладевает массами» и создает у ее носителей иллюзию «общего дела»...» [3]. На основе пилотных исследований Т.С. Киссер выявила проявления сетевых эффектов в жизни коренного населения полуострова Таймыр, где в последние десятилетия интернет-коммуникация стала занимать главенствующее положение в системе социальных коммуникаций. Это, в свою очередь, повлияло на трансформацию ряда социальных институтов, включая традиционные. В качестве примера было приведено проявление феномена «киберскорости» в ходе мониторинга динамики и качества принимаемых на разных иерархических уровнях решений при чрезвычайных ситуациях. Отмечено, что моментальное появление сообщений в мессенджерах и социальных сетях, почасовая хроника, «скорострельность» чатов определили оперативность в решении широкого спектра проблем, помогли наладить диалог между жителями, представителями органов власти и бизнес-структурами, способствовали развитию этнокультурных инициатив в киберпространстве [7]. С.Ю. Белорусова обратила внимание на то, что обширность киберпространства порождает сложности проведения киберполевого исследования, предъявляя строгие требования к этнографу при выборе методологии, очерчивании объекта и предмета исследования. Анализ работ и вводимых в научный оборот источников позволил выявить что первая волна исследований виртуальной среды была больше фактологической, т. к. социальные процессы не входили в предметную область исследований. При этом ориентированность киберэтнографов на тексты видится С.Ю. Белорусовой одной из наиболее проблемных точек данного направления. В стремлении определить основные методологические подходы киберэтнографии она опирается на концепции, разработанные в зарубежной историографии такими специалистами, как К. Хайн, Т. Беллсторф и Д. Миллер. Акцентировано внимание на том, что одной из основных задач исследователя в сфере визуальной этнографии К. Хайн выделила «...определение новых принципов полевой работы в условиях сочетания реальности и виртуальности...» [15; 1]. Отталкиваясь от этого, С.Ю. Белорусовой было обосновано положение, что объектом виртуальной этнографии является «тема, а не место», а этнограф должен установить и отобразить связи между «виртуальным» и «реальным». На основе анализа зарубежных историографических источников по направлениям киберэтнографии в сопоставлении с накапливаемым опытом С.Ю. Белорусова пришла к выводу, что одной из основных техник исследования должно быть наблюдение (изучение интернет-материалов, реакций на них в виде комментариев, опросы) с использованием в качестве уточняющих данных материалы интервью и фокус-групп [1]. Кроме того, в предметную область киберэтнографии С.Ю. Белорусова

вводит соотношение религии и виртуального пространства. В приведенном историографическом обзоре ею отмечено, что впервые религия и интернет соприкоснулись в 1980-е годы, а с 2000-х годов стали появляться такие понятия, как «киберрелигия», «религия-онлайн» и «онлайн-религия». Отдельное внимание автор уделит позиции Русской Православной Церкви и процессам цифровизации ее деятельности. Анализируя трансформацию целеполагания и социальных функций виртуализации религиозных практик, ритуалов, особенностей коммуникации, С.Ю. Белорусова отмечает изменение отношения к виртуализации религии с точки зрения всех акторов процесса [2]. Тематике соотношения религии и цифрового пространства также посвящены публикации З. Р. Хабибуллиной [12] и М.Р. Масгутовой [9]. Е.С. Данилко анализирует роль видеоблогов в конструировании образа старообрядцев и степень участия представителей конфессиональной группы в этом процессе [5].

Этнополитические, как и этнокультурные, процессы также вошли в предметную область киберэтнографии. Так, при анализе информационного сопровождения событий 2008 г. в г. Приштине (спорной территории Сербии и Косово) Д.С. Ермолин и А.А. Михайлова акцентировали внимание на сетевых сообществах. Исследователями была предложена техника изучения этносоциальных процессов на примере сообщества Facebook (запрещенная на территории РФ организация). Основными методами выступал контент-анализ и включенное онлайн-наблюдение за повседневной коммуникацией участников сообщества. По публикации прослеживается, что развитие сетевых коммуникаций существенно расширяет исследовательский инструментарий, применяемый при изучении жизни различных сообществ и мониторинге этносоциальных процессов. Связано это с тем, что факты действительности (сведения) аккумулируются в едином пространстве и представляют «живой», постоянно самоактуализирующийся материал [6].

Акцент на междисциплинарном характере исследования киберпространства сделал С.В. Соколовский. Он отметил перспективность использования цифровых методов, методов исследования науки и технологий (STS), исследований медиа [10].

Особый интерес представляет изданная в 2021 г. коллективная монография «Виртуальная этничность и киберэтнография» [4]. В ней объединены уже разработанные теоретические подходы в определении методологии киберэтнографии, сетевые опыты в определении категорий «кибердиаспора», «киберрасизм», «киберрелигия». Отдельное внимание уделено понятию «виртуальная этничность» и техникам ее изучения. В качестве теоретического (основополагающего) положения представлено, что киберпространство во всех своих проявлениях не просто отражает реальную картину этничности, но и порождает новую киберэтничность, потенциал которой необозрим [4].

В своем исследовании убыхов М.Э. Сысоева считает, что социальная сеть Facebook (запрещенная на территории РФ организация) становится одним из важных элементов конструирования этничности. Автор отмечает, что сообщества в социальных сетях поддерживают социальные связи и «...формируют территорию постоянного общения без привязки к физическому местонахождению...» [11]. При этом цели сообществ различны: ревитализация языка, культуры, создание академических площадок. В фокусе внимания Н.Е. Хохольковой дефиниция «цифровая диаспора» как добровольное сообщество иммигрантов и их потомков, организованное в сети Интернет. Автор изучает африканскую диаспору и разделяет сообщества, создаваемые представителями «старых» и «новых» африканских диаспор; исследователь приходит к выводу, что африканская цифровая диаспора — сложная воображаемая фрагментированная трансконтинентальная конгломерация сообществ. Она состоит из интернет-сообществ, созданных людьми африканского происхождения, а также из системы их связей [14].

Важно отметить и других акторов, формирующих теорию киберпространства как социальный процесс, имеющий четко выраженную этническую составляющую. К ним можно отнести органы управления государственного и регионального уровней, местного самоуправления, подведомственные организации и суды, на которые возложена обязанность ведения аккаунтов в социальных сетях. С 2022 г. эта деятельность регламентирована федеральным законодательством¹. На страницах социальных сетей отражаются новости, размещенные на официальных сайтах учреждений, контактная информация. Профильные специалисты работают с комментариями пользователей Сети. С 2017 г. Федеральным

1. Федеральный закон от 14.07.2022. № 270-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и статья 10 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации». [Электронный ресурс] – URL: <https://base.garant.ru/404992163/> (дата обращения: 11.07.2023).

агентством по делам национальностей Правительства РФ на территории страны разворачивается система мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций (ГИСМ). Разработка ведется в рамках выполнения мероприятий государственной программы «Реализация государственной национальной политики». Одна из функций системы — сбор и анализ информации о межнациональных и межконфессиональных отношениях из социальных сетей, блогов, официальных ведомств, региональных СМИ, сайтов и других источников. Важно отметить, что это федеральная система. В 2023 г. на расширенном заседании Комитета по делам национальностей было отмечено, что система в настоящее время требует совершенствования².

На региональном и муниципальном уровне с 2019 г. действует автоматизированная система управления негативными мнениями в социальных сетях «Инцидент Менеджмент». Это инструмент реагирования органов исполнительной власти в социальных медиа. Он подразумевает «отбор значимых сообщений из потока упоминаний в соцмедиа (инциденты)», классификацию «сообщений и распределение нужным сотрудникам для реакции», автоматизацию «согласования ответов внутри компании, управление коммуникациями по заданным сценариям», оценку «скорости реагирования, контроль удовлетворенности пользователей» (автоматизированная система...). Отбор осуществляется по ограниченному числу направлений и включает блоки «Транспорт», «Медицина», «Образование», «Коммунальные службы», «Экология» и др. Система не предполагает сбора информации на локальном и региональном уровне «проблемных» ситуаций, связанных с этносоциальными процессами³.

Приведенный обзор предметного поля исследований позволяет соотнести киберэтнографию и прикладную антропологию и ставит вопрос о необходимости определения территориальных и хронологических рамок, очерчивающих то или иное явление, факт, процесс.

Связано это с тем, что в основе проводимых исследований во всех случаях отражаются существующие в киберпространственно-временном континууме отдельные сетевые практики. Это придает исследованию интеграционный характер на стыке классической этнографии и социологии, что прослеживается, в первую очередь, по глоссарию и методам: наблюдению, включенному наблюдению, интервью, опросам, контент-анализу. Интерес представляет и то, что во всех отраженных направлениях киберэтнографии прослеживаются методологические принципы системного, выборочного и процессного подходов, а основными методами становятся наблюдение, экспертный опрос, интервью в ходе полевых исследований, анализ текстов, представленных в киберпространстве.

Сопоставление виртуального и реального пространства идет из киберполя в «поле» классическое. Эту тенденцию можно проследить на основе кейс-стади по исследованию отражения латентных этнических процессов в сети Интернет, а также выявления механизма (комплекса причинно-следственных связей) их «отсутствия» в киберпространстве. Для презентации этой тенденции нами проведено кейс-стади, ориентированное на выявление этнических процессов и системы внутри- и межэтнических коммуникаций в границах Сочинского национального парка. Выбор полигона обусловлен тем, что данная категория особо охраняемых природных территорий начиная с 1983 г. является не только одним из основных акторов устойчивого социально-экономического развития городской агломерации, включающей несколько десятков сельских населенных пунктов с полиэтническим составом населения, но и активным актором перманентного воздействия на районы компактного проживания локальных этнических групп: шапсугов, греков, эстонцев, армян, грузин [8].

Стратегия исследования включала в себя несколько этапов. На первом этапе были проведены пилотажное полевое исследование в ауле Калез и анализ текстовых сообщений, фото- и видеоматериалов, представленных в киберпространстве. Пилотажное исследование показало недоверчивое отношение шапсугов, особенно старшего поколения, к киберпространству и информации, представленной в нем. Все попытки подтвердить или опровергнуть информацию из социальных сетей при общении с информантами, коммуникация с которыми налажена, показали, что первой реакцией является настороженность, и только на последующем этапе исследования, во время формализованных и полужформализованных интервью, информанты пытались разъяснить столкновение групповых интересов и их причины исключительно исходя на момент исследования.

2. Геннадий Семигин: Государственная система мониторинга в сфере межнациональных отношений нуждается в совершенствовании. Государственная дума Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс] – URL: <http://duma.gov.ru/news/56259/> (дата обращения: 11.07.2023).

3. Полевые материалы автора. Администрация города Сочи, Краснодарский край (Россия). 2020 год.; Хищенко К. А. Полевые материалы автора. Администрация города Сочи, Краснодарский край (Россия). 2019–2021 годы.

Основными методами стали методы полевой этнографической работы: наблюдение, экспертный опрос, интервью, а также методы киберэтнографии: анализ текстов, фото- и видеоматериалов, представленных в киберпространстве.

Сочинское Причерноморье относится к районам с полиэтническим составом населения, социальные (включая этнические) процессы внутри которого представляют многоуровневую, многокомпонентную и динамично меняющуюся под воздействием внешних факторов систему социальных коммуникаций. Выявить механизм трансформации, отражающей взаимосвязь и взаимообусловленность широкого спектра социальных процессов, можно на основе сопоставления киберисточников и полевых материалов. Например, собственно создание и текущая деятельность национального парка объективно стали реперной точкой «отчуждения» территорий традиционного природопользования. Процесса, оказывающего латентное воздействие на текущую этносоциальную обстановку, которую в киберпространстве можно проследить только на основе углубленного анализа представленных в интернет-пространстве текстов. Так, на официальном сайте и страницах в социальных сетях размещаются информация о зонировании парка, нормативно-правовая документация, новости учреждения и другие материалы, свидетельствующие о том, что природоохранная организация работает на этнической территории, что однозначно оказывает прямое и косвенное воздействие как на систему традиционного природопользования, так и культуру жизнеобеспечения шапсугов, отнесенных к правовой категории коренных малочисленных народов России и мира. По полевым материалам прослеживается, что парк выступает перманентным фактором воздействия на повседневную жизнь и других локальных этнических групп, оказывающихся в зоне риска дестабилизации этносоциальной обстановки на локальном уровне. Отразим механизм этого воздействия на примере нескольких удаленных горных аулов Большой и Малый Кичмай, Калеж, Хаджико, Шхафит — мест компактного проживания шапсугов.

Выработанная система и культура жизнеобеспечения этих локальных этнических групп, однозначно, оказались в зоне риска. Приведем в качестве примера шапсугов, проживающих в ауле Калеж Лыготхского сельского округа, вплотную прилегающего к территории национального парка. Традиционными видами хозяйственной деятельности шапсугов являются земледелие (включая огородничество); садоводство (включая виноградарство); животноводство (коневодство, овцеводство, козоводство и птицеводство) и переработка его продукции (например, изготовление сыров), пчеловодство. Создание национального парка существенно ограничило традиционное природопользование шапсугов, в настоящее время одной из основных хозяйственных специализаций адыгов и шапсугов является садоводство и огородничество⁴.

В качестве примера можно привести ке́е лесничество, расположенное вблизи Лыготхского сельского округа. 17 октября 2023 г. на сайте Сочинского национального парка вышел материал под названием «Козы вне закона: на территории Сочинского нацпарка обнаружили целое фермерское хозяйство», посвященный итогам рейда сотрудников и выявлению факта перегона стада коз с выпасных лугов в подсобное хозяйство, расположенное на территории ООПТ⁵. Лейтмотив новости был отражен в так называемом « лиде » (составляющей «новостного ряда»):

<...> В прямом смысле брать все лучшее от природы решил местный фермер: на территории национального парка мужчина организовал подсобное хозяйство с домашним скотом <...>⁶.

В тексте новости акценты расставлены на незаконности всесезонных хозпостроек и деятельности по выпасу и содержанию коз, масштабах возможного принесенного ущерба. Упоминаний о принадлежности владельца к коренным малочисленным народам, а также к их пониманию территории исконного проживания и природопользования, традиционной хозяйственной деятельности в материалах СМИ нет.

Новость была подана в рассылку для средств массовой информации, опубликована в федеральных, региональных, городских изданиях, размещена в социальных сетях и блогах. Реакцию на новость в блогосфере отличает сдержанная поддержка местного населения (авторская орфография соблюдена):

4. Полевые материалы автора. Аулы Калеж, Хаджико, Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год.

5. Козы вне закона: на территории Сочинского нацпарка обнаружили целое фермерское хозяйство // Сочинский национальный парк. — URL: <https://npsochi.ru/news/kozy-vne-zakona-na-territorii-sochinskogo-natsparka-obnaruzhili-tseloe-fermerskoe-khozyaystvo/> (дата обращения 19.08.2024).

6. Там же.

<...> Ладно бы всем было низзя, но ведь всегда находится тот кому можно, кто ровнее...

<...> как козы и дачники ущерб нацпарку наносят? у них там заводы-фабрики что ли? <...>

<...> Жаль козоводов <...>

<...> То в лес вход платный, то какое-то парковочное пространство придумали и там плати. Вы что там, работаете на врага? Специально злите население? Как вас понимать? <...>⁷.

Интерес представляет то, что мнение жителей аулов не отражено в киберпространстве. Отчасти это связано с тем, что горные аулы являются замкнутой социальной системой, члены которой настороженно относятся к материалам сети Интернет⁸. Более того, полевые материалы 2024 г. отражают достаточно неоднозначную картину системы социальных коммуникаций между традиционными социальными институтами шапсугов, включающими различные формы этнического предпринимательства, и перманентно меняющимся руководящим составом национального парка. В 1980–2010-е годы прослеживался некий баланс этнических интересов и функций этой особо охраняемой природной территории. Часть составляющих традиционной хозяйственной специализации и жизнеобеспечения этноса (животноводство, пчеловодство, сбор дикоросов) базировалась на системе договорных отношений с руководством парка о разрешении отдельных направлений хозяйственной деятельности в границах парка⁹. Эта система коммуникаций не имела четко выраженной правовой формы, не отражалась в киберпространстве, однако все акторы взаимодействия были в курсе о местах традиционной локализации пастбищ, мест выпаса, хозяйственных сооружений и сакральных мест. С начала 2010 г. как в повседневной практике, так и в виртуальном пространстве прослеживался качественно отличный социальный тренд — расширение хозяйственной активности парка в рекреационной сфере, что широко представлено в сети (формирование новых объектов, сети троп, услуг). Процесс, который формирует в групповом сознании представления о том, что парк является не столько природоохранным институтом, сколько бизнес-структурой, результат деятельности которой — «свертывание» традиционных форм сельской экономики. И как следствие — утрата культуры жизнеобеспечения и этнической самоидентификации. Данные процессы не отражены в сети Интернет или отражены локально¹⁰, однако имеют отражение в материалах полевых исследований. В то же время порядок решения проблемных вопросов и характер принимаемых решений со стороны администрации Сочинского национального парка можно проследить исключительно в ходе полевой работы: при ознакомлении с деловой перепиской природоохранной территории с представителями ТОСов или общественных организаций; присутствуя на «съездах» граждан или тематических круглых столах (например, круглый стол «Развитие традиционных видов хозяйственной деятельности и защита исконной среды обитания шапсугов», 25.10.2024, город Сочи, микрорайон Лазаревское).

Иная ситуация прослеживается при сопоставлении кибер- и классических полевых материалов в анализе отдельных этнокультурных процессов. Несмотря на вовлеченность жителей шапсугских аулов Сочинского Причерноморья в сохранение традиционной культуры, формы самопрезентации культуры (в том числе текущая деятельность творческих объединений) практически не представлены в сети Интернет. Основными киберисточниками являются единичные трэвел-блоги, сайты с отзывами, рекламные кампании турфирм. Среди молодежи этноблогинг не развит, творческие коллективы не представлены в социальных сетях. Однако в социальных медиа прослеживается ряд этноблогов / сообществ. Так, в последние два года в социальной сети «ВК» интернет-активность набирает созданная в 2023 г. страница этнокультурного центра «Аше».

На конец октября 2024 г. в сообществе размещено 118 постов, в среднем в месяц размещается 6–7 постов (включая репосты сообщений других тематических сообществ). Основная задача страницы — познакомить подписчиков с культурой, традициями, обычаями адыгов / шапсугов, осветить текущую деятельность центра¹¹. Особенностью этнокультурного центра «Аше» является его родовая привязка — музей создан силами семьи Тешевых. Возглавляет семью Мурдин Тешев (1930 г. р.) — старейшина долины реки Аше, общественный и политический деятель, создатель и первый председатель общества «Адыге Хасэ», музыкант. Семейный центр был создан его дочерьми Сафет и Шамсет Тешевыми.

7. Киберполевые материалы автора, 2024.

8. Полевые материалы автора. Аулы Калеж, Хаджико, Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год.

9. Полевые материалы автора. Аулы Калеж, Хаджико, Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год.

10. Например, Киберполевые материалы автора, 2024: ШАПСУГИ: «Сочинский нацпарк лишает нас доступа к пастбищам и нарушает наши права».

11. Киберполевые материалы автора, 2024.

Рис. 1. Этнокультурный центр «Аше» — участник реконструкции «Эстафеты огня» в рамках празднования 10-летия XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр. Семья Тешевых (слева направо: Шамсет Тешева, Мурдин Тешев, Вячеслав Пашенцев и Сафет Тешева). Фото из личного архива семьи Тешевых

Fig. 1. The Ashe Ethnocultural Center, participating in the Torch Relay reenactment as part of the celebration of the 10th anniversary of the XXII Olympic Winter Games and XI Paralympic Winter Games. The Teshev family (from left to right: Shamset Tesheva, Murdin Teshev, Vyacheslav Pashentsev, and Safet Tesheva). Photo from the Teshev family's personal archive

<...> По сути дела, я никогда не думал, что это когда-то будет музей. Я всю жизнь интересовался старыми предметами и накапливал их не как музей. <...> Люди интересовались, приходили, а потом девочки решили сделать музей. <...> Как вы замечаете, экспонаты, в основном, местные — рукодельные¹².

Умение мастерить музыкальные инструменты (рис. 2), предметы быта, игр было передано М.Ш. Тешеву его дедом, Салихом Тешевым (1870 г. р.).

<...> Отец мой был участником ВОВ и долгое время отсутствовал и в послевоенное время. Моим воспитателем был дед. Дедушка Салехно был феноменальной зрительной памяти. Всё, что когда-то видел и слышал, мог передать дословно. <...> Он пропагандировал правильное воспитание детей. По традициям. Нас было 7 братьев и сестер. Дедушка бросал все дела, садился под грецкий орех, а под грецким орехом не водятся мух, комаров, и мог часами рассказывать и петь. <...> Огромное время уделял адыгским (традициям — прим. авт.): как идти по улицам? Как узнать, кто из них старший? Как узнать, кто из них его жена, его дочь? Это сейчас, в моем возрасте, соблюдают. А младшие поколения уже не соблюдают. <...> Дедушка пел песни: героические, трагические, душевные. Он их знал сотни. <...> Дедушка любил все. Вы увидите, какие улики он плел. Там, во дворе стоят¹³.

12. Полевые материалы автора. Аул Шхафит. Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год. Информант: Тешев М. Ш.

13. Полевые материалы автора. Аул Шхафит. Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год. Информант: Тешев М. Ш.

Рис. 2. Этнокультурный центр «Аше». Этапы изготовления адыгской скрипки щыкІэпщын.
Фото П. А. Куринских

Fig. 2. The Ashe Ethnocultural Center. The process of crafting the Adyghe shchykyepshyn violin. Photo by P. Kurinskikh

При создании Центра одной из основных задач стало «знакомство с Изумрудной долиной реки Аше, ее достопримечательностями, жителями, их культурой и традициями»¹⁴.

В настоящее время при ведении социальной страницы «ВК» сестры Тешевы делают акцент на культуре адыгов в целом, но основную свою задачу видят в сохранении и передаче знаний отца, Мурдина Тешева, и прадеда, Салиха Тешева.

<...> У нас в планах создать телеграмм-канал. В последнее время мы активно создаем контент: расспрашиваем папу, записываем ролики, как раньше было. Как делали муку из груши-дички или каштана. <...> Или сыр варили и использовали традиционные корзины для сыра. Хотя мы и так их постоянно используем. Что есть в музее, что папиными руками сделано — все в использовании. <...> Времени не хватает, конечно. Пока снимаем, монтируем. <...> Папа, конечно, активно в этом всем участвует. Вот когда делали ролик про муку из груши, столько времени ушло на поиск этой

Рис. 3. Этнокультурный центр «Аше». Внутренний двор. Сапетки – традиционные черкесские улья. Фото П. А. Куринских

Fig.3. The Ashe Ethnocultural Center. The courtyard featuring traditional Circassian beehives – sapetki. Photo by P. Kurinskikh

14. Киберполевые материалы автора, 2024.

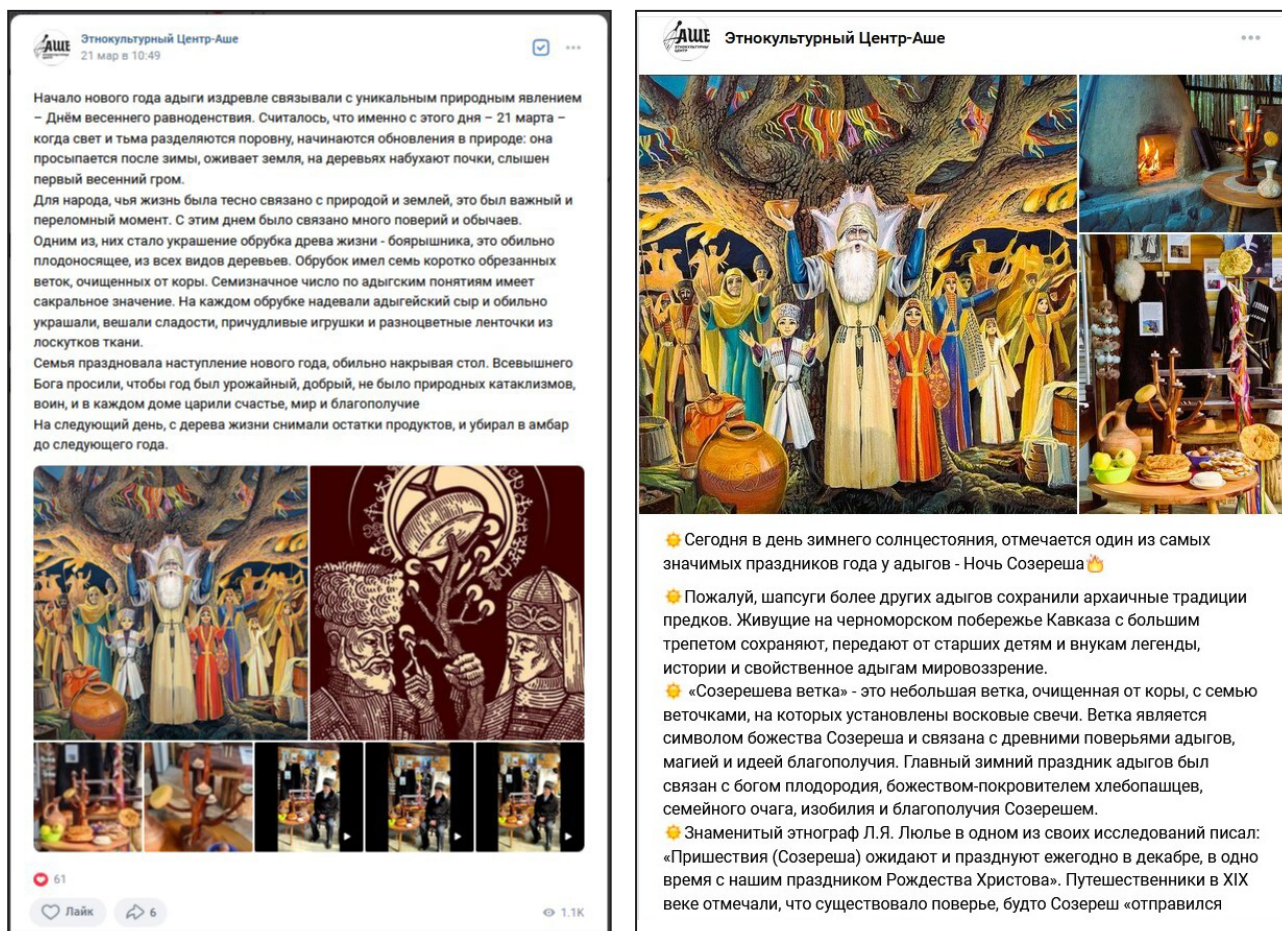

Рис. 4–5. Скриншоты постов о праздновании адыгского Нового года Созереш в этнокультурном центре Аше. Слева — 2023 год, справа — 2024 год

Fig. 4-5. Screenshots of posts celebrating the Adyghe New Year at the Ashe Ethnocultural Center in 2023 (left) and 2024 (right)

черкесской груши! А потом он увлеченно учил нас делать все правильно. <...> Контента много. Времени нет. Вон на сбор фундука сейчас только месяц уйдет. Но сделаем¹⁵.

В 2023 г. сестры Тешевы поставили перед собой задачу знакомить подписчиков с праздничным календарным циклом адыгов. Один из первых постов¹⁶ данной рубрики был посвящен празднованию адыгского Нового года *Созереш* [13].

<...> В этом году наш музей впервые отметил адыгский новый год. Раньше просто праздновали, дома, а тут прям в музее. <...> В общем, налепила *шалямчики* (лепешки), посыпала сахарной пудрой, и яркие пестрые ленточки — украсили елки. <...> Папа прочитал молитву. <...> В соцсетях все есть, мы выложили <...>¹⁷.

В 2024 г. материал о *Ночи Созереша* носил просветительский характер. Фотографии празднования в этнокультурном центре были дополнены материалом, подготовленным старшим научным сотрудником Музея истории города-курорта Сочи Амнет Хушт¹⁸.

Несмотря на рост интернет-активности и увеличение количества постов этноблогеров, киберпространство не является достаточным источником для формирования общего представления о текущей

15. Полевые материалы автора. Аул Шхафит. Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год. Информант: Тешева С. М.

16. Киберполевые материалы автора, 2024.

17. Полевые материалы автора. Аул Шхафит. Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год. Информант: Тешева С. М.

18. Киберполевые материалы автора, 2024.

жизни адыгов/шапсугов. Информанты отмечают, что их работа в социальных медиа носит скорее стихийный, нежели плановый характер, а темы для освещения чаще поднимаются в повседневном общении (в том числе с нами, этнографами). Например, во время интервью информант отметила одну из ушедших семейных традиций — приготовление супа из каштана и загадывание желания при трапезе.

<...> У нас была история. Прибегает Айшета как-то, конец зимы это был. Говорит, надо срочно варить суп из каштана, кукурузы, бобов. Когда его ешь, нужно обязательно загадать желание. Мы сварили и загадали. Так оно сбылось через полчаса! Что за суп был — не помню. Нужно спросить <...> Знаю, причерноморские шапсуги делают. Сухопутные (проживающие в аулах Туапсинского района, Краснодаре и т. д. — Прим. авт.) — вряд ли. В Майкопе, например, могут возникнуть споры, языческий это обычай или ислам позволяет <...>¹⁹.

В дальнейшем Мурдин Тешев пояснил, что слышал ранее про праздник *Айшерай* (записано со слов информанта. — прим. авт.), но не помнит дату и традиции его празднования, а суп называется *аирыкъ* и является традиционным для черкесов, так же, как и *захаубс* (варится из фасоли и кукурузы), который адыги ели всю зиму²⁰. Информанты отмечают, что ключевым ингредиентом супа *аирыкъ* является каштан. В книге «Адыгейская кухня: традиции и современность» основой супа *аирай* является зрелая кукуруза и фасоль, сваренные с добавлением молока. История появления супа связана с преданием о первом поколении беженцев-мухаджиров, приготовивших это блюдо в общем котле из остатков крупы²¹. В 2014 г. в социальной сети «ВК» сообщество «Адыгэ Хэку (Черкессия)» сделало пост о традициях приготовления супа *Аирыкъ*, связав его «с исламским праздником — днем Ашура — который празднуется через 40 дней после Нового года (Курман-Байрам)» (орфография и пунктуация цитаты сохранены. — прим. авт.)²². Данный пост вызвал дискуссию адыгов из разных населенных пунктов России на тему корректности соотнесения мусульманских и языческих праздников, а также о традициях приготовления данного супа в другие праздники, например в *маф1ащхъ*²³.

При анализе деятельности этнокультурного центра «Аше» по сохранению локальной этнической культуры важно отметить, что элементы системы социальной коммуникации на внутрорегиональном уровне отчетливо прослеживаются в киберпространстве. Прежде всего, это взаимодействие с городскими органами исполнительной и законодательной власти, культурными объединениями, региональными мастерами народных промыслов, учреждениями науки и высшего образования. Материалы классической полевой работы дополняют их.

Таким образом, в отечественной историографии последнего десятилетия в качестве объекта киберэтнографии, как правило, выступают отдельные примеры проявления «этничности» в сети Интернет. Вследствие этого из широкого спектра этносоциальных процессов внимание акцентируется, в первую очередь, на проявлениях этнической самоидентификации. В фокусе внимания — страницы в социальных сетях, блоги, деятельность отдельных социальных институтов в интернет-пространстве (например, институт церкви). Пример шапсугов отражает проявляющуюся динамику смены на локальном уровне системы социальных коммуникаций, затрагивающей этнические интересы, что определяет необходимость дальнейшего совершенствования инструментария исследования, в котором материалы полевой работы будут сочетаться с киберисточниками. Последние органически вписываются в концепцию содержания и техник этнологических экспертиз. На примере исследования особенностей традиционного природопользования и культуры шапсугов Сочинского Причерноморья можно проследить алгоритм выявления латентных этнических процессов через синтез информации, локализованной в разноплановых источниках — классических (полевых, историографических), масс-медийных и киберисточниках. Алгоритм включает в себя: 1) разработку и апробацию инструментария, направленного на выбор социальных технологий проведения исследования в среде малочисленных коренных народов; 2) анализ киберпространства и выборочных СМИ; 3) интервальные уточняющие интервью; 4) экспертный опрос из числа национальных лидеров.

19. Полевые материалы автора. Аул Шхафит. Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 год. Информант: Тешева Ш. М.

20. Полевые материалы автора. Аул Шхафит, Сочи, Краснодарский край (Россия). 2024 г.

21. Джамиризе Р. Г. Адыгейская кухня: традиции и современность. Ростов-на-Дону: Омега Принт, 2023. 136 с.

22. Киберполевые материалы автора, 2024.

23. Киберполевые материалы автора, 2024.

Использование принципа хронологических срезов открывает перспективы выявления трендов этнических процессов.

Финансирование. Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ СЦ РАН FGRW-2024-0002, № госрегистрации 124022000096-2.

Acknowledgements. The study was conducted as part of the State Assignment FRC SSC RAS FGRW-2024-0002, state registration No. 124022000096-2.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоруссова С.Ю. Киберэтнография: методология и технология // *Этнография*. 2021. № 3 (13). С. 123–145. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145.
2. Белоруссова С.Ю. Религия в виртуальном пространстве // *Этнография*. 2021. № 4 (14). С. 94–118. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-94-118.
3. Головнев А.В. Киберскорость // *Этнография*. 2020. №3 (9). С. 13–14. DOI 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-6-32.
4. Головнев А.В., Белоруссова С.Ю., Киссер Т.С. Виртуальная этничность и киберэтнография: монография. СПб: МАЭ РАН, 2021, 280 с. ISBN: 978-5-88431-391-0.
5. Данилко Е.С. Путешествия к старообрядцам: видеоблоги как визуальный источник // *Вестник антропологии*. 2024. № 3. С. 38–51.
6. Ермолин Д.С., Михайлова А.А. Вспоминая Приштин: сетевые сообщества и практика изучения этносоциальных процессов // *Этнография*. 2021. №3 (13). С. 146–167. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-146-170.
7. Киссер Т.С. Киберскорость на Таймыре // *Этнография*. 2021. № 4 (14). С. 158–185. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-158-185.
8. Куринских П.А. Этнические процессы в контексте информационного сопровождения региональных социально-экономических программ: кейс «Сочи-2035» // *Гуманитарные науки в Сибири*. 2024. Т. 31. № 2. С. 12–18 DOI: 10.15372/HSS20240202.
9. МасагUTOва М.Р. «Как оно ни есть, а всё равно беседа была»: онлайн-трансляции как новая религиозная практика общины чуриковцев // *Этнография*. 2021. № 4 (14). С. 138–157. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-138-157.
10. Соколовский С.В. Киборги в киберпространстве: современные исследования в области кибер- и цифровой антропологии // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 1. С. 5–22. <https://doi.org/10.31857/So86954150008752-7>.
11. Сысоева М.Э. Facebook как поле: анализ убыхских онлайн-сообществ // *Этнография*. 2021. № 3 (13). С. 171–190. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-171-190.
12. Хабибуллина З.Р. Ислам и гендер в интернете: женщины, режим видимости и борьба со стереотипами // *Этнография*. 2021. № 4 (14). С. 119–137. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-119-137.
13. Хоконов М.А., Лисев Р.П. К вопросу о междисциплинарном изучении традиционного черкесского праздника Созереш // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2024. № 2. С. 19–26. DOI 10.18522/2687-0770-2024-2-19-26.
14. Хохолькова Н.Е. Африканская цифровая диаспора // *Этнография*. 2021. № 3 (13). С. 191–206. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-191-206.
15. Hine C. *Virtual Ethnography*. Sage Publications: London, 2000.

Поступила в редакцию 06.12.2024 г.

Принята в печать 26.02.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

REFERENCES

1. Belorussova SYu. Cyberethnography: Methodology and Technology. *Etnografia*. 2021; 3(13): 123-145. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-123-145. (In Russ)
2. Belorussova SYu. Religion in the Virtual Space. *Etnografia*. 2021; 4(14): 94-118. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-94-118. (In Russ)
3. Golovnev A. Cyberspeed. *Etnografia*. 2020; 3(9): 6-32. DOI 10.31250/2618-8600-2020-3(9)-6-32. (In Russ)
4. Golovnev AV., Belorussova SYu., Kisser TS. *Virtual Ethnicity and Cyberethnography*. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2021. (In Russ)
5. Danilko ES. Travelling to the Old Believers: Video Blogs as a Visual Source. *Vestnik Antropologii*. 2024; 3: 38-51. DOI 10.33876/2311-0546/2024-3/38-51. (In Russ)
6. Ermolin D., Mikhailova A. Remembering Pristina: Network Communities and the Practice of Studying Ethno-Social Processes. *Etnografia*. 2021; 3(13): 146-170. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-146-170. (In Russ)
7. Kisser T. Cyberspeed in the Taimyr. *Etnografia*. 2021; 4(14): 158-185. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-158-185. (In Russ)
8. Kurinskikh PA. Ethnic Processes in Informational Support of Regional Socio-Economic Programs: The Case “Sochi-2035”. *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2024; 2: 12-18. DOI 10.15372/HSS20240202. (In Russ)
9. Masagutova M. “Nevertheless, the beseda happened”: Online Broadcasts as a New Religious Practice of the Churikovtsy Community. *Etnografia*. 2021; 4(14): 138-157. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-138-157. (In Russ)
10. Sokolovskiy SV. Cyborgs in Cyberspace: Contemporary Research in Cyber- and Digital Anthropology. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2020; 1: 5-22. DOI 10.31857/So86954150008752-7. (In Russ)
11. Sysoeva M. Internet as a Field: An Analysis of Ubykh Online Communities. *Etnografia*. 2021; 3(13): 171-190. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-171-190. (In Russ)
12. Khabibullina Z. Islam and Gender on the Internet: Women, Visibility, and Overcoming Stereotypes. *Etnografia*. 2021; 4(14): 119-137. DOI 10.31250/2618-8600-2021-4(14)-119-137. (In Russ)
13. Khokonov MA., Lissev RP. On the Issue of Interdisciplinary Study of the Traditional Circassian Festival of Sozeresh. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024; 2: 19-26. (In Russ)
14. Khokhlova N. African Digital Diaspora. *Etnografia*. 2021; 3(13): 191-206. DOI 10.31250/2618-8600-2021-3(13)-191-206. (In Russ)
15. Hine C. *Virtual Ethnography*. London: Sage Publ., 2000. (In Russ)

Received 06.12.2024

Accepted 26.02.2025

Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213600-607>

Исследовательская статья

Лакунова Диана Руслановна
младший научный сотрудник

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия
anzva86@gmail.com

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНАЯ ОБРЯДНОСТЬ КАБАРДИНЦЕВ В 20-Х ГОДАХ ХХІ в.: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И ПСЕВДООРТОДОКСИЕЙ

Аннотация: Похоронные и поминальные ритуалы, представляющие собой сочетание традиционных и современных религиозных практик, являются ценным этнографическим источником, поэтому их изучение и подробное описание актуальны. Целью данной статьи является изучение похоронных и поминальных обрядов и церемоний кабардинцев, проживающих в Кабардино-Балкарской Республике, влияния «новых» течений в исламе на их существование. Несмотря на то, что большинство кабардинцев исповедуют ислам суннитского толка, в ритуалах все еще можно обнаружить элементы древних верований, что вызывает недовольство «новых» мусульман. Многие элементы старых обрядовых практик выходят из употребления, заменяясь новыми, которые ранее не использовались в обществе, что приводит к противоречиям между приверженцами традиционного (народного) ислама и «новыми» мусульманами, ратующими за возвращение к ортодоксальному исламу. Для выявления изменений, произошедших в погребальных и поминальных обрядах, автором были проведены полевые исследования по сбору этнографического материала в селах Баксаненок, Кишпек, Заюково Баксанского района, в селах Аргудан и Анзорей Лескенского района, селах Алтуд Прохладненского района, селе Залукокоаже Зольского района, в городах Баксан, Нальчик, Нарткала в Кабардино-Балкарской Республике в период с 2022 по 2024 год. В исследовании также использовался метод включенного наблюдения, который позволял изучать людей и группы в их естественной социальной среде и повседневной жизни. Анализ собранного материала позволил сделать вывод о том, что многие традиционные обряды и нормы поведения утратили в новейшее время свой прежний смысл и вышли из употребления, другие трансформировались и модифицировались, третьи появились под влиянием новых веяний в исламе. Этнографические исследования в этой области становятся все более актуальными для понимания разнообразия и динамики местной культуры в контексте глобализации и религиозных трансформаций.

Ключевые слова: похоронно-поминальные обряды; ритуал; жертвоприношение; традиция; поминальная пища; ислам; «новые» мусульмане

Для цитирования: Лакунова Д.Р. Похоронно-поминальная обрядность кабардинцев в 20-х годах ХХІ в.: между традицией и псевдоортодоксией // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 600-607. doi.org/10.32653/CH213600-607

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213600-607>

Research paper

Diana R. Lakunova

Junior Researcher

Museum of Anthropology and Ethnography of RAS (Kunstkamera), Saint Petersburg, Russia

anzva86@gmail.com

FUNERAL AND COMMEMORATIVE RITES AMONG THE KABARDIANS IN THE 1920S: BETWEEN TRADITION AND ISLAMIC PSEUDO-ORTHODOXY

Abstract. Funeral and commemorative rites are valuable ethnographic sources that reflect a mix of traditional and modern religious practices. This article examines the funeral and commemorative ceremonies of the Kabardians in the Kabardino-Balkarian Republic and the impact of “new” Islamic movements on these rituals. The majority of Kabardians adhere to Sunni Islam, yet their rituals often retain elements of ancient beliefs, which has created friction with “new” Muslims. These new movements advocate for a return to orthodox Islam, leading to contradictions and the gradual replacement of old ritual practices with new ones. To document these changes, the author conducted fieldwork from 2022 to 2024 in several villages and cities across the region, including Baksanenok, Kishpek, and Zayukovo of the Baksan region; Argudan and Anzorey of Lesken region; Altud of Prohladnenskoe region; Zalukokoazhe of Zolskyi region; Baksan, Nalchik, and Nartkala cities. The study also employed participant observation to analyze individuals and groups in their natural social environment. Analysis of the collected data reveals that many traditional Kabardian rites and behavioral norms have either lost their original meaning or fallen into disuse. Others have been transformed and modified, while some entirely new practices have emerged under the influence of modern Islamic trends. The study concludes that ethnographic research in this area is crucial for understanding the diversity and dynamics of local culture amidst globalization and religious transformation.

Keywords: funeral and commemorative rites; ritual; offering; tradition; funeral food; Islam; “new” Muslims

For citation: D.R. Lakunova. Funeral and commemorative rites among the Kabardians in the 1920s: between tradition and Islamic pseudo-orthodoxy. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 600-607. doi.org/10.32653/CH213600-607

© D.R. Lakunova, 2025

© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2025

Введение

С начала XXI в. поминальные обряды и поверья кабардинцев претерпели изменения. Преобразования, произошедшие в обществе, оказали влияние не только на обряды, но и на анимистические представления народа, которые некогда легли в основу культа предков в традиционной культуре. Несмотря на то, что большинство кабардинцев исповедуют ислам суннитского толка, ритуалы, сохраняющие традиционные этнические элементы, продолжают существовать, хотя и в изменённом виде. Подробное описание ритуальных действий в погребальном обряде необходимо не только для выявления некоторых особенностей, связанных с религиозным синкретизмом, но и для отслеживания механизма формирования обновленного культурного кода у молодого поколения под влиянием реисламизации¹ общества.

В наши дни порядок и устройство современных похоронно-поминальных ритуалов у кабардинцев остаются малоисследованной темой для этнографов. Разумеется, есть авторы, которые в своих исследованиях затрагивали некоторые аспекты похоронно-поминального цикла в контексте изучения традиционной культуры кабардинцев. Это работы И.З. Богатыревой [1], статьи М.А. Текуевой и Е.А. Нальчиковой [2; 3; 4]. Т.Р. Загазежев исследовал изменения в погребальных и поминальных обрядах адыгов, начиная с Позднего Средневековья и до наших дней [5]. Особенности обрядов адыгов, а также динамика их развития были описаны в коллективной монографии «Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги» [6]. Интересные и важные сведения по современным похоронно-поминальным обрядам и практикам приводят в своих работах Албогачиева М. С-Г. [7], Мусаева М.К. [8], Зельницкая Р.Ш. [9].

Известно, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов на Северном Кавказе произошло движение, которое в исследованиях кавказоведов часто описывается как «исламское возрождение» [10]. Согласно этой концепции, ислам, якобы находившийся в подавленном, но живом состоянии в советские годы, начал активно возрождаться в 2000-х годах. Население региона, вновь осознав ценность ислама, обучалось молитвам, соблюдению поста и другим религиозным практикам. В ходе этого процесса многие люди стали считать себя «настоящими мусульманами», последователями той религии, которую они считали своей [11]. Молодёжь, обеспокоенная ослаблением религии, утратой её статуса регулятора общественной и семейной жизни, предприняла активные действия по распространению в республике «интерпретаций» ислама, якобы соответствующих классическим, фундаментальным принципам мусульманской религии и отличающихся от «народной» формы, принятой большинством населения. Это привело к возникновению конфликтов на религиозной почве [12].

Однако, если в начале 2000-х годов это «возрождение» отличалось неким радикальным настроем, то в настоящее время мы наблюдаем спокойное и стабильное распространение ислама среди представителей всех возрастных групп. В этом процессе молодёжь выступает в роли движущей силы.

В указанных выше публикациях недостаточно сведений об изменениях, связанных именно с современной похоронно-поминальной обрядностью. Для изучения этих вопросов автор провел полевые исследования в Кабардино-Балкарии. Это позволило рассмотреть некоторые тенденции, наметившиеся в похоронно-поминальных ритуалах кабардинцев, в контексте влияния религиозных установок «новых мусульман».

Основная часть

В прежние времена погребальные ритуалы были тесно связаны с культом предков и душ усопших, а также с заупокойным культом. Они строго регламентировали обычаи и нормы поведения в обществе. Но в настоящее время многие ритуалы утратили свое значение, свою актуальность, что часто приводит

1. Термин «реисламизация» в данной статье используется как термин, обозначающий «возрождение ислама» то есть укрепление исламских норм на территории Кабардино-Балкарской Республики, где ислам является основной религией населения на протяжении многих веков, однако был подвержен известной секуляризации в советский период его истории. В контексте данной темы и региона этот термин показался нам более подходящим, чем термин «исламизация».

к конфликту между старшим и младшим поколениями кабардинцев в понимании и исполнении похоронно-погребальных обрядов [13].

Старшее поколение и по сей день следует принятым в обществе нормам поведения во время похорон и поминок, а несоблюдение ритуальных норм воспринимается ими как «неуважение» к умершему». Одним из основных элементов кабардинского похоронно-поминального обряда является траур по умершему.

Как только душа человека покидает тело, родственники оповещают родных и соседей о случившемся и, в знак траура, открывают ворота и держат их открытыми в течение трех дней. Все, кто хотят выразить соболезнования семье покойного и поддержать их в горе, считают обязательным сделать это в течение первых трех дней траура. Если по каким-то причинам это сделать не получается, то они приходят после. При этом опоздавшие приносят свои извинения родственникам покойного за то, что не смогли присутствовать на похоронах, даже если их отсутствие обусловлено объективными причинами (работа, поездка, болезнь и т.д.). В конце третьего дня ворота закрываются, и семья начинает готовить одежду покойного к раздаче, а также обсуждать поминки на 40-й день.

Все приходящие на соболезнование должны соблюдать определенные этикетные нормы, которые существуют в обществе. Согласно традициям Северного Кавказа (Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика), мужчины и женщины должны быть в головных уборах [7]. В последнее время всё больше молодых людей не носят головные уборы. Это «новые мусульмане», которые не следуют традиционным исламским обычаям, считая их «бессмысленными» и не соответствующими законам шариа².

Все входят во двор строго по этикету, где старший идет впереди, за ним следуют младшие. Старший мужчина приветствует сидящих во дворе (все остальные молчат) и читает дуа³. Во время этого все присутствующие поднимают руки и читают молитву. После чего старейшина, обращаясь к своим родственникам, произносит слова: «Тхъэм фцимыгъэгъупщэк1э». Дословный перевод этого выражения звучит так: «Пусть Бог не даст вам забыть это горе». Смысловое значение: «Пусть Бог не даст вам увидеть еще большее горе, от которого вы забудете о нем». После этого все занимают свои места рядом с другими мужчинами.

Женщины так же приходят на похороны и, войдя в дом, выражают соболезнование. В прежние времена эта миссия возлагалась на старшую женщину (каб. – «хъэдагъэ пашэ»⁴), которая подходила к родственникам, пожимала руки и выражала соболезнования, в то время как остальные стояли у входа в комнату и только потом садились⁵. Однако в настоящее время наблюдается тенденция отхода от этих этикетных норм. Теперь некоторые женщины, пришедшие на похороны, отдельно подходят к родственникам и выражают соболезнования⁶. Старшее поколение также выражает неодобрение по отношению к новой традиции, согласно которой женщин (родственниц покойного) выводят из дома, а мужчины, подходя к ним по очереди, выражают соболезнования каждой в отдельности, мотивируя это тем, что мужчины должны соболезновать мужчинам, а женщины — женщинам.

Эта новая тенденция получила столь широкое распространение, что несоблюдение её вызывает чувство стыда у некоторых участников церемонии. В архивных данных ИГИ КБНЦ РАН⁷ мы не обнаружили таких сведений в прежние времена.

На роль «хъэдагъэ пашэ» женщины брали с собой не самую старшую по возрасту, а ту, «которая плачет красиво, в песенной форме» и «обладает особым голосом»⁸. Но сейчас эта миссия возлагается

2. Полевой материал автора (далее ПМА) ПМА №1 – Полевые материалы автора. Дневн. 1. КБР, Баксанский район (с. Баксаненок 02.03.2022 г.; г. Баксан 12.04.2022 г.; с. Кишпек 24.04.2022 г.; с. Жанхотеко 08.05.2022 г.); 15. ПМА №3 – Полевые материалы автора. Дневн. 3. КБР, г.о. Нальчик. 19.10.2022 г., 13.12.2022 г.

3. Молитва за покойного.

4. Первая, ведущая, главная плакальщица среди соболезнующих женщин.

5. ПМА № 2 – Полевые материалы автора. Дневн. 2. КБР, Лескенский район. (с. Аргудан. 15.08.2022 г.; с. Старый Лескен. 17.08.2022 г.).

6. ПМА №1 – Полевые материалы автора. Дневн. 1. КБР, Баксанский район (с. Баксаненок 02.03.2022 г.; г. Баксан 12.04.2022 г.; с. Кишпек 24.04.2022 г.; с. Жанхотеко 08.05.2022 г.); ПМА №3 – Полевые материалы автора. Дневн. 3. КБР, г.о. Нальчик. 19.10.2022 г., 13.12.2022 г.

7. Архив Института гуманитарных исследований – филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

8. ПМА №1 – Полевые материалы автора. Дневн. 1. КБР, Баксанский район (с. Баксаненок 02.03.2022 г.; г. Баксан 12.04.2022 г.; с. Кишпек 24.04.2022 г.; с. Жанхотеко 08.05.2022 г.).

на старшую по возрасту женщину, поскольку в настоящее время институт плакальщиц не только утратил свои позиции, но и подвергается осуждению со стороны «новых мусульман». Согласно исламским религиозным канонам, не следует плакать и демонстрировать чувства горя и утраты по поводу смерти близких.

По традиции, если умер свекор или свекровь, невестка не должна входить в комнату, где сидят женщины. Иногда ее приглашают отдельно и выражают сочувствие. В случае кончины молодого женатого мужчины, его близкие (мать, сёстры, тёти и др.), обычно предавались безутешному горю. Раньше считалось неуместным оплакивать своего мужа, несмотря на его возраст. В народе говорят: «*Силлац жыпизу угъыну къеклукъым*» (Не подобает и не по традиции оплакивать своего мужа)⁹. Однако в наши дни проявление эмоций в виде слёз уже считается неприемлемым с точки зрения религиозных предписаний, и это не связано с традиционными правилами этикета.

В погребальных и поминальных ритуалах кабардинцев особое место принадлежит поминальной трапезе. Согласно верованиям кабардинцев, умершие, подобно живым, нуждаются в пище. В противном случае, если покойный останется голодным, он может начать досаждать живым, в частности, часто являться во снах. Многие информаторы рассказывали о том, как их усопшие родственники являлись им во снах и просили о пище. Иногда они просили еду в долг или просто смотрели на неё. До сих пор некоторые представители старшего поколения и приверженцы традиционных взглядов убеждены, что насыщение усопшего происходит за счёт кормления живых, где важнейшей особенностью поминальной трапезы является изобилие еды¹⁰. Согласно обычаю, необходимо приготовить жертвенную пищу и раздать ее родственникам, соседям, друзьям, бедным и т.д. Сегодня принято раздавать жертвенное мясо в сыром виде. Вместе с мясом раздается набор продуктов, который семья умершего составляет в соответствии со своим финансовым возможностями.

До начала 2000-х годов приготовление жертвенной пищи у кабардинцев было строго регламентировано. Например, в кабардинских семьях поминальная еда в семье умершего не готовилась в течение первых трех дней. Обычно еду готовили либо соседи, либо родственники покойного. Объясняется это тем, что требования адыгского похоронного этикета были особенно строгими в отношении поведения родственников, в частности, церемониального плача во время траурных мероприятий [18]. Поминки ложились непосильным бременем на семью покойного, если бы не институт взаимопомощи. Соседи и родственники брали на себя приготовление поминальной еды, не желая отвлекать семью от глубокого горя. В Прохладненском, Лескенском и Терском районах до сих пор не разводят огонь в доме покойного. И только после того, как вечером ворота закрываются, соседи приносят им еду (каб. – «*гулэ ихын*» (еду для скорбящих). Но в Баксанском, Урванском и Чегемском районах члены семьи и родственники готовят еду в день смерти. В различных населенных пунктах этот ритуал имеет свои отличия. В селении Баксаненок не готовят пищу в первый день и начинают только со второго, а в селении Кишпек готовят с первого дня. Как только покойника выносят со двора, женщины начинают печь традиционные лепешки (каб. – «*лэкъум*» или «*жъэрымэ*») и готовить калмыцкий чай, которыми они угощают присутствующих. Лепёшки подаются как сакральное блюдо, которое принято готовить во все поминальные дни без исключения.

В кабардинской обрядовой пище вплоть до сегодняшнего дня присутствует форма круга. Лепешки, которые готовят во время погребальных обрядов, имеют круглую форму. В населенных пунктах Баксанского района, по случаю похорон или поминок, если соседям раздают лепешки в форме прямоугольника, то старики говорят, что такая еда не угодна Аллаху. По-видимому, «образ» круга, его сакральное значение у кабардинцев до сих пор интуитивно ассоциируется с культом Солнца. Также интересен тот факт, что в некоторых семьях после приготовления лепешек, которые обжариваются в горячем масле, в кипящее масло обязательно добавляют несколько капель воды. Если вода не добавляется, пожилые женщины говорят: «*Ліам и псэм лъысынукъым жъэрымэр*» (ри-

9. ПМА № 2 – Полевые материала автора. Дневн. 2. КБР, Лескенский район. (с. Аргудан. 15.08.2022 г.; с. Старый Лескен. 17.08.2022 г.).

10. ПМА №1 – Полевые материала автора. Дневн. 1. КБР, Баксанский район (с. Баксаненок 02.03.2022 г.; г. Баксан 12.04.2022 г.; с. Кишпек 24.04.2022 г.; с. Жанхотеко 08.05.2022 г.); ПМА № 2 – Полевые материала автора. Дневн. 2. КБР, Лескенский район. (с. Аргудан. 15.08.2022 г.; с. Старый Лескен. 17.08.2022 г.); ПМА №3 – Полевые материала автора. Дневн. 3. КБР, г.о. Нальчик. 19.10.2022 г., 13.12.2022 г.; ПМА № 2 – Полевые материала автора. Дневн. 2. КБР, Лескенский район. (с. Аргудан. 15.08.2022 г.; с. Старый Лескен. 17.08.2022 г.); ПМА № 4 – Полевые материала автора. Дневн. 4. Ставропольский край. 22.10.2022 г.

туальная пища не достигнет души умершего)¹¹. Приведенные примеры отчетливо демонстрируют связь поминальных обрядов с доисламскими, архаичными верованиями.

Лепешки жарят и раздают соседям в течение первых 40 дней после похорон, а затем каждый четверг в течение года. Вместе с лепешками обычно раздают сладости: леденцы, сладкую воду, мороженое и т.д. В последнее время ритуальное значение процесса приготовления ритуальной пищи утрачивается. В некоторых семьях вместо традиционных лепёшек всё чаще отдают предпочтение пирогам с картофелем, сладкой начинкой, кексам, пирожным и даже фруктам. Это обусловлено, как правило, занятостью организаторов поминок или отсутствием особой важности в выборе того, что именно готовить и подавать. Важно подчеркнуть, что в семьях, где есть «новые мусульмане», запрещено готовить и предлагать ритуальную пищу. Они считают, что приготовление и раздача поминальной еды — это пережитки язычества¹².

Следует отметить, что именно женщины принимали участие в церемонии приготовления и раздаче ритуальной пищи. Они не могли пользоваться никакими приспособлениями и должны были готовить ритуальную пищу исключительно своими руками [19]. Раньше все, что готовилось «для усопшего», родственники, пришедшие на поминки, должны были есть руками, не пользуясь приборами (вилками, ножами, ложками и т.д.). В противном случае считалось, что еда «не дойдет до души» усопшего. Конечно, на современных поминках все чаще используются столовые приборы. И эти элементы поминального действия, направленные на удовлетворение души умершего, в этом отношении теряют своё значение.

В этом контексте важно подчеркнуть, что, как и в далёком прошлом, во время менструации женщине не разрешалось участвовать в приготовлении ритуальных блюд, а также приближаться к ним и взаимодействовать с ними. Вероятно, истоки этого запрета уходят в глубокую древность, когда женщину в определённые дни считали нечистой, а её прикосновение к священной пище воспринималось как осквернение. Порядок, предписывающий лицам, имевшим контакт с покойным, воздерживаться от соприкосновения с пищей, представляет собой широко распространённую практику в различных культурах. В настоящее время этот запрет соблюдается не во всех семьях. В семьях, где религиозные убеждения выражены ярко, этот запрет соблюдается формально. В период менструации женщины не совершают обязательный для всех мусульман намаз, поскольку считаются нечистыми, но этот запрет не распространяется на приготовление пищи. По словам информанта, «если старшие женщины всё же настаивают на приготовлении ритуальной еды, то, даже если у меня эти дни, я не сообщаю об этом. Я считаю, что готовить и раздавать пищу для усопшего — это пережитки язычества, не имеющие отношения к исламу»¹³.

На второй день после похорон совершается жертвоприношение. Мужчины отвечают за все, что было связано с жертвоприношением: закалывание и разделка туши. Раньше, когда почти в каждой семье был домашний скот, забивалось жертвенное животное. Теперь, ориентируясь на материальное положение, семья покупает бычка, барана. Мясо отваривается или делается «*лыбжэ*» (жареное рубленое мясо) для поминального стола. Примечательно, что селлах, где еду готовят с первого дня, тех, кто приходит выразить соболезнования, угощают только лепешками и чаем. И только со второго дня подают мясо. А в селлах, где не готовят дома и не кормят присутствующих, совершают жертвоприношение и готовят лепешки только на третий день, ближе к вечеру.

В городе Нарткала мы стали свидетелями инцидента, когда старейшина рода и семьи настаивал на необходимости приготовления и раздачи поминальной еды, а сыновья были категорически против этой традиции, называя ее пережитком язычества. Как оказалось, они отказываются принимать жертвенную пищу и даже не разрешают детям есть розданные сладости¹⁴. В архивных материалах мы обнаружили сведения, согласно которым представители старшего поколения выражали неодобрение в связи с тем, что вместо традиционной практики приготовления поминальной пищи и угощения детей, всё чаще стали раздавать сырое мясо¹⁵ [20].

11. ПМА №1 – Полевые материала автора. Дневн. 1. КБР, Баксанский район (с. Баксаненок 02.03.2022 г.; г. Баксан 12.04.2022 г.; с. Кишпек 24.04.2022 г.; с. Жанхотеко 08.05.2022 г.).

12. ПМА №3 – Полевые материала автора. Дневн. 3. КБР, г.о. Нальчик. 19.10.2022 г., 13.12.2022 г.

13. ПМА № 2 – Полевые материала автора. Дневн. 2. КБР, Лескенский район. (с. Аргудан. 15.08.2022 г.; с. Старый Лескен. 17.08.2022 г.).

14. ПМА №1 – Полевые материала автора. Дневн. 1. КБР, Баксанский район (с. Баксаненок 02.03.2022 г.; г. Баксан 12.04.2022 г.; с. Кишпек 24.04.2022 г.; с. Жанхотеко 08.05.2022 г.).

15. Архив ИГИ КБНЦ РАН (Архив Института гуманитарных исследований филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук) Ф. 10. Паспорт 16. Запись 1977 г.

Но в этом контексте следует сказать, что всё чаще представители старшего поколения также выражают несогласие с практикой кормления участников поминок, соглашаясь с молодёжью и аргументируя свою позицию тем, что подобные действия не оказывают никакого влияния на посмертное существование души усопшего.

Заключение

Аспекты ритуалов, приведенные в статье, показывают нам направления трансформации не только самих ритуалов, но и социальной динамики. Похоронно-поминальная практика — это не некая примитивная основа проторелигии, а явление, присущее любой культуре и являющееся одним из ключевых факторов формирования традиционной культуры, мировоззрения и координации жизни народа в целом.

Анализ материалов позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на сохранение в погребально-поминальной обрядности кабардинцев традиционных элементов, их содержание приобретает всё более формальный характер. С усилением влияния исламской религии на обрядовую практику происходит постепенное обесценивание традиционных ценностей. Эти внутренние преобразования в значительной степени определяются молодёжью, которая по-своему интерпретирует народные верования и обычаи. Но новые порядки в похоронно-поминальной сфере приводят не только к утрате этнокультурных ценностей, но и к девальвации традиций, которые формировались веками, и потере идентичности. В частности, утрачивают свою значимость обряды скорби и проявления соболезнования, процесс приготовления и распределения поминальной пищи, а также традиционный порядок ритуальных действий. Известно, что религиозные и культурные традиции раньше не противоречили друг другу, а, наоборот, сосуществовали, оказывая взаимное влияние. Это можно заметить по реакции информаторов старшего поколения.

Также стоит отметить, что снижение значимости традиционных обрядов может привести к ухудшению социальной структуры. Вместо социальной связи, основанной на общекультурных ценностях, возникает индивидуализм, который порой противоречит основам исламского учения. Вследствие этого многие семьи оказываются в состоянии утраты как духовных, так и культурных ориентиров. Следует подчеркнуть, что в прошлом интеграция в религиозную среду вызывала у общества неоднозначную реакцию, однако в настоящее время негативную реакцию вызывает молодое поколение, которое не разделяет или отвергает мировоззренческие принципы и ценности ислама. Это указывает на рост количества людей в этой социальной категории.

Существует необходимость в переосмыслении роли ритуалов, вновь осознании их ценности в контексте современности. Постепенное формирование новых форм обрядов, которые могут сочетать как традиционные, так и современные элементы, может послужить основой для дальнейшего развития идентичности кабардинцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырева И.З. Традиционное и новое в обрядности кабардинцев: дисс. канд. ист. наук — Нальчик, 2003. — 180 с. Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/traditsionnoe-i-novoe-v-obryadnosti-kabardintsev>. Дата обращения: 14.05.2023.
2. Гугова М.Х., Нальчикова Е.А., Текуева М.А. Трансформация северокавказской похоронной обрядности в XX веке // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 205–213.
3. Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Взаимопомощь в похоронно-поминальной обрядности народов Северного Кавказа // Актуальные проблемы истории, теории и методологии социальной работы: Материалы конференции. Нальчик: КБГУ, 2019. С. 150–155.
4. Текуева М.А., Нальчикова Е.А. Похоронная обрядность как маркер этнокультурной идентичности (на примере

REFERENCES

1. Bogatyreva IZ. *Traditional and new in the rituals of the Kabardians (dissertation)*. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2003. Available at: <https://www.dissercat.com/content/traditsionnoe-i-novoe-v-obryadnosti-kabardintsev> (In Russ)
2. Gugova MH., Nalchikova EA., Tekueva MA. Transformation of the North Caucasian funeral rites in the XX century. *Sotsialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2018; 9: 205-213. (In Russ)
3. Tekueva MA., Nalchikova EA. Mutual assistance in the funeral and commemorative rituals of the peoples of the North Caucasus. *Proceedings of the interregional scientific and practical conference "Actual problems of the history, theory and methodology of social work"*. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University. 2019: 150-155. (In Russ)
4. Tekueva MA., Nalchikova EA. Funeral Rites as a Marker of Ethnocultural Affiliation (On the Distribution of the Peoples of the

народов Северного Кавказа) // Актуальные проблемы современного социально-гуманитарного знания: advanced science. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Нальчик: КБГУ, 2020. С. 61–65.

5. Загазежев Т.Р. Намогильные памятники адыгов в XIV–XVI вв.: общая характеристика и проблема культурно-этнической принадлежности // Кавказология. 2022. № 4. С. 297–313. DOI: 4-297-313.

6. Адыги: Адыгейцы. Кабардинцы. Черкесы. Шапсуги / А.Х. Абазов, Х.И. Баков, Б.Х. Бгажноков [и др.]. М.: «Наука», 2022. – 870 с.

7. Албогачиева М.С.-Г. Похороны и поминки у ингушей // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 9. Санкт-Петербург, 2009. С. 60–76.

8. Мусаева М.К. Похоронно-поминальная обрядность народов Дагестана в современных городских условиях // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2017. № 4(52). С. 115–124.

9. Зельницкая Р.Ш. Современный похоронно-поминальный обряд у карачаевцев // Известия СОИГСИ. 2018. №28 (67). С. 52–64.

10. Акаев В.Х., Мамадиева М.Х. Исламское возрождение на Северном Кавказе: дезинтеграционные и интеграционные процессы // Научная мысль Кавказа. 2015. № 1 (81). С. 100–104.

11. Ярлыкапов А.А., Адиев А.З. Ислам на Северном Кавказе: реисламизация, мозаизация, проблема «традиционности» // Исламоведение. 2021. Т. 12. № 4. С. 59–74. DOI 10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74. – EDN WQSRVH.

12. Такова А. «Молящаяся» мусульманская молодежь как субкультура кабардино-балкарского общества // Государство, религия, церкви в России и за рубежом. 2016. №2 (34). С. 255–280.

13. Лакунова Д.Р. Трансформация похоронно-погребальных обрядов и ритуалов кабардинцев Кабардино-Балкарской Республики в начале 20-х гг. XXI в. // «Кавказология». 2023. № 2. С. 143–155.

14. Нальчикова Е.А. Риторика скорби в традиционной культуре адыгов: гендерный аспект // Вестник Дагестанского научного центра. 2008. № 32. С. 47–52.

15. Ахохова Е.А., Нагоева Л.А., Катанчиев З.М. Социальная и магическая семиотика женских культов в абхазо-адыгской культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3. Ч. 2. С. 27–32.

North Caucasus). *Proceedings of the interregional scientific and practical conference “Actual problems of the history, theory and methodology of social work”*. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2010: 61–65. (In Russ)

5. Zagazhezh TR. Tombstones of the Adyghe people in the 14–16th centuries: general characteristics and the problem of cultural and ethnic affiliation. *Kavkazologiya*. 2022; 4: 297–313. DOI 10.31143/2542-212X-2022-4-297-313. (In Russ)

6. Abazov AH., Bakov HI., Bgazhnokov BH. [et al.]. *Adyghe: The Adygs. Kabardians. Circassians. Shapsugs*. Moscow: Nauka, 2022. (In Russ)

7. Albogachieva MS-G. Funerals and commemorations of the Ingush. *Field research materials of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography*. Saint-Petersburg, 2009; 9: 60–76. (In Russ)

8. Musayeva MK. Funeral and commemorative rituals of the peoples of Dagestan in modern urban conditions. *Bulletin of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*. 2017; 4(52): 115–124. (In Russ)

9. Zelnitskaya RS. Modern funeral and memorial rite among Karachays. *Izvestiya SOIGSI*. 2018; 28(67): 52–64. (In Russ)

10. Akaev VH., Mamadiyeva MH. The Islamic renaissance in the North Caucasus: disintegration and integration processes. *Nauchnaya mysl Kavkaza*. 2015; 1: 100–104. (In Russ)

11. Yarlykapov AA., Adiev AZ. Islam in the North Caucasus: Re-Islamization, Mosaicization, and the Problem of “Traditionality”. *Islamovedenie*. 2021; 12(4): 59–74. DOI 10.21779/2077-8155-2021-12-4-59-74. (In Russ)

12. Takova A. “Praying Youth” as a Subculture of the Kabardino-Balkar Society. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2016; 2: 255–280. (In Russ)

13. Lakunova DR. The transformation of funeral and burial rites and rituals of Kabardians of the Kabardino-Balkarian Republic in the early 20s of the 21st century. *Kavkazologiya*. 2023; 2: 143–155. DOI 10.31143/2542-212X-2023-2-143-155. (In Russ)

14. Nalchikova EA. The rhetoric of grief in the traditional culture of the Adygs: the gender aspect. *Bulletin of the Daghestan Scientific Center*. 2008; 32: 47–52. (In Russ)

15. Ahohova EA., Nagoeva LA., Katanchiev ZM. Social and magical semiotics of female cults in the Abkhaz-Adyghe culture. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. *Questions of theory and practice*. Tambov: Gramota, 2015; 3(2): 27–32. (In Russ)

Поступила в редакцию 09.12.2024 г.

Принята в печать 27.02.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

Received 09.12.2024

Accepted 27.02.2025

Published 15.09.2025

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213608-617>

Research paper

Hagob M. Tcholakian
Dr. Sci., Chief Researcher
Institute of Archeology and Ethnography of NAS RA, Yerevan, Armenia
hagopcholakian@hotmail.com

Hasmik H. Galstyan,
Ph.D. (Philology), Researcher
Institute of Archaeology and Ethnography, NAS RA, Yerevan, Armenia
Shirak Center for Armenological Studies, NAS RA, Gyumri, Armenia
hasmikgalstyan1979@gmail.com

SHVOT AND ISHVUT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF ARMENIAN LOWER MYTHOLOGICAL CHARACTERS

Abstract. This article examines Shvot or Ishvut, an evil spirit well-known in Armenian lower mythology and folk beliefs. Drawing on ethnographic materials collected from various regions of Armenia and among Armenian communities in the Kessab region of Syria, the study employs primarily historical methods, including historical-comparative and chronological approaches, alongside specialized ethnographic methods such as in-depth qualitative analysis. The research delineates the defining characteristics, functions, manifestations, and associated attributes of Shvot. The primary objective is to analyze this lower mythological figure through a synchronic approach, utilizing folklore and ethnographic sources documented from the mid-19th century to the present. Etymological considerations, name verification, and related issues are addressed peripherally using an asynchronous approach with historical sources, though these remain secondary to the study's main focus. Shvot is identified as a calendar spirit, predominantly associated with the Terendez holiday and the New Year. According to folk beliefs, the Shvot spirits reside in human dwellings during winter and are expelled through specialized exorcism rituals at the onset of spring, rituals that symbolically reflect the transition from winter to spring. The name Shvot exhibits phonetic variations across Armenian dialects, yet its functions remain consistent. The spirit is believed to inhabit homes, barns, and storerooms during winter, consuming food stored in barns, harming livestock, and deceiving women as an untrustworthy entity. Shvot is situated within a broader spectrum of spirits in Armenian lower mythology, and its parallels within the Armenian belief system are explored in detail in this study.

Keywords: lower mythology of Armenians; folk beliefs; calendar rituals; winter-spring period of the calendar; Shvot; Ishvut

For citation: H.M. Tcholakian, H.H. Galstyan. Shvot and Ishvut: a comparative analysis of Armenian lower mythological characters. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 608-617. doi.org/10.32653/CH213608-617

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213608-617>

Исследовательская статья

Чолакян А.М.

д.и.н., главный научный сотрудник

Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения

hagorcholakian@hotmail.com

Галстян А.Г.

к.ф.н., научный сотрудник

Институт археологии и этнографии НАН РА, Ереван, Армения

Ширакский центр арменоведческих исследований НАН РА, Гюмри, Армения

hasmikgalstyan1979@gmail.com

ШВОТ И ИШВУТ. СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ (ПО АРМЯНСКИМ НИЗШИМ МИФОЛОГИЧЕСКИМ ПЕРСОНАЖАМ)

Аннотация. Данная статья посвящена Швоту или Ишвуту – злему духу, широко известному в армянских низших мифологических сказаниях и народных верованиях. Статья основана на материалах, собранных в различных этнографических регионах Армении и у армян региона Кесаб в Сирии, с использованием в первую очередь исторических методов (историко-сравнительного и хронологического), а также специализированных методов (углубленного исследования), соответствующих теме исследования. В результате рассматриваются определяющие черты персонажа, его функции, проявления трансформации и другие аспекты. Наша главная цель – проанализировать низшего мифологического персонажа Швот, используя синхронный подход, опираясь на фольклорные и этнографические материалы, задокументированные со второй половины XIX века по настоящее время. Что касается этимологии персонажа, проверки его имени и связанных с этим вопросов, мы иногда обращались к историческим источникам, используя асинхронный подход. Однако этот анализ поверхностен и не входит в основную сферу нашего исследования. Швот является календарным духом, который в основном обсуждается в контексте праздника Трндез и, в частности, в контексте Нового года. По народным представлениям, духи швоты зимуют в домах людей, а в начале весны люди выгоняют их из домов благодаря особому ритуалу изгнания швота. Ряд обрядов изгнания швотов фактически выражает реальность изгнания зимы и встречи весны. Имя имеет множество фонетических изменений в армянских диалектах, но функции его те же. Он появляется человеку зимой, обитает в большом количестве в домах, сараях и кладовых, поедает оставшуюся в сараях пищу, причиняет вред домашним животным. Он также является лживым и неверным духом, который является женщинами. Этот злой дух принадлежит ряду духов армянской низшей мифологии. Злой дух Швот имеет свои параллели в армянской системе верований и это подробно рассмотрено в этой статье.

Ключевые слова: низшая мифология армян; народные верования; календарная обрядность; зимне-весенний период календаря; Швот; Ишвут

Для цитирования: Чолакян А.М., Галстян А.Г. Швот и Ишвут. Сравнительное исследование (по армянским низшим мифологическим персонажам) // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 608-617. doi.org/10.32653/CH213608-617

Introduction

This study analyzes Shvot or Ishvut, a malevolent spirit in Armenian lower mythology. The term “lower mythology” was first introduced into academic discourse by the German ethnographer Wilhelm Mannhardt, a proponent of the Grimm brothers’ school of mythology [1, pp. 215–217]. In Armenian folklore studies, Manuk Abeghyan was the first to use this concept. In his 1899 work, *Der armenische Volksglaube* (Armenian Folk Beliefs), he classified the pagan aspects of Armenian folk beliefs as a form of lower mythology, noting its similarity to the folk traditions of many other cultures of the world [2, p. 13].

From the mid-19th century through the 1980s, during the Soviet period, the Armenian folkloristic school regarded lower mythology as superstition, and narratives about the figures of the Armenian pantheon were labeled as superstitious tales. However, since the late 20th century, prominent Russian scholars, including L. Vinogradova [3, p. 100; 4, p. 2] and R. Seferbekov [5], have concluded that beliefs and ideas about both benevolent and malevolent spirits are not merely superstition but rather an ancient tradition rooted in myths and mythological stories. This perspective is supported by numerous scientific and ethnographic studies conducted by Russian researchers on the oral traditions of various ethnic groups, including almost all Slavic peoples (e.g., Russians, Ukrainians, Poles, Bulgarians, Serbians). Consequently, these scholars have minimized their use of the term “superstition” and now consistently publish their work under the headings of “folk demonology” or “lower mythology.”

This research aims to examine the mythical creature known as Shvot and the beliefs associated with it using a synchronous approach. The study draws on folklore, ethnographic, and dialectal materials collected from the latter half of the 19th century to the present day. The primary focus of this study is the field research and folklore-dialect notes gathered over the past two decades. Extensive fieldwork was conducted in Armenia and among the Armenian community in the Kessab region of Syria. The data were recorded through in-depth individual interviews with a wide range of age and gender groups. To achieve our research objectives, we collected lower mythological narratives about Shvot/Ishvut from both written and oral traditions, classified popular and dialectal versions of the spirit, and analyzed its role within the context of rituals, beliefs, and daily life.

The study’s methodology is grounded in empirical research, incorporating observation, material recording, and a synthesis of folkloristic, ethnographic, and linguistic data. The work also utilizes typological and phenomenological methods. An examination of the functions and behavior of Shvot is carried out in the entirety of its origin and development, demonstrating a historical approach using historical-cognitive and historical-comparative principles.

To ensure and support the reliability of the research findings, we have compared the results and experiments in the fields of ethnography and folklore, based, primarily, on two types of materials: folkloristic and ethnographic, which were collected from bibliographic sources, fieldwork and others.

Etymology and dialectal versions of the word Shvot

The word “Shvot” is of Assyrian origin, and is the eleventh month of the Assyro-Babel book, which corresponds to the Roman February and the Armenian Margats. According to that, in modern dialects, “Shvot” means a kind of demon that operates in February [6, p. 537–538]. There are a number of dialectal forms of the word “Shvot” from different dialect-speaking regions of Eastern and Western Armenia, Cilicia, other Armenian-inhabited places, such as Ararat, Shirak, Khoy, Polis, Sebastia, Karin, Kharberd, Dersim, Hachn, Mush, Van, Bagrevand (*Shvot*), Malatia (*Shivot*, *Shuved*), Nor Bayazet (*Shhod*), Balu (*Shuet*), Shirak (*Swedi*), Sebastia (*Shifot*, *Fshot*), Nor Nakhichevan (*Zhvet*, *Zhvot*, *Zhivot*), Kessab (*Ishvut*) and etc.

The word “Shvot” holds two main meanings: the month of February and a type of monstrous being.

The Month of February: Shvot is the name for February, a month traditionally believed to be a time when demons were unleashed to cause harm. A common saying reflects this belief: “Shvot out, March in.”

An Evil Spirit: Shvot also refers to a malevolent spirit that appears at the end of February. This spirit is said to inhabit people’s homes during the winter but retreats to the fields in the spring. While it causes some harm,

it is not considered to be as malevolent as the devil. To drive it away, people perform a ritual on the night of March 1st: a bowl of water is placed on the doorstep, and old clothes, furs, and blankets are beaten against the walls of the house. During this ritual, they chant, “Shvot out, March in” (originally, “February went, March came, winter passed, spring came,” with the metaphorical meaning that evil departs and good remains) [7, p. 540].

The forms *Shved* and *Shvet* are also associated with the holiday of *Tyarnandaraj*,¹ which takes place on February 14th. This connection is further supported by related terms such as *shvotahan*, meaning “taking Shvot out of the house,” and *shvotamis*, meaning “the month of Shvot, February” [7, p. 540]. Later dictionaries provide similar definitions. For instance, one source defines Shvot as “an evil spirit that, according to popular beliefs, appears in February” [8, p. 1119]. A Western Armenian dictionary provides two meanings: “1. Monster, afrit. 2. The last night of February” [9, p. 486].

The various expressions of the word “Shvut/Shvot” existing in the Armenian dialects, are considered by Armenian linguists and ethnographers to be etymologically accepted as the month of February, but almost everywhere among Armenians, it was not just a month name but it acquired a new meaning. In some ethnographic regions, the people call those spirits Shvot, which, in their opinion, play a negative role in their economy before the arrival of spring [10, p. 34, 9, 263–278].

The word “Shvot” means the devil. “As if that devil and his children want to own all the food and herbs in the house. That’s why, they are beaten and thrown out of the house [11, p. 191].” Based on the nature and functions of the examined spirit, ethnographers do not rule out that the Armenian word *Shvait* (*Zekh*, *Tsop*) is also connected with the word “Shvot” [12, p. 47].

Another phonetic variation of the name Shvot is the word *Ishvut*, which exists in the dialects of Kessab and Swetiye. The Armenians of Swetiye and Kessab were familiar with Arabic and Turkish languages, in which the name *Shubat* is associated with the month of February. However, they exclusively use the synonym *Piturvar* (February) and never associate their word *Ishvut* with *Shubat* or *Shvot* as a month name. Instead, *Ishvut* refers to an evil spirit and has no direct connection to the month of February (*Shubat*) [13, p. 120]. This marks a fundamental difference in the concepts of Shvot/*Ishvut* among people from the two Armenian environments.

Shvot’s functions

According to popular beliefs, the Shvots are invisible spirits who are said to descend from Noah’s son, Ham. Armenian folklorists have documented numerous stories and traditions about the origins of the Shvots from various ethnographic regions of Armenia. One such tradition recounts that Ham, being unfaithful to God’s command and disrespecting the sanctity of the ark, had a son with his wife during the flood. A year later, when God’s angel opened the ark’s door and counted the eight people to take them out, the angel asked Ham if there was anyone else inside. Ham, ashamed, answered, “There is none.” The angel then stated, “If there is one, let it not be,” which caused the newborn child to be transformed into an invisible spirit. This spirit grew stronger, married into the human race, and had children who are also invisible spirits. The Shvots are said to have multiplied greatly, and they do not die, as they are believed to be present in every part of the world. Because they are considered the “fruit of sin” and were not born of a holy marriage, they are believed to be the source of all kinds of evil [14, p. 210].

In Armenian lower mythology, it is etymologically understood that the Shvots appear in homes during winter, often on or around New Year’s Eve. In Maghnisa (Smyrna), Shvot was specifically regarded as the spirit of New Year’s Eve. According to local beliefs, “instead of distributing gifts to boys, they go around all the houses that have a person named Mariam, and collect gifts” [15, p. 293]. Like many other malevolent beings, the Shvots were primarily perceived as trickster spirits.

One common tale describes a Shvot appearing to bedridden boys who sleep without praying. The spirit takes the form of an acquaintance or relative, tricking the child into wetting the bed. In another account, a wealthy housewife recounted a story about her “washer” who was called to work by a Shvot appearing in its true form. After a long night of wandering, the woman realized she was lost and her guide was a complete

1. Tyarnandaraj is one of the holidays of the Armenian Church, celebrated on February 14th, forty days after the Epiphany of Christ (January 6th). The name Tyarnandaraj means “coming up to meet the Lord.” It is also commonly known as Terendez, Tyrendez, and Tyrntes, all of which are derived from the phrase “The Lord is with you.”

stranger. Suddenly, the companion began to shrink, eventually merging with the darkness and disappearing. By muttering the name of Jesus Christ, the woman was finally able to find her way home [16, p. 618–619].

Shvot is primarily a calendar spirit tied to the transition from winter to spring.² The term “Shvot” is closely linked to the Terindez³ festival, as not only is the month of February called Shvot, but the festival of Tyarnandaraj itself is also referred to by this name [17, p. 66]. This association is also found in Hachn, where the festival is called *shvet* and symbolizes Terindez’s arrival in February, a month that shares its name with the Persian word for February, *šubāt*.⁴

In some dialects, Terindez is known as “Shvot night,” and February is called *Shvotamis*. Beliefs hold that the Shvots spend the winter in human dwellings. There’s also a folk belief connecting the Shvots to sexuality. For example, when cats’ mating season begins in March, it is sometimes called the “month of Shvot” [18, p. 10, 54], and a young couple in love may be metaphorically referred to as a “cat of Shvot” [19, p. 88].

In Kars, when a wedding coincided with Tyarnandaraj, a disguised performance featuring a Shvot-cat and a banished woman would take place. Two men wearing turbans would participate, one disguised as a man and the other as a woman. The “wife” would beat and kick out the man with a broom, while the “husband,” impersonating a cat, would lie on the ground, clawing and grabbing the feet of passers-by while demanding gifts. The woman, meanwhile, would make distorted facial expressions and demand gifts with slapping gestures [20, p. 150].

In Nor-Bayazet, it was believed that the Shvots multiply by deceiving and luring people. They are said to live in people’s homes during the winter and move to the fields in the spring. February is called their month because their blood heats up during this time, and they are said to seduce people with erotic dreams. The belief also suggests that the presence of the Shvots causes cats to meow in that month because the animals are able to see them [21, pp. 107–108]. It is also believed that on the evening of Terindez, the Shvots enter the belly of cats and fight one another.

According to these ideas, Shvot is associated with fertility, rebirth, and the continuation of life. Thus, one of its functions is to inspire people with erotic dreams, which is connected to its association with cats during the winter-spring transition, particularly around New Year’s Eve. The month of February was considered the middle of winter by the people, a time of great concern. With the first vegetables not yet ready, people worried if their food and fodder would last until spring, and they attributed any scarcity to the work of the Shvots and other devils.

The following example of folklore songs are dedicated to Terindez, testify to this reality:

Տէրընդեզ, դարմանը՝ կես, / Terindez, the feed (hay) is half over, /
Առ հաց ու կես՝ էլի գեղէս, / take half a loaf – leave the village, /
Տէրընդեզ, միսի դին տես, / Terindez, look in the direction of the smoke, /
Մէ փութ ցանես՝ հարյուր քաղես [22, p. 233]: / Sow 1 put (16 kg), collect 100/

By nature, Shvot is a voracious spirit that consumes a person’s winter provisions, as it is believed to live in abundance within homes throughout the season. In February, as the ground begins to warm, the Shvots are said to come and go, causing cats to growl and mate. This links Shvot to fertility and procreation, as it is also believed to inspire people with sexual dreams [23, pp. 263–278].

In the Sweida region, Shvot is known as Ishvut and is perceived as an insatiable evil spirit. This is captured in the comparative saying: “*Dz Ishvut i, na udilu g gshdanu, na khumilu g gsdanu*,” which translates to “He is Ishvut; neither eating nor drinking fills him up,” and is likened to a dragon that is never satisfied [24, p. 70]. In the Kessab dialect, Ishvut is defined as a “lunatic, sickly person” or a “monster, a beast-like being” [25, p. 250]. For many in Kessab, the term “Ishvut” is used to describe a person who is a glutton, whimsical, a drunkard, an adulterer, or even a blasphemer, often summarized by the phrase “*yntez Ishvut mi*,” meaning “he is like an Ishvut.”

The term is also used to describe devilish or sick people, as it is generally imagined as a monster or beast-like being. According to an elderly informant named Rahel Zahterian, Ishvut is a dark and white spirit in the

2. Shvot shares some characteristics with the “March old woman” figure, which is common in the Carpathian-Balkan region, a detail that highlights its role in the winter-spring transition. // Goland N.G. The Legend of the March Old Woman and its Reworking in Romanian Literature. *All-Russian Congress of Folklorists*, pp. 357–368.

3. Terindez (Tyarnandaraj) is an Armenian Church holiday commemorating the offering of baby Jesus to the temple. The Armenian Church celebrates it on February 14, forty days after the Epiphany of Christ (January 6).

4. <http://www.houshamadyan.org/arm/mapottomanempire/adanavilayet/hadjin/religion/festivals.html>

ugly form of a man that appears to women as they leave the pantry. The informant claims that a woman saw it in front of her house, drunk and with wine, and with a repulsive appearance. As soon as the woman said “Jesus Christ,” it disappeared.

Interestingly, in Sweida, Ishvut is equated with a real woman. One narrative recalls Ishvut as a once brave, strong, and tireless old woman who could single-handedly load a mule – a task that typically required two people. However, mischievous children mocked her, provoking her to curse their families [26, p. 208]. This account illustrates how the concept of Ishvut transcends a purely mythical evil spirit to become a figure with human traits, blurring the line between folklore and real-life associations.

In both Kessab and Sweida, the figure of Ishvut is linked to February and its rituals. Among Armenians, Shvot is a lower mythological figure with a complex gender profile, appearing in amorphous, zoomorphic, or anthropomorphic forms. Its functions include inspiring sexual dreams and maintaining a close association with cats, especially during the winter-to-spring transition, which coincides with the New Year holiday.

Elements of Shvot’s characteristics are reflected in Kessab’s Terindez rites. These traditional rituals, held in February, center on fire as a symbol of renewal and purification. Newlywed grooms would compete to be the first to light the pyre, pushing each other to reach the pile of maple tree branches. Once the pyre was lit and the flames had subsided, the grooms and young men would leap over them, an act symbolically known as “burning the winter” (*dzmery varil*). As the fire died down, participants would carry burning sticks or candles back to their homes to light their lamps and their home fires. If a candle extinguished on the way, it was considered a bad omen, and it had to be relit from another source.

The charred remains of the fire were also believed to possess protective and fertile properties. People would scatter the extinguished wood in granaries, gardens, and fields, under trees, or among their wheat and barley stores to ensure abundant harvests and protect against the evil eye. Similarly, in other parts of Armenia, fire was used to repel evil. The following day, women would visit churchyards to collect ash from the Terindez fire, which they would scatter in garden pits or beds where pumpkins were to be planted. A belief persisted those pumpkins grown in such ashes would never diminish, symbolizing endless prosperity.

In summary, Shvot in popular belief appears in various forms: a real woman, an ugly person, or a very thin and tall being. Shvot is also said to transform into a hardworking old woman or a wheel that rolls after people, catching them and subjecting them to nightmares. Like many spirits, Shvot can change its appearance; to enter a home, it often takes the form of a cat, slipping in unnoticed and bringing frost with it. Most often, however, the Shvots are considered invisible evil spirits that operate secretly without being seen by humans.

Banishing the Shvots

By nature, these consumer spirits prefer to live in groups within warm houses, barns, and pantries, where they destroy the winter provisions that people have stored with the help of *Dovlat* (a spirit of abundance). From February 14th to the 20th, a fierce battle begins between the Shvots, who have grown strong from enjoying the home’s provisions all winter, and the tired *Dovlat*, who has worked to fill the empty pantries and barns. *Shvotahans*, who are mostly women, come to aid *Dovlat*. The Shvots are removed from the house through a special ritual also called *shvotahan*.

On the last day of February, and in some places on the first of March, the women of the house strike the walls and corners with sticks, various pieces of cloth, and calf, goat, and sheep furs, chanting, “Shvot out, March in,” which means “evil out, good in.” In Bulanekh, one woman reportedly came out of her house at night and saw a Shvot standing at her neighbor’s door, cursing because it had been driven out of the house for the winter [18, p. 10].

A prevailing opinion about the ritual of banishing the Shvots is that the phrase “Shvot out, March in,” which was recorded in several regions of Armenia, was used by peasants at the end of February to bid farewell to winter and welcome spring. This proverb is linked to a myth and belief among the people about the evil spirits called the Shvots, which are thought to secretly enter a peasant’s home, harming their stored provisions and milking animals. The origin of the saying is clearly connected to the animism of the agricultural-livestock period, during which primitive people believed they could influence and use nature’s phenomena and forces through various magical means, such as formulas, rituals, and ceremonies [27, pp. 21–22].

In Kessab, women say “Issus Qristus” or “Jesus Christ” when they enter the pantry and open it, as they believe this expression helps to banish spirits.

Interestingly, the belief in and the practice of banishing the Shvots also exist in the Alevi villages near Kessab. At the end of the month, elderly Alevi women sweep their homes back and forth, chanting in Arabic, “*Kushsh kushsh ya far, rah Shubat ua ichha Azar*,” which translates to “Kish-kish, you mouse, Shubat’s gone, February has gone, Azar: March came in.” They often repeat this phrase while hitting a tin [28, p. 346].

Parallels in the Armenian and Kessabian beliefs

In Armenian and Kessabian beliefs, Shvot corresponds to the spirit known as *Purtik*⁵ or *Pupushic*. In Archak, these beings were imagined as “brown-skinned, very curly-haired, and plump, with bright eyes like a lamp, children in ruffled clothes.” Once a year, on the evening of the Annunciation, housewives would give little girls a lit lamp and use a giant wooden stick from the tandoor to draw a cross with its charred end in the four corners of the tandoor, pantries, grocers, stables, and other places. As they did so, they would constantly repeat the saying, “Pupushik, go out, Pupushik, go out.” This ritual would make the Pupushiks “to run away” and “go in and out” in groups to Gyazna, near “the great devils” [29, pp. 89–90].

Similarly, in Vaspurakan, a householder would wrap his head in a goatskin, take another skin in one hand and a sickle in the other. He would then walk around all the rooms, hitting the walls with the sickle and saying, “Purdik, out, Purdik, out.” When he reached the street door, he would add, “Purdik, go out to the green fields, cold springs, Kurdish houses,” before immediately closing the door. To ensure the Purdik did not re-enter, he would first place two wooden sticks on the ground in a cross shape, believing the power of the cross would chase the spirit away [30, p. 58].

In Kessabian belief, February is a transitional month associated with death, renewal, and mythological beings. One such being is Blder Ajuz, a spirit that is believed to appear in February to “collect” the sick and elderly. People would warn, “Pay attention to the sick elderly – lest Blder Ajuz come and take them away.” Those who survived the month were celebrated, and their resilience was acknowledged with statements like, “See, your tough guy, Blder Ajuz is not for you.”

Similarly, in Musaler (Mount Musa), February was also considered a dangerous month for the elderly. Those who lived through it would say, “*Prtu khisilen is dara*,” which translates to “I was freed from death this year.”

The Alawites in Kessab shared similar beliefs about February, calling it *Bard Al-Achuz* (“the old woman’s cold”), a term derived from Arabic. Over time, dialectal distortions transformed this into *Blder Ajuz*. Hail that falls at the end of February was believed to represent the old woman’s tears, and in Arabic, it is called *Ders Al Ajuz* (“the teeth of the old woman”). These icy “teeth” were thought to damage crops and symbolize the lingering cold of winter.

The last four days of February and the first three days of March are referred to as the week of Blder Ajuz and are considered a particularly ominous time. According to tradition, the old woman, busy with household chores, especially laundry, gathers her pot, bucket, washing basin, and a basket of rags and heads to the valley to wash in the ashtray. She places a pot on the stove, lights a fire, and boils water to begin her work. This narrative also reflects the joy and relief of the old woman as February comes to an end. An Alawite tradition includes a similar story, where the old woman triumphantly says, “Shubat has passed; we have put a needle in his buttock,” expressing her satisfaction at having survived the hardships of the month. However, February overhears her mockery and, though it is powerless to harm her directly, conspires with March. February says to March, “Four from me, three from you, cousin, to drag the old woman into the water.” The combined forces of the two months bring thunderstorms, torrential rain, and floods that sweep away the old woman, along with her washing tub, pot, and clean rags. This marks the conclusion of winter’s wrath, allowing nature to rest. Among the Alawites, the end of this turbulent period is marked by the saying, “*Rah Shubat el-ghaddar, ua ija Azar el-haddar*” (“Sneaky February is gone, March the spendthrift has come”), a phrase that highlights the continuing unpredictability of March. To protect themselves, they caution, “Keep the big stick for your uncle, Azar,” acknowledging the challenges that remain.

5. *Purtik* or *purnit* is a term used in regions such as Basen, Ararat, Mush, Van, Shirak, and Bulanykh. In Vagharshapat, Oshakan, Ashtarak, and Parpi, it is also known as *Purnuj*. It refers to a specific type of bread: half-baked bread left in the oven (in Shirak, it’s the baked bread), which was considered the “angels’ piece,” or the thick-edged bread baked in a tonir oven. In Van, it is known in its *Purnik* form.

The beliefs surrounding Blder Ajuz and Ishvut are deeply interwoven, reflecting shared themes of hardship, survival, and renewal. These themes are also evident in ritualistic sayings used by the people of Kessab, which blend Armenian and Turkish words:

Unvar, unun var mi? (Turkish) – “January, is there wheat?”

Pidrvan, piden var mi? (Turkish) – “February, is there firewood?”

Mart, chkmaynja dered chkmaz (Turkish) – “March, let your soul heal.”

April, br ebras al (Armenian) – “April, you will live.”

The seemingly unnecessary inclusion of Turkish words in these sayings is rooted in a cultural belief in using foreign elements to protect good from evil. In Kessab, it was believed that giving children Turkish or Tajik names could shield them from the evil eye, a practice particularly common in families where children frequently died young. Similarly, domestic animals like dogs and cows were given Turkish names for the same purpose – to render them unappealing or hidden from malevolent forces. This practice reflects a deep-seated conviction that blending elements from different cultures and languages could serve as a shield against harm.

Thus, through these shared stories and traditions, February emerges as a month that bridges death and new life. It is a time of reflection on mortality, the challenges of nature, and the promise of renewal that comes with the changing seasons. The figure of Blder Ajuz encapsulates the struggles and hopes of this transformative period, linking communities through their shared cultural and mythological heritage.

Conclusion

Shvot is a calendar spirit, primarily examined in the context of the Terindez and New Year holidays. As a New Year's spirit, its presence is found only in the folklore of Trabzon and Maghnis. By its nature, Shvot is a consumptive spirit that inhabits houses, pantries, and barns, and it is known for causing disease, inflicting harm, and weakening animals.

In lower mythology, Shvot is identified with the devil and, like the latter, can be neutralized with a needle [31, p. 58]. It is also believed to harm the fetus and newborn and, in its ability to change newborns, is identified with the evil spirit *Al* [32, pp. 1074–1081]. Given its association with sexuality, Shvot can also be considered a desirable spirit. Based on these shared functions, the name Shvot can be used to group a number of other evil spirits known from folk stories, including Shahabed, Shvaz, Zhivut, Ishvut, Sveti, Azar, Purdik, and Pupushik, all of which are closely identified with the spirit under examination.

Shvot is primarily characterized by the ability to deceive, mislead, and transform, and it is described in folklore with a diverse range of appearances and perceptions. The ritual of *shvotahan*, or the expulsion of the Shvots, is a symbolic expression of driving away winter and welcoming spring. The term “Ishvut” is also used to describe gluttonous, sloppy, and disorganized people, with the saying “*Endzs Ishvut mi*,” meaning “He is like Ishvut,” sometimes used to directly equate a person with the spirit. Shvot also shares similarities with the “March old woman” figure common in the Carpathian-Balkan region, further highlighting its role in the winter-to-spring transition.

The following primary motifs emerge from the folk beliefs about Shvot spirit:

Shvot was considered an evil spirit associated with the cold.

Shvot inspired erotic dreams in people.

The image of Shvot was closely associated with a cat.

The analysis of this folklore material leads to the conclusion that Shvot is a syncretic and ambivalent mythological character, combining the features of a calendar spirit with those of a demon of pregnant women and newborns.

Funding. This study was conducted within the framework of the project “Water Use Culture in the Armenian Highland from Ancient Times to the Present Day” (code: 21AG-6A080), funded by the Higher Education and Science Committee of the Republic of Armenia.

Благодарность. Данное исследование было проведено в рамках проекта «Культура водопользования на Армянском нагорье с древнейших времен до наших дней» (код: 21AG-6A080), финансируемого Комитетом высшего образования и науки Республики Армения.

REFERENCES

1. Ivanov V. Lower Mythology. *Myths of the Peoples of the World*. Vol. 2. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1988: 215–217. (In Russ)
2. Abeghyan M. *Works*. Yerevan: The Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1975 (in Armenian).
3. Vinogradova L. *Folk demonology and mythological-ritual tradition of the Slavs*. Moscow: Indrik, 2000. (In Russ)
4. Vinogradova L. *Slavic folk demonology: Problems of comparative study (dissertation)*. Moscow, 2001. (In Russ)
5. Seferbekov R. *Characters of the lower mythology of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: IHAЕ DFRC RAS, 2019. (In Russ)
6. Acharyan H. *Armenian Etymological Root Dictionary*. Yerevan: Yerevan University Press, 1977, pp. 537–538 (in Armenian).
7. Malkhasyan S. *Armenian Explanatory Dictionary*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1944, p. 540 (in Armenian).
8. Aghayan E. *Explanatory dictionary of the modern Armenian language*. Yerevan: Hayastan, 1976, vol. B. (in Armenian).
9. Archbishop Cherechyan G., Tonikyan P., Khachatryan A. *New Dictionary of the Armenian Language*. Beirut, 1992 (in Armenian).
10. Odabashyan A. New Year in the Armenian Calendar. *Armenian ethnography and folklore*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1978; 9 (in Armenian).
11. Mkhitarants A. Fractions from Shirak barns. *Emminian Ethnographic Journal, Part 1*. Moscow-Alexandrapol: Lazaryan Seminary Oriental Linguistics, 1901 (in Armenian).
12. Kharatyan Z.V. Cult motives of family customs and rituals among Armenians. *Armenian ethnography and folklore*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1989; 17.
13. Tcholakian H. *Indigenous Armenians and Other Communities from Historic Antioch and Surrounding Areas*. Yerevan: Institute of Archeology and Ethnography, 2023 (in Armenian).
14. Haykuni S. Shvot and Dolvath: Folk Beliefs. *Ararat*. 1895; 6: 210–213 (in Armenian).
15. Shahinyan G. Samples from Maghnisa provincial vocabulary. *Byurakn*. 1899 (in Armenian).
16. Chlchlyan H. Shvot. *Byurakn*. 1898; 34–35: 618–619 (in Armenian).
17. Simonyan-Melikyan L. *Calendar Ritual: Saint Sargis, Terentez, Barekentan*. Vol. 2. Yerevan: VMV-PRINT, 2007 (in Armenian).
18. Bense. Bulanekh or Hark Province: Faith, Angels of Good and Evil. *Ethnographic Journal*. Tiflis, 1900; 6: 10, 54 (in Armenian).
19. Aharonyan A. Armenian Old Beliefs. *Hayrenik*. Boston, 1939; 2: 88 (in Armenian).
20. Bdoyan V. *Armenian Folk Games*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1963 (in Armenian).
21. Lalayan Y. Nor-Bayazet Province. *Ethnographic Journal*. Tiflis, 1908; 17(1): 107–108 (in Armenian).
22. Hakobyan G. *Ethnography and Folklore of Inner Basen*. Yerevan: Hayastan, 1974 (in Armenian).
23. Galstyan H. Schvot in Armenian Folk Superstitions. *Journal of Social Sciences*. Yerevan, 2017; 3(651): 263–278 (in Armenian).
24. Habeshyan T. Note. Beirut, 1986, p. 70 (in Armenian).
25. Tcholakian H. *The Dialect of Kessab*. Yerevan: Hayastan, 2009 (in Armenian).
26. Gyozyan G. *Ethnography of Mount Musa*. Yerevan: Gitutyun, 2001 (in Armenian).
27. Ghanalanyan A. *Aradzani*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1960, pp. 21–22 (in Armenian).
28. Ibrahim Umayri. *Salselet al-Jipal al-Sahiliye, Gissat al-Tarikh al-Ghamet wa al-Hadarat al-Mansiyat. Seaside Range. Prehistory and Forgotten Civilizations*. Damascus, 1995 (in Ara-

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов В. Низшая мифология // Мифы Народов Мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 215–217.
2. Абегиан М. Труды, т. Э. Ереван: АН Армянской ССР, 1975.
3. Виноградова Л. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000.
4. Виноградова Л. Славянская народная демонология: Проблемы сравнительного изучения, диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук. М.: РГГУ, 2001.
5. Сефербеков Р. Персонажи низшей мифологии народов Дагестана. Дагестан-Махачкала, 2019.
6. Ачарян Г. Армянский этимологический корневой словарь. Т. 3. Ереванский университет. Ереван, 1977.
7. Малхасян С. Армянский толковый словарь, Т. 3. Ереван: АН Армянской ССР, 1944.
8. Агаян Э. Толковый словарь современного армянского языка. Ереван: Айастан, 1976. Т. Б.
9. Архиепископ Гнел Черечян, Пармаз К. Тоникян, А. Тер-Хачатурян. Новый словарь армянского языка. Бейрут, 1992.
10. Одабашян А. Новый год по армянскому календарю // Армянская этнография и фольклор. № 9. Ереван, 1978.
11. Мхитарянц А. Дроби из амбаров Ширика // Эмминский Этнографический Журнал. Ч. 1. Москва-Александрополь: Лазарьянская семинария восточного языкознания, 1901.
12. Харатян З.В. Культовые мотивы семейных обычаев и обрядов у армян // Армянская этнография и фольклор. №17. Ереван: АН Армянской ССР, 1989.
13. Чолакян А. Коренные армяне и другие общины исторической Антиохии и прилегающих территорий. Ереван: Институт Археологии и Этнографии, 2023.
14. Айкунис С. Швот и Долват: Народная вера // Арарат. 1895. № 6. С. 210–213.
15. Шагинян Г. Образцы из провинциальной лексики Магнисы // Бюракан. 1899.
16. Члчлян А. Швот. // Бюракан. 1898. № 34–35. С. 618–619.
17. Симонян-Меликян Л. Календарный Ритуал: Святой Саргис, Терентез, Барекентан. Т. 2. Ереван: ВМВ-ПРИНТ, 2007.
18. Бенсе. Буланех или провинция Арк: Вера: Ангелы Добра и Зла // Этнографический журнал. № 6. Тифлис, 1900, с. 10, 54.
19. Агаронян А. Армянское старообрядчество // Айреник. Бостон. 1939. № 2. 88.
20. Бдоян В. Армянские народные игры. Ереван: АН Армянской ССР, 1963. 150 с.
21. Лалаян Е. Нор-Баязетский марз // Этнографический журнал. 1908. № XVII, № 1. Тифлис. С. 107–108.
22. Акоюн Г. Этнография и фольклор Внутреннего Басена. Ереван: Айастан, 1974.
23. Галстян А. Швот в армянских народных суевериях // Журнал социальных наук. Ереван. 2017. №3 (651). С. 263–278.
24. Хабешян Т. Альбом. Бейрут. 1986. С. 70.
25. Чолакян А. Дialect Кесаба. Ереван: Айастан, 2009.
26. Гезалян Г. Этнография горы Муса. Ереван: Гитутюн, 2001.
27. Ганалаян А. Арадзани. Ереван: изд. АН Армянской ССР, 1960. С. XXI–XXII.
28. Ибрагим Умайри, Салселем аль-Джипал ас-Сахилие, Гиссат ат-Тарих аль-Гамет ва аль-Хадарат аль-Мансият. Приморский хребет, прехитории и забытые цивилизации. Дамаск, 1995.
29. Агаян Э. Толковый словарь современного армянского языка. Ереван: Айастан, 1976. Т. Б.
30. Лалаян Е. Веспуракан: Вера // Этнографический журнал. 1914. № XXV. Тифлис. С. 58.

bic).

29. Avagyan S. (Serine). Archak. *Armenian ethnography and folklore*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1978; 8: 89–90 (in Armenian).

30. Lalayan Y. Vaspurakan. Faith. *Ethnographic Journal*. Tiflis, 1914; 25: 58 (in Armenian).

31. Andreasyan K. The Lady of Mush. *Byurakn*. 1898; 4 (in Armenian).

32. Galstyan H.H., Hakobyan H.E. Demon Al in the Armenian Beliefs in Context of Caucasian Contact Zones. *History, archeology and ethnography of the Caucasus*. 2023; 19(4): 1074–1081. (In Russ)

31. Андреасян К. Госпожа Муша // *Бюракан*. 1898. № 4.

32. Галстян А.Г. Акопян А.Е. Ал Демон в контексте кавказских контактных зон // *История, археология и этнография Кавказа*. 2023. Т. 19. № 4. С. 1074–1081.

Поступила в редакцию 17.04.2024 г.

Принята в печать 25.02.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

Received 17.04.2024

Accepted 25.02.2025

Published 15.09.2025

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213618-623>

Исследовательская статья

Сиражудинова Саида Валерьевна
кандидат политических наук, доцент
Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия
saida_kant@mail.ru

РЕЦЕНЗИЯ на монографию О.С. Мутиевой «Повседневная жизнь дагестанской женщины. Кавказская война и социокультурные перемены XIX века». М.: Литературное обозрение, 2024. ISBN 978-5-4448-2423-8

Аннотация: в монографии представлены новейшие исследования по истории женской повседневности народов Кавказа. Приведен широкий круг исторических источников, их около 700, в том числе и архивные материалы 18-ти фондов, большая часть которых извлечена автором из РГИА, РГВИА и ЦГА РД и введена в научный оборот впервые. Автором исследуется женская повседневность и религиозность в период Кавказской войны. Анализируются социокультурные трансформации в пореформенный период, оценивается влияние фактора войны на изменение правового и социально-экономического положения женщин. Внимание уделяется вопросу женского восприятия и реагирования на условия экстремальности. Акцент делается на изучение влияния религии на женщин, их опыт участия в войне, приобщения к политической жизни, анализ изменений менталитета, религиозности и моделей поведения кавказских женщин.

Ключевые слова: женская повседневность; женщина; Кавказская война; экстремальность; трансформация; социокультурные перемены; женский труд; образование

Для цитирования: Сиражудинова С.В. Рецензия на монографию О.С. Мутиевой «Повседневная жизнь дагестанской женщины. Кавказская война и социокультурные перемены XIX века». М.: Литературное обозрение, 2024. ISBN 978-5-4448-2423-8 // История, археология и этнография Кавказа. 2025. Т. 21. № 3. С. 618-623. doi.org/10.32653/CH213618-623

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH213618-623>

Research paper

Saida V. Sirazhudinova
Cand. Polit., Assoc. Prof.
Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
saida_kant@mail.ru

REVIEW of O.S. Mutieva's monograph “The Everyday Life of a Dagestan Woman. The Caucasian War and Sociocultural Changes in the 19th Century.” Moscow: Literaturnoe Obozrenie, 2024. ISBN 978-5-4448-2423-8

Abstract. This monograph offers a comprehensive examination of the history of women's everyday life among the peoples of the Caucasus, drawing on an extensive corpus of approximately 700 historical sources. These include archival materials from 18 distinct collections, primarily retrieved by the author from the Russian State Historical Archives, the Russian State Military Historical Archives, and the Central State Archives of the Republic of Dagestan, which are introduced into scholarly discourse for the first time. The study focuses on women's everyday experiences and religiosity during the Caucasian War, analyzing sociocultural transformations in the post-reform period and evaluating the war's impact on the evolving legal and socioeconomic status of women. Particular attention is devoted to women's perceptions and responses to the extreme conditions of the conflict. The monograph further explores the role of religion in shaping women's lives, their participation in the war, and their engagement in political spheres. Additionally, it provides a nuanced analysis of transformations in the mentality, religiosity, and behavioral patterns of Caucasian women.

Keywords: women's everyday life; woman; Caucasian War; extremality; transformation; sociocultural changes; women's labor; education

For citation: S.V. Sirazhudinova. Review of O.S. Mutieva's monograph “The Everyday Life of a Dagestan Woman. The Caucasian War and Sociocultural Changes in the 19th Century.” Moscow: Literaturnoe Obozrenie, 2024. ISBN 978-5-4448-2423-8. History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2025. Vol. 21. N. 3. P. 618-623. doi.org/10.32653/CH213618-623

В издательстве «Новое литературное обозрение», в рамках серии «Гендерные исследования», вышла монография профессора Дагестанского государственного университета Оксаны Саидовны Мутиевой «Повседневная жизнь дагестанской женщины. Кавказская война и социокультурные перемены XIX века» [1]. Автор известен своими исследованиями в области гендерной истории Дагестана, и таких тем, как изучение женской повседневности, поведение женщин в экстраординарных ситуациях, маскулинность, женская общественная, религиозная и политическая активность.

Монография автора посвящена весьма интересной проблеме, которая недостаточно изучена в кавказоведческой литературе. Автор впервые новаторски формулирует исследовательскую задачу в эвристической парадигме гендерного подхода к женской истории и истории повседневности.

Цель исследования автора, показать влияние Кавказской войны на женскую повседневность можно считать достигнутой. В монографии отражены разные вопросы, связанные с влиянием военного фактора и политико-административных изменений на социальное поведение, личный и общественный статус женщин, содержание их повседневного быта, внутрисемейных и общественных отношений.

Автор показывает в своей монографии сочетание двух традиций: секулярной и религиозной (исламской), которые и отражали женскую повседневность. Это позволило автору проанализировать, как под влиянием военного фактора и социальных реформ менялось содержание повседневного быта, личный и общественный статус дагестанской женщины.

Во вводной части автор обозначает актуальность и значимость монографии как отдельного и специального исследования женского быта, тематизированного лишь в последнее время новым направлением в гуманитарном знании – женских и гендерных исследований социального прошлого [2], который привлек внимание известных дагестанских историков [3].

Очень важное значение имеют приводимые автором хронологические рамки Кавказской войны 1817–1864 гг., поскольку ни начало, ни окончание не были оформлены никакими правовыми актами.

Начало Кавказской войны автор соотносит с назначением в 1817 г. главнокомандующим кавказским краем генерала А.П. Ермолова, когда начались активные военные действия против горцев на Северном Кавказе.

Верхняя хронологическая рамка соотносится с подавлением сопротивления горских народов на Западном Кавказе в 1864 г. Окончание Кавказской войны совпало с началом буржуазных реформ, которые способствовали капиталистической модернизации Дагестана. И, как следствие, повлекли за собой существенные изменения в повседневной жизни дагестанских женщин.

Автор акцентирует внимание, что даже само название «Кавказская война» не нашло однозначного признания у многих кавказоведов, существуют противоречивые взгляды и неоднозначно трактуются как сам термин, так и хронологические рамки войны [4–6].

Автором выделены несколько тематических групп историографии, дающие возможность детально осветить круг проблем данного исследования. Это работы отечественных (дореволюционных и советских), иностранных авторов. Автор справедливо отмечает, что имеющиеся в работах сведения о женщинах даются в контексте общих данных и носят фрагментарный характер. Следует согласиться с автором, что комплексного исследования повседневных практик дагестанки в экстремальных обстоятельствах постоянно возобновлявшихся военных действий в российской и мировой историографии пока что не было.

Успеху исследования способствовал большой труд, выразившийся в формировании блока актуальных целей и задач, привлечении к анализу значительной по объему и фундированной источниковой базы. Монография выполнена на основе широкого круга исторических источников, отложившихся в Российском государственном историческом архиве, Российском государственном военно-историческом архиве, Государственном архиве Краснодарского края, Центральном государственном архиве Республики Дагестан, Научном архиве Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Автором обобщен обширный литературный материал, историко-этнографические материалы (адаты дагестанских народов), источники личного происхождения (мемуары, дневники, письма и воспоминания очевидцев и участников событий Кавказской войны), а также данные периодической печати того времени и справочная литература.

В первой главе книги «Военный фактор и его влияние на повседневную жизнь женщин Дагестана (1817 – конец XIX века)» автором рассмотрены сюжеты, связанные с военными действиями, либо

синхронным включением в контекст военного времени, а также ее последствиями. Автор монографии показывает, как женщины формировали новую жизненную стратегию в реалиях военного времени, осваивали новый опыт выживания в осажденных неприятелем аулах, принимали непривычные для себя модели поведения.

Автор акцентирует внимание на политике имама Шамиля, которая была усилена реалиями военного времени. Вследствие внедрения в имамате шариатских норм происходила трансформация брачно-семейных отношений [7]. На основании источников и архивных документов были выявлены разные формы и механизмы социальной поддержки женщин, разных сословий и разных сторон военного конфликта. Автор приводит интересные сведения, касающиеся социальной поддержки не только вдов горских правителей и простых горцев, но и вдов русских, погибших на Кавказе [8]. Автор обращает внимание на то, как имамат и шариат влияли на жизнь женщин, на их повседневность, практики, как религия приходила в форме нового социального института.

Вторая глава книги «Женская военная повседневность и гендерный фактор в военно-политических событиях Кавказской войны 1817–1864 гг.» посвящена именно военной повседневности, тем основным изменениям в поведении и ментальности женщин, в ролевых и статусных позициях, которые обретались ими именно на войне, в сражениях, при осаде, либо в ситуациях, непосредственно связанных с военными действиями, например, пленом. Автор пишет, что «характер Кавказской войны способствовал формированию у женщин комплекса особых ментальных характеристик, ярко выраженных маскулинных черт» [1, с. 131].

Монография автора вносит вклад в изучение трансформаций социального поведения населения в годы войн и социальных катаклизмов [9]. Важное внимание уделено религиозному фактору, который не выступил против женского участия, а наоборот привел появлению ярких примеров женской военной активности [10].

Представляют интерес выводы О.С. Мутиевой относительно мотивов и форм участия женщин в политических событиях Кавказской войны. Автор пишет, что «Кавказская война приблизила женщин к политической жизни. Несмотря на то, что в традиционном дагестанском обществе политика находилась исключительно в руках у мужчин, история Дагестана знает немало примеров участия женщин в политике. В силу определенных обстоятельств женщины привилегированных сословий дагестанского общества невольно оказывались вовлеченными в политические события» [1, с. 138].

В монографии проанализирована материнская модель поведения с детьми в экстремальных условиях осады, показано влияние биосоциального фактора детности на содержание военной повседневности женщин Дагестана, это позволило выяснить, как формировались новые, зачастую девиантные, модели поведения матерей. По мнению автора «в осажденных аулах матери от отчаяния и безысходности убивали своих детей... в состоянии сильного эмоционального напряжения, обуреваемая ужасом и отчаянием, мать не видела иного выхода из этой ситуации» [1, с. 157].

Проанализированы автором и эмоциональные реакции матерей на случаи пленения детей, рассмотрены особенности политики русских властей в отношении детей-аманатов, приводится переписка матерей с военной и гражданской администрацией.

О.С. Мутиева довольно подробно останавливается на специфике и формах экстремальной повседневности дагестанок в плену в годы Кавказской войны. Автор пишет, что «в условиях Кавказской войны захват пленных, с одной стороны, стал служить гарантом возвращения их в результате обоюдного обмена, а с другой стороны, – средством наживы... к таким методам прибегали как горцы, так и русская сторона» [1, с. 174].

В третьей главе «Изменения в женской повседневности народов Дагестана под влиянием общероссийских реформ» показана трансформация женской повседневности под влиянием социальных реформ второй половины XIX века [11]. Рассматриваются вопросы образования, профессиональной и общественной деятельности. Отмечается, что развитие женского образования оказало влияние на процессы женской эмансипации, способствовало формированию у дагестанок светского мировоззрения. Акцент сделан и на реорганизацию правовой системы Дагестана в пореформенный период, когда происходила трансформация правового статуса женщин: защищая свои права, они апеллировали к новым для их обыденности российским законам.

Далее, рассматривая опыт применения женского труда в промышленности и в сельском хозяйстве, автором делается вывод, что качественных изменений не происходило. Отмечается эксплуатация

женского труда в областях, обслуживающих торговое земледелие: возделывание марены, винограда, табака и пр.

Автор приходит к заключению, что динамичные перемены в повседневности дагестанок, связанные с Кавказской войной и реформами XIX в., были связаны с контаминацией (в начале в ходе противостояния, затем благодаря медленному взаимному пониманию и принятию) русской и кавказской социальной и гендерной культур. По мнению Мутиевой О.С., данная монография признана разрушить сложившийся в историографии стереотип «униженности» кавказской женщины на протяжении веков, который якобы был сломан лишь русской революцией 1917 г.

Завершает монографию обширный раздел источников и литературы. Монография снабжена указателями имен собственных, списком терминов, что делает работу с текстом более удобным.

Особо следует отметить литературный стиль монографии. Она написана хорошим литературным языком, соблюдены требования стилистики. Монография легко читается, поскольку автору удалось сочетать научность и художественное повествование изложения.

Монография предназначена для научных работников, аспирантов, магистрантов, студентов, может быть использована для разработки специальных курсов по региональной истории. Не вызывает сомнения, что монография будет востребована специалистами в области женской и гендерной истории региона.

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект № 22-28-00484 «Религиозные организации, стратегия и практика на Юге России в контексте преодоления радикализма: гендерный аспект».

Funding. The study was conducted with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 22-28-00484 “Religious Organizations, Strategy, and Practice in the South of Russia in the Context of Overcoming Radicalism: A Gender Aspect”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мутиева О.С. «Повседневная жизнь дагестанской женщины. Кавказская война и социокультурные перемены XIX века». М.: Литературное обозрение, 2024.
2. Пушкарева Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы // Женщина в российском обществе. 1996. № 4. С. 11–24.
3. Далгат Э.М. Повседневность горянок Дагестана во второй половине XIX – начале XX в. В дореволюционной историографии // История, археология и этнография Кавказа. 2023. Т. 19. № 2. С. 402–413. DOI 10.32653/CH192402-413.
4. Матвеев О.В. К проблеме терминологии и периодизации Кавказской войны на Северо-Западном Кавказе // Кавказская война. Уроки истории и современность. Краснодар. 1995. С. 132–144.
5. Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках и типологии Кавказской войны XVIII–XIX вв. // Страницы Российской истории. Проблемы. События. Люди. Сб. ст. в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 97–98.
6. Лапин В.В. Хронологические рамки Кавказской войны в контексте ее историографии // Вестник Санкт-петербургского университета. Сер. 2. 2007. Вып. 3. С. 78–87.
7. Мутиева О.С. Регулирование семейно-брачных отношений в среде горцев в условиях Кавказской войны (в контексте реформ Шамиля) // Женщина в российском обществе. Иваново, 2017. № 4 (85). С. 70–77.
8. Мутиева О.С. Социальная поддержка женщин-вдов в годы Кавказской войны (на примере Дагестана) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2017. Т. 23. № 3. С. 25–27.
9. Мутиева О.С. Опыт участия дагестанских женщин в оборонительных сражениях Кавказской войны // Вестник

REFERENCES

1. Mutieva O.S. *Everyday life of a Dagestan woman. The Caucasian War and sociocultural changes of the 19th century*. Moscow: Literaturnoe Obozrenie, 2024. (In Russ)
2. Pushkareva N.L. Women's history in Russia: priorities, directions, methods. *Woman in Russian Society*. 1996; 4: 11-24. (In Russ)
3. Dalgat E.M. Everyday life of Dagestan mountain women in the second half of the 19th – early 20th centuries in prerevolutionary historiography. *History, Archeology, and Ethnography of the Caucasus*. 2023; 19(2): 402-413. DOI 10.32653/CH192402-413. (In Russ)
4. Matveyev O.V. On the problem of terminology and periodization of the Caucasian War in the Northwest Caucasus. *Caucasian War. History Lessons and Modernity*. Krasnodar, 1995: 132-144. (In Russ)
5. Lapin V.V. On the chronological framework and typology of the Caucasian War of the 18th–19th centuries. *Pages of Russian History. Problems. Events. People. Collection of Articles in Honor of B.V. Ananich*. St. Petersburg, 2003: 97-98. (In Russ)
6. Lapin V.V. Chronological framework of the Caucasian War in the context of its historiography. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 2*. 2007; 3: 78-87. (In Russ)
7. Mutieva O.S. Regulation of family and marital relations among the highlanders during the Caucasian War (in the context of Shamil's Reforms). *Woman in Russian Society*. Ivanovo, 2017; 4(85): 70-77. (In Russ)
8. Mutieva O.S. Social support for women-widows during the Caucasian War (on the case of Dagestan). *Bulletin of the N.A. Nekrasov Kostroma State University*. Kostroma, 2017; 23(3): 25-27. (In Russ)
9. Mutieva O.S. Experience of Dagestani women's participation in defensive battles of the Caucasian War. *Bulletin of the*

Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. Кострома, 2018. Т. 24. № 3. С. 25–28.

10. Сираждинова С.В., Гусейнов Ю.М. Женская религиозная активность на Северном Кавказе в Российской империи // Былые годы. 2023. № 18(1). С. 46–55. – DOI 10.13187/bg.2023.1.46.

11. Мутиева О.С. Роль жен военных и государственных чинов российской администрации в культурной жизни дагестанских городов (вторая половина XIX века) // Всеобщая история. 2018. № 4. С. 84–87.

N.A. Nekrasov Kostroma State University. Kostroma, 2018; 24(3): 25-28. (In Russ)

10. Sirazhudinova SV., Guseinov YuM. Women's religious activity in the North Caucasus in the Russian Empire. *Bylye Gody*. 2023; 18(1): 46-55. DOI 10.13187/bg.2023.1.46. (In Russ)

11. Mutieva OS. The role of the wives of military and government officials of the Russian administration in the cultural life of Dagestani cities (second half of the 19th century). *Vseobshaya Istoriya*. 2018; 4: 84-87. (In Russ)

Поступила в редакцию 31.07.2024 г.

Принята в печать 14.02.2025 г.

Опубликована 15.09.2025 г.

Received 31.07.2024

Accepted 14.02.2025

Published 15.09.2025

Научное издание

Литературный редактор
Л.Ш. Капанова

Переводы на английский язык
М.Р. Сефербеков

Верстка
С.Ш. Раджабова

Подписано в печать 19.09.2025. Формат 60х84 ¹/₈
Гарнитура Georgia.